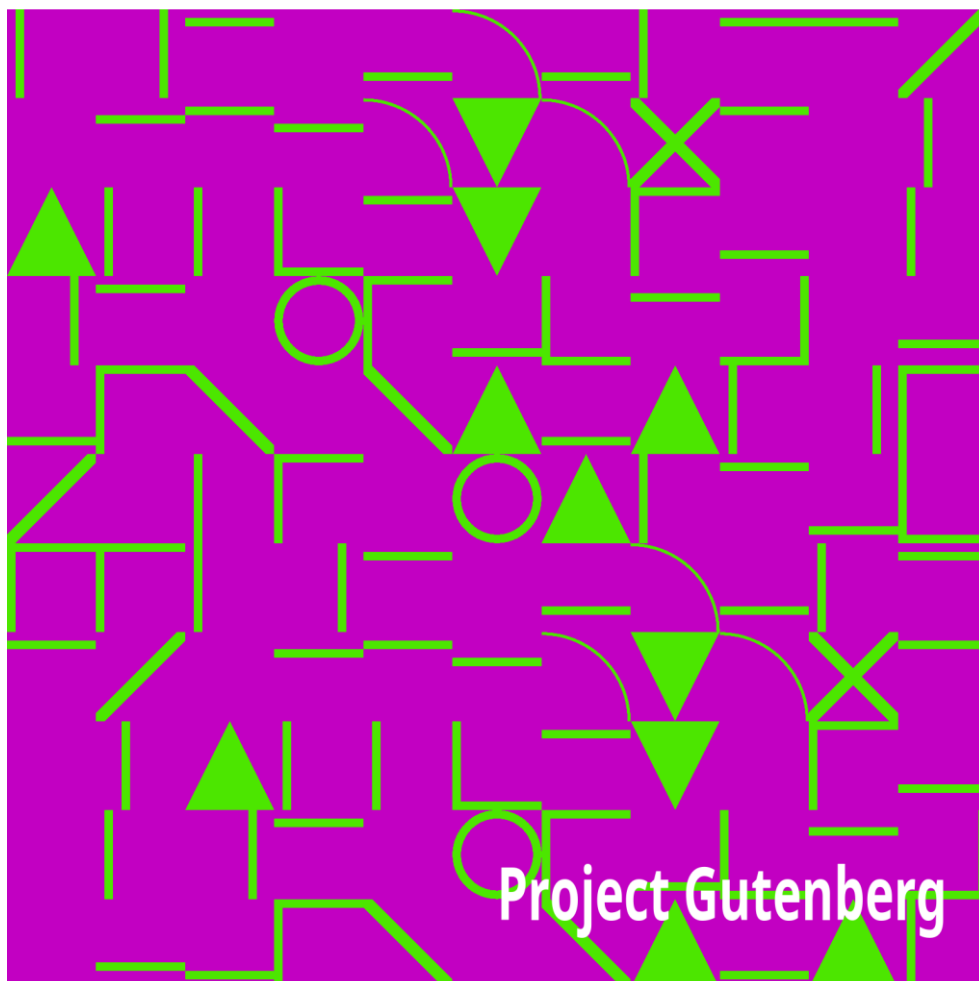

Пятнадцать решающих сражений в мировой истории: от Марафона до Ватерлоо

Сэр Эдвард Шепард Кризи

**The Fifteen Decisive Battles of the World:
from Marathon to Waterloo**

Sir Edward Shepherd Creasy

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Пятнадцати решающих битвах мира: от Марафона до Ватерлоо

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Пятнадцать решающих битв мира: от Марафона до Ватерлоо

Автор: Сэр Эдвард Шепард Кризи

Дата выхода: 1 мая 2003 г. [Электронная книга № 4061]

Последнее обновление: 31 января 2013 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры Джон Хилл и Дэвид Уиджер

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПЯТНАДЦАТЬ РЕШАЮЩИХ БИТВ МИРА: ОТ МАРАФОНА ДО ВАТЕРЛОО" ***

ПЯТНАДЦАТЬ РЕШАЮЩИХ БИТВ МИРА ОТ МАРАФОНА ДО ВАТЕРЛОО

Автор: Сэр Эдвард Кризи, магистр медицины

(Покойный верховный судья Цейлона) Автор книги "Возникновение и развитие английской конституции"

Посвящается РОБЕРТУ ГОРДОНУ ЛЭТЭМУ, доктору медицины, бывшему сотруднику Королевского королевского университета.

Кембриджский колледж; член Королевского колледжа врачей в Лондоне.

Член Этнологического общества, Нью-Йорк; ныне покойный профессор английского языка и литературы в Университетском колледже Лондона.

Его другом АВТОРОМ.

Примечания переписчика:

Для замены текста, выделенного курсивом, в печатном тексте использованы заглавные буквы. Ударения опущены.

Сноски были вставлены в текст, заключенный в квадратные скобки [], рядом с местом, где они были обозначены суффиксом в тексте.

Греческие слова в тексте были грубо переведены западноевропейскими заглавными буквами. Приношу искренние извинения греческим ученым! Более длинные отрывки на греческом языке были опущены и, по возможности, заменены ссылкой на оригинал, из которого они были взяты.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Достойной характеристикой Духа нашего Века является то, что проекты насилия и войны рассматриваются цивилизованными государствами с постепенно возрастающим отвращением. Общество всеобщего мира, безусловно, не включает и, вероятно, никогда не будет включать в число своих членов большинство государственных деятелей. Но даже те, кто рассматривает Привлекательность битвы как иногда неизбежную в международных спорах, сходятся во мнении, что это прискорбная необходимость, к которой прибегают только тогда, когда все мирные способы организации были тщетно испробованы; и когда закон самообороны оправдывает государство, как и отдельного человека, в применении силы для защиты себя от

неминуемого и серьезного ущерба. Следовательно, для писателя наших дней выбор сражений в качестве своей любимой темы только потому, что это были сражения, только потому, что в них участвовало множество мириад войск и во время них сотни или тысячи людей кололи, тесали или застрелили друг друга до смерти, свидетельствовал бы о странной слабости или развращенности ума. И все же нельзя отрицать, что этим сценам кровавой бойни присущ страшный и удивительный интерес. В дисциплинированном мужестве и любви к чести есть неоспоримое величие, которые заставляют сражающихся противостоять агонии и разрушениям. И силы человеческого интеллекта редко проявляются с большей силой, чем в Командире, который регулирует, выстраивает и управляет по своей воле этими массами вооруженных спорщиков; который, хладнокровный, но отважный, посреди опасности размышляет обо всем и обеспечивает всех, всегда готовый со свежими ресурсами и планами, как того требуют превратности кровавой бури. Но эти качества, какими бы высокими они ни казались, присущи как самым низменным, так и благороднейшим представителям человечества. Катилина был таким же храбрым солдатом, как и Леонид, и гораздо лучшим офицером. Альва превзошел принца Оранского на поле боя; а Суворову был военным начальником Костюшко. Если воспользоваться выразительными словами Байрона:—

"Это Причина творит все,
Унижает или освящает мужество в своем падении".

Есть также некоторые сражения, которые требуют нашего внимания, независимо от моральной ценности сражающихся, из-за их непреходящей важности и по причине практического влияния на наше собственное социальное и политическое состояние, которое мы можем проследить по результатам этих сражений. Они представляют для нас постоянный и действительный интерес как в то время, когда мы исследуем цепочку причин и следствий, благодаря которым они помогли сделать нас такими, какие мы есть; так и в то время, когда мы размышляем о том, какими мы, вероятно, могли бы быть, если бы какая-либо из этих битв завершилась по-другому. Халлам превосходно выразил это в своих замечаниях по поводу победы, одержанной Шарлем Мартеллом между Туром и Пуатье над вторгшимися сарацинами.

Он говорит о ней, что "ее по праву можно отнести к тем немногим битвам, противоположное событие в которых существенно изменило бы мировую драму на всех ее последующих сценах: при Марафоне, Арбеле, Метавре, Шалоне и Лейпциге". Именно прочтение этой заметки Хэллама впервые привело меня к рассмотрению моей нынешней темы. Я, конечно, отличаюсь от этого великого историка относительно сравнительной важности некоторых сражений, которые он таким образом перечисляет, а также некоторых, которые он опускает. Действительно, вполне вероятно, что ни один из двух исследователей истории не смог бы полностью прийти к согласию в своих списках Решающих битв Мира. Разные умы, естественно, будут различаться по впечатлению, которое производят на них конкретные события, и по степени интереса, с которым они наблюдают за карьерой и размышляют о важности различных исторических личностей. Но наше совпадение в наших каталогах не имеет большого значения, при условии, что мы научимся смотреть на эти великие исторические события в том духе, на который указывают наблюдения Халлама. Эти замечания должны научить нас следить за тем, как интересы многих государств часто затрагиваются в столкновениях между несколькими; и как эффект этих столкновений не ограничивается одной эпохой, но может дать импульс, который повлияет на судьбы последующих поколений человечества. Наиболее ценной также является

ментальная дисциплина, которая приобретается таким образом и с помощью которой мы обучаемся не только наблюдать за тем, что было и что есть, но и размышлять о том, что могло бы быть. [См. Болингброк, "Об изучении и использовании истории", том ii, стр. 497 его собрания сочинений.]

Таким образом, мы учимся не судить о разумности принимаемых мер исключительно по результатам. Мы учимся применять более справедливый стандарт видения того, какие обстоятельства и вероятности окружали государственного деятеля или генерала в то время, когда он принимал решение о своем плане: мы ценим его не по его богатству, а по его ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ, если воспользоваться выразительным греческим словом, для которого в нашем языке нет эквивалента.

Причины, по которым было выбрано каждое из следующих пятнадцати Сражений, я надеюсь, появятся при его описании. Но, возможно, будет полезно сделать несколько замечаний о негативных тестах, которые заставили меня отвергнуть другие, которые на первый взгляд могут показаться равными по масштабу и важности выбранным Пятнадцати.

Вряд ли мне нужно напоминать, что не количество убитых и раненых в битве определяет ее общеисторическое значение. Не потому, что в битве, в ходе которой Жанна д'Арк захватила Турель и сняла осаду Орлеана, пало всего несколько сотен человек, следует судить о последствиях этого кризиса: и полная вера в то, что наибольшее число людей, по утверждению восточных историков, было убито в любом из многочисленных конфликтов между азиатскими правителями, не заставит меня рассматривать сражение, в котором они пали, как одно из важнейших для человечества. Но, помимо сражений такого рода, есть много имеющих большое значение и сопровождаемых обстоятельствами, которые сильно возбуждают наши чувства и приковывают наше внимание, и все же которые кажутся мне всего лишь второстепенными, поскольку либо их последствия были ограничены по площади, либо они сами по себе просто подтвердили какую-то важную тенденцию или предубеждение, возникшее в более раннем сражении. Например, столкновения между греками и персами, последовавшие за Марафоном, как мне кажется, не были явлениями, вызванными первичным импульсом. Греческое превосходство уже было подтверждено, азиатские амбиции уже были сдержаны, прежде чем Саламин и Платея подтвердили превосходство европейских свободных государств над восточным деспотизмом. Итак, Эгос-Потамос, который окончательно сокрушил морскую мощь Афин, кажется мне менее интересным по сравнению с поражением при Сиракузах, где Афины получили свой первый роковой удар и после которого они лишь изо всех сил пытались отсрочить свое падение. Я думаю аналогично о Заме в отношении Карфагена по сравнению с Метавром: и, исходя из того же принципа, последующие великие сражения войны за независимость кажутся мне менее важными, чем Вальми, который впервые определил военный характер и карьеру Французской революции.

Я отдаю себе отчет в том, что небольшая активность воображения и небольшое упражнение метафизической изобретательности могут позабавить нас, показав, как цепь обстоятельств настолько связана воедино, что можно сказать, что малейшая стычка или малейшее происшествие любого рода, которое когда-либо имело место, сыграли существенную роль в ее фактическом завершении для всего порядка последующих событий. Но когда я говорю о причинах и следствиях, я говорю об очевидном и важном влиянии одного факта на другой, а не об отдаленных и фантастически бесконечно малых влияниях. Я сознаю, что, с другой стороны,

упрек в фатализме справедливо ложится на тех, кто, подобно писателям определенной школы в соседней стране, признает в истории не что иное, как ряд необходимых явлений, которые неизбежно следуют одно за другим. Но когда в этой работе я говорю о вероятностях, я говорю только о человеческих вероятностях. Когда я говорю о причине и следствии, я имею в виду только те общие законы, с помощью которых, по нашему мнению, обычно регулируется последовательность человеческих дел; и в которых мы решительно признаем мудрость и могущество Верховного Законодателя, замысел Проектировщика.

СУДЕБНЫЕ ПАЛАТЫ МИТРЫ, ТЕМПЛ, 26 июня 1851 г.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ПЯТНАДЦАТЬ РЕШАЮЩИХ БИТВ МИРА.

ГЛАВА I. БИТВА При МАРАФОНЕ.

ГЛАВА II. — ПОРАЖЕНИЕ АФИНЯН ПРИ СИРАКУЗАХ, 413 ГОД до н.э.

ГЛАВА III. — БИТВА При АРБЕЛЕ, 331 год до н.э.

ГЛАВА IV. — БИТВА ПРИ МЕТАВРЕ, 207 год до н.э.

ГЛАВА V. ПОБЕДА АРМИНИИ Над РИМСКИМИ ЛЕГИОНАМИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ВАРА,

ГЛАВА VI — БИТВА При ШАЛОНЕ, 451 год н.э.

ГЛАВА VII. — БИТВА При ТУРЕ, 732 год н.э.,

ГЛАВА VIII. — БИТВА При ГАСТИНГСЕ, 1066 год.

ГЛАВА IX. ПОБЕДА ЖАННЫ Д'АРК Над АНГЛИЧАНАМИ При ОРЛЕАНЕ, н. э.

ГЛАВА X. РАЗГРОМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ, 1588 год н.э.

ГЛАВА XI. — БИТВА При БЛЕНХЕЙМЕ, 1704 год.

ГЛАВА XII. — БИТВА При ПУЛТОВЕ, 1709 ГОД.

ГЛАВА XIII. ПОБЕДА АМЕРИКАНЦЕВ Над БЕРГОЙНОМ При САРАТОГЕ,

ГЛАВА XIV. БИТВА При ВАЛЬМИ.

ГЛАВА XV. — БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО, 1815 год.

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

БИТВА При МАРАФОНЕ

Пояснительные замечания к некоторым обстоятельствам битвы при Марафоне.

Краткий обзор событий между битвой при Марафоне, 490 г. до н.э., и поражением афинян при Сиракузах, 413 г. до н.э..

ГЛАВА II.

ПОРАЖЕНИЕ АФИНЯН При СИРАКУЗАХ, 413 г. до н.э..

Краткий обзор событий между поражением афинян при Сиракузах и битвой при Арбеле.

ГЛАВА II. III.

БИТВА При АРБЕЛЕ, 331 год до н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Арбеле и битвой при Метавре.

ГЛАВА IV.

БИТВА ПРИ МЕТАВРЕ, 207 год до н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Метавре, 207 год до н.э., и победой Арминия над римскими легионами под командованием Вара. 9.

ГЛАВА V.

ПОБЕДА АРМИНИЯ НАД РИМСКИМИ ЛЕГИОНАМИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ Вара, 9 год н.э..

Арминий. Краткий обзор событий между победой Арминия над Варом и битвой при Шалоне.

ГЛАВА VI.

БИТВА При ШАЛОНЕ, 451 год н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Шалоне, 451 год н.э., и битвой при Туре, 732 год.

ГЛАВА VII.

БИТВА При ТУРЕ, 732 год н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Туре, 732 год н.э., и битвой при Гастингсе, 1066 год.

ГЛАВА. VIII.

БИТВА При ГАСТИНГСЕ, 1066 г. н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Гастингсе, 1066 г. н.э., и победой Жанны д'Арк при Орлеане, 1429.

ГЛАВА IX.

ПОБЕДА ЖАННЫ Д'АРК Над АНГЛИЧАНАМИ При ОРЛЕАНЕ, 1429 г. н.э..

Краткий обзор событий между победой Жанны д'Арк при Орлеане, 1429 г. н.э., и поражением испанской армады, 1588.

ГЛАВА X.

ПОРАЖЕНИЕ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ, 1429 г. н.э. 1588.

Краткий обзор событий между поражением испанской армады в 1588 году н.э. и битвой при Бленхейме в 1704 году.

ГЛАВА XI.

БИТВА При БЛЕНХЕЙМЕ в 1704 году н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Бленхейме в 1704 году и битвой при Пултове в 1709 году.

ГЛАВА XII.

БИТВА При ПУЛТОВЕ, 1709 год н.э..

Краткий обзор событий между битвой при Пултове, 1709 год, и поражением Бургойна при Саратогге, 1777 год.

ГЛАВА. XIII.

ПОБЕДА АМЕРИКАНЦЕВ Над БУРГОЙНОМ При САРАТОГЕ, 1777 год н.э..

Краткий обзор событий между поражением Бургойна при Саратогге в 1777 году и битвой при Вальми в 1792 году.

ГЛАВА XIV.

БИТВА При ВАЛЬМИ.

Краткий обзор событий между битвой при Вальми, 1792 год, и битвой при Ватерлоо, 1815 год.

ГЛАВА XV.

БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО, 1815 год.

ПЯТНАДЦАТЬ РЕШАЮЩИХ БИТВ МИРА

ГЛАВА I. БИТВА При МАРАФОНЕ.

"Quibus actus uterque
Europae atque Asiae fatis concurrerit orbis."

Две тысячи триста сорок лет назад на склоне одной из гор, возвышающихся над Марафонской равниной на восточном побережье Аттики, был созван совет афинских военачальников. Непосредственной темой их встречи было рассмотрение вопроса о том, следует ли им дать бой врагу, расположившемуся лагерем на берегу под ними; но от результата их обсуждения зависела не только судьба двух армий, но и весь будущий прогресс человеческой цивилизации.

В этот военный совет входило одиннадцать членов. Десять были генералами, которые затем ежегодно избирались в Афинах, по одному от каждого из местных племен, на которые были разделены афиняне. Каждый генерал руководил людьми своего племени, и каждый был наделен равной военной властью. Один из архонтов также был связан с ними в совместном командовании коллективными силами. Этот магистрат назывался Полемархом, или Военным правителем: он имел привилегию руководить правым крылом армии в битве и принимать участие во всех военных советах. Благородный афинянин по имени Каллимах был Военным правителем этого года и в качестве такового стоял, слушая серьезную дискуссию десяти военачальников. У них действительно были серьезные причины для беспокойства, хотя они и не осознавали, насколько важными для человечества были голоса, которые они собирались отдать, или как грядущие поколения будут с интересом читать запись их дебатов. Они видели перед собой вторгшиеся силы могущественной империи, которая за последние пятьдесят лет сокрушила и поработила почти все королевства и княжества известного тогда мира. Они знали, что все ресурсы их собственной страны сосредоточены в маленькой армии, вверенной их руководству. Они видели перед собой избранное войско Великого царя, посланное, чтобы обрушить его особый гнев на эту страну и на другую наглую маленькую греческую общину, которая осмелилась помочь его мятежникам и сжечь столицу одной из его провинций. Это победоносное воинство уже наполовину выполнило свою миссию возмездия. Эретрия, союзница Афин в смелом походе на Сарды девять лет назад, пала за последние несколько дней; и афинские военачальники могли разглядеть с высоты остров Эгилия, на котором персы разместили своих эретрийских пленников, которых они приберегли для того, чтобы увести пленными в Верхнюю Азию, чтобы там услышать их судьбу из уст самого царя Дария. Более того, жители Афин знали, что в лагере перед ними находился их собственный изгнанный тиран Гиппий, который стремился восстановить с помощью иностранных ятаганов деспотическую власть над любыми остатками своих соотечественников, которые могли пережить разграбление их города и могли быть оставлены позади как слишком никчемные, чтобы их можно было увести в мидийское рабство.

Численное несоответствие между силами, которыми располагали афинские военачальники, и теми, с которыми им предстояло столкнуться, было пугающе очевидным для некоторых членов совета. Историки, писавшие ближе всего ко времени сражения, не претендуют на то, чтобы давать какие-либо подробные сведения о численности сражавшихся, но есть достаточно данных для нашей общей оценки. Каждый свободный грек был приучен к воинской повинности, и из-за непрекращающихся пограничных войн между различными государствами лишь немногие греки достигли зрелого возраста, не побывав на какой-либо службе. Но число

свободных афинских граждан, годных по возрасту к военной службе, никогда не превышало тридцати тысяч, а в ту эпоху, вероятно, не составляло и двух третей от этого числа. Более того, бедная часть из них не была обеспечена снаряжением и не обучена действиям регулярной пехоты. Потребовалось бы несколько отрядов лучше всего вооруженных войск для размещения гарнизона в самом городе и укомплектования различных укрепленных постов на территории; так что невозможно подсчитать полностью оснащенные силы, которые прошли маршем от Афин до Марафона, когда пришло известие о высадке персов, численностью более десяти тысяч человек. [Историки, жившие намного позже времени битвы, такие как Юстин, Плутарх и другие, называют численность афинской армии в десять тысяч человек. Нельзя было бы сильно полагаться на их авторитет, если бы он не был подкреплен другими свидетельствами; но подсчет, сделанный на основе численности свободного населения Афин, замечательно подтверждает это. Данные по этому поводу см. в книге Боека "Общественная экономика Афин", том i, стр. 45. Некоторые МЕТОИКИ, вероятно, служили гоплитами в Марафоне, но число постоянно проживающих иностранцев в Афинах в тот период не могло быть большим.]

За одним исключением, остальные греки воздержались от оказания им помощи. Спарта обещала помощь, но персы высадились на шестой лунный день, и религиозные соображения задержали продвижение спартанских войск до полнолуния. Только из одной стороны, и то самой неожиданной, Афины получили помощь в момент страшной опасности.

За несколько лет до этого маленькое государство Платея в Беотии, испытывая сильное давление со стороны своего могущественного соседа, Фив, обратилось за защитой к Афинам и было обязано афинской армии спасением своей независимости. И вот, когда по всей Греции разнесся слух, что мидяне пришли из самых отдаленных уголков земли, чтобы разрушить Афины, храбрые платейцы без приглашения выступили со всеми своими силами, чтобы помочь в обороне и разделить судьбу своих благодетелей. Общий призыв платейцев составлял всего тысячу человек, и эта небольшая колонна, двинувшаяся из их города вдоль южного гребня горы Киферон, а оттуда через аттическую территорию, присоединилась к афинским войскам у Марафона почти непосредственно перед битвой. Подкрепление было численно небольшим; но доблестный дух людей, составлявших его, должно быть, сделал его десятикратно ценным для афинян; и его присутствие, должно быть, имело большое значение, чтобы рассеять унылое чувство покинутости и отсутствия друзей, которое задержка спартанской помощи, по расчетам, должна была вызвать в рядах афинян.

Эта великодушная смелость их слабого, но искреннего союзника никогда не была забыта в Афинах. Платейцы стали соотечественниками афинян, за исключением права осуществлять определенные политические функции; и с этого времени во время торжественных жертвоприношений в Афинах возносились публичные молитвы о совместном благословении Небес афинянам, а также платейцам. [Г-н Гроте отмечает (т. iv. стр. 484), что "этот добровольный марш всего платейского войска к Марафону является одним из наиболее впечатляющих инцидентов во всей греческой истории". По правде говоря, вся карьера Платеи и дружба, крепкая даже до смерти, между ней и Афинами составляют один из самых трогательных эпизодов в истории античности. В Пелопоннесской войне платейцы снова были верны афинянам, невзирая ни на какой риск и ни на какие корыстные расчеты; и следствием этого стало разрушение Платеи. В классической литературе мало найдется более благородных мест, чем речь, в которой военнопленные платейцы после памятной осады своего города

оправдывают перед своими спартанскими палачами свою верноподданническую приверженность Афинам. (См. Фукидид, lib. iii. с. 53-60.)]

После выхода колонны из Платеи афинские командиры, должно быть, имели под своим началом около одиннадцати тысяч полностью вооруженных и дисциплинированных пехотинцев и, вероятно, большее количество нерегулярных легковооруженных войск; поскольку, помимо более бедных граждан, которые отправлялись в поле боя, вооруженные дротиками, саблями и мишенями, каждого обычного тяжеловооруженного солдата сопровождал в лагере один или несколько рабов, которые были вооружены так же, как неполноценные свободные люди. [В битве при Платеях, через одиннадцать лет после Марафона, каждого из восьми тысяч служивших там афинских регулярных пехотинцев сопровождал легковооруженный раб. (Ирод. lib. viii. с. 28,29.)] Кавалерии или лучников у афинян (в данном случае) не было, а использование военных машин в тот период не было введено в античную войну.

По контрасту со своими собственными скудными силами греческие военачальники увидели перед собой раскинувшиеся вдоль берегов извилистого залива палатки и корабли различных народов, которые шли выполнять приказы Царя Восточного мира. Трудность поиска транспортов и обеспечения провизией была бы единственным ограничением численности персидской армии. Нет также никаких оснований предполагать, что оценка Юстина была преувеличена, который оценивает в сто тысяч человек войско, которое в этом случае отплыло под предводительством сатрапов Датиса и Артаферна от берегов Киликии против преданных берегов Эвбеи и Аттики. И после значительного вычета из этой суммы, чтобы учесть простых моряков и приверженцев лагеря, все еще должны были сохраняться ужасающие шансы против национальных рекрутов афинян. Также греческие генералы не могли тогда испытывать той уверенности в превосходстве своих войск, которая со времен битвы при Марафоне воодушевляла европейцев в конфликтах с азиатами; как, например, в последующих сражениях между Грецией и Персией, или когда римские легионы столкнулись с мириадами Митридата и Тиграна, или как это имеет место в индийских кампаниях наших собственных полков. Напротив, вплоть до Марафонского дня мидяне и персы слыли непобедимыми. Они не раз встречались с греческими войсками в Малой Азии, на Кипре, в Египте и неизменно побеждали их. Ничто не может быть сильнее выражений, использованных ранними писателями Крика в отношении ужаса, который внушало имя мидян, и упадка духа людей перед кажущейся неутомимой карьерой персидского оружия. Поэтому неудивительно, что пятеро из десяти афинских военачальников уклонились от перспективы вступить в решительное сражение со столь численно превосходящим их врагом и столь грозной военной славой. Их собственная позиция на высотах была сильной и давала большие преимущества небольшим обороняющимся силам против атакующих масс. Они считали просто безрассудством спускаться на равнину, чтобы быть растоптанными азиатской конницей, пораженными стрельбой из лука или изрубленными на куски непобедимыми ветеранами Камбиза и Кира. Более того, к Спарте, великому военному государству Греции, обратились с просьбой оказать помощь Афинам, хотя религиозные обряды, которые дорийцы соблюдали в определенное время года, на данный момент задержали их продвижение. Не разумнее ли было, во всяком случае, дожидаться подхода спартанцев и заручиться помощью лучших войск Греции, прежде чем подвергать себя нападению ужасных мидян?

Какими бы благовидными ни казались эти причины, остальные пять генералов выступали за более быстрые и смелые операции. И, к счастью для Афин и для всего мира, один из них был

человеком не только высочайшего военного гения, но и того энергичного характера, который производит впечатление своего собственного типа и идей на более слабые духом существа.

Мильтиад был главой одного из самых благородных домов Афин: он причислял Эацидов к своим предкам, а в жилах героя Марафона текла кровь Ахилла. Один из его ближайших предков приобрел власть во Фракийском Херсонесе, и таким образом семья стала одновременно афинскими гражданами и фракийскими князьями. Это произошло в то время, когда Писистрат был тираном Афин. Двое родственников Мильтиада — дядя с тем же именем и брат по имени Стесагор — правили Херсонесом до того, как Мильтиад стал его князем. Он вырос в Афинах в доме своего отца Кимона [Геродот, lib. vi. с. 102], который был известен по всей Греции своими победами в олимпийских гонках на колесницах и, должно быть, обладал большим богатством. Сыновья Писистрата, сменившие своего отца при тирании в Афинах, убили Кимона, но они отнеслись к молодому Мильтиаду с благосклонностью и добротой; и когда его брат Стесагор умер в Херсонесе, они отправили его туда в качестве правителя княжества. Это было примерно за двадцать восемь лет до Марафонской битвы, и именно с его прибытием в Херсонес начинаются наши первые сведения о карьере и характере Мильтиада. В первом акте, записанном о нем, мы находим доказательство того же решительного и беспринципного духа, который отличал его зрелый возраст. Власть его брата в княжестве была поколеблена войной и восстанием: Мильтиад решил править более надежно. По прибытии он замкнулся в своем доме, как будто оплакивал своего брата. Знатные люди Херсонеса, услышав об этом, собрались из всех городов и округов и вместе отправились в дом Мильтиада с визитом соболезнования. Как только они оказались таким образом в его власти, он сделал их всех пленниками. Затем он утвердил и поддерживал свою собственную абсолютную власть на полуострове, получив на жалованье отряд из пятисот регулярных войск и укрепив свои интересы, женившись на дочери царя соседних фракийцев.

Когда персидская власть распространилась на Геллеспонт и его окрестности, Мильтиад, как князь Херсонеса, подчинился царю Дарию; и он был одним из многочисленных правителей-данников, которые повели свои отряды людей служить в персидской армии в экспедиции против Скифии. Персидский царь оставил Мильтиада и вассальных греков Малой Азии охранять мост через Дунай, когда армия вторжения пересекла эту реку и углубилась в дебри страны, которая сейчас является Россией, в тщетной погоне за предками современных казаков. Узнав о неудачах, с которыми столкнулся Дарий в скифской пустыне, Мильтиад предложил своим спутникам разрушить мост и оставить персидского царя и его армию погибать от голода и скифских стрел. Правители азиатских греческих городов, к которым обращался Мильтиад, уклонились от этого смелого и безжалостного удара по персидской державе, и Дарий вернулся целым и невредимым. Но было известно, какой совет дал Мильтиад; и с тех пор месть Дария была направлена специально против человека, который замыслил нанести такой смертельный удар его империи и его личности. Занятие персидским оружием других областей оставило Мильтиада на несколько лет после этого во владении Херсонесом; но оно было ненадежным и прерывалось. Он, однако, воспользовался возможностью, которую давало ему его положение, чтобы заручиться доброй волей своих соотечественников в Афинах, завоевав и передав под власть Афин острова Лемнос и Имброс, на которые Афины имели давние притязания, но которые она никогда ранее не могла привести в полное подчинение. Наконец, в 494 году до н.э. полное подавление персами ионийского восстания предоставило их армиям и флотам свободу действий против врагов Великого царя к западу от Геллеспонта. Против Херсонеса была направлена сильная эскадра финикийских галер. Мильтиад знал, что сопротивление

безнадежно, и, пока финикийцы находились в Тенедосе, он погрузил на пять галер все сокровища, которые смог собрать, и отплыл в Афины. Финикийцы догнали его и упорно преследовали по всему северу Эгейского моря. Одна из его галер, на борту которой находился его старший сын Метιοх, действительно была захвачена; но Мильтиаду с четырьмя другими удалось благополучно достичь дружественных берегов Имброса. Оттуда он впоследствии отправился в Афины и возобновил свое положение свободного гражданина Афинского государства.

Афиняне в то время недавно изгнали Гиппия, сына Писистрата, последнего из своих тиранов. Они были в полном восторге от вновь обретенной свободы и равенства, а конституционные изменения Клисфена до крайности разожгли их республиканское рвение. У Мильтиада были враги в Афинах; и они, воспользовавшись состоянием народных чувств, предали его пожизненному суду за то, что он был тираном Херсонеса. Обвинение не обязательно касалось каких-либо актов жестокости или несправедливости по отношению к отдельным лицам: оно было основано на столь специфическом законе; но оно было основано на ужасе, с которым греки той эпохи относились к каждому человеку, который делал себя принудительным хозяином своих собратьев и осуществлял безответственное господство над ними. Тот факт, что Мильтиад таким образом правил Херсонесом, был неоспорим; но вопрос, который афиняне, собравшиеся на суд, должны были рассматривать, заключался в том, заслуживал ли Мильтиад наказания как афинский гражданин, став тираном Херсонеса. Выдающаяся услуга, которую он оказал государству, завоевав для этого Лемнос и Имброс, убедительно свидетельствовала в его пользу. Народ отказался осудить его. Он занимал высокое положение в общественном мнении, и когда стало известно о грядущем вторжении персов, народ мудро избрал его одним из своих военачальников на этот год.

Два других выдающихся человека в истории, хотя их известность была достигнута в более поздний период, чем у Мильтиада, также были в числе десяти афинских полководцев при Марафоне. Одним из них был Фемистокл, будущий основатель афинского военно-морского флота и будущий победитель при Саламине; другим был Аристид, который впоследствии возглавил афинские войска при Платеях и чья честность и справедливая популярность принесли его стране, когда персы были окончательно отброшены, выгодное преимущество в том, что половина греков признала его своим беспристрастным лидером и защитником. Не зафиксировано, какое участие принимали Фемистокл или Аристид в дебатах на военном совете в Марафоне. Но исходя из характера Фемистокла, его смелости и его интуитивного гения импровизации наилучших мер в любой чрезвычайной ситуации (качества, которое величайший из историков приписывает ему больше, чем всем его современникам), мы вполне можем предположить, что Фемистокл проголосовал за быстрые и решительные действия. [Смотрите характер Фемистокла в 138-м разделе первой книги Фукидида, особенно в последнем предложении.] О голосовании Аристида, возможно, будет сложнее строить предположения. Его пристрастие к спартамцам, возможно, заставило его пожелать подождать, пока они подойдут; но, несмотря на всю осмотрительность, он не был робок ни как солдат, ни как политик; и смелый совет Мильтиада, вероятно, нашел в Аристиде желание, и, несомненно, он нашел в нем искреннего слушателя.

Мильтиад не испытывал никаких колебаний относительно курса, которым должна следовать афинская армия, и искренне настаивал на своем мнении перед своими братьями-полководцами. Практически знакомый с организацией персидских армий, Мильтиад был

убежден в превосходстве греческих войск при правильном обращении: военным глазом великого полководца он видел преимущество, которое положение войск давало ему для внезапной атаки, и как опытный политик он чувствовал опасность бездействия и предоставления времени предательству погубить афинское дело.

Один офицер на военном совете еще не проголосовал. Это был Каллимах, Военный правитель. Голоса военачальников разделились на пять против пяти, так что голос Каллимаха должен был стать решающим.

От этого голосования, по всей вероятности, зависела судьба всех наций мира. Мильтиад повернулся к нему, и с простым солдатским красноречием, суть которого мы можем прочесть у Геродота, беседовавшего с ветеранами Марафона, великий афинянин так заклинал своего соотечественника проголосовать за то, чтобы дать сражение:

- Теперь от тебя зависит, Каллимах, либо поработить Афины, либо, обеспечив ей свободу, снискать себе бессмертие славы, какого не снискали даже Гармодий и Аристогейтон. Ибо никогда, с тех пор как афиняне были народом, они не подвергались такой опасности, как сейчас. Если они преклонят колено перед этими мидянами, их отдадут Гиппию, и ты знаешь, что им тогда придется выстрадать. Но если Афины выйдут победителями из этого конкурса, у нее хватит сил стать первым городом Греции. Ваш голос должен решить, вступать нам в бой или нет. Если мы немедленно не начнем сражение, какая-нибудь междоусобная интрига разобьет афинян, и город будет предан мидянам. Но если мы будем сражаться до того, как в Афинах что-нибудь прогнет, я верю, что при условии, что Боги будут вести честную игру и не окажут нам никакой милости, мы сможем извлечь из этого максимум пользы". [Геродот, lib. vi. с. 209. 116-й раздел, на мой взгляд, является ясным доказательством того, что Геродот лично беседовал с Эпизелом, одним из ветеранов Марафона. Содержание речи Мильтиада, естественно, стало известно из доклада некоторых его коллег.]

Голос храброго Военачальника был заручен; совет решил дать сражение; и таково было господство и военное превосходство Мильтиада, что его братья-военачальники, все до единого, передали ему свои дни командования и с готовностью действовали по его приказам. Опасаясь, однако, вызвать какую-либо зависть и тем самым не заручиться сотрудничеством всех частей своей маленькой армии, Мильтиад дождался того дня, когда главное командование перешло бы к нему по регулярной ротации, прежде чем повести войска против врага.

Бездействие азиатских военачальников в течение этого промежутка времени на первый взгляд кажется странным; но Гиппий был с ними, и они, и он знали об их шансе на бескровную победу благодаря махинациям его сторонников среди афинян. Природа местности также во многом объясняет тактику противоположных генералов перед сражением, а также действия войск во время сражения.

Марафонская равнина, расположенная примерно в двадцати двух милях от Афин, раскинулась вдоль одноименного залива на северо-восточном побережье Аттики. Равнина имеет форму полумесяца и около шести миль в длину. Он имеет около двух миль в ширину в центре, где пространство между горами и морем наибольшее, но сужается к обоим концам, горы вплотную подступают к воде у устья залива. Из середины равнины внутрь уходит долина, а с юга к ней спускается овраг. В других местах он тесно окружен со стороны суши скалистыми известняковыми горами, густо поросшими соснами, оливковыми деревьями и кедрами и

заросшими миртом, земляничным деревом и другими низкими пахучими кустарниками, которые повсюду наполняют воздух Аттики ароматом. Уровень земли теперь меняется в зависимости от насыпи, воздвигнутой над теми, кто пал в битве, но когда персы расположились на ней лагерем, это была сплошная равнина. На каждом конце есть болота, которые пересыхают весной и летом и тогда не представляют препятствий для всадника, но обычно заливаются дождями и поэтому становятся непригодными для кавалерии осенью, в то время года, когда происходило сражение.

Греки, расположившиеся лагерем в горах, могли наблюдать за каждым движением персов на равнине внизу, в то время как у них была возможность полностью маскировать свое собственное. Мильтиад также имел, исходя из своего положения, право давать сражение, когда ему заблагорассудится, или откладывать его по своему усмотрению, если только Датис не предпримет опасную операцию по штурму высот.

Если мы обратимся к карте старого света, чтобы сравнить территориальные ресурсы двух государств, армии которых теперь были готовы вступить в конфликт, то огромное превосходство материальной мощи персидского царя над мощью афинской республики будет более поразительным, чем любой подобный контраст, который может предложить история.

Справедливо было замечено, что при оценке простой площади Аттика, занимающая по всей своей поверхности всего семьсот квадратных миль, становится незначительной по сравнению со многими баронскими владениями средневековья или многими колониальными наделами нового времени. Его антагонист, Персидская империя, включала в себя всю современную Азиатскую и большую часть современной европейской Турции, современное королевство Персия и страны современных Грузии, Армении, Балха, Пенджаба, Афганистана, Белоруссии, Египта и Триполи.

И европеец в начале пятого века до нашей эры не мог смотреть на это огромное скопление власти под скипетром единственного азиатского правителя с тем безразличием, с которым мы сейчас наблюдаем на карте обширные владения современных восточных государей. Ибо, как уже отмечалось, до марафонских боев престиж успеха и предполагаемого превосходства в беге был на стороне азиата по сравнению с европейцем. Азия была изначальным очагом человеческих обществ, и задолго до того, как можно было обнаружить какие-либо следы того, что жители остального мира вышли из самого грубого варварства, мы можем видеть, что на Азиатском континенте процветали могущественные и блистательные империи. Они предстают перед нами в сумерках первобытной истории, тусклые и расплывчатые, но массивные и величественные, как горы на ранней заре.

Однако вместо бесконечного разнообразия и беспокойных перемен, которые характеризовали институты и судьбы европейских государств с самого начала цивилизации нашего континента, монотонное единообразие пронизывает историю почти всех восточных империй, от самых древних до самых недавних времен. Они характеризуются быстротой своих ранних завоеваний; огромной протяженностью входящих в них владений; установлением системы управления провинциями в виде сатрапов или пашей; неизменным и быстрым вырождением принцев королевского дома, изнеженных отпрысков серала, сменяющих монархов-воинов, воспитанных в лагере; и внутренней анархией и восстаниями, которые указывают и ускоряют упадок этих громоздких и плохо организованных структур власти. Поразительным фактом является также то, что правительства всех великих азиатских империй во все века были абсолютными деспотиями.

И Хирен прав, связывая это с другим важным фактом, который важен с точки зрения его влияния как на политическую, так и на социальную жизнь азиатов. "У всех значительных народов Внутренней Азии отцовское управление каждым семейством было развращено полигамией; там, где существует этот обычай, хорошая политическая конституция невозможна. Отцы, превращенные в домашних деспотов, готовы платить своему суверену таким же униженным послушанием, какого они требуют от своей семьи и иждивенцев в домашнем хозяйстве". Мы должны также иметь в виду неразрывную связь между государственной религией и всем законодательством, которое всегда преобладало на Востоке, и постоянное существование могущественного жреческого органа, осуществляющего некоторый контроль, хотя и ненадежный и нерегулярный, над самим тронem, хватающегося за все гражданское управление, претендующего на высший контроль образования, устанавливающего стереотипы, в рамках которых литература и наука должны двигаться, и ограничивающего степень, в которой человеческому разуму должно быть законно заниматься своими исследованиями.

При правильном восприятии и понимании этих общих характеристик становится сравнительно легкой задачей исследовать и оценить происхождение, прогресс и принципы восточных империй в целом, а также персидской монархии в частности. Таким образом, мы можем лучше оценить отпор, который Греция дала оружию Востока, и судить о возможных последствиях для человеческой цивилизации, если бы персам удалось подчинить Европу своему игу, поскольку они уже покорили самые прекрасные части остального известного тогда мира.

Греки, исходя из своего географического положения, составляли естественный авангард европейской свободы против персидских амбиций; и они в высшей степени демонстрировали характерные черты отличительного национального характера, которые сделали европейскую цивилизацию настолько превосходящей азиатскую. Народы, населявшие в древние времена вокруг и вблизи северных берегов Средиземного моря, были первыми на нашем континенте, воспринявшими с Востока зачатки искусства и литературы, а также зачатки социальной и политической организации. Из этих народов греки, благодаря своему соседству с Малой Азией, Финикией и Египтом, были одними из самых первых в усвоении принципов и привычек цивилизованной жизни; и они также сразу же наложили новый и совершенно оригинальный отпечаток на все, что они получили. Таким образом, в своей религии они получили от иностранных поселенцев имена всех своих божеств и многие из своих обрядов, но они отказались от отвратительных чудовищ Нила, Оронта и Ганга; они национализировали свою веру; и их собственные поэты создали свою прекрасную мифологию. В Греции никогда не существовало жреческой касты. Таким образом, в своих правительствах они долго жили под властью наследственных королей, но так и не пережили постоянного установления абсолютной монархии. Их ранние короли были конституционными правителями, правившими с определенными прерогативами. И задолго до персидского вторжения царская форма правления уступила место почти во всех греческих государствах республиканским институтам, представляя бесконечное разнообразие уравнивающих или попеременно преобладающих олигархических и демократических принципов. В литературе и науке греческий интеллект не следовал проторенным путям и не признавал никаких ограниченных правил. Греки смело мыслили на свои темы, и новизна спекуляции придавала ей в их умах интерес, а не преступность. Разносторонние, неутомимые, предприимчивые и уверенные в себе, греки представляли собой самый разительный контраст с привычным спокойствием и покорностью жителей Востока. И из всех греков афиняне проявляли эти национальные особенности в наибольшей степени. Этот дух активности и отваги, соединенный с

великодушным сочувствием к судьбе их собратьев-греков в Азии, побудил их присоединиться к последней ионической войне; и теперь, смешиваясь с их отвращением к семье узурпаторов из числа их собственных граждан, которая на какое-то время насильно захватила и осуществляла деспотическую власть в Афинах, это побудило их бросить вызов гневу царя Дария и отказаться принять обратно по его приказу тирана, которого они несколькими годами ранее изгнали со своей земли.

Предприимчивость и гений англичанина недавно были подтверждены новыми свидетельствами и вызвали новый интерес к могуществу персидского монарха, который послал свои войска сражаться при Марафоне. Давно известно, что надписи, выполненные иероглифами, называемыми наконечниками стрел, или клинописью, существовали на мраморных памятниках в Персеполе, недалеко от древней Сузы, и на гранях скал в других местах, которыми ранее правили первые персидские цари. Но на протяжении тысячелетий они были просто непонятными загадками для любопытного, но сбитого с толку наблюдателя: и на них часто ссылались как на примеры безумия человеческой гордыни, которая действительно могла написать свои собственные восхваления на твердой скале, но только для того, чтобы скала пережила язык, а также память о тщеславных надписчиках. Нибур-старший, Гротенд и Лассен высказали некоторые догадки о значении клинописи; но майор Роулинсон, служивший в Ост-Индской компании, после многих лет труда, наконец, добился славного подвига - полностью раскрыл алфавит и грамматику этого давно неизвестного языка. Он, в частности, полностью расшифровал и разъяснил надписи на священной скале Бехистун, на западных границах Мидии. Эти летописи Ахеменидов наконец нашли своего истолкователя; и сам Дарий обращается к нам с освященной горы и сообщает нам названия народов, которые подчинились ему, восстания, которые он подавил, его победы, его благочестие и его славу. [См. десятый том "Журнала Королевского азиатского общества".]

Цари, которые таким образом добиваются восхищения потомков, вряд ли станут затемнять отчет о своих успехах упоминанием о своих случайных поражениях; и тот факт, что мы находим в этих надписях умолчание о свержении Датиса и Артаферна, а также о поражениях, которые лично претерпел Дарий во время своих скифских кампаний, не бросает ни малейшего подозрения на повествование греческих историков. Но эти неоспоримые памятники персидской славы подтверждают и даже усиливают мнение, внушаемое нам Геродотом, об огромной державе, которую основал Кир и приумножил Камбиз; которую Дарий усилил индийскими и арабскими завоеваниями и, когда он направил свое оружие против Европы, казалось вероятным, что она станет господствующей монархией мира.

За исключением китайской империи, в которой на протяжении всех веков вплоть до последних нескольких лет треть человеческой расы жила почти без связи с другими частями, все великие царства, которые, как нам известно, существовали в Древней Азии, во времена Дария были смешаны с персидской. Северные индийцы, ассирийцы, сирийцы, вавилоняне, халдеи, финикийцы, народы Палестины, армяне, бактрийцы, лидийцы, фригийцы, парфяне и мидяне — все подчинились скипетру Великого Царя: мидяне стояли в почете рядом с коренными персами, и об империи часто говорили как об империи мидян или как об империи мидян и персов. Египет и Кирена были персидскими провинциями; греческие колонисты в Малой Азии и на островах Эгейского моря были подданными Дария; и их доблестные, но безуспешные попытки сбросить персидское иго только укрепили его и усилили всеобщее убеждение, что греки не смогут устоять перед персами на поле боя. Скифская война Дария, хотя и безуспешная в достижении

своей непосредственной цели, привела к покорению Фракии и подчинению Македонии. От Инда до Пенея все принадлежало ему.

Мы можем представить себе гнев, с которым повелитель стольких народов, должно быть, услышал за девять лет до битвы при Марафоне, что чужой народ, стоящий ближе к заходящему солнцу, называемый афинянами, осмелился помочь его мятежникам в Ионии против него и что они разграбили и сожгли столицу одной из его провинций. До сожжения Сард Дарий, по-видимому, никогда не слышал о существовании Афин; но его сатрапы в Малой Азии в течение некоторого времени видели афинских беженцев при дворах своих провинций, умоляющих о помощи против своих соотечественников. Когда Гиппий был изгнан из Афин, а тираническая династия Писистратидов окончательно свергнута в 510 году до н.э., изгнанный тиран и его приверженцы, после тщетных попыток восстановиться с помощью спартанского вмешательства, перебрались в Сарды, столицу сатрапии Артаферна. Там Гиппий (по выразительным словам Геродота) [Herod. lib. v. c. 96.] начал всевозможную агитацию, клеветая на афинян перед Артаферном и делая все возможное, чтобы побудить сатрапа подчинить ему Афины как данника-вассала царя Дария. Когда афиняне услышали о его действиях, они отправили послов в Сарды, чтобы предостеречь персов от участия в ссоре афинских беженцев. Но Артаферн в ответ дал им грозный приказ вернуть Гиппия обратно, если они будут искать спасения. Афиняне были полны решимости не покупать безопасность такой ценой; и после того, как они отвергли условия сатрапа, они сочли, что они и персы были объявлены врагами. В этот самый кризис ионийские греки обратились за помощью к своим европейским братьям, которые позволили бы им восстановить свою независимость от Персии. Согласились только Афины и город Эретрия на Эвбее. Двадцать афинских галер и пять эретрийских пересекли Эгейское море; и смелым и внезапным походом на Сарды афинянам и их союзникам удалось захватить столицу надменного сатрапа, который недавно угрожал им порабощением или разрушением. Персидские войска вскоре сплотились, и греки были вынуждены отступить. Их преследовали и разбили по возвращении на побережье, и Афины больше не принимали участия в Ионической войне. Но оскорбление, которое она нанесла персидской державе, быстро стало известно по всей этой империи, и его никогда нельзя было простить или забыть. В подчеркнуто простом повествовании Геродота гнев Великого царя описывается так: "Теперь, когда царю Дарию сообщили, что Сарды были взяты и сожжены афинянами и ионийцами, он не обратил особого внимания на ионийцев, хорошо зная, кто они такие и что их восстание скоро будет подавлено; но он спросил, кто и что за люди были афиняне. И когда ему сказали, он потребовал свой лук; и, взяв его и наложив стрелу на тетиву, он пустил стрелу в небо; и когда он выпустил ее в воздух, он сказал: "О Верховный Бог! даруй мне, чтобы я мог отомстить афинянам". И когда он сказал это, он приказал одному из своих слуг говорить ему каждый день, когда он садился за стол: "Сир, помни об афинянах".

Несколько лет ушло на полное сокращение Ионии. Но когда это было сделано, Дарий приказал своим победоносным войскам приступить к наказанию Афин и Эретрии и завоевать европейскую Грецию. Первое вооружение, посланное для этой цели, было разбито в результате кораблекрушения и почти уничтожено у подножия горы Афон, но цель царя Дария было нелегко поколебать. Было приказано собрать в Киликии большую армию; во все приморские города персидской империи были разосланы заявки на военные корабли и транспорты достаточного размера для перевозки кавалерии и пехоты через Эгейское море. Пока делались эти приготовления, Дарий разослал глашатаев по греческим городам, требуя их подчинения Персии. На рыночной площади каждого маленького эллинского государства (некоторые из них

имели территорию не больше острова Уайт) было провозглашено, что царь Дарий, повелитель всех людей от восхода до захода солнца, потребовал, чтобы его герольдам доставляли землю и воду в знак символического признания того, что он является главой и хозяином страны. [Эсхин в Ктес. стр. 622, изд. Reiske. Митфорд, том i, стр. 485. Эсхин говорит о Ксерксе, но Митфорд, вероятно, прав, рассматривая это как стиль персидских царей в их провозглашениях. В одной из надписей в Персеполе Дарий называет себя "Дарий великий царь, царь царей, царь многих населенных стран, а также сторонник этого великого мира". В другом он называет себя "королем всех населенных стран". (См. "Азиатский журнал", том. X, стр. 287 и 292, и комментарии майора Роулинсона.)] Пораженные могуществом Персии и суровым наказанием, которому недавно подверглись непокорные ионийцы, многие континентальные греки и почти все островитяне подчинились и дали требуемые знаки вассалитета. В Спарте и Афинах последовал ответный негодующий отказ: отказ, который был опозорен оскорблением и насилием в отношении лиц азиатских глашатаев.

Таким образом, гнев Дария против Афин подлил масла в огонь, и персидские приготовления продолжились с новой силой. Летом 490 года до нашей эры армия, предназначенная для вторжения, была собрана на Алейской равнине в Киликии, недалеко от моря. Флот из шестисот галер и многочисленных транспортов был собран на побережье для высадки войск, как конных, так и пеших. Мидийский военачальник по имени Датис и Артаферн, сын сатрапа Сард, который также был племянником Дария, были назначены номинальным совместным командованием экспедицией. То, что реальная верховная власть была дана только Датису, вероятно, судя по тому, как говорят о нем греческие авторы. Мы не знаем подробностей о предыдущей карьере этого офицера; но есть все основания полагать, что его способности и храбрость были доказаны опытом, иначе его среднее происхождение помешало бы Дарию назначить его верховным командующим. По-видимому, он был первым мидийцем, которому персидские цари оказали такое доверие после свержения заговора мидийских магов против персов непосредственно перед тем, как Дарий получил трон. Датис получил инструкции завершить покорение Греции, и ему были отданы особые приказы в отношении Эретрии и Афин. Он должен был взять эти два города; и он должен был увести жителей в плен и привести их как рабов в присутствии Великого Царя.

Датис погрузил свои войска на ожидавший их флот и, пройдя вдоль берегов Малой Азии до Самоса, оттуда направился прямо на запад через Эгейское море в Грецию, захватывая острова на своем пути. Наксийцы десять лет назад успешно выдержали осаду персидского войска, но теперь они были слишком напуганы, чтобы оказывать какое-либо сопротивление, и бежали на вершины гор, в то время как враг сжег их город и опустошил их земли. Оттуда Датис, убедив греческих островитян присоединиться к нему со своими кораблями и людьми, поплыл дальше к берегам Эвбеи. Маленький городок Карист попытался оказать сопротивление, но был быстро захвачен. Затем он напал на Эретрию. Афиняне послали ему на помощь четыре тысячи человек. Но среди эретрийцев творилось предательство; и афинские войска получили своевременное предупреждение от одного из ведущих людей города отступить, чтобы помочь спасти свою собственную страну, вместо того чтобы оставаться и участвовать в неизбежном разрушении Эретрии. Предоставленные самим себе, эретрийцы шесть дней отражали атаки персов на свои стены; на седьмой день их предали два их вождя, и персы заняли город. Храмы были сожжены в отместку за сожжение Сард, а жители были связаны и помещены в качестве пленников на соседний остров Эгилия, чтобы ждать там, пока Датис не приведет афинян, чтобы

присоединиться к ним в плену, после чего оба населения должны были быть уведены в Верхнюю Азию, чтобы там узнать о своей участи из уст самого царя Дария.

Воодушевленный успехом и выполнив таким образом половину своей миссии, Датис перегруппировал свои войска и, перейдя небольшой пролив, отделяющий Эвбею от материка, разбил лагерь на аттическом побережье у Марафона, выстроив свои галеры на пологом пляже, как это было принято на флотах древности. Завоеванные острова позади него служили местами складирования его провизии и военных складов. Его позиция при Марафоне казалась ему во всех отношениях выгодной, а ровный характер местности, на которой он разбил лагерь, был благоприятен для применения его кавалерии, если афиняне рискнут вступить с ним в бой. Гиппий, сопровождавший его и выступавший проводником захватчиков, указал Марафон как лучшее место для высадки именно по этой причине. Вероятно, на Гиппия также повлияло воспоминание о том, что сорок семь лет назад он вместе со своим отцом Писистратом переправился с армией из Эретрии в Марафон и одержал легкую победу над своими афинскими врагами на этой самой равнине, которая вернула им тираническую власть. Предзнаменование казалось ободряющим. Место было то же самое; но Гиппий вскоре на собственном опыте убедился, какая великая перемена произошла в духе афинян.

Но хотя "свирепая демократия" Афин была ревностной и верной против иностранного захватчика и внутреннего тирана, в Афинах, как и в Эретрии, существовала фракция людей, готовых купить победу партии над своими согражданами ценой разорения своей страны. Между этими людьми и персидским лагерем было налажено сообщение, что привело бы к катастрофе, подобной катастрофе в Эретрии, если бы Мильтиад не принял решения сражаться во что бы то ни стало и не убедил в этом своих коллег.

Когда Мильтиад готовил своих людей к бою, он поставил на исход одной битвы судьбу не только Афин, но и всей Греции; ибо, если бы Афины пали, ни у одного другого греческого государства, кроме Лакедемона, не хватило бы мужества сопротивляться; а лакедемоняне, хотя они, вероятно, погибли бы в своих рядах до последнего человека, никогда не смогли бы успешно противостоять победоносным персам и многочисленным греческим войскам, которые вскоре перешли бы под командование персидских сатрапов, одержи они победу над Афинами.

Также не было никакой державы к западу от Греции, которая могла бы оказать эффективное сопротивление Персии, если бы она однажды завоевала Грецию и сделала эту страну базой для будущих военных операций. Рим в это время переживал период своей крайней слабости. Ее династия могущественных этрусских царей была изгнана, и ее молодое содружество пошатнулось под нападками этрусков и вольсков извне, а также из-за ожесточенных разногласий между патрициями и плебеями внутри. Этрурия с ее лукумами и крепостными не шла ни в какое сравнение с Персией. Самний не дорос до той мощи, которую он проявил впоследствии; точно так же греческие колонии в Южной Италии и Сицилии не могли надеяться выжить, когда их метрополии погибли. Карфаген избежал персидского ига во времена Камбиза благодаря нежеланию финикийских мореплавателей служить против своих сородичей. Но на такую снисходительность нельзя было долго рассчитывать, и будущий соперник Рима стал бы таким же покорным служителем персидской державы, каким были сами финикийские города. Если мы обратимся к Испании или минуем великую горную цепь, которая, протянувшись через Пиренеи, Севенны, Альпы и Балканы, отделяет Северную Европу от Южной, мы не найдем в тот период ничего, кроме простых диких финнов, кельтов, рабов и германцев. Если бы Персия

победила Афины при Марафоне, она не смогла бы найти препятствий, мешающих Дарию, избранному слуге Ормузда, распространить свое влияние на все известные западные расы человечества. Младенческая энергия Европы была бы растоптана всеобщими завоеваниями, и мировая история, подобно истории Азии, превратилась бы в простую летопись возвышения и падения деспотических династий, вторжений варварских орд и умственного и политического падения миллионов людей под диадемой, тиарой и мечом.

Каким бы великим ни было превосходство персов над афинами в тот кризис, было бы несправедливо приписывать дикую опрометчивость политике Мильтиада и тех, кто голосовал вместе с ним на военном совете Афин, или рассматривать последующее развитие событий просто как результат успешной неосмотрительности, как уже отмечалось ранее, Мильтиад, будучи принцем Херсонеса, служил в персидских армиях; и он знал по личному наблюдению, сколько элементов слабости скрывалось за их внушительным видом силы. Он знал, что основная часть их войск больше не состояла из отважных пастухов и горцев из собственно Персии и Курдистана, которые выигрывали сражения Кира; но что невольные контингенты из покоренных народов теперь в значительной степени пополнили списки персидских солдат, сражающихся больше по принуждению, чем из какого-либо рвения к делу своих хозяев. У него также хватило проницательности и духа оценить превосходство греческих доспехов и организации над азиатскими, несмотря на прежние неудачи. Прежде всего, он чувствовал энтузиазм людей, находившихся под его командованием, и по праву доверял им.

Афиняне, которыми он руководил, доказали своей новорожденной доблестью в недавних войнах против соседних государств, что "Свобода и равенство гражданских прав - это храбрые, вдохновляющие поступки; и те, кто, находясь под игом деспота, были воинами не лучше любого из своих соседей, как только они стали свободными, стали передовыми людьми среди всех; ибо каждый чувствовал, что, сражаясь за свободное государство, он сражался за себя, и, за что бы он ни брался, он ревностно выполнял свою работу досконально". Итак, историк, живший почти в то время, описывает перемену духа, которая наблюдалась в афинянах после изгнания их тиранов; [Ирод. lib. v. c. 87.] и Мильтиад знал, что, ведя их против армии вторжения, где перед ними был Гиппий, враг, которого они ненавидели больше всего, он вел в бой не обычных людей и не мог рассчитывать на обычный героизм. Что касается предателей, то он был уверен, что какое бы предательство ни таилось среди некоторых знатных и богатых афинян, рядовые, которыми он командовал, были готовы сделать все возможное для его и своего собственного дела. Что касается будущих нападений из Азии, он мог разумно надеяться, что одна победа вдохновит всю Грецию объединиться против общего врага; и что скрытые семена восстания и разобщенности в персидской империи вскоре вырвутся наружу и парализуют ее энергию, чтобы обезопасить независимость Греции.

С этими надеждами и риском Мильтиад сентябрьским днем 490 года до нашей эры отдал приказ афинской армии готовиться к битве. Существовало много местных ассоциаций, связанных с этими горными высотами, которые были рассчитаны на то, чтобы сильно возбуждать дух людей, и которыми командиры хорошо знали, как воспользоваться в своих увещеваниях своим войскам перед столкновением. Сам Марафон был священным регионом для Геркулеса. Недалеко от них находился фонтан Макарии, которая в незапамятные времена отдала себя на смерть за свободу своего народа. Та самая равнина, на которой им предстояло сражаться, была ареной подвигов их национального героя Тесея; и там же, как рассказывали старые легенды, афиняне и гераклиды разгромили захватчика Эврисфея. Эти предания были не

просто туманными мифами или досужими выдумками, но предметом безоговорочной искренней веры для людей того времени: и многие горячие молитвы возносились из афинских рядов героическим духом, которые, находясь на земле, боролись и страдали на том самом месте, и которые, как считалось, теперь являются небесными силами, с интересом взирающими сверху вниз на свою все еще любимую страну и способными оказать сверхчеловеческую помощь в ее защиту.

Согласно старому национальному обычаю, воины каждого племени выстраивались вместе; сосед, таким образом, сражался на стороне соседа, друг за другом, и дух соперничества и сознание ответственности были возбуждены до предела. Военный правитель Каллимах возглавлял правое крыло; платейцы образовывали крайнее левое, а Фемистокл и Аристид командовали центром. Строй состоял только из тяжеловооруженных копейщиков. Ибо греки (до времен Ификрата) практически не принимали в расчет легковооруженных солдат в крупном сражении, используя их только в стычках или для преследования поверженного врага. Доспехи регулярной пехоты состояли из длинного копья, щита, шлема, нагрудника, поножей и короткого меча. Экипированные таким образом, они обычно медленно и неуклонно вступали в бой единой фалангой примерно в восемь копий в ряд. Но военный гений Мильтиада заставил его отклониться в этом случае от общепринятой тактики своих соотечественников. Для него было важно растянуть свой строй так, чтобы охватить всю практически возможную территорию, и обезопасить себя от того, чтобы персидская конница обошла его с фланга и атаковала с тыла. Это расширение привело к ослаблению его линии. Вместо равномерного сокращения его сил он решил оторваться главным образом от своего центра, который, исходя из особенностей местности, имел бы наилучшие возможности для объединения в случае поражения; и укрепить свои фланги, чтобы обеспечить преимущество в этих точках; и он полагался на свое собственное мастерство и дисциплину своих солдат в том, что касается превращения этого преимущества в решающую победу.

[Примечательно, что нет другого примера, когда греческий полководец отклонялся от обычного способа ввода в бой фаланги копейщиков, вплоть до битв при Левктре и Мантинее, более чем столетие спустя после Марафона, когда Эпаминонд ввел тактику (которую Александр Македонский в древности и Фридрих Великий в наше время сделали столь знаменитой) сосредоточения превосходящих сил на каком-либо решающем участке линии противника, в то время как сам он сдерживался или, выражаясь военным языком, отказывался от более слабой части своих войск.]

В таком порядке и, вероятно, пользуясь неравномерностью местности, чтобы скрыть свои приготовления от врага до последнего возможного момента, Мильтиад выстроил одиннадцать тысяч пехотинцев, копьям которых предстояло разрешить этот кризис в борьбе между европейским и азиатским мирами. О жертвоприношениях, которыми добивались благосклонности Небес и советовались с их волей, было объявлено как о благоприятных предзнаменованиях. Прозвучала труба, призывая к действию, и, распевая боевой гимн, маленькая армия ринулась на вражеское воинство. Тогда же по склонам Марафонских гор, должно быть, разнесся взаимный призыв, который, по словам Эсхила, участвовавшего в обеих битвах, впоследствии был слышен над волнами Саламина — "Вперед, сыны греков! Бейте за свободу вашей страны! бейте за свободу ваших детей и ваших жен — за святилища богов ваших отцов и за гробницы ваших предков. Все — все теперь поставлено на карту борьбы!"

Вместо того чтобы продвигаться обычным медленным шагом фаланги, Мильтиад повел своих людей бегом. Все они были обучены упражнениям палестры, так что можно было не опасаться, что они закончат атаку, задыхаясь от изнеможения: и для него было крайне важно как можно быстрее преодолеть пространство примерно в милю по ровной местности, лежащее между подножием горы и персидскими аванпостами, и таким образом ввести свои войска в ближний бой до того, как азиатская кавалерия сможет сесть на коня, построиться и совершить маневр против него, или их лучники долго будут держать его под прицелом, и до того, как вражеские генералы смогут должным образом развернуть свои массы.

"Когда персы, - говорит Геродот, - увидели бегущих на них афинян, без конницы и лучников, малочисленных, они подумали, что это шайка безумцев, мчащихся на верную гибель". Однако они начали готовиться к их приему, и восточные вожди выстроили, насколько позволяли время и место, представителей различных рас, служивших в их разношерстных рядах. Горцы из Гиркании и Афганистана, дикие всадники из степей Хорасана, черные лучники Эфиопии, воины с берегов Инда, Окса, Евфрата и Нила приготовились выступить против врагов Великого Царя. Но никакая национальная причина не вдохновляла их, кроме разделения коренных персов; и в большом войске не было единообразия в языке, вероисповедании, расе или военной системе. Тем не менее, среди них было много доблестных людей под командованием опытного полководца; они были знакомы с победой; и с презрительной уверенностью их пехота, у которой единственной было время сформироваться, ожидала атаки афинян. Греки наступали одной непоколебимой линией выровненных копий, против которых легкие мишени, короткие пики и ятаганы жителей Востока представляли слабую защиту. Первая шеренга азиатов, должно быть, превратилась в человека при первом потрясении. Тем не менее они не отступили, но стремились личной храбростью и численным превосходством компенсировать недостатки оружия и тактики и оттеснить неглубокие ряды европейцев. В центре, где сражались местные персы и саки, им удалось прорваться через более слабую часть афинской фаланги; и племена, возглавляемые Аристидом и Фемистоклом, были после храброго сопротивления отброшены назад по равнине, и персы преследовали их вверх по долине во внутренние районы страны. Там природа местности давала возможность сплотиться и возобновить борьбу; а тем временем греческие фланги, где Мильтиад сосредоточил свои главные силы, разбили противостоявших им азиатов; и афинские и платейские военачальники, вместо того чтобы преследовать беглецов, держали свои войска под контролем и, развернувшись, образовали два фланга вместе. Мильтиад немедленно повел их против персидского центра, который до сих пор одерживал победу, но теперь отступил и приготовился встретить этих новых и неожиданных противников. Аристид и Фемистокл возобновили сражение со своими реорганизованными войсками, и все силы греков были брошены в ближний бой с персидскими и сакийскими дивизиями противника. Ветераны Датиса из всех сил старались удержать свои позиции, и приближался вечер [АРИСТОФ. Весвоэ 1085.], прежде чем решился исход сурового поединка.

Но персы, с их легкими плетеными щитами, лишенные бронежилетов и никогда не обученные на тренировках держать ровный фронт и действовать регулярным движением греческой пехоты, сражались в крайне невыгодных условиях своим более коротким и слабым оружием против компактного строя хорошо вооруженных афинских и платейских копейщиков, прекрасно обученных согласованно выполнять каждую необходимую эволюцию и сохранять единый и непоколебимый строй в бою. В личном мужестве и физической активности персы не уступали

своим противникам. Их дух еще не был подавлен воспоминаниями о прежних поражениях, и они свободно расточали свои жизни, не желая лишаться славы, которую они завоевали столькими победами. В то время как их задние ряды непрерывно осыпали головы своих товарищей градом стрел, передовые персы продолжали бросаться вперед, иногда поодиночке, иногда отчаянными группами по двенадцать или десять человек на торчащие копья греков, стремясь проложить проход в фаланге и пустить в ход свои ятаганы и кинжалы. Но греки чувствовали свое превосходство, и хотя усталость от длительных боев тяжело сказывалась на их численном превосходстве, вид резни, которую они учинили среди нападавших, придавал им сил сражаться еще яростнее.

[См. Описание в 62-м разделе девятой книги Геродота доблести, проявленной персидской пехотой против лакедемонян при Платеях. У нас нет подобных подробностей битвы при Марафоне, но мы знаем, что она была долгой и упорной (см. 113-й раздел шестой книги Геродота и уже цитированные строки из "Веспеи"), и дух персов, должно быть, был даже выше при Марафоне, чем при Платеях. В обоих сражениях только настоящие персы и сакцы проявили эту доблесть; остальные азиаты разбежались, как овцы.]

Наконец ранее непобедимые владыки Азии повернулись спиной и бежали, а греки последовали за ними, нанося удары до самой кромки воды, где захватчики теперь спешно спускали на воду свои галеры и пытались сесть на них и улететь. Окрыленные успехом, афиняне бросились на флот.

[Летающий мидянин, его сломанный лук без рукояти;
Пламенный грек, его красное преследующее копье;
Горы вверх, Земля, Океанская равнина вниз,
Смерть впереди, Разрушение сзади!
Такова была сцена.— "ЧАЙЛЬД ХАРРОЛЬД" Байрона.]

"Несите огонь, несите огонь", - таков был их крик; и они начали захватывать корабли. Но здесь азиаты отчаянно сопротивлялись, и основные потери греки понесли при нападении на флот. Здесь пали храбрый военачальник Каллимах, полководец Стесилай и другие известные афиняне. Среди них выделялся Синегейр, брат трагического поэта Эсхила. Он схватился за орнамент на корме одной из галер, и ему отрубили руку топором. Семь галер были захвачены; но персам удалось спасти остальные. Они отчалили от рокового берега, но даже здесь мастерство Датиса непокинуло его, и он поплыл вокруг западного побережья Аттики в надежде найти город незащищенным и завладеть им у кого-нибудь из сторонников Гиппия. Мильтиад, однако, заметил его маневр и отразил его. Оставив Аристиду и войска его племени охранять добычу и убитых, афинский военачальник быстрым ночным маршем повел свою армию-завоевательницу обратно через страну в Афины. И когда персидский флот обогнул мыс Суниум и утром подошел к афинской гавани, Датис увидел выстроившиеся на высотах над городом войска, от которых его люди бежали накануне вечером. Всякая надежда на дальнейшие завоевания в Европе на время была оставлена, и сбитая с толку армада вернулась к азиатским берегам.

После того, как битва была разыграна, но пока тела погибших еще лежали на земле, прибыло обещанное подкрепление из Спарты. Две тысячи лакедемонянских копейщиков, выступив сразу после полнолуния, прошли маршем сто пятьдесят миль между Афинами и Спартой за удивительно короткий срок в три дня. Хотя было слишком поздно, чтобы разделить славу

сражения, они попросили разрешения отправиться на поле битвы, чтобы посмотреть на мидян. Они проследовали туда, посмотрели на трупы захватчиков, а затем, восхваляя афинян и то, что они сделали, вернулись в Лакедемон.

Число погибших персов составило шесть тысяч четыреста человек; афинян - сто девяносто два. Число павших платейцев не упоминается, но поскольку они сражались в той части армии, которая не была разбита, оно не могло быть большим.

Очевидная диспропорция между потерями двух армий неудивительна, если вспомнить доспехи греческих копейщиков и невозможность нанести тяжелую рану мечом или пикой столь вооруженным войскам, пока они твердо держались в своих рядах. [Митфорд хорошо отзывается о Креси, Пуатье и Азенкуре как о примерах аналогичного неравенства потерь между завоевателями и побежденными.]

Убитые афиняне были похоронены на поле битвы. Это противоречило обычаю, согласно которому кости всех, кто пал, сражаясь за свою страну, каждый год помещались в общественную гробницу в пригороде Афин под названием Керамикус. Но было сочтено, что следует сделать различие в погребальных почестях, воздаваемых марафонцам, даже несмотря на то, что их заслуги были выше заслуг всех других афинян. На Марафонской равнине был воздвигнут высокий курган, под которым покоились останки афинян, павших в битве. На этом месте были воздвигнуты десять колонн, по одной для каждого из афинских племен; и на монументальной колонне каждого племени были выгравированы имена тех его членов, чья слава должна была пасть в великой освободительной битве. Антиквар Павсаний прочитал эти имена там через шестьсот лет после того, как они были впервые высечены. Колонны давно разрушены, но курган все еще отмечает место, где покоятся благороднейшие герои древности, МАРАТОНОМАХОИ. [Павсаний утверждает, со скрытой верой, что поле битвы по ночам посещали сверхъестественные существа и что на нем были слышны шум сражающихся и фыркание лошадей. Это суеверие пережило смену верований, и пастухи по соседству все еще верят, что призрачные воины сражаются на равнине в полночь, и они говорят, что слышали крики сражающихся и ржание коней. Посмотрите на Грота и Терлуолл.]

Отдельный курган был воздвигнут над телами убитых платейцев, а другой - над легковооруженными рабами, принимавшими участие в битве и павшими в ней. [Вполне вероятно, что греческие легковооруженные иррегулярные войска принимали активное участие в нападении на персидские корабли, и именно в этой атаке греки понесли свои основные потери.] Там же был установлен особый надгробный памятник генералу, гению которого в основном была обязана победа. Мильтиад прожил недолго после своего достижения в Марафоне, но он прожил достаточно долго, чтобы испытать прискорбный поворот своей популярности и удачи вспять. Как только персы покинули западное побережье Эгейского моря, он предложил собранию афинского народа снарядить семьдесят галер с соответствующим количеством солдат и военных припасов и предоставить их в его распоряжение; не сказав им, куда он намеревается отправиться, но пообещав им, что, если они снарядят войско, о котором он просил, и предоставят ему дискреционные полномочия, он поведет его в страну, где в изобилии есть золото, которое можно легко добыть. Греки того времени верили в существование восточных царств, изобилующих золотом, так же твердо, как европейцы шестнадцатого века верили в западное Эльдorado. Афиняне, вероятно, думали, что недавний победитель Марафона и бывший военачальник Дария вот-вот поведет их в секретную

экспедицию против нескольких богатых и незащищенных городов с сокровищами в персидских владениях. Вооружение было выбрано и снаряжено, и оно отплыло из Аттики на восток, и никто, кроме Мильтиада, не знал его назначения, пока не был достигнут греческий остров Парос, когда появилась его истинная цель. В прежние годы, будучи связанным с персами в качестве князя Херсонеса, Мильтиад был вовлечен в ссору с одним из ведущих людей среди парийцев, который нанес ущерб его репутации и вызвал некоторое пренебрежение к нему при дворе персидского сатрапа Гидарна. С тех пор вражда с тех пор терзала сердце афинского вождя, и теперь он напал на Парос, чтобы отомстить своему древнему врагу. Его предлогом, как полководца афинян, было то, что парийцы помогли вооружению Датиса военной галерой. Парийцы притворились, что договариваются об условиях капитуляции, но использовали выигранное таким образом время для ремонта неисправных частей укреплений своего города; а затем они бросили вызов афинянам. Пока, говорит Геродот, рассказы всех греков сходятся. Но впоследствии паросяне рассказали также дикую легенду о том, как плененная жрица паросского храма Земных божеств пообещала Мильтиаду дать ему средство захватить Парос: как по ее приказу афинский военачальник отправился ночью один и ворвался в святилище возле городских ворот, но с какой целью это было неизвестно; как сверхъестественный страх охватил его, и во время бегства он упал и сломал ногу; как впоследствии оракул запретил паросам наказывать святотатцев и предателей. жрица: "потому что было предназначено, что Мильтиадес плохо кончит, а она была лишь инструментом, чтобы привести его ко злу". Такова была история, которую Геродот услышал на Паросе. Несомненно было то, что Мильтиад либо вывихнул, либо сломал ногу во время неудачной осады этого города и вернулся домой в тяжелом положении со своими сбитыми с толку и разбитыми войсками.

Негодование афинян было пропорционально надежде и возбуждению, которые вызвали его обещания. Ксантипп, глава одной из первых семей в Афинах, предъявил ему верховным народным трибуналом обвинение в совершении тяжкого преступления - обмана народа. Его вина была неоспорима, и афиняне вынесли свой вердикт соответствующим образом. Но воспоминания о Лемносе и Марафоне, а также вид павшего полководца, распростертого на ложе перед ними, послужили основанием для смягчения наказания, и приговор был заменен смертной казнью на штраф в пятьдесят талантов. Эту сумму заплатил его сын, впоследствии прославленный Кимон, Мильтиад, умерший вскоре после суда от ранения, полученного им на Паросе.

[На распространенную клевету против афинян в отношении Мильтиада хорошо ответили сэр Эдвард Бульвер Литтон в его "Расцвете и падении Афин" и епископ Терлуолл во втором томе его "Истории Греции"; но наиболее полное опровержение они получили от м-ра Грота в четвертом томе его "Истории", стр. 490 и далее, и примечаниях. Я вполне согласен с ним в том, что "учитывая практику афинской дикастрии в уголовных делах, пятьдесят талантов были незначительным наказанием, фактически предложенным самими защитниками Мильтиада в качестве замены смертной казни. В тех уголовных делах в Афинах, где наказание не было заранее установлено законом, если обвиняемый был признан виновным, было принято выносить на рассмотрение присяжных заседателей впоследствии и отдельно вопрос о размере наказания. Сначала обвинитель называл наказание, которое он считал подходящим; затем обвиняемому было предложено назвать размер наказания для себя, и присяжные были вынуждены сделать свой выбор между этими двумя; никакая третья степень наказания не допускалась к рассмотрению. Конечно, при таких обстоятельствах обвиняемая сторона была заинтересована назначить, даже в своем собственном деле, какое-нибудь реальное и

серьезное наказание, которое присяжные, вероятно, сочли бы не совсем недостаточным для его только что доказанного преступления; ибо, предложив какое-то незначительное наказание, он вынудил их к гораздо более суровому приговору, рекомендованному его оппонентом ". Истории о том, что Мильтиад был брошен в тюрьму и умер там, и о том, что он был спасен от смерти только благодаря вмешательству пританиса того времени, я думаю, справедливо отвергнуты мистером Гротом как выдумки более поздних веков. Молчание Геродота о них имеет решающее значение. Это правда, что Платон в "Горгии" говорит, что афиняне проголосовали за то, чтобы бросить Мильтиада в Баратрум, и говорит о вмешательстве пританиса в его пользу; но следует помнить, что Платон, при всей своей трансцендентной гениальности, был (как назвал его Нибур) очень равнодушным патриотом, который любил очернять характер демократических институтов своей страны; и если факт был в том, что пританис на суде над Мильтиадом выступил против смертной казни и высказался в пользу что касается более мягкого приговора, то Платон (в отрывке, написанном для того, чтобы показать несчастья, постигшие афинских государственных деятелей) с готовностью преувеличил бы этот факт, превратив его в историю, которая приводится в его тексте.]

Печальный конец Мильтиада после его восхождения на такую высоту могущества и славы, должно быть, часто вспоминался древним грекам при виде одного из памятников великой битвы, которую он выиграл. Это была замечательная статуя (подробно описанная Павсанием), которую афиняне во времена Перикла приказали высечь из огромного мраморного блока, который, как считалось, был предоставлен Датисом в качестве трофея в честь ожидаемой победы персов. Фидий вылепил из этого колоссальное изображение богини Немезиды, божества, особой функцией которого было обеспечивать буйное процветание как наций, так и отдельных людей внезапными и ужасными неудачами. Эта статуя была установлена в храме богини в Рамне, примерно в восьми милях от Марафона, в самих Афинах сохранились многочисленные памятники ее первой великой победы. Панен, двоюродный брат Фидия, изобразил это на фреске на стенах расписного притвора; и столетия спустя на фреске были заметны фигуры Мильтиада и Каллимаха во главе афинян. Были выставлены божества-покровители, принимающие участие в драке. На заднем плане были видны финикийские галеры, а ближе к зрителю афиняне и платейцы (отличавшиеся своими кожаными шлемами) преследовали разбитых азиатов в болотах и море. Изображение битвы было также изображено на Храме Победы в Акрополе; и даже сейчас на фризе можно проследить фигуры персидских воинов с их лунными щитами, луками и колчанами, изогнутыми ятаганами, свободными лопатками и фригийскими тиарами. ["Греция" Вордсворта, стр. 115.]

Эти и другие памятники Марафона были порождением расцвета афинского интеллектуального великолепия — эпохи Фидия и Перикла. Ибо не только поколение людей, которых битва освободила от Гиппия и мидян, с благодарностью осознало исключительную важность их победы. На протяжении всей эпохи своего расцвета, на протяжении долгих Олимпиад своего упадка, на протяжении столетий после своего падения Афины вспоминали день Марафона как самый яркий в своей национальной жизни.

Благодаря естественному сочетанию патриотической гордости с благодарным благочестием сам дух афинян, павших при Марафоне, был обожествлен их соотечественниками. Жители Марафонских округов совершали в их честь религиозные обряды, и ораторы торжественно призывали их в своих самых страстных заклинаниях перед собравшимися афинянами. "Не было опущено ничего, что могло бы сохранить живую память о деянии, которое впервые научило

афинский народ осознавать свою собственную силу, соизмеряя ее с мощью, покорившей большую часть известного мира. Пробужденное таким образом сознание определило его характер, его положение и его судьбу; это было источником его последующих великих действий и амбициозных предприятий ". [Терлуолл.]

На самом деле не одним поражением, каким бы сигнальным оно ни было, можно было сломить гордость Персии и развеять ее мечты о всемирной империи. Десять лет спустя она возобновила свои попытки вторгнуться в Европу в более грандиозных масштабах предприятия и была отбита Грецией с еще большими и неоднократными потерями. Более крупные силы и более ожесточенная резня, чем была замечена при Марафоне, свидетельствовали о конфликтах греков и персов при Артемисии, Саламине, Платеях и Эвримедонте. Но какими бы могущественными и знаменательными ни были эти битвы, они не стоят в одном ряду с Марафоном по важности. Они не породили нового импульса. Они не повернули вспять течение судьбы. Они были просто подтверждением уже существующего предубеждения, которое создал Марафон. День Марафона - критическая эпоха в истории двух наций. Это навсегда разрушило чары персидской непобедимости, которые парализовали умы людей. Это породило среди греков дух, который дал отпор Ксерксу, а затем привел Ксенофонта, Агесилая и Александра к ужасному возмездию во время их азиатских кампаний. Она обеспечила человечеству интеллектуальные сокровища Афин, рост свободных институтов, либеральное просвещение западного мира и постепенное господство на многие века великих принципов европейской цивилизации.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ По НЕКОТОРЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ БИТВЫ При МАРАФОНЕ.

Геродот ничего не говорит о персидской кавалерии, принимавшей какое-либо участие в битве, хотя он упоминает, что Гиппий рекомендовал персам высадиться у Марафона, потому что равнина была благоприятна для кавалерийских маневров. В "Жизнеописании Мильтиада", которое обычно цитируется как произведение Корнелия Непота, но которое, как я полагаю, не имеет никакого авторитета, говорится, что Мильтиад защищал свои фланги от вражеской конницы, устроив бойню из срубленных деревьев. Пока он находился на возвышенности, ему не потребовалась бы такая защита; и маловероятно, что персы позволили бы ему возвести ее на равнине.

Епископ Терлуолл обращает наше внимание на отрывок из "Суидаса", где говорится, что пословица KNORIS HIPPEIS произошла от некоторых ионийских греков, которые в обязательном порядке служили в армии Датиса, ухитрившихся сообщить Мильтиаду, что персидская кавалерия ушла, после чего Мильтиад немедленно вступил в бой и одержал победу. Вероятно, в этой легенде есть доля правды. Если кавалерия Датиса была многочисленна, поскольку изобильные пастбища Эвбеи были совсем рядом, персидский полководец, когда он подумал из-за бездействия своего врага, что они не собираются спускаться с высот и давать сражение, мог, естественно, отправить большую часть своей конницы обратно через канал в окрестности Эретрии, где он уже оставил отряд и где, должно быть, были сложены его военные припасы. Знание о таком движении, конечно, утвердило бы Мильтиада в его решимости начать скорейшее сражение.

Но, по правде говоря, какое бы количество кавалерии, как мы предполагаем, ни было у Датиса в день Марафона, их бездействие в битве вполне объяснимо, если мы считаем, что атака афинских копейщиков была столь же внезапной, сколь и стремительной. Персидский всадник,

поднявший тревогу, должен был снять кандалы со своей лошади, пристегнуть к ней седло и взнуздать ее, помимо снаряжения самого себя (см. Ксеноф. *Anab. lib.iii*, с.4); и когда каждый отдельный всадник был готов, нужно было выстроить шеренгу; а время, необходимое для построения восточной кавалерии в линию для атаки, европейцы наблюдали во все века.

М-р Вордсворт упоминал о влажном состоянии болот на обоих концах равнины в то время года, когда велось сражение; и это помешало бы персидскому полководцу организовать и использовать своих всадников на крайних флангах, в то время как это также позволило бы грекам, когда они продвигались вперед, занять всю возможную территорию непрерывной линией выровненных копий, против которых, если бы какая-нибудь персидская конница двинулась вперед, они были бы в замешательстве отброшены назад своими собственными пешими.

Даже многочисленные и полностью укомплектованные отряды кавалерии неоднократно разбивались, как в древних, так и в современных войнах, решительными атаками пехоты. Например, именно атакой нескольких отборных когорт Цезарь разгромил помпеевскую кавалерию, которая ранее разгромила его собственную при Фарсалии.

Я представил битву при Марафоне как начавшуюся днем и закончившуюся ближе к вечеру. Если бы она продолжалась весь день, Геродот, вероятно, упомянул бы этот факт. То, что она закончилась ближе к вечеру, я думаю, доказывается строкой из "Веспэ", которую я уже цитировал и на которую мое внимание привлек отчет сэра Эдварда Бульвера Литтона об этой битве. Я думаю, что последующие строки Аристофана, также уже процитированные, оправдывают приведенное мною описание задних рядов персов, ведущих огонь из лука над головами своих товарищей против греков.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При МАРАФОНЕ, 490 г. до н.э., И ПОРАЖЕНИЕМ АФИНЯН ПРИ СИРАКУЗАХ, 413 г. до н.э..

С 490 по 487 год до н.э.. Вся Азия заполнена приготовлениями царя Дария к новому походу против Греции. Фемистокл убеждает афинян перестать делить доходы от своих серебряных рудников между собой и потратить эти деньги на укрепление своего военно-морского флота.

487. Египет восстает против персов и откладывает поход против Греции.

485. Дарий умирает, и его сын Ксеркс становится царем Персии вместо него.

484 Персы возвращают Египет.

480 Ксеркс вторгается в Грецию. Нерешительные действия персидского и греческого флотов при Артемисии. Уничтожение трехсот спартанцев при Фермопиях. Афиняне покидают Аттику и переходят на борт корабля. Великая морская победа греков при Саламине. Ксеркс возвращается в Азию, оставив отборную армию под командованием Мардония, чтобы продолжить войну против греков.

478. Мардоний и его армия разгромлены греками при Платеях. Греки высаживаются в Малой Азии и наносят поражение персидским войскам при Микале. В этот и последующие годы персы теряют все свои завоевания в Европе и многие на побережье Азии.

477. Многие греческие морские государства считают своим лидером Афины, а не Спарту.

466. Победы Кимона над персами при Эвримедонте.

464. Восстание илотов против Спарты. Третья мессенская война.

460. Египет снова восстает против Персии. Афиняне посылают на помощь египтянам мощное вооружение, которое, добившись некоторых успехов, уничтожается, и Египет покоряется. Эта война длилась шесть лет.

457. Войны в Греции между Афинами и несколькими пелопоннесскими государствами. Огромные усилия Афин в это время. В Лувре до сих пор сохранилась оригинальная надпись, свидетельствующая об энергии Афин в этот кризис, когда Афины, подобно Англии в современных войнах, одновременно стремились к завоеваниям за границей и отражали атаки врагов внутри страны. В период, к которому мы сейчас относимся (457 год до н.э.), афинское войско из двухсот галер участвовало в смелой, хотя и безуспешной экспедиции против Египта. Афинские команды высадились на берег, выиграли сражение; затем они снова сели на корабли и поплыли вверх по Нилу, усердно осаждая персидский гарнизон в Мемфисе. Поскольку численность галерной триремы составляла по меньшей мере двести человек, мы не можем оценить силы, которые Афины тогда использовали против Египта, менее чем в сорок тысяч человек. В то же время она держала эскадры у берегов Финикии и Кипра, и все же сохранила флот метрополии, который позволил ей разгромить своих пелопоннесских врагов при Кекрифалах и Эгине, захватив в последнем сражении семьдесят галер. Этот последний факт может дать нам некоторое представление о силе афинского флота метрополии, одержавшего победу; и, приняв то же соотношение умножения любого количества галер, которое, как мы предполагаем, было задействовано, на двести, чтобы получить общее количество экипажей, мы можем составить некоторую оценку сил, которые это маленькое греческое государство тогда держало в пешем строю. В течение этого года в ее флотах служило, должно быть, от шестидесяти до семидесяти тысяч человек. Ее целеустремленность была равна смелости предприятия. Скорее, чем уступить или отказаться от какой-либо из своих экспедиций, афиняне в то самое время, когда Коринф послал армию атаковать их гарнизон в Мегаре, не отозвали ни одной команды или ни одного солдата с Эгины или из-за границы; но юноши и старики, которые были оставлены охранять город, сражались и выиграли битву с этими новыми нападавшими. Надпись, на которую мы ссылались, высечена на обетной табличке в память о погибших, воздвигнутой в том году племенем эректеев, одним из десяти, на которые были разделены афиняне. Это показывает, как заметил Терлуолл, "что афиняне сознавали величие своих собственных усилий"; и в нем это небольшое гражданское сообщество древнего мира все еще "сообщает нам с подчеркнутой простотой, что "его убитые пали на Кипре, в Египте, Финикии, Галиях, Эгине и Мегаре В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ ГОДУ".

455. Тридцатилетнее перемирие, заключенное между Афинами и Лакедемоном.

440. Самосцы пытаются свергнуть верховенство Афин. Самос полностью подчинен. Перикл теперь единственный глава афинских советов.

431. Начало великой пелопоннесской войны, в которой Спарта, стоящая во главе почти всех пелопоннесских государств, при поддержке беотийцев и некоторых других греков за Перешейком, пытается ослабить мощь Афин и восстановить независимость греческих приморских государств, которые были союзниками Афин. В начале войны пелопоннесские

армии неоднократно вторгались в Аттику и разоряли ее, но сами Афины неприступны, а их флоты обеспечивают им господство на море.

430. Афины поразила эпидемия, которая унесла большую часть их населения.

426. Афиняне получают большие преимущества над спартанцами при Сфактерии и заняв Киферу; но они терпят жестокое поражение в Беотии, и спартанский полководец Брасидас возглавляет экспедицию к фракийскому побережью и завоевывает многие из наиболее ценных афинских владений в этих регионах.

421. Номинальное перемирие на тридцать лет между Афинами и Спартой, но военные действия продолжаются на фракийском побережье и в других кварталах.

415. Афиняне отправляют экспедицию для завоевания Сицилии.

ГЛАВА II. — ПОРАЖЕНИЕ АФИНЯН ПРИ СИРАКУЗАХ, 413 ГОД до н.э.

"Римляне не знали и не могли знать, насколько глубоко величие их собственного потомства и судьба всего Западного мира были замешаны в уничтожении флота Афин в гавани Сиракуз. Если бы эта великая экспедиция оказалась победоносной, энергия Греции в течение следующего богатого событиями столетия нашла бы свое применение на Западе не меньше, чем на Востоке; Греция, а не Рим, могла бы завоевать Карфаген; греческий вместо латыни мог бы быть в наши дни основным элементом языка Испании, Франции и Италии; и законы Афин, а не Рима, могли бы быть основой права цивилизованного мира". — АРНОЛЬД.

"Великая экспедиция на Сицилию, одно из самых решающих событий в мировой истории". — НИБУР.

Немногие города пережили более запоминающиеся осады в древние и средневековые времена, чем город Сиракузы. Афиняне, карфагеняне, римляне, вандалы, византийцы, сарацины и норманны по очереди осаждали ее стены; и сопротивление, которое она успешно оказала некоторым из своих первых нападавших, имело глубочайшее значение не только для судеб существовавших тогда поколений, но и для всего последующего течения человеческих событий. По красноречивому выражению Арнольда, касающемуся сдерживания, которое она оказала карфагенскому вооружению, "Сиракузы были волнорезом, который Божье провидение

воздвигло для защиты еще незрелой мощи Рима". А ее триумфальный отпор великой афинской экспедиции против нее имел еще более широкое и непреходящее значение. Это решающая эпоха в борьбе за всемирную империю, в которую последовательно вступали и терпели неудачу все великие государства древности.

Нынешний город Сиракузы - это место с небольшой военной мощью или вообще без нее, поскольку огонь артиллерии с соседних высот почти полностью уничтожил бы его. Но в древних войнах его положение и забота, проявленная к его стенам, делали его чрезвычайно сильным против средств нападения, которые тогда применялись осаждающими армиями.

Древний город во времена Пелопоннесской войны был построен главным образом на выступающем в море выступе суши на восточном побережье Сицилии, между двумя заливами; один из которых, на севере, назывался Тапсийским заливом, в то время как южный образовывал большую гавань самого города Сиракузы. Небольшой остров, или полуостров (так его вскоре назвали), лежит на юго-восточной оконечности этого выступа суши, почти полностью пересекая вход в большую гавань и делая ее почти закрытой от суши. На этом острове находилось первоначальное поселение первых греческих колонистов из Коринфа, которые основали Сиракузы две тысячи пятьсот лет назад; и современный город снова сузился до этих первоначальных пределов. Но в пятом веке до нашей эры растущее богатство и население сиракуз побудили их занимать и включать в свои городские стены часть за частью материка, лежащего рядом с маленьким островом; так что во время афинской экспедиции обращенная к морю часть суши между двумя бухтами, о которых уже говорилось, была застроена и укреплена от бухты до бухты; это составляло большую часть Сиракуз.

Таким образом, городская стена, обращенная к суше, пересекала этот выступ суши, который продолжает подниматься вверх от моря и который к западу от старых укреплений (то есть в направлении внутренней части Сицилии) быстро поднимается на милю или две, но уменьшается в ширину и, наконец, заканчивается длинным узким гребнем, между которым и горой Хибла простирается череда пропастей и неровных низин. На каждом склоне этого хребта спуск крутой и обрывистый от его вершин к полосам ровной земли, которые лежат непосредственно под ним, как на юго-западе, так и на северо-западе.

Обычным способом нападения на укрепленные города во время Пелопоннесской войны было возведение вокруг них двойной стены, достаточно прочной, чтобы сдержать любую вылазку гарнизона изнутри или любую атаку подкрепляющих сил извне. Промежуток между двумя стенами окружности был перекрыт крышей и образовал казармы, в которых расположились осаждающие и ожидали, что из-за нужды или предательства осажденных они сдадутся. И в каждом греческом городе тех дней, как и в каждой итальянской республике средневековья, бушевала внутренняя вражда между аристократами и демократами. Озлобленные беженцы кишели в лагерях каждого вторгшегося врага; и каждый блокированный город, несомненно, содержал в своих стенах группу интригующих недовольных, которые стремились купить триумф партии ценой национальной катастрофы. Голод и фракции были союзниками, на которых полагались осаждающие. Генералы того времени доверяли действиям этих надежных союзников, как только они могли установить полную блокаду. Они редко отваживались на попытку штурма какого-либо укрепленного поста. Ибо военные машины древности были слабы в разрушении каменной кладки по сравнению с усовершенствованиями, которые первый

Дионисий внес в механику разрушения; и жизни самых смелых и хорошо обученных копейщиков, конечно, были бы потрачены впустую в атаках на незакрепленные стены.

Город, построенный недалеко от моря, как Сиракузы, был неприступен, если не считать совместных действий превосходящего вражеского флота и превосходящей вражеской армии. И Сиракузы, учитывая их размеры, население, военные и военно-морские ресурсы, вполне естественно считали себя в безопасности от того, что в другом греческом городе появится враг, способный прислать достаточное вооружение, чтобы угрожать ей захватом и подчинением. Но весной 414 года до н.э. афинский военно-морской флот был хозяином своей гавани и прилегающих морей; афинская армия разгромила ее войска и заперла их в городе; и от бухты к бухте по ровным участкам местности и высокому хребту за пределами города (тогда называвшемуся Эпиполами) быстро возводилась блокадная стена, которая, в случае завершения строительства, отрезала бы сиракузян от всякой помощи из внутренних районов Сицилии и оставила бы их на милость афинских генералов. Укрепления осаждающих были, действительно, незакончены; но с каждым днем неукрепленный промежуток в их рядах становился все уже, а вместе с этим уменьшалась и вся очевидная надежда на безопасность осажденного города.

Теперь Афины ставили на кон расцвет своих сил и накопленные плоды семидесятилетней славы в одном смелом броске за господство над западным миром. Как Наполеон с горы Львиное сердце указал на Сен-Жан д'Акр и сказал своему штабу, что взятие этого города решит его судьбу и изменит облик мира; так и афинские военачальники, должно быть, смотрели с высот Эпиполы на Сиракузы и чувствовали, что с их падением все известные державы земли падут под ними. Они, должно быть, чувствовали также, что Афины, если они будут отброшены там, должны навсегда приостановить свою завоевательную карьеру и превратиться из имперской республики в разрушенное и подвластное сообщество.

В Марафоне, первом по времени из Великих сражений Мира, мы видели, как Афины боролись за самосохранение против вторгающихся армий Востока. В Сиракузах она предстает амбициозной и деспотичной захватчицей других. В Ней, как и в других республиках старого и нового времени, та же энергия, которая вдохновляла на самые героические усилия по защите национальной независимости, вскоре научилась использовать себя в дерзких и беспринципных планах самовозвеличивания за счет соседних народов. В промежуток между персидской и Пелопоннесской войнами она быстро превратилась в завоевательное и доминирующее государство, главу тысячи городов-данников и повелительницу самого большого и лучше всего укомплектованного флота, который когда-либо видело Средиземноморье. Оккупация ее территории Ксерксом и Мардонием во время второй персидской войны вынудила все ее население стать моряками; и славные результаты этой борьбы укрепили их в рвении служить своей стране на море. Добровольное избирательное право греческих городов побережья и островов Эгейского моря впервые поставило Афины во главе конфедерации, созданной для дальнейшего ведения войны против Персии. Но это номинальное господство вскоре было превращено ею в практическое и деспотическое господство. Она защищала их от пиратства и персидской державы, которая вскоре пришла в упадок; но взамен она требовала беспрекословного повиновения себе. Она заявляла о своей прерогативе облагать их налогом по своему усмотрению и гордо отказывалась нести ответственность за то, как она расходует их припасы. Протест против ее оценок рассматривался как фракционная нелояльность, а отказ платить немедленно карался как бунт. Разрешая и поощряя подвластных ей союзников

снабжать все свои контингенты деньгами, вместо того чтобы частично состоять из кораблей и людей, суверенная республика преследовала двойную цель: обучать своих собственных граждан постоянной и хорошо оплачиваемой службой на своих флотах и видеть, как ее союзники теряют свои навыки и дисциплину из-за бездействия и становятся все более пассивными и бессильными под ее игом. Их города, как правило, были разрушены; в то время как сам императорский город был укреплен с величайшей тщательностью и роскошью: накопленные доходы от его притоков служили для максимального укрепления и украшения его гаваней, доков, арсеналов, театров и святынь; и для придания ему того обилия архитектурного великолепия, руины которого до сих пор свидетельствуют об интеллектуальном величии эпохи и народа, создавшего Перикла для планирования и Фидия для исполнения.

Все республики, которые приобретают превосходство над другими нациями, управляют ими эгоистично и деспотично. Ни в древние, ни в современные времена этому не было исключений. Карфаген, Рим, Венеция, Генуя, Флоренция, Пиза, Голландия и республиканская Франция - все они тиранили в каждой провинции и подвластном государстве, где они получали власть. Но никто из них открыто не признавал своей принципиальной системы действий с той откровенностью, которую проявляли афинские республиканцы, когда выдвигались какие-либо возражения против суровых поборов, которые они налагали на своих союзников-вассалов. Они признали, что их империя была тиранией, и откровенно заявили, что для ее поддержания они полагаются исключительно на силу и террор. Они апеллировали к тому, что они называли "вечным законом природы, согласно которому сильные должны принуждать слабых". [THUC. i. 77.] Иногда они заявляли, и не без доли правды, что несправедливая ненависть Спарты к ним самим вынуждала их быть несправедливыми к другим в целях самозащиты. Чтобы быть в безопасности, они должны быть могущественными; а чтобы быть могущественными, они должны грабить и принуждать своих соседей. Они никогда не мечтали передать какие-либо права или долю в должности своим подчиненным; но ревниво монополизировали каждый командный пост, а также всю политическую и судебную власть; подвергая себя любому риску с непоколебимой отвагой; бодро перенося кропотливую подготовку и суровую дисциплину, которых требовала их морская служба; с готовностью берясь за любой амбициозный план; и никогда не терпя трудностей или катастроф, которые могли поколебать их целеустремленность. Их надеждой было приобрести неограниченную империю для своей страны и средства для поддержания каждого из тридцати тысяч граждан, составлявших суверенную республику, в исключительной преданности военным занятиям и тем блестящим наукам и искусствам, в которых Афины уже достигли расцвета интеллектуального великолепия.

Ее великий политический деятель, драматург говорит об Афинской империи как о включающей в себя тысячу государств. Язык сцены не следует понимать слишком буквально; но число зависимых Афин в то время, когда пелопоннесская конфедерация напала на них, несомненно, было очень велико. За несколькими незначительными исключениями, все острова Эгейского моря и все греческие города, которые в ту эпоху окаймляли побережья Малой Азии, Геллеспонта и Фракии, платили дань Афинам и беспрекословно подчинялись ее приказам. Эгейское море было аттическим озером. К западу от Греции ее влияние, хотя и было сильным, не было столь же преобладающим. У нее были колонии и союзники среди богатых и густонаселенных греческих поселений на Сицилии и ЮгеИталии, но у нее не было организованной системы союзников в этих регионах; и ее галеры не привозили ей дань из западных морей. Распространение ее империи на Сицилию было излюбленным проектом ее амбициозных ораторов и полководцев. Пока был жив ее великий государственный деятель Перикл, его командирский гений держал

своих соотечественников под контролем и запрещал им рисковать состоянием Афин в отдаленных предприятиях, в то время как у их собственных дверей стояли непокорные и могущественные враги. Он научил Афины этому правилу; но он также научил ее знать свои собственные силы и использовать их, и когда Перикл ушел, смелый дух, который он воспитывал, перешел те спасительные границы, которые он предписал. Когда ее злейшим врагам, коринфянам, удалось в 431 году до н.э. склонить Спарту к нападению на нее, и был сформирован союз из пяти шестых континентальных греков, движимых тревожной завистью и лютой ненавистью к Афинам; когда армии, намного превосходящие по численности и оснащению те, что выступали против персов, хлынули на афинскую территорию и опустошили ее до городских стен; общее мнение было таково, что Афины самое большее через два-три года будут вынуждены подчиниться поборам захватчиков. Но ее мощные укрепления, которыми она была окружена и связана со своим главным убежищем, давали ей в те века почти все преимущества островного положения. Перикл заставил ее довериться своей морской империи. В те дни каждый афинянин был опытным моряком. Государство, численность населения которого в возрасте, пригодном для службы, никогда не превышала тридцати тысяч человек, а территория которого не равнялась половине Сассекса, могло приобрести такое военно-морское господство, каким некогда обладали Афины, только посвятив и ревностно обучив всех своих сыновей службе в его флотах. Чтобы укомплектовать многочисленные галеры, которые она отправляла в плавание, она обязательно нанимала также большое количество наемных моряков и рабов на веслах; но основной состав ее экипажей составляли афиняне, и все командные посты занимали коренные граждане. Именно напоминая им об этом, об их долгой практике в морском деле и об определенном превосходстве, которое давала им дисциплина над вражеской морской пехотой, их великий министр главным образом поощрял их сопротивляться объединенной мощи Лакедемона и его союзников. Он учил их, что таким образом Афины могли бы пожать плоды своей ревностной преданности морскому делу со времен вторжения Мидян; "она, действительно, не достигла совершенства; но наградой за ее превосходную подготовку стало господство на море — могущественное владычество, ибо оно дало ей власть над многими прекрасными землями за пределами волн, защищенными от праздных опустошений, которыми лакедемоняне могли беспокоить Аттику, но никогда не могли покорить Афины". [THUC. lib. i. c. 144.]

Афины смирились с войной, которой им угрожали враги, вместо того, чтобы сойти со своего почетного места. И хотя ужасное нашествие Чумы обрушилось на нее и унесло больше ее граждан, чем опустилось дорийское копье, она доблестно выстояла против своих врагов. Если пелопоннесские армии, обладающие непреодолимой силой, каждую весну опустошали огнем и мечом ее посевы кукурузы, виноградники и оливковые рощи, то она наносила ответный удар по их побережью своими флотами; которым, если и оказывалось сопротивление, оказывалось сопротивление только для того, чтобы продемонстрировать выдающееся мастерство и храбрость ее моряков. Некоторые из ее подданных-союзников подняли восстание, но в целом восстания были сурово и быстро подавлены. Гений одного врага, действительно, нанес удары ее власти во Фракии, которые она была не в состоянии исправить; но он пал в битве на десятый год войны; и с потерей Брасида лакедемоняне, казалось, утратили всякую энергию и рассудительность. Наконец обе стороны устали от войны; и в 421 году до н.э. было заключено перемирие на пятьдесят лет, которое, хотя и плохо соблюдалось, и хотя многие союзники Спарты отказывались признавать его, а военные действия все еще продолжались во многих частях Греции, защищало афинскую территорию от опустошительных действий врагов и

позволяло Афинам накапливать большие суммы из поступлений от ее ежегодных доходов. Точно так же, по прошествии нескольких лет, опустошение, причиненное чумой и мечом ее населению, было устранено; и в 415 году до нашей эры Афины были полны смелых и беспокойных духов, которые стремились к какому-нибудь отдаленному поприщу, где они могли бы заявить о себе и возвеличить государство; и которые смотрели на тревогу из-за враждебности спарты просто как на бабушкины сказки. Когда Спарта опустошала их территорию, она делала самое худшее; и тот факт, что это всегда было в ее власти, казался веской причиной для стремления увеличить приморское господство Афин.

Запад теперь был тем направлением, к которому были устремлены мысли каждого честолюбивого афинянина. С самого начала войны Афины сохраняли интерес к Сицилии, и их эскадры время от времени появлялись у ее берегов и принимали участие в распрях, в которые сицилийские греки повсеместно были вовлечены друг против друга. Имелись веские основания для прямой ссоры и открытого нападения афинян на Сиракузы.

Предполагалось, что с захватом Сиракуз вся Сицилия будет в безопасности. Следующими подверглись нападению Карфаген и Италия. Затем, набрав большое количество иберийских наемников, она намеревалась сокрушить своих пелопоннесских врагов. Персидская монархия пребывала в безнадежном идиотизме, навлекая на себя греческое вторжение; и при этом в известном мире не было силы, которая, казалось, могла бы сдерживать растущую мощь Афин, если бы Сиракузы когда-нибудь могли принадлежать ей.

Национальный историк Рима оставил нам в качестве эпизода своего великого труда исследование вероятных последствий, которые последовали бы, если бы Александр Македонский вторгся в Италию. Потомки обычно считали это исследование более убедительным доказательством патриотизма Ливия, чем его беспристрастность или проницательность. И все же, правы или ошибочны, рассуждения римского писателя были направлены на рассмотрение очень отдаленной возможности. До какого бы возраста ни продлилась жизнь Александра, Восток предоставил бы ему полное занятие для его воинских амбиций, а также для тех планов коммерческого величия и имперского объединения наций, в которых любили проявляться поистине великие качества его ума. С его смертью распад его империи среди его генералов был неизбежен, точно так же, как распад империи Наполеона среди его маршалов, несомненно, последовал бы, если бы он был отрезан в зените своего могущества. Рим также был намного слабее, когда афиняне находились на Сицилии, чем столетие спустя, во времена Александра. Не может быть никаких сомнений в том, что Рим был бы вычеркнут из числа независимых держав Запада, подвергнись он нападению в конце пятого века до нашей эры афинской армии, которой в значительной степени помогали испанские наемники, и окрыленный триумфами над Сицилией и Африкой, вместо того чтобы отложить столкновение между ним и Грецией до тех пор, пока последняя не пришла в упадок, а римский Марс не набрал полную силу.

Вооружение, которым афиняне вооружили Сиракузы, было во всех отношениях достойно государства, создавшего такие проекты всемирной империи; и оно было поистине названо "самым благородным, которое когда-либо было выдвинуто свободным и цивилизованным государством". [История Рима Арнольда.] Флот состоял из ста тридцати четырех боевых галер и множества складских судов. Мощный отряд лучшей тяжеловооруженной пехоты, которую могли предоставить Афины и ее союзники, был отправлен на борт вместе с меньшим количеством

пращников и лучников. Качество вооруженных сил было даже более примечательным, чем их количество. Рвение отдельных лиц соперничало с рвением республики в обеспечении каждой галеры наилучшей командой, а каждого отряда - самым совершенным снаряжением. И, поскольку частные и общественные богатства были с готовностью потрачены на все, что могло придать экспедиции блеск и эффективность, обреченный флот начал свое путешествие к берегам Сицилии летом 415 года до н.э.

Сами сиракузяне во времена Пелопоннесской войны были смелой и буйной демократией, тиранизовавшей более слабые греческие города на Сицилии и пытавшейся добиться на этом острове такого же произвольного господства, какое Афины сохраняли на восточном побережье Средиземного моря. По численности и духу они были полностью равны афинянам, но намного уступали им в военной и военно-морской дисциплине. Когда вероятность афинского вторжения впервые публично обсуждалась в Сиракузах, и некоторые из более мудрых граждан предприняли усилия по улучшению состояния национальной обороны и подготовке к надвигающейся опасности, слухи о грядущей войне и предложения по подготовке были восприняты массами сиракузян с презрительным недоверием. Речь одного из их популярных ораторов сохранилась до нас у Фукидида, [Lib. vi. с. 36 и далее., издание Арнольда. Я почти дословно переписал некоторые отрывки на полях оригинальной речи.] и многие из ее тем могли бы, при небольшом изменении названий и деталей, прекрасно послужить нашей нынешней партии, которая выступает против увеличения наших сил и высмеивает идею о том, что мы подвергаемся какой-либо опасности в результате внезапного нападения французской экспедиции. Сиракузский оратор призвал своих соотечественников с презрением отмахнуться от призрачных ужасов, которые группа интриганов между собой пыталась возбудить, чтобы получить власть и влияние в свои руки. Он сказал им, что Афины слишком хорошо знают свои собственные интересы, чтобы думать о бессмысленном провоцировании их враждебности: "ДАЖЕ ЕСЛИ ПРИДУТ ВРАГИ, - сказал он, - СТОЛЬ ДАЛЕКИЕ ОТ ИХ РЕСУРСОВ И ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ТАКОЙ ДЕРЖАВЕ, КАК НАША, ИХ УНИЧТОЖЕНИЕ БУДЕТ ЛЕГКИМ И НЕИЗБЕЖНЫМ. У ИХ КОРАБЛЕЙ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО РАБОТЫ, ЧТОБЫ ВООБЩЕ ДОБРАТЬСЯ ДО НАШЕГО ОСТРОВА И ПЕРЕВЕЗТИ СТОЛЬКО ВСЕВОЗМОЖНЫХ ПРИПАСОВ, СКОЛЬКО ПОТРЕБУЕТСЯ. КРОМЕ ТОГО, ПОЭТОМУ ОНИ НЕ МОГУТ СОДЕРЖАТЬ ДОСТАТОЧНО БОЛЬШУЮ АРМИЮ, ЧТОБЫ СПРАВИТЬСЯ С ТАКИМ НАСЕЛЕНИЕМ, КАК НАШЕ. У НИХ НЕ БУДЕТ УКРЕПЛЕННОГО МЕСТА, ОТКУДА ОНИ МОГЛИ БЫ НАЧАТЬ СВОИ ОПЕРАЦИИ; НО ОНИ ДОЛЖНЫ БУДУТ ОПИРАТЬСЯ НЕ НА ЧТО ИНОЕ, КАК НА НАБОР ЖАЛКИХ ПАЛАТОК, И НА ТАКИЕ СРЕДСТВА, КАКИЕ ИМ ПОЗВОЛЯТ СИЮМИНУТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ. НО, ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО ОНИ ВООБЩЕ СМОГУТ ПРОИЗВЕСТИ ВЫСАДКУ. ПОЭТОМУ ДАВАЙТЕ СВЕДЕМ К НУЛЮ ЭТИ СООБЩЕНИЯ КАК ПОЛНОСТЬЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА; И БУДЕМ УВЕРЕНЫ, ЧТО, ЕСЛИ КАКОЙ-ЛИБО ВРАГ ВСЕ ЖЕ ПРИДЕТ, ГОСУДАРСТВО БУДЕТ ЗНАТЬ, КАК ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ СПОСОБОМ, ДОСТОЙНЫМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЧЕСТИ".

Такие утверждения понравились сиракузскому собранию; и их аналоги теперь пользуются благосклонностью некоторой части английской общественности. Но захватчики Сиракуз пришли; удачно высадились на Сицилии; и, если бы они сразу напали на сам город, вместо того чтобы тратить почти год на беспорядочные операции в других частях острова, сиракузяне, должно быть, поплатились бы за свою самодовольную беспечность подчинением афинскому игу. Но из трех полководцев, возглавлявших афинскую экспедицию, только двое были способными людьми, а один был самым слабым и некомпетентным. К счастью для Сиракуз, Алкивиад, самый искусный из троих, вскоре был отстранен от командования фракционным и

фанатичным голосованием своих соотечественников, а другой компетентный, Ламах, пал в самом начале стычки; в то время как, что еще более удачно для нее, слабый и колеблющийся Никий остался никем и невредим, приняв на себя безраздельное руководство афинской армией и флотом и лишив попеременно чрезмерной осторожности и беспечности все шансы на успех, которые были у ранней части афинской армии и флота. из предлагаемых операций. Тем не менее, даже при нем афиняне почти завоевали город. Они разгромили необученных рекрутов сиракузян, заперли их в стенах и, как упоминалось ранее, практически осуществили непрерывное укрепление от бухты до бухты над Эпиполами, за завершением которого, несомненно, последовала бы капитуляция.

Алкивиад, самый законченный пример беспринципного гения, какой только есть в истории, Болингброк древности, но обладавший высокими военными талантами, дополненными дипломатическими и ораторскими способностями, будучи вызван домой после командования на Сицилии, чтобы предстать перед афинским трибуналом, бежал в Спарту; и он проявил себя там со всей эгоистичной злобой отступника, чтобы возобновить войну с Афинами и немедленно послать помощь Сиракузам.

Когда мы читаем его слова на страницах Фукидида (который в то время сам был изгнанником из Афин и, вероятно, находился в Спарте и слышал выступление Алкивиада), мы теряемся в догадках, восхищаться ему или ненавидеть его коварные и предательские советы. После искусной отговорки, в которой он попытался отвести подозрения, которые, по его мнению, должны были возникнуть в отношении него, и указать спартанцам, насколько полно его интересы и их интересы были определены ненавистью к афинской демократии, он продолжил следующим образом: "Выслушайте меня, во всяком случае, о вопросах, которые требуют вашего серьезного внимания и которые я, исходя из личных знаний, которыми я располагаю, могу и должен представить вам. Мы, афиняне, приплыли на Сицилию с намерением подчинить сначала тамошние греческие города, а затем итальянские. Затем мы намеревались совершить покушение на владения Карфагена и на сам Карфаген. [Арнольд в своих примечаниях к этому отрывку хорошо напоминает читателю, что Агафокл, располагавший силами греков, намного уступавшими силам афинян в тот период, столетие спустя был очень близок к завоеванию Карфагена.] Если бы все эти проекты увенчались успехом (и при этом мы не ограничивались ими в этих кругах), мы намеревались увеличить наш флот за счет неисчерпаемых запасов корабельного леса, которые предоставляет Италия, реквизируют все военные силы завоеванных греческих государств, а также нанять большие армии варваров, иберов и других жителей этих регионов, которым позволено готовить лучших солдат. [Следует помнить, что испанская пехота была основным составом карфагенских армий. Несомненно, Алкивиад и другие видные афиняне познакомились с карфагенской системой ведения войны и намеревались перенять ее. Обладая удивительной способностью Алкивиада завоевывать расположение людей любого класса и любой нации, а также своим высоким военным гением, он был бы таким же грозным предводителем армии кондотьеров, каким впоследствии стал Ганнибал.] Затем, когда мы сделали все это, мы намеревались атаковать Пелопоннес собранными нами силами. Наши флоты блокировали бы вас с моря и опустошили бы ваши побережья; наши армии высадились бы в разных точках и напали бы на ваши города. Некоторые из них мы ожидали взять штурмом, а другие намеревались взять, окружив их укрепленными линиями. [Алкивиад здесь имел в виду саму Спарту, которая не была укреплена. Его спартанские слушатели, должно быть, оглянулись при этих словах со смешанным чувством тревоги и негодования.] Мы думали, что таким образом будет легко полностью победить вас, и

тогда мы станем хозяевами всей греческой расы. Что касается расходов, мы рассчитывали, что каждое завоеванное государство предоставит нам запасы денег и провизии, достаточные для оплаты своего собственного завоевания, и предоставит средства для завоевания своих соседей.

Таковы планы нынешней афинской экспедиции на Сицилию, и вы слышали о них из уст человека, который из всех живущих людей наиболее точно знаком с ними. Другие афинские военачальники, оставшиеся в экспедиции, постараются осуществить эти планы. И будьте уверены, что без вашего оперативного вмешательства все они будут выполнены. Сицилийским грекам не хватает военной подготовки, но все же, если бы их можно было сразу заставить объединиться в организованном сопротивлении Афинам, они могли бы уже сейчас быть спасены. Но что касается сиракузян, сопротивляющихся Афинам в одиночку, то они уже всей силой своего населения вступили в битву и потерпели поражение; они не могут противостоять афинянам на море; и для них совершенно невозможно выстоять против силы своих захватчиков. И если этот город попадет в руки афинян, вся Сицилия будет принадлежать им, а вскоре и Италия; и опасность, о которой я предупреждал вас с этой стороны, скоро обрушится на вас самих. Следовательно, вы должны сражаться на Сицилии за безопасность Пелопоннеса. Немедленно отправьте туда несколько галер. Поднимите на борт людей, которые смогут сами проложить себе дорогу и которые, как только они приземлятся, смогут выполнять обязанности регулярных войск. Но прежде всего, пусть кто-нибудь из вас, пусть мужчина из Спарты, примет главное командование, наведет порядок и эффективную дисциплину в войсках, находящихся в Сиракузах, и призовет тех, кто в настоящее время медлит, выступить вперед и помочь сиракузянам. Присутствие спартанского полководца в этот кризисный момент сделает больше для спасения города, чем целая армия". [THUC., lib. vi, с. 90,91.] Затем отступник стал убеждать их в необходимости поддержать своих друзей на Сицилии, показав, что они сами настроены серьезно враждебно по отношению к Афинам. Он увещевал их не только снова ввести свои армии в Аттику, но и занять постоянную укрепленную позицию в стране; и он подробно рассказал им обо всем, чего афиняне больше всего боялись, и о том, как его страна может получить от их рук самый тяжкий и продолжительный ущерб.

Спартанцы решили последовать его совету и назначили Гилиппа командующим Сицилией. Гилипп был человеком, который к национальной храбрости и военному мастерству спартанца присоединял политическую проницательность, достойную его великого соотечественника Брасида; но его заслуги были принижены подлым и грязным пороком; и это один из случаев, когда история была сурово справедлива и когда успешной, но продажной солдатне было присвоено мало или вообще никакой славы. Но для той цели, для которой он потребовался на Сицилии, в Лакедемонe нельзя было найти более способного человека. Его страна не дала ему ни людей, ни денег, но она дала ему свою власть; и влияние ее имени и его собственных талантов быстро проявилось в том рвении, с которым коринфяне и другие пелопоннесские греки начали снаряжать эскадру, чтобы действовать под его началом для спасения Сицилии. Как только четыре галеры были готовы, он поспешил с ними к южному побережью Италии; и там, хотя он получил такие дурные вести о состоянии Сиракуз, что оставил всякую надежду спасти этот город, он решил остаться на побережье и сделать все, что в его силах, для защиты итальянских городов от афинян.

Действительно, Никий был так близок к завершению своей осады, и положение Сиракуз, по-видимому, стало настолько отчаянным, что сиракузяне действительно созвали собрание, и они

обсуждали условия, на которых им следует предложить капитуляцию, когда было видно, как галера ворвалась в большую гавань и направилась к городу со всей скоростью, на которую были способны ее гребцы. По тому, что она обошла ту часть гавани, где стоял афинский флот, и направилась прямо к сиракузской стороне, было ясно, что она была другом; вражеские крейсера, беспечные из-за уверенности в успехе, не предприняли попытки отрезать ее; она пристала к берегу, и коринфский капитан, спрыгнувший с нее на берег, был с готовностью препровожден к собранию сиракузян, как раз вовремя, чтобы предотвратить роковое голосование за капитуляцию.

К счастью для Сиракуз, командиру галеры Гонгилу афинская эскадра помешала последовать за Гилиппом в Южную Италию, и он был вынужден направиться прямо к Сиракузам из Греции.

Вид реальной помощи и обещание большего оживили упавший дух сиракузян. Они чувствовали, что их не бросили на произвол судьбы; и весть о том, что командовать ими прибывает спартанец, подтвердила их решимость продолжать сопротивление. Гилипп был уже недалеко от города. В Локрах он узнал, что первое дошедшее до него сообщение о состоянии Сиракуз было преувеличено и что в рядах осаждающих образовался незаконченный промежуток, через который едва ли можно было ввести в город подкрепление. Перейдя Мессинский пролив, который по преступной небрежности Никия оставил без охраны, Гилипп высадился на северном побережье Сицилии и там начал собирать в греческих городах армию, ядро которой составили регулярные войска, которые он привел с Пелопоннеса. Таково было влияние названия Спарты [эффект присутствия спартанского офицера на войска других греков, по-видимому, был подобен эффекту присутствия английского офицера на туземные индийские войска.] и таковы были его собственные способности и активность, что ему удалось собрать силы численностью около двух тысяч полностью вооруженных пехотинцев при большом количестве иррегулярных войск. Никий, словно обезумев, не предпринимал попыток противодействовать его действиям; и когда Гилипп повел свою маленькую армию к Сиракузам, афинский военачальник не пытался остановить его. Сиракузяне выступили ему навстречу, и в то время как афиняне были сосредоточены исключительно на завершении своих укреплений на южной стороне, ведущей к гавани, Гилипп изменил их позицию, заняв возвышенность в крайнем тылу Эпипол. Затем он прошел маршем через ничем не укрепленный участок линий Никия в осажденный город; и, соединив свои войска с сиракузскими войсками, после нескольких боев с переменным успехом овладел Никием, изгнал афинян из Эпипол и окружил их в невыгодном положении на низменности возле большой гавани.

Внимание всей Греции было теперь приковано к Сиракузам, и каждый враг Афин чувствовал важность представившейся возможности обуздать ее честолюбие и, возможно, нанести смертельный удар ее могуществу. Крупные подкрепления из Коринфа, Фив и других городов теперь достигли сиракузян; в то время как сбитый с толку и удрученный афинский полководец горячо умолял своих соотечественников отозвать его и представлял дальнейшее продолжение осады безнадежным.

Но Афины взяли за правило никогда не позволять трудностям или бедствиям останавливать ее от любого однажды предпринятого предприятия, пока у нее есть средства приложить любые усилия, какими бы отчаянными они ни были, для его осуществления. С неукротимым упорством она теперь распорядилась, вместо того чтобы отозвать свое первое вооружение из-под Сиракуз, выслать второе, хотя ее враги поблизости от дома теперь возобновили открытую войну

против нее и, заняв постоянное укрепление на ее территории, сильно потеснили ее население и подвергали ее почти всем тяготам настоящей осады. Она по-прежнему была владычицей морей и послала еще один флот из семидесяти галер и еще одну армию, которая, казалось, истощила самые последние резервы ее военного населения, чтобы попытаться завоевать Сиракузы и уберечь честь афинского оружия от позора отступления. Ее дух действительно был сломлен, но никогда не согнется. Во главе этой второй экспедиции она мудро поставила своего лучшего полководца Демосфена, одного из самых выдающихся офицеров, которых произвела на свет долгая пелопоннесская война, и который, если бы первоначально командовал Сицилией, вскоре привел бы Сиракузы к покорности.

Слава полководца Демосфена была омрачена превосходством его великого соотечественника, оратора Демосфена. Когда упоминается имя Демосфена, на ум приходит только последний. Солдат не нашел биографа. И все же из длинного списка великих людей Афинской республики мало кто заслуживает того, чтобы стоять выше, чем этот храбрый, хотя и в конечном итоге потерпев неудачу, предводитель ее флотов и армий в первой половине Пелопоннесской войны. В своей первой кампании в Этолии он проявил некоторую опрометчивость молодости и получил урок осторожности, которым пользовался на протяжении всей своей карьеры, но не утратил ни капли своей природной энергии в предприимчивости или исполнении. Он оказал выдающуюся услугу, спасая Наупактус от мощного вражеского вооружения на седьмом году войны; затем он, по просьбе акарнанских республик, принял на себя должность главнокомандующего всеми их вооруженными силами и во главе их получил некоторые важные преимущества над врагами Афин в Западной Греции. Его самыми знаменитыми подвигами были оккупация Пилоса на мессенском побережье, успешная оборона этого места от флота и армий Лакедемона и последующий захват спартанских войск на острове Сфактерия; это был самый серьезный удар, нанесенный Спарте за всю войну, и который в основном заставил ее смириться и заключить перемирие с Афинами. Демосфен был столь же почетно неизвестен в партийной политике Афин, сколь и выдающимся в войне с внешним врагом. Мы не читаем о его интригах ни с аристократической, ни с демократической стороны. Он не был в интересах ни Никия, ни Клеона. Его личный характер был свободен от каких-либо пятен, запятнавших характер Алкивиада. По всем этим пунктам молчание комического драматурга является решающим доказательством в его пользу. Он также обладал моральным мужеством, не всегда сочетавшимся с физическим, в стремлении выполнить свой долг перед своей страной, независимо от какой-либо ненависти, которую он сам мог навлечь на себя, и не испытывал мелочной зависти к тем, кто был связан с ним командованием. В древней истории мало имен людей, о которых потомки с радостью узнали бы больше или которым мы более глубоко сочувствуем в постигших их бедствиях, чем Демосфену, сыну Алцисфена, который весной 413 года до нашей эры покинул Пирей во главе второго афинского похода на Сицилию.

Его прибытие было очень своевременным; поскольку Гилипп подбил сиракузян атаковать афинян под командованием Никия как с моря, так и по суше, и благодаря умелой уловке Аристона, одного из адмиралов коринфской вспомогательной эскадры, сиракузяне и их союзники нанесли флоту Никия первое поражение, которое афинский флот когда-либо терпел от численно превосходящего противника. Гилипп готовился развить свое преимущество новыми атаками на афинян по обоим направлениям, когда прибытие Демосфена полностью изменило положение дел и вернуло превосходство захватчикам. С семьюдесятью тремя боевыми галерами, находящимися в высшей степени боеспособном состоянии и блестяще оснащенными, с пятью тысячами отборных солдат регулярной пехоты Афин и ее союзников и

еще большим количеством лучников, метателей копий и пращников на борту, Демосфен обогнул большую гавань под громкие приветственные крики и боевую музыку, как бы бросая вызов сиракузянам и их союзникам. Его прибытие действительно превратило их зародившиеся надежды в глубочайший ужас. Ресурсы Афин казались неисчерпаемыми, а сопротивление ей безнадежным. Им говорили, что она доведена до последней крайности и что ее территория оккупирована врагом; и все же здесь они видели, как она, словно расточая силы, посылает для чужеземных завоеваний второе вооружение, не уступающее тому, с которым Никий впервые высадился на берегах Сицилии.

С интуитивным решением великого полководца Демосфен сразу понял, что овладение Эпиполами было ключом к овладению Сиракузами, и он решил предпринять быструю и энергичную попытку вернуть себе эту позицию, пока его силы были целы, а ужас, который их прибытие вызвало среди осажденных, не ослабевал. Сиракузяне и их союзники проложили укрепления вдоль Эпипол от городских стен, пересекая укрепленные линии обхода, которые начал Никий, но с которых они были изгнаны Гилиппом. Если бы Демосфену удалось взять штурмом это укрепление и восстановить афинские войска на возвышенности, он мог бы справедливо надеяться возобновить обход города и стать завоевателем Сиракуз: ибо, когда линии осаждающих будут пройдены, численность войск, которыми Гилипп разместил гарнизон в этом месте, только истощила бы запасы провизии и ускорила бы его падение.

Сначала была предпринята легко отбитая атака на переднее укрепление в дневное время, вероятно, больше с целью ослепить осажденных относительно характера основных операций, чем с какой-либо надеждой на успех в открытом штурме, учитывая все неудобства местности, с которыми приходилось бороться. Но когда наступила темнота, Демосфен построил своих людей в колонны, каждый солдат взял с собой провизию на пять дней, а инженеры и рабочие лагеря последовали за войсками со своими инструментами и всеми переносными фортификационными приспособлениями, чтобы сразу обеспечить любое преимущество на местности, которое могла получить армия. Снаряженный и подготовленный таким образом, он повел своих людей вдоль подножия южного склона Эпипол в направлении внутренней части острова, пока не оказался сразу за узким гребнем, образующим оконечность возвышенности, обращенной на запад. Затем он повернул свой авангард вправо, быстро направил его вверх по тропинкам, вьющимся вдоль скалы, и ему удалось застать врасплох передовые посты сиракузян и расположить свои войска на крайней вершине чрезвычайно важных Эпипол. Оттуда афиняне энергичным маршем двинулись вниз по склону к городу, разгромив несколько сиракузских отрядов, которые были расквартированы на их пути, и энергично атаковали незащищенную часть укреплений. Сначала все были к ним благосклонны. Гарнизон покинул надворную постройку, и афинские инженеры начали ее разбирать. Напрасно Гилипп подтягивал свежие войска, чтобы сдерживать натиск: афиняне разбили и отбросили их назад и продолжали горячо наступать в полной уверенности в победе. Но среди общего замешательства сиракузян и их союзников один отряд пехоты устоял на ногах. Это была бригада их беотийских союзников, размещенная низко по склону Эпиполы, за городскими стенами. Хладнокровно и неуклонно беотийская пехота построилась в линию и, не обращая внимания на поток бегства вокруг, двинулась навстречу наступающим афинянам. Это был переломный момент битвы. Но афинский авангард был дезорганизован своими собственными предыдущими успехами; и, уступая неожиданному нападению, предпринятому на него войсками, находившимися в совершенном порядке и отличавшимися самым упорным мужеством, он был в замешательстве отброшен назад, к другим подразделениям армии, которые все еще продолжали продвигаться

вперед. Когда, таким образом, ситуация изменилась, сиракузяне быстро перешли от крайней степени паники к крайней степени мстительной отваги и теперь всеми своими силами яростно атаковали смущенных и отступавших афинян. Напрасно офицеры последнего стремились перестроить свой строй. Среди шума и криков боя и неразберихи, неизбежной при ночном сражении, особенно таком, когда многие тысячи бойцов были зажаты и сбиты вместе на узком и неровном пространстве, необходимые маневры были невыполнимы; и хотя многие роты все еще отчаянно сражались, везде, где лунный свет показывал им подобие врага, [THUC. vii. 44. Сравните описание Тацитом ночного сражения в гражданской войне между Веспасианом и Вителлием: "Нейтро инклинав фортуна, конец взрослой ночи, ЛУНА ОСТЕНДЕРЕТ СОБЫТИЯ, ФАЛЕРЕЕСК".—Hist. Lib. iii. sec. 23.] они сражались без согласия или субординации; и нередко среди смертельного хаоса афинские войска нападали друг на друга. Держа свои ряды сомкнутыми, сиракузяне и их союзники напирали на дезорганизованные массы осаждающих и, наконец, с жестокой резней сбросили их со скал, на которые они взобрались всего час назад, полные надежды и, по-видимому, уверенные в успехе.

Это поражение стало решающим в ходе осады. Впоследствии афиняне боролись только за то, чтобы защитить себя от мести, которую сиракузяне стремились осуществить, полностью уничтожив своих захватчиков. Однако никогда месть не была более полной и ужасной. Последовала серия морских сражений, в ходе которых афинские галеры были полностью уничтожены или захвачены в плен. Моряки и солдаты, избежавшие смерти в катастрофических сражениях и в тщетной попытке заставить отступить в глубь острова, стали военнопленными. Никий и Демосфен были хладнокровно казнены, а их люди либо с треском погибли в сиракузских застенках, либо были проданы в рабство тем самым людям, ради порабощения которых они, гордясь своим могуществом, пересекли моря.

Теперь всем опасностям, исходившим от Афин для независимых наций Запада, навсегда пришел конец. Она, действительно, продолжала бороться против своих объединенных врагов и взбунтовавшихся союзников с беспримерной доблестью; и прошло еще много лет разнообразных войн, прежде чем она сдалась их оружию. Но никакие успехи в последующих завоеваниях никогда не смогли бы вернуть ей превосходство в предприимчивости, ресурсах и морском мастерстве, которое она приобрела до своих роковых поражений на Сицилии. Ни среди соперничающих греческих республик, которым ее собственная опрометчивость помогла сокрушить ее, не было ни одной, способной реорганизовать ее империю или возобновить ее завоевательные планы. Владычество над Западной Европой было предоставлено Риму и Карфагену оспаривать два столетия спустя, в конфликтах еще более ужасных и с еще более высокими проявлениями военной отваги и гения, чем Афины в период своего расцвета, расцвета или падения.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ ПОРАЖЕНИЕМ АФИНЯН При СИРАКУЗАХ И БИТВОЙ При АРБЕЛЕ.

412 год до н.э. Многие из подчиненных союзников Афин восстают против нее, поскольку известно о ее бедствиях перед Сиракузами; место боевых действий переносится на Геллеспонт и восточную сторону Эгейского моря.

410. Карфагеняне пытаются совершить завоевания на Сицилии.

407. Кир Младший послан царем Персии принять управление всеми морскими частями Малой Азии и с приказом помочь лакедемонянскому флоту против афинского.
406. Агригент, взятый карфагенянами.
405. Последний афинский флот, уничтоженный Лисандром при ЭГоспотамосе. Афины в плотной осаде. Расцвет власти Дионисия в Сиракузах.
404. Афины капитулируют. Окончание Пелопоннесской войны. Господство Спарты завершается по всей Греции.
403. Фрасибул с помощью фиванцев и при попустительстве одного из спартанских царей освобождает Афины от Тридцати тиранов и восстанавливает демократию.
401. Кир Младший начинает свой поход в Верхнюю Азию, чтобы свергнуть своего брата Артаксеркса Мнемона. Он берет с собой вспомогательные силы из десяти тысяч греков. Он убит в битве при Кунаксе; и десять тысяч человек во главе с Ксенофонтот отступают, несмотря на персидские армии и естественные препятствия на их пути.
399. В этот и пять последующих лет лакедемоняне под командованием Агесилая и других военачальников ведут войну против персидских сатрапов в Малой Азии.
396. Сиракузы осаждены карфагенянами и успешно обороняются Дионисием.
394. Рим делает свой первый большой шаг в карьере завоевателя, захватив Вейи.
393. Афинский адмирал Конон совместно с персидским сатрапом Фарнабазом наносит поражение лакедемонянскому флоту у Книда и восстанавливает укрепления Афин. Несколько бывших союзников Спарты в Греции ведут против нее военные действия.
388. Народы Северной Европы впервые появляются в подлинной истории. Галлы захватывают большую часть Италии и сжигают Рим. Рим оправляется от удара, но его старые враги, эквианцы и вольски, остаются полностью разгромленными галльскими захватчиками.
387. Анталисьдасский мир заключен между греками при посредничестве и с санкции персидского царя.
- с 378 по 361 год. Новые войны в Греции. Эпаминонд делает Фивы ведущим государством Греции, а господство Спарты разрушается в битве при Левктре. Эпаминонд погибает, одерживая победу при Мантинее, и могущество Фив падает вместе с ним. Афиняне пытаются установить баланс между Спартой и Фивами.
359. Филипп становится царем Македонии.
357. Социальная война вспыхивает в Греции и длится три года. Ее результат сдерживает попытку Афин вернуть себе свою старую морскую империю.
356. Родился Александр Македонский.
343. Рим начинает свои войны с самнитами: они длятся в течение пятидесяти лет. Результатом этого упорного соперничества является закрепление за ней владычества над Италией.

340. Новые попытки карфагенян напасть на Сиракузы. Тимолеон побеждает их с большой резней.

338. Филипп побеждает союзные армии Афин и Фив при Херонее, и господство Македонии над Грецией прочно устанавливается.

336. Филипп убит, и Александр Македонский становится царем Македонии. Он одерживает несколько побед над северными варварами, напавшими на Македонию, и разрушает Фивы, которые совместно с Афинами подняли оружие против македонцев.

334. Александр переходит Геллеспонт.

ГЛАВА III. — БИТВА При АРБЕЛЕ, 331 год до н.э.

"Александр заслуживает славы, которой он пользовался на протяжении столь многих веков среди всех народов; но что, если бы он потерпел поражение при Арбеле, имея в тылу Евфрат, Тигр и пустыни, без каких—либо укрепленных мест убежища, в девятистах лье от Македонии?" - НАПОЛЕОН.

"Азия с изумлением и благоговением наблюдала за непрерывным продвижением героя, размах завоеваний которого был таким же широким и быстрым, как у ее собственных варварских царей или скифских или халдейских орд; но, в отличие от скоротечных вихрей азиатских войн, продвижение македонского вождя было не менее обдуманное, чем быстрым; на каждом шагу

Греческое могущество пустило корни, и язык и цивилизация Греции распространились от берегов Эгейского моря до берегов Инда, от Каспия и великой Гирканской равнины до порогов Нила; чтобы существовать на самом деле в течение почти тысячи лет, а их последствия сохранялись вечно". — АРНОЛЬД.

Можно было бы составить длинный и небезынтересный список выдающихся людей, чьи характеры в последнее время были оправданы от клеветы, которой они подвергались на протяжении веков. Дух современного исследования и тенденция современной науки, о которых часто говорят как о сугубо негативных и разрушительных, на самом деле восстановили величие и почти создали заново гораздо больше, чем подвергли порицанию или отбросили от рассмотрения как нереальные. Правдивость многих блестящих повествований о

блестящих подвигах последних лет была триумфально продемонстрирована; и поверхностность скептических насмешек, с которыми мелкие умишки придирались к великим умам древности, была во многих примерах решительно разоблачена. Законы, политика и направления действий, принятые или рекомендованные выдающимися людьми и могущественными нациями, были изучены с более тщательным исследованием и рассмотрены с более всесторонним суждением, чем раньше по этим вопросам. Результат был, по крайней мере, столь же часто благоприятным, сколь и неблагоприятным для лиц и государств, подвергшихся столь тщательному анализу; и таким образом, мы можем надеяться, что многие часто повторяющиеся наветы на оба мероприятия и людей были замолчаны навсегда.

Правдивость Геродота, чистый патриотизм Перикла, Демосфена и Гракхов, мудрость Клисфена и Лициния как конституционных реформаторов могут быть упомянуты как факты, которые современные авторы очистили от несправедливых подозрений и порицания. И можно было бы легко показать, что защитительная тенденция, отличающая нынешних и новейших лучших историков Германии, Франции и Англии, в равной степени проявлялась в том духе, в котором они относились к героям мысли и героям действия, жившим в то время, которое мы называем средневековьем, и над которыми так долго было модно насмехаться или пренебрегать.

Имя победителя при Арбеле навело на эти размышления; ибо, хотя быстрота и размах завоеваний Александра во все века вызывали восхищение и изумление, величие гения, которое он проявил в своих планах торговли, цивилизации и всеобъемлющего союза между народами, до недавнего времени сравнительно не почиталось. Это продолжающееся в течение длительного времени обесценивание было произведено на ранней стадии. Древние риторы — класс болтунов, школа лжи и скандалов, как справедливо назвал их Нибур, — выбрали среди основных тем для своих общих мест характер и подвиги Александра. У них были свои последователи в каждую эпоху; и до самого недавнего периода все, кто хотел "указать на мораль или украсить историю" о неразумных амбициях, непомерной гордыне и устрашающем безумии свободной воли в союзе со свободной властью, никогда не упускали случая выдвинуть так называемого македонского безумца в качестве одного из самых ярких примеров. Без сомнения, многие из этих писателей с безоговорочным доверием принимали традиционные идеи и с бескорыстной филантропией предполагали, что, очерняя Александра, они оказывают человечеству добрую услугу. Но также, без сомнения, многие из его нападков, как и нападки других великих людей, были в основном спровоцированы "этой сильнейшей из всех антипатий, антипатией второсортного ума к первоклассному" [Де Сталь.] и завистью, которую талант слишком часто питает к гению.

Арриан, написавший свою историю Александра, когда Адриан был императором римского мира и когда дух декламации и догматизма достиг своего полного расцвета, но который сам был, в отличие от мечтательных педантов школ, государственным деятелем и солдатом практических и проверенных способностей, хорошо осудил злонамеренную клевету, которую, как он слышал, постоянно бросали на память о великом завоевателе Востока. Он действительно говорит: "Пусть человек, который злословит об Александре, не просто приведет те отрывки из жизни Александра, которые были действительно злыми, но пусть он соберет и проанализирует все действия Александра, а затем пусть он сначала тщательно обдумает, кто и что за человек он сам, и какова была его собственная карьера; и затем пусть он обдумает, кем и что за человек был Александр, и к какой вершине человеческого величия ОН пришел. Пусть он подумает, что Александр был царем и бесспорным владыкой двух континентов; и что его имя известно по всей

земле. Пусть злоречивый против Александра помнит все это, а затем пусть он поразмыслит о своей собственной незначительности, мелочности своих собственных обстоятельств и дел, а также об ошибках, которые он допускает по этому поводу, какими бы ничтожными они ни были. Пусть тогда он спросит себя, подходит ли он для того, чтобы осуждать и поносить такого человека, как Александр. Я полагаю, что в его время не было ни одной нации, ни одного города, нет, ни одного отдельного человека, для которых имя Александра не стало бы привычным словом. Поэтому я считаю, что такой человек, который не был похож ни на кого из обычных смертных, родился в мир не без какого-то особого провидения ". [Арриан, lib. vii. AD FINEM.]

И один из самых выдающихся солдат и писателей нашей страны, сэр Уолтер Рэли, хотя он и не смог справедливо оценить все заслуги Александра, выразил свое ощущение величия роли, которую сыграл в мире "Великий эматийский завоеватель", словами, которые вполне заслуживают цитаты: "Дух какого—то одного человека настолько превзошел, что он предпринял и осуществил преобразование величайших государств и содружеств, установление монархий, завоевание королевств и империй, направил горстку людей против множества других". равной физической силы, одержал победы, превосходящие всякую надежду и рассуждения разума, превратил страшные страсти своих последователей в великодушие, а доблесть своих врагов - в трусость; такие духи пробуждались в разные века мира и в самых разных его частях, чтобы воздвигать и низвергать снова, устанавливая и разрушая и приводить все вещи, людей и государства к тем же определенным целям, которые предопределил бесконечный дух ВСЕЛЕННОЙ, пронизывающий, движущий и управляющий всем сущим. Конечно, то, что делал этот царь, было чудесным и вряд ли было бы предпринято кем-либо другим; и хотя его отец решил вторгнуться в Малую Азию, это похоже на то, что он удовлетворился бы какой-то ее частью, а не открыл реку Инд, как это сделал этот человек ". ["Всемирная история", сэр Уолтер Роли, рыцарь, стр. 628.]

К более высокому авторитету, чем Арриан или Рэли, могут теперь обратиться те, кто желает знать истинные заслуги Александра как полководца и насколько верны банальные утверждения о том, что его успехи были простыми результатами удачной опрометчивости и безрассудной драчливости, Наполеон выбрал Александра как одного из семи величайших полководцев, чьи благородные поступки дошла до нас история, и из изучения кампаний которых следует усвоить принципы ведения войны. Критический анализ величайшего завоевателя современности военной карьеры великого завоевателя старого света не менее нагляден, чем правдив.

"Александр переправился через Дарданеллы в 334 году до н.э. с армией численностью около сорока тысяч человек, из которых одну восьмую составляла кавалерия; он форсировал реку Граник, противостоя армии под командованием грека Мемнона, который командовал войсками Дария на побережье Азии, и весь 333 год провел, устанавливая свою власть в Малой Азии. Ему помогали греческие колонисты, которые жили на берегах Черного и Средиземного морей, а также в Смирне, Эфесе, Тарсе, Милете и других городах. Персидские цари оставили свои провинции и города, чтобы ими управляли по их собственным особым законам. Их империя была союзом конфедеративных государств и не образовывала единой нации; это облегчило ее завоевание. Поскольку Александр желал только трона монарха, он легко осуществил перемены, уважая обычаи, манеры и законы народа, который не испытывал никаких изменений в своем положении.

В 332 году он встретился с Дарием во главе шестидесяти тысяч человек, занявших позицию близ Тарса, на берегах Иссы, в провинции Киликия. Он победил его, вступил в Сирию, взял Дамаск, в котором находились все богатства Великого царя, и осадил Тир. Эта великолепная торговая столица мира задержала его на девять месяцев. Он взял Газу после двухмесячной осады; пересек пустыню за семь дней; вошел в Пелузий и Мемфис и основал Александрию. Менее чем за два года, после двух сражений и четырех или пяти осад, побережья Черного моря от Фазиса до Византии, Средиземноморья до Александрии, вся Малая Азия, Сирия и Египет покорились его оружию.

"В 331 году он пересек Пустыню, расположился лагерем в Тире, снова пересек Сирию, вошел в Дамаск, перешел Евфрат и Тигр и разбил Дария на поле Арбелы, когда тот был во главе еще более сильной армии, чем та, которой он командовал на Иссе, и Вавилон открыл ему свои ворота. В 330 году он захватил Сузы и этот город, Персеполь и Пасаргаду, в которых находилась гробница Кира. В 329 году он направил свой курс на север, вошел в Экбатану и расширил свои завоевания до берегов Каспия, наказал Бесса, трусливого убийцу Дария, проник в Скифию и подчинил скифов. В 328 году он форсировал реку Окс, получил шестнадцать тысяч рекрутов из Македонии и подчинил соседний народ. В 327 году он пересек Инд, победил Пороса в жестоком сражении, взял его в плен и обращался с ним как с царем. Он намеревался перейти Ганг, но его армия отказалась. Он отплыл вниз по Инду в 326 году с восемьюстами судами; достигнув океана, он послал Неарха с флотом пройти вдоль берегов Индийского океана и Персидского залива до устья Евфрата. В 325 году ему потребовалось шестьдесят дней, чтобы пересечь Гедрозию, войти в Керманию, вернуться в Пасаргаду, Персеполь и Сузы и жениться на Статире, дочери Дария. В 324 году он еще раз двинулся на север, миновал Экбатану и закончил свою карьеру в Вавилоне." [См. "Мемуары графа Монтолона о Наполеоне".]

Непреходящее значение завоеваний Александра следует оценивать не по продолжительности его собственной жизни и империи, и даже не по продолжительности царств, которые его военачальники после его смерти сформировали из осколков этого могущественного владычества. В каждом регионе мира, который он пересекал, Александр насаждал греческие поселения и основывал города, в населении которых греческий элемент сразу же утверждал свое преобладание. Среди его преемников Селевкиды и Птолемеи подражали своему великому полководцу в том, что сочетали схемы цивилизации, торговых отношений, литературных и научных исследований со всеми своими предприятиями по военному расширению и со всеми своими системами гражданского управления. Таково было господство греческого гения, так удивительно всеобъемлющим и ассимилирующим было введенное им воспитание, что в течение тридцати лет после того, как Александр пересек Геллеспонт, язык, литература и искусства Эллады, насаждаемые и поощряемые руками Македонии полуэллинского происхождения, преобладали во всех странах от берегов этого моря до индийских вод. Даже угрюмый Египет признал интеллектуальное превосходство Греции, и язык Перикла и Платона стал языком государственных деятелей и мудрецов, живших в таинственной стране Пирамид и Сфинкса. Не следует предполагать, что эта победа греческого языка была настолько полной, чтобы истребить коптский, сирийский, армянский, персидский или другие родные языки многочисленных наций и племен между Эгейским морем, Яксертом, Индом и Нилом; они сохранились как провинциальные диалекты. Каждый из них, вероятно, использовался как вульгарный язык своего района. Но каждый человек с малейшими претензиями на образование говорил по-гречески. Греческий был повсеместно государственным языком и исключительным языком всей литературы и науки, он также служил для торговца и путешественника, а также для

придворного, правительственного чиновника и солдата органом общения между мириадами людей, населяющих эти обширные районы Старого Света. [См. Арнольд, История. Рим, ii. 406.] Всюду по Малой Азии, Сирии и Египту эллинский характер, который был привит таким образом, сохранялся в полной силе вплоть до времен магометанских завоеваний. Часто указывалось на бесконечную ценность этого для человечества с высочайшей и священной точки зрения; и действия перста Провидения были с благодарностью признаны теми, кто наблюдал, как раннему росту и прогрессу христианства способствовало распространение греческого языка и цивилизации по Малой Азии, Сирии и Египту, вызванное македонским завоеванием Востока.

В Верхней Азии, за Евфратом, прямое и материальное влияние греческого господства было более кратковременным. Тем не менее, во время существования эллинских царств в этих регионах, особенно греческого королевства Бактрия, современной Бухары, оживляющий контакт с греческим духом оказал очень важное влияние на интеллектуальные тенденции и вкусы жителей этих стран и соседних. Большая часть индуистской науки и философии, большая часть литературы позднего персидского царства Аршакидов либо произошли от греческих влияний, либо были в значительной степени изменены ими. Точно так же образование и наука арабов были в гораздо меньшей степени результатом оригинального изобретения и гения, чем воспроизведением в измененной форме греческой философии и греческих знаний, приобретенных сарацинскими завоевателями вместе с приобретением ими провинций, которые Александр покорил почти за тысячу лет до того, как вооруженные ученики Магомета начали свою карьеру на Востоке. Хорошо известно, что Западная Европа в средние века черпала свою философию, искусство и науку главным образом у арабских учителей. И таким образом, мы видим, как интеллектуальное влияние древней Греции, излитое на восточный мир победами Александра, а затем перенесенное на Средневековую Европу распространением сарацинских держав, оказало свое воздействие на элементы современной цивилизации по этому мощному, хотя и косвенному каналу, а также через более очевидные последствия остатков классической цивилизации, которые сохранились в Италии, Галлии, Британии и Испании после вторжения германских народов. [См. "Космос" Гумбольдта.]

Эти соображения придают македонским триумфам на Востоке никогда не угасающий интерес, подобно тому, как самые эффектные и кровопролитные успехи простых "низменных амбиций и гордыни царей", какими бы ослепительными они ни были на мгновение, никогда не смогут сохраниться у потомков. Можно смело спорить о том, могла ли древнеперсидская империя, которую основал Кир, просуществовать намного дольше, даже если бы Дарий одержал победу при Арбеле. Это древнее владычество, как и турецкое в настоящее время, страдало от всех причин упадка и разложения. Сатрапы, подобно современным пашам, постоянно восставали против центральной власти, и Египет, в частности, почти всегда находился в состоянии восстания против своего номинального суверена. Больше не существовало ни эффективного центрального контроля, ни какого-либо внутреннего принципа единства, пронизывающего огромную массу империи и связывающего ее воедино. Персия, очевидно, была близка к падению; но, если бы не вторжение Александра в Азию, она, скорее всего, пала бы под властью какой-нибудь другой восточной державы, как некогда пали Мидия и Вавилон перед ней самой, и как в последующие времена господство Парфян уступило место возрожденному господству Персии на Востоке под скипетром Аршакидов. Революция, которая просто заменила бы одну восточную державу другой, была бы совершенно бесплодной и невыгодной для человечества.

Победа Александра при Арбеле не только свергла восточную династию, но и установила вместо нее европейских правителей. Она нарушила монотонность восточного мира впечатлением от западной энергии и высшей цивилизации; даже если нынешняя миссия Англии состоит в том, чтобы разрушить умственный и моральный застой Индии и Китая, изливая на них и через них импульсивный поток англосаксонской торговли и завоеваний.

Арбела, город, давший свое название решающей битве, отдавшей Азию Александру, находится более чем в двадцати милях от действительного места конфликта. Маленькая деревушка, которая тогда называлась Гаугамела, находилась недалеко от места, где встретились армии, но уступила честь дать название битве своему более благозвучному соседу. Гаугамела расположена на одной из широких равнин, лежащих между Тигром и горами Курдистана. Несколько волнистых холмов разнообразят поверхность этой песчаной дороги; но земля в целом ровная и превосходно подходит для маневров кавалерии, а также рассчитана на то, чтобы дать большей из двух армий полное преимущество численного превосходства. Персидский царь (который, прежде чем взойти на трон, доказал свою личную доблесть как солдат и свое мастерство как полководец) мудро выбрал этот регион для третьего и решающего столкновения своих войск с захватчиками. Предыдущие поражения его войск, какими бы серьезными они ни были, не рассматривались как непоправимые, его генералы сражались при Гранике опрометчиво и без взаимного согласия. И, хотя сам Дарий командовал войсками при Иссе и был разбит, это поражение можно было бы отнести за счет неблагоприятного характера местности; когда, зажатые между горами, рекой и морем, многочисленные персы приводили в замешательство и сковывали как искусство полководца, так и доблесть солдат, так что сама их сила становилась их слабостью. Здесь, на широких равнинах Курдистана, крупнейшему воинству Азии было где развернуться, вступить в перестрелку, сконцентрировать или расширить свои эскадрильи, маневрировать и атаковать по своему усмотрению. Если бы Александр и его немногочисленный отряд осмелились окунуться в это живое море войны, их гибель казалась неизбежной.

Однако Дарий чувствовал критический характер предстоящего столкновения как по отношению к себе, так и к своему противнику. Он не мог надеяться исправить последствия третьего поражения. Великие города Месопотамии и Верхней Азии, центральных провинций Персидской империи, несомненно, окажутся во власти победителя. Дариус также достаточно хорошо знал азиатский характер, чтобы понимать, как он уступает место престижу успеха и очевидной карьере предначертанной судьбой. Он чувствовал, что теперь диадема должна быть либо прочно водружена на его собственное чело, либо безвозвратно водружена на голову его европейского завоевателя. Поэтому в течение длительного промежутка времени, оставленного им после битвы при Иссе, пока Александр покорял Сирию и Египет, он усердно занимался отбором лучших войск, которые поставляла его обширная империя, и обучением своих разнообразных сил действовать сообща с некоторым единообразием дисциплины и системы.

Выносливые горцы Афганистана, Бухары, Хивы и Тибета тогда, как и в настоящее время, сильно отличались от большинства азиатов воинственным духом и выносливостью. Из этих районов Дарий собрал большие отряды превосходной пехоты; а страны современных курдов и туркмен поставляли, как они делают это и сейчас, эскадроны всадников, сильных, умелых, смелых и обученных постоянной деятельности и военному делу. Небезынтересно отметить, что предки наших последних врагов, сикхов, были союзниками Дария в борьбе с македонянами. У Арриана

о них говорится как об индейцах, живших близ Бактрии. Они были приданы войскам этой сатрапии, и их кавалерия была одной из самых грозных сил во всей персидской армии.

Помимо этих отборных войск, прибыли контингенты из множества других провинций, которые все еще подчинялись Великому королю. Всего, как говорят, конницы было сорок тысяч, колесниц с косами - двести, а вооруженных слонов - пятнадцать. Численность пехоты неизвестна; но знания, которыми располагают как древние, так и современные времена об обычном характере восточных армий и о численности их приверженцев в лагерях, могут дать нам основание полагать, что многие мириады были готовы сражаться или обременять тех, кто сражался, за последнего Дария.

Позиция персидского царя близ Месопотамии была выбрана с большим военным мастерством. Было очевидно, что Александр по возвращении из Египта должен двинуться на север вдоль сирийского побережья, прежде чем напасть на центральные провинции персидской империи. Прямой марш на восток из нижней части Палестины через великую Сирийскую пустыню был тогда, как и сейчас, совершенно неосуществим. Двигаясь из Сирии на восток, Александр, переправившись через Евфрат, достигнет обширных месопотамских равнин. Богатые столицы империи, Вавилон, Сузы и Персеполь, тогда лежали бы к югу от него; и если бы он двинулся маршем через Месопотамию, чтобы напасть на них, Дарий мог бы разумно надеяться последовать за македонянами со своей огромной кавалерией и, даже не рискуя вступать в открытое сражение, преследовать их и в конце концов сокрушить. Мы можем вспомнить, что три столетия спустя римская армия под командованием Красса была таким образом фактически уничтожена восточными лучниками и всадниками на этих самых равнинах; [см. Митфорд.] и что предки парфян, которые таким образом победили римские легионы, тысячами служили под началом царя Дария. Если же, напротив, Александр отложит свой поход на Вавилон и сначала попытается встретиться с персидской армией, то местность по обе стороны Тигра на этой широте была весьма выгодна для такой армии, какой командовал Дарий; и у него в тылу были горные районы Северной Мидии, где он сам в молодости был сатрапом, где он приобрел репутацию солдата и полководца и где он справедливо рассчитывал найти верность своей персоне и безопасное убежище в случае поражения. [Замечания Митфорда о стратегии Дария в его последней кампании очень справедливы. После того, как Митфордом чрезмерно восхищались как историком, им теперь чрезмерно пренебрегают. Его пристрастность и недостаток эрудиции были разоблачены в достаточной степени, чтобы сделать его больше не опасным гидом по греческим политикам; в то время как ясность и яркость его повествования и сильный здравый смысл его замечаний (там, где не мешают его партийные предрассудки) всегда должны делать его книги ценными и занимательными.]

Его великий противник выступил против него через Евфрат во главе армии, которая, как утверждает Арриан, переписывая записи македонских офицеров, состояла из сорока тысяч пеших и семи тысяч всадников. При изучении кампаний Александра у нас есть особое преимущество, заключающееся в том, что мы черпаем информацию от двух дивизионных генералов Александра, которые играли важную роль во всех его предприятиях. Аристокл и Птолемей (который впоследствии стал царем Египта) вели регулярные дневники военных событий, свидетелями которых они были; и эти дневники находились во владении Арриана, когда он составлял свою историю экспедиции Александра. Высокая честность Арриана вселяет в нас уверенность в том, что он использовал их справедливо, а его комментарии по поводу случайных расхождений между двумя македонскими повествованиями доказывают, что он

использовал их разумно. Он часто цитирует слова своих авторитетов, и таким образом его история приобретает очарование, которым обладают очень немногие древние или современные военные повествования. Анекдоты и выражения, которые он записывает, мы справедливо считаем подлинными, а не выдумкой риторика, как у Курция. Фактически, читая Арриана, мы читаем генерала Аристобула и генерала Птолемея о кампаниях македонцев; и это все равно что читать генерала Жомини или генерала Фоя о кампаниях французов.

Оценка силы армии Александра, которую мы находим у Арриана, кажется разумной, если принять во внимание как потери, которые он понес, так и подкрепления, которые он получил с тех пор, как покинул Европу. Действительно, для англичан, которые знают, какими ничтожными силами наши собственные генералы при Пласси, Ассайе, Миани и в других сражениях с Индией разгромили большие полчища азиатов, разница в численности, о которой мы читаем в победах, одержанных македонцами над персами, не представляет ничего невероятного. Армия, которой теперь командовал Александр, полностью состояла из ветеранов, находившихся на самом высоком возможном уровне оснащения и дисциплины, с энтузиазмом преданных своему лидеру и полных уверенности в его военном гении и победоносной судьбе.

Прославленная македонская фаланга составляла главную силу его пехоты. Эти силы были собраны и организованы его отцом Филиппом, который при восшествии на македонский престол нуждался в многочисленной и быстро сформированной армии, и который, удлинив копьё обычной греческой фаланги и увеличив глубину рядов, довёл тактику вооружённых масс до максимальной эффективности, на которую она была способна с такими материалами, какими он располагал. [См. "Историю Рима" Нибура, iii. 488.] Он выстроил своих людей в шеренгу по шестнадцать человек и дал им в руки сариссу, как называлась македонская пика, которая имела двадцать четыре фута в длину и, когда была готова к бою, достигала восемнадцати футов перед солдатом; так что, поскольку между рядами оставалось расстояние около двух футов, копьё пяти шеренг позади него выступали перед каждым человеком в первом ряду. Солдат-фалангит был полностью облачен в защитные доспехи регулярной греческой пехоты. И таким образом, фаланга представляла собой тяжеловесную и ошестинившуюся массу, которая, пока её строй сохранялся компактным, была уверена, что справится с любым сопротивлением. Недостатки такой организации очевидны и были доказаны в последующие годы, когда македонцы выступили против римских легионов. Но ясно, что при Александре фаланга не была таким громоздким телом, каким она была при Киноскефалах и Пидне. Его люди были ветеранами; и он мог добиться от них точности движений и устойчивости эволюции, с которыми, вероятно, только запнулись бы новобранцы его отца, и которые, безусловно, были непрактичны в фаланге, когда её управляли его преемники; тем более что при них она перестала быть постоянной силой и превратилась всего лишь в ополчение. [See Niebuhr.] При Александре фаланга состояла в общей сложности из восемнадцати тысяч человек, которые были разделены на шесть бригад по три тысячи человек в каждой. Они снова были разделены на полки и роты; и люди были тщательно обучены разворачиваться, занимать большую территорию или замыкать строй, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств сражения. Александр также выстроил в промежутках между полками своих фалангитов войска, вооружённые по-другому, которые могли предотвратить прорыв их линии, а их роты - зайти во фланг, когда характер местности препятствовал сомкнутому построению; и которые могли быть отведены, когда появлялась благоприятная возможность сомкнуть фалангу или любую из её бригад для атаки, или когда было необходимо подготовиться к приему кавалерии.

Помимо фаланги, у Александра были значительные силы пехоты, которых называли щитоносцами: они не были так хорошо вооружены, как фалангиты, или как в случае с греческой регулярной пехотой в целом; но они были экипированы как для ближнего боя, так и для перестрелок, и намного превосходили обычные иррегулярные войска греческой армии. Их было около шести тысяч человек. Кроме них, у него было несколько отрядов греческой регулярной пехоты; и у него были лучники, пращники и копейщики, которые сражались также палашами и мишенями. В основном их поставляли ему горцы Иллирии и Фракии. Основная сила его кавалерии состояла из двух отборных корпусов кирасиров, одного македонского и одного фессалийского, каждый из которых насчитывал около полутора тысяч человек. Они были вооружены длинными копьями и тяжелыми мечами, а конь, как и человек, был полностью облачен в защитные доспехи. Другие полки регулярной кавалерии были менее тяжело вооружены, и там было несколько отрядов легких всадников, на которых победы Александра в Египте и Сирии позволили ему великолепно ездить верхом.

Незадолго до конца августа Александр переправился через Евфрат у Тапсака, небольшой отряд персидской кавалерии под командованием Мазея отступил перед ним. Александр был слишком благоразумен, чтобы идти маршем через Месопотамские пустыни, и продолжал продвигаться на восток с намерением перейти Тигр, а затем, если он не сможет найти Дария и привести его в действие, двинуться на юг по левому берегу этой реки вдоль окраины горной местности, где его люди меньше страдали бы от жары и жажды и где было бы больше провизии.

Дарий, обнаружив, что его противника не удастся заманить в поход через Месопотамию на его столицу, решил остаться на поле боя, которое он выбрал слева от Тигра; где, если бы его враг потерпел поражение или сдержался, уничтожение захватчиков было бы неминуемо, поскольку в их тылу находились две такие реки, как Евфрат и Тигр. Персидский царь использовал в полной мере все преимущества, какие только были в его власти. Он приказал тщательно выровнять большое пространство земли для движения своих вооруженных косами колесниц; и он разместил свои военные припасы в укрепленном городе Арбела, примерно в двадцати милях у себя в тылу. Риторы последующих веков любили описывать Дария Кодоманна как второго Ксеркса по хвастовству и слабоумию; но справедливый анализ его полководческих способностей в этой его последней кампании показывает, что он был достоин носить то же имя, что и его великий предшественник, царственный сын Гистасп.

Узнав, что Дарий находится с большой армией слева от Тигра, Александр поспешил вперед и переправился через реку без сопротивления. Сначала он не смог получить никаких достоверных сведений о точном расположении противника и, дав своей армии короткий перерыв на отдых, в течение четырех дней шел маршем вниз по левому берегу реки. Моралист может остановиться на том факте, что Александр, должно быть, в этом походе прошел в нескольких милях от развалин Ниневии, великого города первобытных завоевателей человеческой расы. Ни македонский царь, ни кто-либо из его последователей не знали, чем когда-то были эти огромные курганы. Они уже превратились в безымянные массы поросших травой руин; и только в последние несколько лет интеллектуальная энергия одного из наших соотечественников спасла Ниневию от долгих веков забвения. [См. "Ниневию" Лейарда, а также "Ниневию и Персеполь" Вокса, стр. 16.]

На четвертый день марша Александра на юг его передовой отряд доложил, что в поле зрения появился отряд вражеской кавалерии. Он немедленно построил свою армию в боевой порядок

и, направив ее неуклонно продвигаться вперед, сам выехал вперед во главе нескольких эскадронов кавалерии и атаковал персидского коня, которого нашел перед собой. Это был всего лишь разведывательный отряд, и они немедленно разбились и обратились в бегство; но македонцы захватили несколько пленных, и от них Александр узнал, что Дарий расположился всего в нескольких милях отсюда, и узнал о силе армии, которая была у него с собой. Получив это известие, Александр остановился и дал своим людям отдых на четыре дня, чтобы они отправились в бой свежими и энергичными. Он также укрепил свой лагерь и разместил в нем все свои военные припасы, а также всех своих больных и искалеченных солдат, намереваясь наступать на врага с совершенно необремененной боеспособной частью своей армии. После этого привала он двинулся вперед, пока еще было темно, с намерением добраться до врага и напасть на него на рассвете. Примерно на полпути между лагерями местность была несколько неровной, что скрывало две армии друг от друга. Но когда Александр прибыл на их вершину, он увидел при раннем свете персидское войско, выстроившееся перед ним; и он, вероятно, также заметил следы каких-то инженерных работ, проводившихся на участке земли перед ними. Не зная, что эти следы были нанесены персами, разровнявшими землю для свободного использования своих боевых колесниц, Александр заподозрил, что скрытые ловушки были подготовлены с целью дезорганизовать наступление его кавалерии. Он немедленно созвал военный совет, некоторые из офицеров были за немедленной атакой при любой опасности, но более благоразумное мнение Пармениона возобладало, и было решено не продвигаться дальше, пока поле боя не будет тщательно обследовано.

Александр остановил свою армию на высотах и, взяв с собой несколько легковооруженных пехотинцев и немного кавалерии, провел часть дня в разведке противника и наблюдении за характером местности, на которой ему предстояло сражаться. Дарий мудро воздержался от того, чтобы покинуть свою позицию и атаковать македонян на возвышенностях, которые они занимали, и две армии оставались там до ночи, не приставая друг к другу. Вернувшись в свою штаб-квартиру, Александр созвал своих генералов и вышестоящих офицеров и, сказав им, что он хорошо знает, что их рвение не нуждается в увещеваниях, он умолял их сделать все возможное, чтобы подбодрить и проинструктировать тех, кем каждый командовал, проявить все возможное в битве следующего дня. Они должны были напомнить им, что теперь они не собираются сражаться за провинцию, как сражались до сих пор, но они собирались своими мечами установить господство над всей Азией. Каждый офицер должен внушить это своим подчиненным, а они должны внушать это своим подчиненным. Их природное мужество не требовало длинных слов, чтобы разжечь его пыл, но им следовало напомнить о первостепенной важности стойкости в действии. Тишина в рядах должна быть нерушимой до тех пор, пока соблюдается надлежащая тишина; но когда придет время для атаки, крики и приветствия должны быть полны ужаса для врага. Офицеры должны были быть бдительными при получении и передаче приказов; и каждый должен был действовать так, как будто он чувствовал, что весь результат сражения зависит только от его собственного хорошего поведения.

Дав таким образом краткий инструктаж своим генералам, Александр приказал армии поужинать и отдохнуть на ночь.

Над палатками македонян сгустилась тьма, когда к нему подошел опытный военачальник Александра Парменион и предложил им совершить ночную атаку на персов. Говорят, что царь ответил, что он презирает такую победу и что Александр должен побеждать открыто и справедливо. Арриан справедливо отмечает, что решение Александра было столь же мудрым,

сколь и энергичным. Помимо неразберихи и неопределенности, которые неотделимы от ночных боев, ценность победы Александра была бы снижена, если бы она была одержана при обстоятельствах, которые могли бы предоставить врагу какое-либо оправдание его поражению и побудить его возобновить сражение. Александру было необходимо не только победить Дария, но и одержать такую победу, которая оставила бы его соперника без извинений за поражение и без надежды на выздоровление.

На самом деле персы ожидали ночной атаки и были готовы к ней. Дарий так опасался этого, что вечером выстроил свои войска в боевом порядке и всю ночь держал их при оружии. Результатом этого было то, что утро застало их измученными и подавленными, в то время как их противники выступили против них свежими и энергичными.

Письменный боевой приказ, который сам Дарий приказал составить, попал в руки македонян после сражения, и Аристобул скопировал его в свой дневник. Таким образом, благодаря Арриану мы располагаем необычайно достоверной информацией о составе и расположении персидской армии. Крайними слева были бактрийская, даанская и арахосийская кавалерия. Рядом с ними Дарий разместил войска из собственно Персии, как конные, так и пешие. Затем шли сузианцы, а рядом с ними кадусианцы. Эти силы составляли левое крыло. Личный пост Дариуса находился в центре. Она состояла из индейцев, карийцев, мардианских лучников и подразделения персов, которые отличались золотыми яблоками, образующими набалдашники их копий. Здесь также были размещены телохранители персидской знати. Кроме них, в центре, построенные в глубоком порядке, находились уксийские и вавилонские войска, а также солдаты с Красного моря. Бригада греческих наемников, которых Дарий имел на службе и которые единственные считались годными возглавить македонскую фалангу, была выстроена по обе стороны от царской колесницы. Правое крыло состояло из целосирийцев и месопотамцев, мидийцев, парфян, сакийцев, тапурийцев, гирканцев, албанцев и сакезинцев. Впереди линии, на левом фланге, была размещена скифская кавалерия с тысячей бактрийских всадников и сотней вооруженных косами колесниц. Слоны и пятьдесят вооруженных косами колесниц были выстроены перед центром; и еще пятьдесят колесниц с армянской и каппадокийской кавалерией были выстроены перед правым крылом.

Так одетое великое воинство царя Дария провело ночь, которая для многих тысяч из них стала последней в их существовании. Утро первого октября две тысячи сто восемьдесят второго года назад медленно наступало под их утомленными взорами, и они могли слышать звук македонской трубы, призывающей к оружию, и могли видеть, как войска царя Александра спускаются из своих палаток на высотах и выстраиваются в боевой порядок на равнине. [См. "Fasti Hellenici" Клинтона. Битва произошла через одиннадцать дней после лунного затмения, что дает возможность установить точную дату.]

Со стороны Александра была большая потребность в мастерстве, равно как и в доблести; и немногие поля сражений были свидетелями более совершенного полководческого мастерства, чем то, которое сейчас продемонстрировал македонский царь. Не было никаких естественных преград, с помощью которых он мог бы защитить свои фланги; и он не только был уверен, что его перекроют с обоих флангов обширные линии персидской армии, но и существовал неминуемый риск того, что они обойдут его кругом и атакуют с тыла, в то время как он будет наступать на их центр. Поэтому он сформировал вторую, или резервную, линию, которая должна была обойти, если потребуются, или отвести войска на любой фланг; в зависимости от

того, чего могли потребовать передвижения противника: и таким образом, со всей своей армией, готовой в любой момент быть брошенной в одно обширное поле, македонцы двинулись двумя линиями против врага, сам Александр возглавлял правое крыло, а прославленная фаланга образовывала центр, в то время как Парменион командовал левым.

Таков был общий характер расположения, которое Александр сделал со своей армией. Но у Арриана есть подробности расположения каждой бригады и полка; и поскольку мы знаем, что эти подробности были взяты из дневников македонских генералов, интересно изучить их и прочесть имена и должности генералов и полковников царя Александра в этом величайшем из его сражений.

Восемь отрядов королевской конной гвардии образовали правый фланг линии Александра. Их капитанами были Клит (чей полк находился на крайнем правом, особо опасном посту), Грауций, Аристон, Сополис, Гераклид, Деметрий, Мелеагр и Гегелок. Филотас был генералом всей дивизии. Затем шла щитоносная пехота: Никанор был их генералом. Затем шла фаланга в составе шести бригад. Бригада Ценуса находилась справа и ближе всего к щитоносцам; рядом с ней стояла бригада Пердикки, затем Мелеагра, затем Полисперхона; и затем бригада Аминия, но которой теперь командовал Симмий, поскольку Аминия был отправлен в Македонию набирать рекрутов. Затем прибыла пехота левого крыла под командованием Кратера. Рядом с пехотой Кратера были размещены кавалерийские полки союзников во главе с Эригием. Мессалианская кавалерия под командованием Филиппа была следующей и удерживала крайний левый фланг всей армии. Все левое крыло было вверено командованию Пармениона, имевшего при себе фарсалийский кавалерийский отряд, который был самым сильным и лучшим среди всех фессалийских конных полков.

Центр второй линии был занят подразделением фалангитской пехоты, сформированным из рот, которые были набраны для этой цели из каждой бригады своей фаланги. Офицерам, командовавшим этим корпусом, было приказано быть готовыми к столкновению, если противнику удастся проникнуть в тыл армии. Справа от этого пехотного резерва, во второй линии и позади царской конной гвардии, Александр разместил половину агрийской легковооруженной пехоты под командованием Аттала, а с ними корпус македонских лучников Брисона и пеший полк Клеандра. Он также разместил в этой части своей армии кавалерийский эскадрон Менидаса и легкую кавалерию Арета и Аристона. Мениду было приказано наблюдать, не попытается ли вражеская кавалерия обойти его с фланга, и если они это сделают, атаковать их до того, как они полностью развернутся, и таким образом самим зайти им во фланг. Аналогичные силы были размещены слева от второй линии с той же целью, там была размещена фракийская пехота Ситалкеса, кавалерийский полк греческих союзников Керануса и войска одрисийской иррегулярной кавалерии Агафона. Крайний левый край второй линии в этом квартале удерживала кавалерия Андромаха. Подразделение фракийской пехоты было оставлено для охраны лагеря. Перед правым крылом и центром было рассредоточено некоторое количество легковооруженных войск, состоящих из копьеносцев и лучников, с намерением отразить атаку вооруженных колесниц. [Расположение войск Клебера в битве при Гелиополисе, где с десятью тысячами европейцев ему пришлось столкнуться на открытой равнине с восьмьюдесятью тысячами азиатов, заслуживает сравнения с тактикой Александра при Арбеле. См. "Историю консульства" Тьера и др., том ii. livre v.]

Бросающийся в глаза блеском своих доспехов и группой отборных офицеров, окружавших его, Александр занял свое собственное место, как обычно, на правом фланге, во главе своей кавалерии; и когда все приготовления к битве были завершены, а его генералы были полностью проинструктированы, как действовать в каждой возможной чрезвычайной ситуации, он начал вести своих людей навстречу врагу.

У него всегда было в обычае открыто рисковать своей жизнью в бою и подражать личной доблести своего великого предка Ахилла. Возможно, в смелом предприятии по завоеванию Персии со стороны Александра было разумно довести отвагу своей армии до предела примером собственной героической доблести: и в его последующих кампаниях любовь к азарту, к "упоению борьбой", возможно, побудила его, подобно Мюрату, продолжать по собственному выбору обычай, который он начал из чувства долга. Но он никогда не терпел, чтобы пыл солдата заставлял его терять хладнокровие генерала; и в Арбеле, в частности, он показал, что может действовать в соответствии со своей любимой гомеровской максимой.

Персидский царь очень полагался на эффективность колесниц с косами. Он был разработан для того, чтобы направить их против македонской фаланги и последовать за ними тяжелой атакой кавалерии, которая, как надеялись, приведет в беспорядок ряды копейщиков под натиском колесниц и легко уничтожит эту самую грозную часть войск Александра. Таким образом, перед центром персов, где занял свою позицию Дарий и который, как предполагалось, должна была атаковать фаланга, земля была тщательно выровнена, чтобы позволить колесницам атаковать по ней со всей размаху и скоростью. Когда македонская армия приблизилась к персидской, Александр обнаружил, что фронт всей его линии едва ли равнялся фронту персидского центра, так что с правого фланга его обошло все левое крыло противника, а с левого - все их правое крыло. Его тактика заключалась в том, чтобы атаковать какой-нибудь один пункт вражеской армии и получить решающее преимущество; в то же время он, насколько это было возможно, отказывался от столкновения на остальном участке фронта. Поэтому он склонил порядок своего марша вправо, чтобы дать возможность своему правому флангу и центру вступить в столкновение с противником на возможно более выгодных условиях, хотя этот маневр мог в некоторых отношениях скомпрометировать его левый фланг.

Результатом этого косого движения было то, что фаланга и его собственное крыло оказались почти за пределами местности, подготовленной персами для действий колесниц; и Дарий, опасаясь потерять преимущество этого подразделения против наиболее важных частей македонских войск, приказал скифской и бактрийской кавалерии, которые были выстроены на крайнем левом фланге Александра, атаковать в обход правого фланга и остановить его дальнейшее продвижение в боковом направлении. Против этих нападавших Александр послал из своей второй линии кавалерию Менида. Поскольку их оказалось слишком мало, чтобы противостоять врагу в лоб, он приказал Аристону также из второй линии с его легкой кавалерией и Клеандру с его пехотой поддержать Менида. Бактрийцы и скифы начали отступать, но Дарий подкрепил их массой бактрийской кавалерии из своей основной линии, и теперь завязался упорный кавалерийский бой. Бактрийцы и скифы были многочисленны и вооружены лучше, чем всадники под командованием Менида и Аристона; и поначалу самые тяжелые потери понесла македонская сторона. Но все же европейская кавалерия выдержала натиск азиатов, и, наконец, благодаря своей превосходной дисциплине и действиям эскадронами, которые поддерживали друг друга, вместо того чтобы сражаться беспорядочной массой, как варвары, македонцы сломили своих противников и изгнали их с поля боя. [Лучшее

объяснение этому можно найти в отчете Наполеона о кавалерийских боях между французами и мамелюками: "Двое мамелюков смогли сразиться с тремя французами, потому что они были лучше вооружены, лучше сидели на лошадях и лучше обучены; у них были две пары пистолетов, мушкетон, карабин, шлем с забралом и кольчуга; у них было несколько лошадей и несколько пеших слуг. Сотня кирасиров, однако, не боялась сотни мамлюков; триста могли победить; равное количество и тысяча могла легко обратить в бегство полторы тысячи, так велико влияние тактики, порядка и эволюций! Леклерк и Ласаль представили мамлюкам своих людей в нескольких строках. Когда арабы были готовы сокрушить первую, вторая пришла им на помощь справа и слева; мамелюки тогда остановились и развернулись, чтобы развернуть фланги этой новой линии; этим моментом всегда пользовались, чтобы атаковать их, и они были разбиты наголову". — "ИСТОРИЯ ПЛЕНЕНИЯ НАПОЛЕОНА" МОНТОЛОНА, iv. 70.]

Теперь Дарий приказал вооруженным косами колесницам двинуться против конной гвардии Александра и фаланги; и эти грозные машины были соответственно посланы с грохотом по равнине против македонской линии. Когда мы вспомним тревогу, которую боевые колесницы бриттов вызвали среди легионов Цезаря, мы не будем склонны высмеивать это оружие древней войны как всегда бесполезное. Целью колесниц было создать неустойчивость в рядах, на которые они наталкивались, и эскадроны кавалерии следовали вплотную за ними, чтобы воспользоваться таким беспорядком. Но азиатские колесницы оказались неэффективными при Арбеле из-за легковооруженных войск, которых Александр специально назначил для этой службы, и которые, ранив лошадей и возниц из своего метательного оружия и двигаясь рядом, чтобы перерезать упряжь или перехватить поводья, испортили намеченную атаку; и те немногие колесницы, которые достигли фаланги, без вреда прошли через промежутки, которые открыли для них копейщики, и были легко захвачены с тыла.

Теперь масса азиатской кавалерии была во второй раз собрана против крайнего правого фланга Александра и двинулась в обход с целью охватить фланг его армии. В критический момент Арет со своими всадниками из второй линии Александра бросился на персидские эскадроны, когда их собственные фланги были обнажены в результате этой эволюции. В то время как Александр, таким образом, встречал и отражал все фланговые атаки противника войсками, подтянутыми из его второй линии, он поддерживал свою собственную конную гвардию и остальную передовую линию своего крыла свежими и готовыми воспользоваться первой возможностью для нанесения решающего удара. Это вскоре произошло. Большой кавалерийский отряд, размещенный на левом крыле персов, ближайшем к центру, покинул свой пост и ускакал на помощь своим товарищам в кавалерийском бою, который все еще продолжался на крайнем правом фланге Александра против отрядов из его второй линии. Это образовало огромную брешь в персидском строю, и в это пространство немедленно ворвался Александр со своей гвардией; а затем, надавив слева от себя, он вскоре начал сеять хаос на левом фланге персидского центра. Щитоносная пехота теперь также атаковала шатающиеся массы азиатов; и пять бригад фаланги, с неотразимой мощью своих сарисс, сбили с ног греческих наемников Дария и проложили себе путь через центр персов. В начале битвы Дарий продемонстрировал мастерство и энергию; и теперь он в течение некоторого времени голосом и примером призывал своих людей держаться стойко. Но копья конницы Александра и пики фаланги теперь сверкали все ближе и ближе к нему. Его возничий был сражен дротиком рядом с ним; и, наконец, мужество изменило Дарию; и, сойдя со своей колесницы, он вскочил на резвого коня и ускакал с равнины, невзирая на состояние битвы в других частях поля, где дела шли гораздо

благоприятнее для его дела и где его присутствие могло бы многое сделать для достижения победы.

Действия Александра с правым флангом и центром обнажили его левый фланг перед значительно превосходящими силами противника. Парменион выбывал из строя как можно дольше; но Мазей, командовавший правым крылом персов, двинулся против него, полностью обошел его с фланга и жестоко теснил повторными атаками превосходящими силами. Видя бедственное положение крыла Пармениона, Симмий, командовавший шестой бригадой фаланги, которая находилась рядом с левым крылом, не двинулся с другими бригадами в массированную атаку на центр персов, а остался позади, чтобы прикрыть войска Пармениона с их правого фланга; так как в противном случае они были бы полностью окружены и отрезаны от остальной македонской армии. Поступив таким образом, Симмий неизбежно пробил брешь в левом центре македонцев; и большая колонна индийской и персидской конницы из правого центра персов галопом проскакала вперед через этот промежуток и прорвалась прямо через войска второй македонской линии. Вместо того чтобы затем развернуться к Сармениону или в тыл победоносному крылу Александра, индийская и персидская кавалерия направилась прямо к македонскому лагерю, одолела фракийцев, которые были оставлены за него отвечать, и начала грабить. Это было остановлено фалангитскими войсками второй линии, которые после того, как вражеские всадники промчались мимо них, развернулись, совершили контрмарш на лагерь, убили многих индийцев и персов во время грабежа и вынудили остальных снова ускакать. Как раз в этот критический момент Александр был отозван из погони за Дарием известием о бедственном положении Пармениона и о его неспособности больше противостоять горячим атакам Мазея. Взяв с собой свою конную гвардию, Александр поскакал к той части поля, где сражалось его левое крыло; но по пути туда он столкнулся с персидской и индийской кавалерией, возвращавшейся из его лагеря.

Теперь эти люди поняли, что их единственный шанс на спасение - прорубить себе путь; и одной огромной колонной они отчаянно атаковали македонян. Здесь произошла рукопашная схватка, которая длилась некоторое время, и шестьдесят королевских конногвардейцев пали, а три генерала, сражавшиеся рядом с Александром, были ранены. Наконец македонцы, дисциплина и доблесть снова возобладали, и большое количество персидских и индийских всадников было повержено; лишь немногим удалось прорваться и ускакать. Избавившись от этих упорных врагов, Александр снова сформировал свою конную гвардию и повел ее к Пармениону; но к этому времени этот полководец также одержал победу. Вероятно, весть о бегстве Дария достигла Мазея и охладила пыл персидского правого крыла; в то время как известие об успехе их товарищей, должно быть, пропорционально воодушевило македонские силы под командованием Пармениона. Его фессалийская кавалерия особенно отличилась своей доблестью и стойким хорошим поведением; и к тому времени, когда Александр подъехал к Пармениону, вся персидская армия была в полном бегстве с поля боя.

Для Александра было крайне важно заполучить личность Дария, и теперь он настаивал на преследовании. Река Лик протекала между полем битвы и городом Арбела, куда направлялись беглецы, и переправа через эту реку была для персов еще более разрушительной, чем мечи и копья македонян в сражении. [Я намеренно опускаю любые заявления о потерях в битве. Переписчики явно ошиблись в цифрах, которые мы находим в наших нынешних рукописях Арриана; а Курций не пользуется авторитетом.] Узкий мост вскоре был запружен тысячами бегущих, устремившихся к нему, и огромное количество персов бросились сами или были

потороплены другими в быстрый поток и погибли в его водах. Дарий пересек его и проехал через Арбелу, не останавливаясь. Александр достиг этого города на следующий день и стал хозяином всех сокровищ и складов Дария; но персидский царь, к несчастью для него самого, бежал слишком быстро для своего победителя: он спасся только для того, чтобы погибнуть из-за предательства своего бактрийского сатрапа Бесса.

Через несколько дней после битвы Александр вступил в Вавилон, "древнейшую резиденцию существовавшей тогда земной империи", как ее признанный владыка. В его короткой и яркой карьере еще предстояло завершить несколько кампаний. Центральной Азии еще предстояло стать свидетельницей марша его фаланги. Ему еще предстояло осуществить то завоевание Афганистана, в котором Англия с тех пор потерпела неудачу. Его полководческие способности, равно как и доблесть, еще предстояло продемонстрировать на берегах Гидаспа и на поле битвы при Чиллианвалле; и ему еще предстояло опередить английскую королеву в присоединении Пенджаба к владениям европейского монарха. Но кризис в его карьере был достигнут; великая цель его миссии была достигнута; и древняя персидская империя, которая когда-то угрожала подчинением всем народам земли, была непоправимо сокрушена, когда Александр одержал свою коронную победу при Арбеле.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При АРБЕЛЕ И БИТВОЙ При МЕТАВРЕ.

330 год до н.э. Лакедемоняне пытаются поднять восстание в Греции против македонской власти; они терпят поражение от Антипатра, наместника Александра; и их царь Агис пал в битве.

с 330 по 327 год. Кампании Александра в Верхней Азии. "Победив Дария, Александр продолжил свой путь, столкнувшись с трудностями, которые привели бы в ужас почти любого другого полководца, через Бактриану и взяв Бактру, или Зариаспу (ныне Балх), главный город этой провинции, где он провел зиму. Перейдя Оксус, следующей весной он продвинулся к Мараканде (Самарканд), чтобы восполнить потерю лошадей, которую он понес при переходе через Кавказ, получить припасы из богатой долины Согд (магометанский рай Мадер-эль-Нахр) и добиться подчинения Мавераннахра. Северная граница его похода, вероятно, представлена современным Ускандом, или Адеркандом, деревней на Яксарте, недалеко от конца района Фергана. В Маргиане он основал еще одну Александрию. Возвращаясь с севера, он повел свою армию в надежде завоевать Индию, пока, наконец, не двинулся маршем, по—видимому, почти параллельно реке Кабул, и не достиг знаменитой скалы Аорнос, которая, должно быть, находилась на правом берегу Инда, на некотором расстоянии от Аттока; и, возможно, она может быть представлена современной Акорой" - (VAUX.)

327, 326. Александр проходит маршем через Афганистан к Пенджабу. Он побеждает Поруса. Его войска отказываются идти к Гангу, и он начинает спуск по Инду. В своем походе он нападает и подчиняет себе несколько индийских племен, среди прочих малли; при штурме столицы которых (Мултана) он тяжело ранен. Он приказывает своему адмиралу Неарху плыть в обход от Инда до Персидского залива и ведет армию обратно через Синд и Белуджистан.

324. Александр возвращается в Вавилон. "На десятый год после того, как он пересек Геллеспонт, Александр, завоевав свои обширные владения, вступил в Вавилон; и, отдохнув после своей карьеры в этом древнейшем центре земной империи, он пристально наблюдал за массой различных народов, владевших его владычеством, и прокручивал в уме великую работу по вдоханию в это огромное, но инертное тело живого духа греческой цивилизации. В расцвете

юношеской зрелости, в возрасте тридцати двух лет, он приостановился с бешеной скоростью своего прежнего пути и впервые предоставил народам возможность выразить свое почтение перед его троном. Они съезжались со всех концов земли, чтобы умиловать его гнев, прославить его величие или просить его защиты.... История может позволить нам думать, что Александр и римский посол действительно встретились в Вавилоне; что величайший человек древнего мира видел и разговаривал с гражданином этой великой нации, которой было суждено стать его преемником в назначенной им работе и основать более широкую и еще более прочную империю. Они встретились также в Вавилоне, почти под сенью храма Бела, возможно, самого раннего памятника, когда—либо воздвигнутого человеческой гордыней и властью, в городе, пораженном, так сказать, словом самого сурового суда Божьего, как символом величия, отличного от добра и противостоящего ему ". - (АРНОЛЬД.)

323. Александр умирает в Вавилоне. Когда о его смерти стало известно в Греции, афиняне и другие южные государства взяли за оружие, чтобы избавиться от господства Македонии. Поначалу они добиваются успеха, но возвращение нескольких ветеранов Александра из Азии позволяет Антипатру одержать над ними верх.

с 317 по 289. Агафокл - тиран Сиракуз; и ведет неоднократные войны с карфагенянами; в ходе которых (311 г.) он вторгается в Африку и причиняет карфагенянам большие страдания.

306. После долгой серии войн друг с другом и после того, как все наследники Александра были убиты, его главные выжившие военачальники принимают титул царя, каждый в тех провинциях, которые он оккупировал. Четырьмя главными среди них были Антигон, Птолемей, Лисимах и Селевк. К тому времени Антипатр был мертв, но его сын Кассандр унаследовал власть в Македонии и Греции.

301. Селевк и Лисимах побеждают Антигона при Ипсе. Антигон убит в битве.

280. Селевк, последний из военачальников Александра, убит. Из всех преемников Александра Селевк сформировал самую могущественную империю. Он приобрел все провинции между Фригией и Индом. Он расширил свое владычество в Индии за пределы, достигнутые Александром. Селевк унаследовал некоторые искры гения своего великого учителя в развитии цивилизации и торговли, а также в одержании побед. При его преемниках, Селевкидах, эта обширная империя быстро уменьшилась; Бактрия стала независимой, и отдельная династия греческих царей правила там в 125 году, когда она была свергнута скифскими племенами. Парфия отказалась от своей верности Селевкидам в 250 году до н.э., и могущественное парфянское царство, которое впоследствии оказалось таким грозным врагом Рима, поглотило почти все провинции к западу от Евфрата, которые подчинялись первому Селевку. Перед битвой при Ипсе Митридат, персидский принц царской крови из рода Ахеменидов, бежал в Понт и основал там одноименное царство.

Помимо царства Селевка, которое, будучи ограниченным Сирией, Палестиной и некоторыми частями Малой Азии, просуществовало долго; самым важным царством, образованным полководцем Александра, было царство Птолемеев в Египте. За трон Македонии долго и упорно боролись Кассандр, Полисперхонт, Лисимах, Пирр, Антигон и другие; но в конце концов за ним закрепилась династия Антигона Гоната. Старые республики южной Греции серьезно пострадали во время этих беспорядков, и единственными греческими государствами,

проявившими хоть какую-то силу и дух, были города Ахейского союза, этолийцы и жители острова Родос.

290. К этому времени Рим полностью подчинил себе самнитов и этрусков и одержал многочисленные победы над цизальпийскими галлами. Желая утвердить свое владычество в Нижней Италии, она оказалась втянутой в войну с Пирром, четвертым царем Эпира, которого тарентинцы призвали к себе на помощь. Сначала Пирр одержал победу, но в 275 году был разбит римскими легионами в жестоком сражении. Он вернулся в Грецию, заметив: "Рим становится владыкой всей Италии от Рубикона до Мессинского пролива".

264. Начинается первая пуническая война. Ее основной причиной было желание как римлян, так и карфагенян завладеть Сицилией. Римляне формируют флот и успешно конкурируют с морской пехотой Карфагена. [В настоящий момент [написано в июне 1851 г.] на Большой выставке в Гайд-парке представлена модель пиратской галеры Лабуана, часть мачты которой можно обрушить на врага и образовать мостик для abordажников. Стоит сравнить это с описанием у Полибия abordажных мостков, которые римский адмирал Дуллий прикрепил к мачтам своих галер и с помощью которых он одержал свою великую победу над карфагенским флотом.] Во второй половине войны военный гений Гамилькара Барки поддерживает карфагенян на Сицилии. По прошествии двадцати четырех лет карфагеняне просят мира, хотя их совокупные потери в кораблях и людях были меньше, чем у римлян с начала войны. Сицилия становится римской провинцией.

С 240 по 218. Карфагенские наемники, которых вернули с Сицилии в Африку, поднимают мятеж против Карфагена и почти преуспевают в его разрушении. После кровопролитной и отчаянной борьбы Гамилькар Барка сокрушает их. В этот период слабости Карфагена Рим отнимает у него остров Сардиния. Гамилькар Барка разрабатывает проект получения компенсации за счет завоеваний в Испании и, таким образом, позволяет Карфагену возобновить борьбу с Римом. Он берет Ганнибала (тогда еще ребенка) с собой в Испанию. Он и, после его смерти, его брат отвоевывают большую часть южной Испании в интересах Карфагена. Ганнибал получает командование карфагенскими войсками в Испании в 221 году до нашей эры, когда ему тогда было двадцать шесть лет. Он нападает на Сагунт, город на Эбро в союзе с Римом, что является непосредственным предлогом для второй Пунической войны.

В течение этого промежутка времени Риму пришлось выдержать шторм с севера. Цизальпийские галлы в 226 году заключили союз с одним из самых свирепых племен своих собратьев к северу от Альп и начали яростную войну против римлян, которая длилась шесть лет. Римляне нанесли им несколько серьезных поражений и отняли у них часть их территорий близ По. Именно по этому случаю были основаны римские колонии Кремона и Плацентия, последняя из которых оказала такую существенную услугу Риму во время второй Пунической войны, оказав сопротивление армии Гасдрубала. В этой войне была произведена переключка действительных военных сил самих римлян и тех италийских государств, которые были им подвластны. Возвращение показало, что силы составляли семьсот тысяч пехотинцев и семьдесят тысяч всадников. Полибий упоминает об этом сборе.

228. Ганнибал переходит Альпы и вторгается в Италию.

ГЛАВА IV. — БИТВА ПРИ МЕТАВРЕ, 207 год до н.э.

Quid debeas, O Roma, Neronibus,
Testis Metaurum flumen, et Hasdrubal
Devictus, et pulcher fugatis
Ille dies Latio tenebris,

Qui primus alma risit adorea;
Dirus per urbes Afer ut Italas,
Ceus flamma per taedas, vel Euris
Per Siculas equitavit undas.—HORATIUS, iv. Od. 4.

"... Консул Нерон, совершивший непревзойденный поход, который обманул Ганнибала и победил Гасдрубала, тем самым совершив достижение, почти не имеющее себе равных в военных анналах. Первым известием о его возвращении к Ганнибалу был вид

Головы Гасдрубала, брошенной в его лагерь. Когда Ганнибал увидел это, он воскликнул со вздохом, что "Рим теперь был бы владычицей мира". Этой победе Нерона, возможно, было связано то, что его тезка-император вообще правил. Но позор одного затмил славу другого. Когда звучит имя Нерона, кто думает о консуле! Но таковы человеческие поступки".— БАЙРОН.

Примерно на полпути между Римини и Анконой небольшая речка впадает в Адриатическое море, пересекая один из тех районов Италии, в котором в последнее время предпринимались тщетные попытки возродить после долгих веков рабства и позора дух итальянской национальности и энергию свободных учреждений. Этот ручей до сих пор называется Метауро; и само его название пробуждает воспоминания о решительной отваге древнего Рима и о бойне, запятнавшей его течение две тысячи шестьдесят три года назад, когда объединенные консульские армии Ливия и Нерона столкнулись у его берегов с разнообразными войсками, которые брат Ганнибала вел из Пиренеев, Роны, Альп и По, чтобы помочь великому карфагенянину в его суровой борьбе за уничтожение растущего могущества Римской республики и установление пунической власти над всеми народами мира. весь мир.

Римский историк, назвавший эту битву самой запоминающейся из всех войн, которые когда-либо велись, [Ливий, Lib. xxi. c. 1.] писал - без всякого преувеличения. Ибо параллели ее происшествий и ее героям следует искать не в древней, а в современной истории. Сходство между борьбой, которую Рим вел против Ганнибала, и той, которую Англия в течение многих лет вела против Наполеона, не осталось незамеченным новейшими историками. "Дважды, — говорит Арнольд [Том iii, стр. 62. См. также Элисон-ПАССИМ.], - мы были свидетелями борьбы

высочайшего индивидуального гения против ресурсов и институтов великой нации; и в обоих случаях нация одерживала победу. Семнадцать лет Ганнибал воевал против Рима; шестнадцать лет Наполеон Бонапарт воевал против Англии; усилия первого закончились в Заме, усилия второго - в Ватерлоо". Однако один момент сходства между двумя войнами едва ли был должным образом освещен. То есть замечательная параллель между римским полководцем, который в конце концов победил великого карфагенянина, и английским полководцем, который нанес последнее смертельное поражение французскому императору. Сципион и Веллингтон в течение многих лет занимали командные должности высокой важности, но были удалены от основных театров военных действий. Одна и та же страна была ареной главной военной карьеры каждого из них. Именно в Испании Сципион, как и Веллингтон, последовательно столкнулся и сверг почти всех подчиненных генералов противника, прежде чем ему противостоял сам главный чемпион и завоеватель. И Сципион, и Веллингтон восстановили уверенность своих соотечественников в оружии, поколебленную серией неудач. И каждый из них завершил долгую и опасную войну полным и сокрушительным поражением избранного лидера и избранных ветеранов врага.

Параллель между ними не ограничивается только их военными характерами и подвигами. Сципион, как и Веллингтон, стал важным лидером аристократической партии среди своих соотечественников и подвергался безмерным нападениям со стороны агрессивной части своих политических противников. Когда в начале последнего царствования разъяренная толпа напала на герцога Веллингтона на улицах английской столицы в годовщину Ватерлоо, Англия была еще более опозорена этим безобразием, чем Рим - ложными обвинениями, которые демагоги выдвинули против Сципиона, но которые он гордо отверг в день суда, напомнив собравшимся, что это годовщина битвы при Заме. К счастью, более мудрый и возвышенный дух вот уже много лет царит во всех классах нашего сообщества; и мы будем избавлены от позора из-за того, что до конца выработали параллель национальной благодарности. Сципион умер добровольным изгнанником, спасаясь от злобной турбулентности Рима. Англичане всех рангов и политики уже давно объединились в искреннем восхищении нашим современным Сципионом: и даже те, кто наиболее сильно расходился с герцогом в законодательных или административных вопросах, забывают, что они считают политическими ошибками этого освященного веками главы, в то время как они с благодарностью вспоминают увенчавшие его лавры.

Сципион при Заме растоптал в пыль могущество Карфагена; но это могущество уже было непоправимо разбито на другом поле боя, где ни Сципион, ни Ганнибал не командовали. Когда Метавр стал свидетелем поражения и смерти Гасдрубала, он стал свидетелем крушения плана, с помощью которого только Карфаген мог надеяться добиться решающего успеха, — плана окружения Рима сразу с севера и юга Италии отборными армиями, возглавляемыми двумя сыновьями Гамилькара. [См. Арнольд, том iii, стр. 387.] Эта битва стала решающим моментом соперничества не только между Римом и Карфагеном, но и между двумя великими семьями мира, которые затем превратили Италию в арену своего часто возобновляемого соперничества за первенство.

Французский историк Мишле, чья "История Рима" была бы бесценна, если бы общее усердие и точность автора хоть в какой-то степени соответствовали его оригинальности и блеску, красноречиво замечает: "Недаром столь универсальное и живое воспоминание о Пунических войнах сохранилось в памяти людей. Они вели не просто борьбу за определение судьбы двух

городов или двух империй; но это была борьба, от исхода которой зависела судьба двух человеческих рас, будет ли господство над миром принадлежать индогерманской или семитской семье народов. Имейте в виду, что в первую из них входят, помимо индийцев и персов, греки, римляне и германцы. В другую группу входят евреи и арабы, финикийцы и карфагеняне. С одной стороны, гений героизма, искусства и законодательства; с другой - дух промышленности, торговли, мореплавания. Две противоположные расы повсюду соприкасались, повсюду враждовали. В первобытной истории Персии и Халдеи герои постоянно сражаются со своими трудолюбивыми и вероломными соседями. Борьба возобновляется между финикийцами и греками на всех побережьях Средиземного моря. Грек вытесняет финикийца на всех его фабриках, во всех его колониях на востоке: скоро придет римлянин и сделает то же самое на западе. Александр сделал гораздо больше против Тира, чем Салманасар или Навуходоносор. Не удовлетворившись ее сокрушением, он позаботился о том, чтобы она никогда не возродилась: ибо он основал Александрию вместо нее и навсегда изменил пути мировой торговли. Оставался Карфаген — великий Карфаген, и ее могущественная империя, могущественная в совершенно иной степени, чем Финикийская. Рим уничтожил ее. Затем произошло то, чему нет аналогов в истории, — целая цивилизация погибла от одного удара — исчезла, как падающая звезда. "Перипл" Ганнона, несколько монет, десяток строк Плавта - и, о чудо, все, что осталось от карфагенского мира!

Должно было пройти много поколений, прежде чем борьба между двумя расами могла возобновиться; и арабы, этот грозный арьергард семитского мира, бросились вперед из своих пустынь. Конфликт между двумя расами затем превратился в конфликт двух религий. К счастью, эти отважные сарацинские кавалеристы столкнулись на Востоке с неприступными стенами Константинополя, на Западе - с рыцарской доблестью Карла Мартелла и мечом Сиды. Крестовые походы были естественным возмездием за арабские вторжения и составляют последнюю эпоху этой великой борьбы между двумя главными семьями человеческой расы".

В мерцающем свете, проливаемом намеками классических авторов, трудно составить полное представление о характере и институтах великого соперника Рима. Но мы можем видеть, насколько уступал Карфаген своему конкуренту в военных ресурсах; и насколько меньше, чем Рим, он был пригоден для того, чтобы стать основателем централизованного владычества, которое должно было сохраняться веками и сплавлять в имперское единство узкие национальности древних рас, населявших берега Средиземного моря.

Первоначально Карфаген не был ни самой древней, ни самой могущественной из многочисленных колоний, которые финикийцы основали на побережье Северной Африки. Но ее выгодное положение, совершенство ее конституции (о которой, хотя мы плохо осведомлены в деталях, мы знаем, что она вызывала восхищение Аристотеля), а также коммерческая и политическая энергия ее граждан дали ей господство над Гиппонай, Утикой, Лептисом и другими родственными финикийскими городами в этих регионах; и в конце концов она довела их до состояния зависимости, подобного тому, которое подчиненные союзники Афин занимали по отношению к этому некогда имперскому городу. Когда Тир, Сидон и другие города самой Финикии превратились из независимых республик в простые вассальные государства великих азиатских монархий и подчинялись поочередно вавилонскому, персидскому и македонскому повелителям, их могущество и торговые связи быстро пришли в упадок; и Карфагену удалось сохранить важный морской и торговый характер, который он сохранял ранее. Карфагеняне не стремились соперничать с греками на северо-восточных берегах Средиземного моря или в трех

внутренних морях, которые с ним связаны; но они поддерживали активные сношения с финикийцами, а через них с нижней и Центральной Азией; и они, и только они, после упадка Тира бороздили воды Атлантики. Они обладали монополией на всю торговлю в мире, которая велась за пределами Гибралтарского пролива. До нас дошел (в переводе с греческого) рассказ о путешествии Ганнона, одного из их адмиралов, вдоль западного побережья Африки до Сьерра-Леоне. А в латинской поэме Феста Авиена часто встречаются ссылки на записи о путешествиях другого знаменитого карфагенского адмирала, Химилько, который исследовал северо-западное побережье Европы. Химилько упоминает наши собственные острова как земли хиберни и Альбиони. Действительно, несомненно, что карфагеняне часто посещали побережье Корнуолла (как это делали финикийцы до них) с целью добычи олова; и есть все основания полагать, что они плавали до берегов Балтийского моря в поисках янтаря. Если вспомнить, что в те века морской компас был неизвестен, смелость и мастерство карфагенских моряков и предприимчивость купцов могут быть сопоставлены с любыми достижениями, которые может предложить история современного мореплавания и торговли.

В своих атлантических путешествиях вдоль африканских берегов карфагеняне преследовали двойную цель - торговлю и колонизацию. Многочисленные поселения, которые они основали вдоль побережья от Марокко до Сенегала, обеспечивали нуждающихся членов постоянно растущего населения крупной торговой столицы; а также укрепляли влияние, которое Карфаген оказывал среди племен африканского побережья. Помимо флота, караваны обеспечивали ей крупную и прибыльную торговлю с коренными африканцами; мы также не должны ограничивать наше представление о масштабах карфагенской торговли с племенами Центральной и Западной Африки ограниченностью торговых сношений, которые цивилизованные нации нового времени смогли наладить в этих регионах.

Хотя по сути карфагеняне были торговым и мореплавательским народом, они ни в коем случае не пренебрегали сельским хозяйством. Напротив, вся их территория была возделана как сад. Плодородие почвы окупало вложенные в нее умение и тяжелый труд, и каждый завоеватель, от Агафокла до Сципиона Эмилиана, приходил в восхищение от богатых пастбищ, тщательно орошаемых земель, обильных урожаев, роскошных виноградников, плантаций фиговых и оливковых деревьев, процветающих деревень, многолюдных городов и великолепных вилл богатых карфагенян, через которые пролегал его путь, пока он находился на карфагенской земле.

Карфагеняне уступили Эгейское море и Понт грекам, но они ни в коем случае не были расположены уступать этим соперникам торговлю и господство на побережьях Средиземного моря к западу от Италии. На протяжении веков карфагеняне стремились стать хозяевами островов, лежащих между Италией и Испанией. Они приобрели Балеарские острова, где главная гавань, Порт-Маон, до сих пор носит имя карфагенского адмирала. Им удалось подчинить себе большую часть Сардинии, но Сицилия никогда не могла попасть в их власть. Они неоднократно вторгались на этот остров и почти захватили его; но сопротивление, оказанное им сиракузянами под предводительством Гелона, Дионисия, Тимолеона и Агафокла, спасло остров от превращения в Пунический, хотя многие из его городов оставались под властью Карфагенян, пока Рим окончательно не решил вопрос, кому должна принадлежать Сицилия, завоевав ее для себя.

Обладая столь многими составляющими успеха, почти безграничным богатством благодаря коммерческой и морской деятельности, плодородной территорией, почти неприступной столицей, конституцией, которая веками обеспечивала блага общественного порядка, аристократией, исключительно богатой людьми высочайшего гения, Карфаген все же потерпел явное и катастрофическое поражение в своем соперничестве за власть с Римом. Одной из непосредственных причин этого, по-видимому, был недостаток твердости среди ее граждан, что заставило их прекратить первую пуническую войну, попросив мира, скорее, чем продолжать терпеть трудности и тяготы, вызванные состоянием войны, хотя их противники пострадали гораздо серьезнее, чем они сами. Другой причиной был дух фракционности среди их лидеров, который помешал Ганнибалу во второй войне получить надлежащее подкрепление и поддержку. Но были и более общие причины, по которым Карфаген оказался ниже Рима. Таково было ее положение по отношению к массе жителей страны, которой она правила, и ее привычка полагаться в своих войнах на армии наемников.

Наша самая ясная информация о различных расах людей в Карфагене и вокруг него почерпнута у Диодора Сицилийского. [Том ii. стр. 447, изд. Весселинга.] Этот историк перечисляет четыре различные расы: во-первых, он упоминает финикийцев, которые жили в Карфагене; затем он говорит о ливийцах-финикийцах; они, по его словам, жили во многих приморских городах и были связаны смешанными браками с финикийцами, что и послужило причиной их сложного названия; в-третьих, он упоминает ливийцев, основную и древнейшую часть населения, люто ненавидевших карфагенян из-за деспотичности их господства; наконец, он называет нумидийцев, кочевые племена из пограничья.

Из этого описания очевидно, что коренные ливийцы были подчиненным классом, не имеющим избирательного права или политических прав; и, соответственно, мы не находим в истории ни одного случая, когда ливиец занимал бы политический пост или военное командование. Метисы, ливийско-финикийцы, по-видимому, иногда отправлялись в качестве колонистов; [см. "Периплус" Ганнона.] но из того, что Диодор говорит об их местожительстве, можно заключить, что они не имели права гражданства Карфагена: и лишь единичный случай, когда одному из представителей этой расы была доверена власть, и это тоже не исходило от правительства метрополии. Это пример офицера, посланного Ганнибалом на Сицилию после падения Сиракуз; которого Полибий [Lib. ix. 22.] называет Миттином ливийцем, но который, как мы узнаем из более полного рассказа Ливия, был ливийцем-финикийцем [Lib. xxv. 40.], и прямо упоминается, какое негодование испытывали карфагенские военачальники на острове из-за того, что этот полукровка контролировал их операции.

Что касается состава их армий, то можно заметить, что, несмотря на жажду расширения империи и хотя некоторые из ведущих людей стали генералами высшего ранга, карфагеняне, как народ, были кем угодно, но только не воинственными в личном плане. Пока они могли нанимать наемников, чтобы те сражались за них, у них не было особого аппетита к утомительным тренировкам, и они сожалели о потере драгоценного времени, которое повлекла бы за собой военная служба.

Как замечает Мишле, "Жизнь трудолюбивого купца, карфагенянина, была слишком драгоценна, чтобы рисковать ею, пока можно было выгодно заменить ее жизнью варвара из Испании или Галлии. Карфаген знал и мог за драхму сказать, во что превратилась жизнь человека каждой нации. Грек стоил больше, чем кампанец, а кампанец - больше, чем галл или испанец. Как

только этот кровавый тариф был правильно составлен, Карфаген начал войну как торговую спекуляцию. Она пыталась совершать завоевания в надежде заставить работать новые рудники или открыть новые рынки для своего экспорта. В одном предприятии она могла позволить себе потратить пятьдесят тысяч наемников, в другом - гораздо больше. Если доходность была хорошей, никто не жалел о капитале, который был расточительно вложен в инвестиции; больше денег приносило больше людей, и все шло хорошо ". [Histoire Romaine, vol. ii. p. 40.]

Армии, состоящие из иностранных наемников, во все века были столь же опасны для своих нанимателей, как и для врага, против которого они были направлены. Нам известен один случай (между первой и второй пуническими войнами), когда Карфаген был поставлен на грань разрушения восстанием своих иностранных войск. Время от времени должны были происходить и другие мятежи такого же рода. Вероятно, одна из них была причиной сравнительной слабости Карфагена во время афинской экспедиции против Сиракуз; это так отличалось от энергии, с которой она атаковала Гелона полувеком ранее и Дионисия полувеком позже. И даже когда мы рассматриваем ее армии только с точки зрения их боеспособности, мы сразу же замечаем неполноценность таких отрядов кондотьеров, собранных без каких-либо общих уз происхождения, тактики или причины, по сравнению с римскими легионами, которые во времена Пунических войн были созданы из самого цветка выносливого земледельческого населения, обученного строжайшей дисциплине, приученного к победам и воодушевленного самым решительным патриотизмом. И это также показывает трансцендентность гения Ганнибала, который смог сформировать из таких разнородных материалов компактную организованную силу и вдохновить их духом терпеливой дисциплины и верности своему командиру; так что они были верны ему как в неблагоприятных, так и в благополучных условиях; и на протяжении череды его кампаний ни одно паническое бегство никогда не опозорило дивизию под его командованием; в его лагере никогда не было известно ни о каком мятеже или даже попытке мятежа; и, наконец, после пятнадцати лет итальянской войны его люди последовали за своим старым командиром в Заму, где он сражался. " без страха и почти без надежды"; ["Мы продвигались к Ватерлоо, как греки к Фермопилам; все мы без страха, и большинство из нас без надежды". — РЕЧЬ ГЕНЕРАЛА ФОЯ.] и там, на этом гибельном поле, его Старая гвардия стойко стояла вокруг него, пока нумидийские союзники Сципиона не подошли к ним с фланга; когда, наконец, окруженные и побежденные, батальоны ветеранов скрепили свою преданность своему генералу своей кровью.

Но если гений Ганнибала можно сравнить с гомеровским богом, который в своей ненависти к троянцам восстает из бездны, чтобы сплотить слабых греков и повести их против врага, то спокойное мужество, с которым Гектор встретил своего более чем человеческого противника во имя защиты своей страны, не является недостойным образом непреклонного великодушия, проявленного римской аристократией. Как Ганнибал полностью затмевает Карфаген, так, напротив, Фабий, Марцелл, Клавдий Нерон, даже сам Сципион - ничто по сравнению с духом, мудростью и могуществом Рима. Сенат, проголосовавший за благодарность своему политическому врагу Варрону после его катастрофического поражения, "потому что он не отчаивался в содружестве", и который не побрезговал ни просить, ни порицать, ни угрожать, ни каким-либо образом обратить внимание на двенадцать колоний, отказавшихся от обычных поставок людей для армии, заслуживает гораздо большей чести, чем победитель Замы. Это мы должны иметь в виду более тщательно, потому что мы склонны восхищаться индивидуальным величием гораздо больше, чем национальным; и, поскольку ни один римлянин не выдержит сравнения с Ганнибалом, мы склонны роптать в ходе состязания и думать, что победа была

присуждена наименее достойному из сражающихся. Напротив, никогда мудрость Божьего Провидения не проявлялась так ярко, как в вопросе борьбы между Римом и Карфагеном. Победа над Ганнибалом явно шла на благо человечества: его триумф остановил бы прогресс мира. Ибо великие люди могут действовать постоянно, только создавая великие нации; и ни один человек, даже если бы это был сам Ганнибал, не может за одно поколение совершить такую работу. Но там, где дух великого человека лишь на время зажег нацию, свет уходит вместе с тем, кто передал его; и нация, когда он уходит, подобна мертвому телу, которому магическая сила на мгновение придала неестественную жизнь: когда очарование исчезает, тело остается холодным и окоченевшим, как и прежде. Тот, кто скорбит о битве при Заме, должен перенести свои мысли в период тридцатилетней давности, когда Ганнибал по естественным причинам должен был быть мертв, и подумать о том, как изолированный финикийский город Карфаген был приспособлен для приема и укрепления цивилизации Греции или своими законами и институтами для объединения варваров всех рас и языков в организованную империю и подготовить их к тому, чтобы после распада этой империи стать свободными членами содружества христианской Европы". [Арнольд, том iii. стр. 61. Вышесказанное - один из многочисленных всплесков красноречия, украшающих третий том Арнольда, и вызывающий такое глубокое сожаление, что этот том должен был стать последним, а его великий и достойный автор был прерван из-за того, что его работа была столь незавершенной.]

Это было весной 207 года до н.э., когда Гасдрубал, после того как умело отделился от римских войск в Испании и после марша, проведенного с большим успехом и небольшими потерями, через внутренние районы Галлии и Альпийские перевалы, появился в стране, которая сейчас находится к северу от Ломбардии, во главе войск, которые он частично вывел из Испании, а частично набрал среди галлов и лигурийцев на своем пути. В это время Ганнибал со своей непокоренной и, казалось бы, непобедимой армией уже одиннадцать лет находился в Италии, с необычайной свирепостью исполняя обет ненависти к Риму, данный им еще ребенком по приказу своего отца Гамилькара; который, как он хвастался, обучил трех своих сыновей, Ганнибала, Гасдрубала и Магона, подобно трем львьятам, охотиться на римлян. Но последние кампании Ганнибала не ознаменовались какими-либо такими великими победами, какими были отмечены первые годы его вторжения в Италию. Непреклонный дух римской решимости, всегда достигавший высшей точки в бедствиях и опасностях, не согнулся и не отчаялся под безжалостными ударами, которые "грозный африканец" наносил ей в быстрой последовательности при Требии, Фрасимене и Каннах. Ее население поредело из-за постоянных убийств на полях сражений; бедность и фактический дефицит истощили оставшихся в живых из-за страшных опустошений, которые кавалерия Ганнибала учинила на их кукурузных полях, пастбищах и виноградниках; многие из ее союзников перешли на сторону захватчиков; и новые тучи внешней войны угрожали ей из Македонии и Галлии. Но Рим не отступил. Богатые и бедные среди его граждан соперничали друг с другом в преданности своей стране. Богатые разместили свои запасы, и все отдали свои жизни в распоряжение государства. И хотя Ганнибала не удавалось изгнать из Италии, хотя каждый год приносил свои страдания и жертвы, Рим чувствовал, что его стойкость была проявлена не напрасно. Если она была ослаблена постоянными междоусобицами, то и Ганнибал тоже; и было ясно, что ресурсы его армии без посторонней помощи были недостаточны для ее уничтожения. Одинокая оленеводческая гончая не могла свалить добычу, на которую она так яростно нападала. Рим не только яростно сопротивлялся, но и нанес ответный удар и забодал своего противника, который, однако, все еще наблюдал, как она готовится к прыжку. Она устала, из каждой поры ее

тела сочилась кровь, и, казалось, было мало надежды на спасение, если другая собака из племени старого Гамилькара подрастет вовремя, чтобы помочь своему брату в смертельной схватке.

Гасдрубал некоторое время командовал карфагенскими армиями в Испании, с переменным, но в целом неблагоприятным успехом. У него не было полной власти над пуническими войсками в этой стране, которой ранее пользовались его брат и отец. Фракция в Карфагене, враждовавшая с его семьей, преуспела в сковывании его власти и вмешательстве в ее ход; и время от времени в Испанию отправлялись другие военачальники, чьи ошибки и неправомерные действия привели к поражениям, с которыми столкнулся Гасдрубал. Это недвусмысленно засвидетельствовано греческим историком Полибием, который был близким другом младшего Африкана и черпал информацию о второй Пунической войне из лучших источников. Ливий приводит длинный рассказ о кампаниях между римскими военачальниками в Испании и Гасдрубалом, который настолько ощутимо искажен вымыслом и преувеличениями, что вряд ли заслуживает внимания. [См. Замечательные критические замечания сэра Уолтера Рэли по этому поводу в его "Всемирной истории", книга v. глава iii. раздел 11.]

Ясно, что, по крайней мере, в 208 году до н.э. Гасдрубал перехитрил Публия Сципиона, который командовал римскими войсками в Испании; и целью которого было помешать ему перейти Пиренеи и двинуться маршем на Италию. Сципион ожидал, что Гасдрубал попытается проложить ближайший маршрут вдоль побережья Средиземного моря; и поэтому он тщательно укрепил и охранял перевалы в восточных Пиренеях. Но Гасдрубал миновал эти горы у их западной оконечности; и затем, со значительными силами испанской пехоты, с небольшим количеством африканских войск, с несколькими слонами и большим количеством сокровищ, он двинулся маршем не прямо к побережью Средиземного моря, а в северо-восточном направлении к центру Галлии. Он остановился на зимовку на территории Арвернов, современной Оверни; и заручился или приобрел благосклонность галлов в этом регионе до такой степени, что не только нашел среди них дружественные зимние квартиры, но и большое количество их завербовалось под его начало, и с приближением весны двинулось с ним на вторжение в Италию.

Войдя таким образом в Галлию с юго-запада и обойдя ее южные приморские районы, Гасдрубал держал римлян в полном неведении относительно своих точных операций и передвижений в этой стране; все, что они знали, это то, что Гасдрубалу удалось сорвать попытки Сципиона задержать его в Испании; что он пересек Пиренеи с солдатами, слонами и деньгами и что он собирает свежие силы среди галлов. Весна, несомненно, приведет его в Италию; и тогда разразится настоящая военная буря, когда с севера и юга две карфагенские армии, каждая под командованием сына Молнии, соберутся вместе вокруг семи холмов Рима. [Гамилькара звали Барка, что означает Удар молнии. У султана Баязета была похожая фамилия Йилдерим.]

В этой чрезвычайной ситуации римляне серьезно и с тревогой искали между собой лидеров, способных противостоять опасностям предстоящей кампании.

Сенат рекомендовал народу избрать одним из своих консулов Кая Клавдия Нерона, патриция из одной из семей великого дома Клавдиев. Нерон служил в предыдущие годы войны как против Ганнибала в Италии, так и против Гасдрубала в Испании; но примечательно, что в исторических источниках, которыми мы располагаем, не зафиксировано никаких успехов, достигнутых им ни до, ни после его великой кампании при Метавре. То, что они распознали в Нероне энергию и

дух, которые требовались в этот критический момент, во многом свидетельствует о проницательности ведущих людей сената, и в равной степени делает честь патриотизму народа то, что они последовали совету сената, избрав полководца, за плечами которого не было ярких подвигов, чтобы рекомендовать его к своему выбору.

Найти второго консула было гораздо труднее; законы требовали, чтобы один консул был плебеем; а плебейская знать сильно поредела в результате событий войны. Пока сенаторы с тревогой обсуждали между собой, какого подходящего соратника Нерона можно было бы выдвинуть на предстоящих комициях, и с грустью вспоминали имена Марцелла, Гракха и других плебейских генералов, которых больше не было, один молчаливый и угрюмый старик сидел в угрюмой апатии среди отцов—призывников. Это был Марк Ливий, который был консулом в гире до начала этой войны, а затем одержал победу над иллирийцами. После своего консульства он был привлечен к ответственности перед народом по обвинению в казнокрадстве и несправедливом разделе добычи между своими солдатами: приговор был вынесен против него несправедливо, и сознание этой несправедливости и унижения, которому он таким образом подвергся, постоянно терзало душу Ливия, так что в течение восьми лет после суда он жил уединенно в своей сельской резиденции, не принимая участия ни в каких государственных делах. Недавно цензоры вынудили его приехать в Рим и занять свое место в сенате, где он обычно сидел мрачно в стороне, голосуя лишь молча. Наконец несправедливое обвинение, выдвинутое против одного из его ближайших родственников, заставило его нарушить молчание; и он обратился к палате представителей с весомой и осмысленной речью, которая привлекла к нему внимание и показала сенаторам, что под этой неприметной внешностью скрывается сильный дух. И вот, пока они спорили о том, какой аристократ из плебейского рода годится принять опасные почести консульства, некоторые из них постарше посмотрели на Марка Ливия и вспомнили, что во время самого последнего триумфа, который праздновался на улицах Рима, этот мрачный старик сидел в колеснице победы и что он принес последнюю великую благодарственную жертву за успех римского оружия, пролившего кровь перед капитолийским Юпитером. Не было никаких триумфов с тех пор, как Ганнибал вступил в Италию. [Марцеллу разрешили только овацию в честь завоевания Сиракуз.] Иллирийский поход Ливия был последним, удостоенным такой чести; возможно, теперь ему суждено возобновить давно прерванную серию. Сенаторы решили, что Ливий должен быть выдвинут на пост консула вместе с Нероном; народ был готов избрать его; единственное противодействие исходило от него самого. Он насмеялся над их непоследовательностью в почитании человека, которого они осудили за низкое преступление. "Если я невиновен, - сказал он, - почему вы возложили на меня такое пятно? Если я виновен, то почему я больше подхожу для второго консульства, чем для первого?" Другие сенаторы возражали ему, приводя в пример великого Камилла, который после несправедливого осуждения по аналогичному обвинению одновременно служил своей стране и спас ее. Наконец Ливий перестал возражать, и Гай Клавдий Нерон и Марк Ливий были избраны римскими консулами.

Между двумя консулами давно существовала ссора, и сенаторы стремились добиться примирения между ними перед началом кампании. И здесь Ливий долгое время упрямо сопротивлялся желанию своих коллег-сенаторов. Он сказал, что для государства лучше, чтобы он и Нерон продолжали ненавидеть друг друга. Каждый выполнял бы свой долг лучше, если бы знал, что за ним наблюдает враг в лице его собственного коллеги. Наконец мольбы сенаторов возобладали, и Ливий согласился прекратить вражду и сотрудничать с Нероном в подготовке к предстоящей борьбе.

Как только растаяли зимние снега, Гасдрубал начал свой поход из Оверни в Альпы. Он не испытывал ни малейших трудностей, с которыми столкнулся его брат в горных племенах. Армия Ганнибала была первым отрядом регулярных войск, когда-либо пересекавшим эти края; и, как дикие звери нападают на путешественника, туземцы инстинктивно восстали против этого, воображая, что защищают свои собственные жилища, которые, как они полагали, были объектами карфагенских амбиций. Но слава о войне, которая вот уже одиннадцать лет сотрясала Италию, проникла на альпийские перевалы, и горцы поняли, что могущественный город к югу от Альп должен быть атакован войсками, которые, как они видели, маршировали среди них. Они не только не оказали сопротивления переходу Гасдрубала, но многие из них, из любви к предприимчивости и грабежу или привлеченные предложенным им высоким жалованьем, перешли к нему на службу; и таким образом он двинулся на Италию с армией, которая с каждой лигой набирала силу. Говорят также, что некоторые из наиболее важных инженерных сооружений, построенных Ганнибалом, были обнаружены Гасдрубалом все еще существующими и существенно способствовали скорости его продвижения. Таким образом, он появился в Италии из альпийских долин гораздо раньше, чем ожидалось. Многие воины лигурийских племен присоединились к нему; и, переправившись через реку По, он двинулся вниз по ее южному берегу к городу Плацентия, который он хотел использовать в качестве базы для своих будущих операций. Плацентия сопротивлялась ему так же храбро, как сопротивлялась Ганнибалу одиннадцать лет назад; и некоторое время Гасдрубал был занят бесплодной осадой ее стен.

Шесть армий были собраны для защиты Италии, когда было объявлено о приближении Гасдрубала, которого так долго боялись. Семьдесят тысяч римлян служили в пятнадцати легионах, из которых вместе с равным количеством италийских союзников состояли эти армии и гарнизоны. Еще более тридцати тысяч римлян служили на Сицилии, Сардинии и в Испании. Общее число римских граждан, годных по возрасту к военной службе, едва превышало сто тридцать тысяч. Перепись населения, проведенная перед войной, показала в общей сложности двести семьдесят тысяч человек, которые за двенадцать лет сократились более чем наполовину. Эти цифры пугающе подчеркивают крайность, до которой был доведен Рим, и ее гигантские усилия в этой великой агонии своей судьбы. Не только люди, но и деньги и военные припасы были истощены до предела; и если армии того года будут сметены повторением резни при Фрасимене и Каннах, все чувствовали, что Рим прекратит свое существование. Даже если кампания не ознаменовалась бы решающим успехом ни с той, ни с другой стороны, ее гибель казалась неминуемой. В Южной Италии Ганнибал либо оторвал от нее союзников Рима, либо разорил их из-за опустошительных действий своей армии. Если бы Гасдрубал мог сделать то же самое в Верхней Италии; если бы Этрурия, Умбрия и Северный Лациум либо восстали, либо были опустошены, Рим, должно быть, погрузился бы в пучину голода; ибо враждебная или опустошенная территория не давала бы населению зерна; а денег, чтобы закупить его за границей, не было. Мгновенная победа была вопросом жизни и смерти. Трех из шести ее армий был отдан приказ выступить на север, но первая из них потребовалась, чтобы внушить страх недовольным этрускам. Вторая армия севера была выдвинута вперед под командованием претора Порция, чтобы встретить передовые войска Гасдрубала и сдержать их; в то время как третья, великая армия севера, которая должна была находиться под непосредственным командованием консула Ливия, имевшего главное командование во всей Северной Италии, продвигалась медленнее в своей поддержке. Точно так же три армии действовали на юге под командованием другого консула Клавдия Нерона.

Жребий решил, что Ливий должен выступить против Гасдрубала, и что Нерон должен встретиться лицом к лицу с Ганнибалом. И "когда все было устроено так, как они сами сочли наилучшим, два консула вышли из города, каждый своей дорогой. Народ Рима теперь находился совсем в другом положении, чем тогда, когда Л. Эмилий Павел и К. Таренций Варрон были посланы против Ганнибала. Они больше не брали на себя руководство своими генералами, не приказывали им спешить и заранее одерживать победы; скорее, они стояли в страхе, как бы всего усердия, мудрости и доблести не оказалось слишком мало. Ибо с тех пор прошло несколько лет, когда кто-нибудь из их военачальников не был убит; и поскольку было очевидно, что, если бы кто-нибудь из этих нынешних консулов потерпел поражение или попал в худшую ситуацию, два карфагенянина немедленно объединились бы и быстро расправились с другим: казалось большим счастьем, чем можно было ожидать, что каждый из них вернется домой победителем и с честью выйдет из такого могущественного сопротивления, какое ему предстояло встретить. С огромным трудом Рим держал голову на плечах со времен битвы при Каннах; хотя дело обстояло так, что Ганнибал в одиночку, без особой помощи Карфагена, продолжал войну в Италии. Но теперь прибыл другой сын Амилькара, и тот, кто в своей нынешней экспедиции казался человеком более состоятельным, чем сам Ганнибал. Ибо, в то время как в том долгом и опасном походе через варварские народы, через большие реки и горы, которые считались непроходимыми, Ганнибал потерял большую часть своей армии; этот Асдрубал в тех же местах умножил свою численность; и, собрав людей, которых он встретил на пути, спустился с Альп подобно катящемуся снежному шару, гораздо большему, чем он перешел Пиренеи при своем первом выходе из Испании. Эти и подобные соображения, которых многие опасались, побудили жителей Рима ожидать своих консулов за пределами города, подобно задумчивой процессии скорбящих; они думали о Марцелле и Криспине, которым они подобным образом оказывали помощь в прошлом году, но не видели, чтобы кто-то из них вернулся живым с менее опасной войны. Особенно старый Q. Фабий дал свой обычный совет М. Ливиусу, что ему следует воздерживаться от дачи или принятия сражения, пока он хорошо не поймет состояние врагов. Но консул дал ему резкий ответ и сказал, что он будет сражаться в первый же день, поскольку считает, что пройдет немало времени, прежде чем он либо восстановит свою честь победой, либо, увидев низвержение своих собственных несправедливых граждан, удовлетворит себя радостью великой, хотя и нечестной мести. Но смысл его слов был лучше". [Сэр Уолтер Рэли.]

Ганнибал в этот период со своими опытными, но значительно уменьшенными силами занимал крайний юг Италии. Ни друзья, ни враги не ожидали, что Гасдрубал совершит свой переход через Альпы так рано в этом году, как это произошло на самом деле. И даже когда Ганнибал узнал, что его брат находится в Италии и продвинулся до Плацентии, он был вынужден остановиться для получения дальнейших разведданных, прежде чем сам начать активные действия, поскольку он не мог сказать, не пригласят ли его брата в Этрурию, чтобы помочь тамошней партии, недовольной Римом, или же он двинется вниз по Адриатическому морю. Ганнибал вывел свои войска с зимних квартир в Бруттии и двинулся на север до Канузия. Штаб-квартира Нерона находилась недалеко от Венусии, с армией, которую он увеличил до сорока тысяч пехотинцев и двух с половиной тысяч всадников, объединив под своим собственным командованием некоторые из легионов, которые предполагалось передать под командование других полководцев на юге. К югу от Ганнибала, в Таренте, стояла еще одна двадцатитысячная римская армия. Крепость этого города защищала римские войска от любого нападения Ганнибала, и было серьезным делом двинуться на север и оставить их у себя в тылу, чтобы они

могли свободно действовать против всех его складов и союзников в дружественной части Италии, которая в течение последних двух или трех кампаний служила ему базой для его операций. Более того, армия Нерона была настолько сильной, что Ганнибал не мог сосредоточить достаточно войск, чтобы перейти в наступление против нее, не ослабив своих гарнизонов и не ослабив, по крайней мере на время, контроля над южными провинциями. Сделать это до того, как он был наверняка проинформирован об операциях своего брата, было бы бесполезной жертвой; поскольку Нерон мог отступить перед ним, наткнувшись на другие римские армии близ столицы, а Ганнибал по опыту знал, что простое продвижение его армии к стенам Рима никак не повлияет на исход войны. Вероятно, в надежде склонить Нерона последовать за ним и получить возможность перехитрить римского консула и напасть на него на марше, Ганнибал двинулся в Луканию, а затем обратно в Апулию; он снова двинулся в Бруттий и усилил свою армию набором рекрутов в этом районе. Нерон последовал за ним, но не дал ему возможности напасть на него в невыгодном положении. Некоторые частичные столкновения, по-видимому, имели место; но консул не смог предотвратить соединение Ганнибала с его бруттийскими отрядами, и Ганнибал не смог воспользоваться возможностью застать консула врасплох и сокрушить его. Ганнибал вернулся в свою бывшую штаб-квартиру в Канузии и остановился там в ожидании дальнейших известий о передвижениях своего брата. Нерон также вернулся на свою прежнюю должность для наблюдения за карфагенской армией.

[Летописцы, которых копировал Ливий, рассказывали о неоднократных победах Нерона над Ганнибалом, убийствах и уводе его людей десятками тысяч. Ложность всего этого самоочевидна. Если бы Нерону всегда удавалось таким образом побеждать Ганнибала, римляне не испытывали бы такого мучительного страха перед Гасдрубалом, как это описывают все писатели. Действительно, у нас есть прямое свидетельство Полибия о том, что все заявления, которые мы читаем у Ливия о Марцелле, Нероне и других, одерживающих победы над Ганнибалом в Италии, должны быть выдумками римского тщеславия. Полибий утверждает (Lib. xv. раздел. 16), что Ганнибал никогда не был побежден до битвы при Заме; и в другом отрывке (книга ix. глава 3) он упоминает, что после поражений, которые Ганнибал нанес римлянам в первые годы войны, они больше не осмеливались встретиться с его армией в открытом сражении на честном поле, и все же они решительно продолжали войну. Он справедливо объясняет это, ссылаясь на превосходство кавалерии Ганнибала - рода войск, который принес ему все его победы. Оставаясь в пределах укрепленных линий или близко к склонам гор, когда Ганнибал приближался к ним, римляне сделали его кавалерию неэффективной; и беглый взгляд на географию Италии покажет, как армия может пересечь большую часть этой страны, не удаляясь далеко от возвышенностей.]

Тем временем Гасдрубал снял осаду Плацентии и продвигался к Аримину на Адриатике, гоня перед собой римскую армию под командованием Порцины. И когда выступил консул Ливий и объединил вторую и третью армии севера, он не смог выступить против захватчиков. Римляне все еще отступали перед Гасдрубалом, за Аримином, за Метавром и до маленького городка Сена, расположенного к юго-востоку от этой реки. Гасдрубал не забывал о необходимости действовать заодно со своим братом. Он отправил гонцов к Ганнибалу, чтобы сообщить о своем собственном направлении похода и предложить им объединить свои армии в Южной Умбрии, а затем выступить против Рима. Эти гонцы благополучно пересекли большую часть Италии, но, приблизившись к цели своей миссии, были схвачены римским отрядом; и письмо Гасдрубала, в котором подробно излагался весь его план кампании, попало не в руки его брата, а в руки командующего римскими армиями на юге. Нерон сразу понял всю важность кризиса. Два сына

Гамилькара находились теперь на расстоянии двухсот миль друг от друга, и, если Рим будет спасен, братья не должны встретиться живыми. Нерон немедленно приказал семи тысячам отборных людей, из которых тысяча была кавалерией, быть готовыми к тайному походу против одного из гарнизонов Ганнибала; и как только наступила ночь, он поспешил осуществить свое смелое предприятие; но он быстро свернул с южной дороги в сторону Лукании и, развернувшись, с предельной быстротой двинулся на север, к Пицену. Накануне днем он отправил гонцов в Рим, которые должны были передать письма Гасдрубала сенату.

Существовал закон, запрещающий консулу вести войну или выводить свою армию за пределы вверенной ему провинции; но в такой чрезвычайной ситуации Нерон не стал ждать разрешения сената на осуществление своего проекта, а сообщил им, что он уже находится в походе, чтобы присоединиться к Ливию против Гасдрубала. Он посоветовал им отправить два легиона, составлявших местный гарнизон, в Нарнию, чтобы защитить этот проход фламминиевой дороги от Гасдрубала на случай, если он двинется на Рим до того, как консульские армии смогут напасть на него. Они должны были заменить эти два легиона в Риме МАССОВЫМ набором в городе и путем направления резервного легиона из Капуи. Это были его сообщения сенату. Он также послал всадника вперед по линии своего марша с приказом местным властям принести запасы провизии и прохладительных напитков всех видов на обочину дороги и подготовить несколько повозок для перевозки уставших солдат. Таковы были меры предосторожности, которые он принял, чтобы ускорить свой марш; и когда он отошел на некоторое расстояние от своего лагеря, он кратко сообщил своим солдатам об истинной цели их похода. Он сказал им, что никогда еще не было конструкции, более дерзкой на первый взгляд и более по-настоящему безопасной. Он сказал, что ведет их к верной победе, поскольку у его коллеги уже есть достаточно большая армия, чтобы уравновесить противника, так что ИХ мечи решительно перевернут чашу весов. Сам слух о появлении нового консула и новой армии, услышанный на поле битвы (а он позаботился бы о том, чтобы о них не узнали до того, как их увидят и почувствуют), решил бы исход кампании. Им принадлежала бы вся заслуга победы и нанесения последнего решающего удара, - Он взывал к восторженному приему, который они уже встретили на своем марше, - как к доказательству и предзнаменованию их удачи. [Ливий. lib. xxvii. с. 45.] И, действительно, весь их путь проходил среди обетов, молитв и восхвалений своих соотечественников. Все население округов, через которые они проезжали, стекалось к обочинам дорог, чтобы увидеть и благословить освободителей своей страны. Им с нетерпением предлагали еду, питье и прохладительные напитки всех видов. Каждый крестьянин считал, что ему оказана милость, если кто-нибудь из избранного Нероном отряда примет что-нибудь из его рук. Солдаты полностью прониклись духом своего предводителя. Днем и ночью они маршировали вперед, наскоро перекусывая в строю и отдыхая по очереди в повозках, доставленных усердием крестьян и следовавших в арьергарде колонны.

Тем временем в Риме известие об экспедиции Нерона вызвало величайшее волнение и тревогу. Все мужчины ощущали всю дерзость этого предприятия, но колебались, какой эпитет применить к нему. Было очевидно, что о поведении Нерона будут судить по этому событию, по этому самому несправедливому критерию, как верно выразился римский историк. ["Adparebat (quo nihil iniquius est) ex eventu famam habiturum."—LIVY, lib. xxvii. с. 44.] Люди рассуждали об опасном положении, в котором Нерон оставил остальную часть своей армии, без полководца, лишённую основного состава, в непосредственной близости от ужасного Ганнибала. Они размышляли о том, сколько времени потребуется Ганнибалу, чтобы преследовать и настигнуть самого Нерона и его экспедиционный корпус. Они обсуждали прежние бедствия войны и

падение обоих консулов в прошлом году. Все эти бедствия обрушились на них, когда в Италии им приходилось иметь дело только с одним карфагенским генералом и армией. Теперь у них было две пунические войны одновременно. У них было две карфагенские армии; у них было почти два Ганнибала в Италии, Гасдрубал происходил от одного отца; его воспитывали в той же враждебности к Риму; он был одинаково опытен в битвах с его легионами; и, если сравнительная скорость и успех, с которыми он перешел Альпы, были справедливым испытанием, он был даже лучшим полководцем, чем его брат. Опасаясь за интерпретатора каждого слуха, они повсюду преувеличивали численность войск своего врага, критиковали свои собственные и не доверяли им.

К счастью для Рима, в то время как он был, таким образом, жертвой ужаса и тревоги, нервы его консула были крепки, и он решительно ускорил свой марш к Сене, где стояли лагерем его коллега Ливий и претор Порций; армия Гасдрубала занимала позицию примерно в полумиле к северу. Нерон выслал вперед гонцов, чтобы сообщить своему коллеге о своем проекте и о своем приближении; и по совету Ливия Нерон так рассчитал время своего последнего перехода, чтобы достичь лагеря в Сенах к ночи. Согласно предварительной договоренности, людей Нерона молча приняли в палатках их товарищей, каждого в соответствии с его рангом. Таким образом, не было никакого расширения лагеря, которое могло бы выдать Гасдрубалу приток сил, который получили римляне. Это было значительно, поскольку численность Нерона на марше увеличилась за счет добровольцев, которые предлагали себя толпами и из которых он отбирал наиболее многообещающих людей, особенно ветеранов прошлых кампаний. Наутро после его прибытия был проведен военный совет, на котором некоторые советовали дать людям Нерона время подкрепиться после утомительного марша. Но Нерон яростно выступал против любых задержек. "Офицер, - сказал он, - который за то, чтобы дать время моим людям отдохнуть здесь, за то, чтобы дать время Ганнибалу напасть на моих людей, которых я оставил в лагере в Апулии. Он за то, чтобы дать время Ганнибалу и Гасдрубалу узнать о моем походе и маневрировать для соединения друг с другом в Цизальпинской Галлии на досуге. Мы должны сражаться немедленно, пока и враг здесь, и враг на юге не знают о наших передвижениях. Мы должны уничтожить этого Гасдрубала, и я должен вернуться в Апулию до того, как Ганнибал очнется от своего оцепенения". [Ливий, lib. xxvii. c. 45.] Совет Нерона возобладавал. Было решено вступить в бой напрямую; и прежде чем консулы и претор покинули палатку Ливия, было поднято красное знамя, служившее сигналом к немедленным действиям, и римляне немедленно выстроились в боевом порядке за пределами лагеря.

Гасдрубалу не терпелось повести Ливия и Порция в бой, хотя он и не считал целесообразным атаковать их в строю. И вот, услышав, что римляне предлагают бой, он тоже собрал своих людей и двинулся им навстречу. Ни один шпион или дезертир не сообщил ему о прибытии Нерона; и он не получал никакой прямой информации о том, что ему предстоит иметь дело не только со своими старыми врагами. Но когда он выехал вперед, чтобы разведать расположение римлян, ему показалось, что их число, по-видимому, увеличилось, и что доспехи некоторых из них были необычайно тусклыми и покрытыми пятнами. Он также заметил, что лошади некоторых кавалеристов выглядели потрепанными и не в лучшей форме, как будто они только что вернулись из череды форсированных маршей. Точно так же, хотя благодаря предосторожности Ливия римский лагерь не изменился в размерах, от чуткого слуха карфагенского полководца не ускользнуло, что труба, подававшая сигнал римским легионам, звучала в то утро на один раз чаще обычного, как будто командовал войсками какой-то дополнительный вышестоящий офицер. Гасдрубал по своим испанским кампаниям был хорошо знаком со всеми звуками и сигналами

римской войны; и из всего, что он слышал и видел, он был убежден, что перед ним оба римских консула. Сомневаясь и испытывая трудности относительно того, что могло произойти между армиями юга, и, вероятно, надеясь, что Ганнибал также приближается, Гасдрубал решил избежать столкновения с объединенными римскими силами и попытаться отступить в Инсубрийскую Галлию, где он был бы в дружественной стране и мог попытаться возобновить сообщение со своим братом. Поэтому он отвел свои войска обратно в лагерь; и, поскольку римляне не рискнули атаковать его укрепления, а Гасдрубал не захотел начинать свое отступление на их глазах, день прошел в бездействии. В первую ночную стражу Гасдрубал бесшумно вывел своих людей из лагеря и двинулся на север, к Метавру, в надежде заслонить эту реку от римлян до того, как его отступление будет обнаружено. Проводники предали его; намеренно уведя его с той части реки, где можно было перейти вброд, они скрылись в темноте, оставив Гасдрубала и его армию в замешательстве бродить по крутому берегу и тщетно искать место, где можно было бы безопасно перейти ручей. Наконец они остановились; и когда рассвело, Гасдрубал обнаружил, что большое количество его людей от усталости и нетерпения утратили всякую дисциплину и субординацию, а многие из его галльских вспомогательных войск напились и беспомощно лежали в своих казармах. Вскоре была замечена римская кавалерия, устремившаяся в погоню, за которой на небольшом расстоянии следовали легионы, которые маршировали в готовности к немедленному вступлению в бой. Для Гасдрубала было безнадежно думать о продолжении своего отступления у них на глазах. Перспектива немедленного сражения могла бы пробудить в дезорганизованной части его войск чувство долга и возродить инстинкт дисциплины. Поэтому он приказал своим людям немедленно приготовиться к бою и расположил их наилучшим образом, насколько позволял характер местности.

Херен хорошо описал общий вид карфагенской армии. Он говорит: "Это было собрание самых противоположных рас человеческого вида, из самых отдаленных уголков земного шара. Орды полуголых галлов выстроились рядом с отрядами одетых в белое иберийцев, а дикие лигурийцы - рядом с много путешествовавшими насамонами и лотофагами. Карфагеняне и финикийцы-африканцы составляли центр, в то время как бесчисленные отряды нумидийских всадников, набранных из всех племен Пустыни, разъезжали на неоседланных лошадях и образовывали фланги; авангард состоял из балеарских пращников, а шеренга колоссальных слонов с их эфиопскими проводниками образовывала как бы цепь движущихся крепостей перед всей армией. Таковы были обычные материальные средства и устройство войск, сражавшихся за Карфаген; но войска под командованием Гасдрубала не во всех отношениях были так составлены или так размещены. Похоже, ему особенно не хватало кавалерии, и у него было мало африканских войск, хотя с ним было несколько карфагенян высокого ранга. Его ветераны испанской пехоты, вооруженные шлемами и щитами, а также короткими рубящими мечами, были лучшей частью его армии. Их и нескольких своих африканцев он расположил на своем правом фланге под своим личным командованием. В центре он разместил свою лигурийскую пехоту, а на левом фланге разместил или сохранил галлов, вооруженных длинными дротиками, огромными палашами и мишенями. Пересеченная местность впереди и на фланге этой части его линии заставляла его надеяться, что римское правое крыло не сможет вступить в рукопашную с этими непригодными к службе варварами, прежде чем он сможет произвести некоторое впечатление на своих испанских ветеранов на римском левом фланге. Это был единственный шанс, который у него был на победу или безопасность, и он, похоже, сделал все, что мог сделать хороший полководец, чтобы обеспечить это. Он разместил своих слонов

впереди своего центра и правого фланга. Он приказал снабдить погонщика каждого из них острой железной пикой и молотком; и отдал приказ, чтобы каждое животное, которое стало неуправляемым и побежало обратно в свои ряды, было немедленно убито путем вонзания пики в позвонок на стыке головы и позвоночника. Слонов у Гасдрубала было десять. У нас нет достоверной информации о количестве его пехоты, но совершенно ясно, что объединенные римские силы значительно превосходили его численностью".

Тактика римских легионов еще не достигла того совершенства, которое она получила благодаря военному гению Мария [Скорее всего, в период его продолжительного консульства, с 104 по 101 год до н.э., когда он готовил свою армию для борьбы с кимврами и германцами.] и о котором мы читаем в первой главе "Гиббона". В этом великом труде мы располагаем рассказом о римских легионах в конце государства и в первые века существования империи, которым в достаточной мере могут восхищаться только те, кто пытался дать подобное описание. Мы также находим в шестой и семнадцатой книгах Полибия подробное обсуждение военной системы римлян в его время, которое было недалеко от времени битвы при Метавре. Но этот предмет сопряжен с трудностями: и вместо того, чтобы вдаваться в мельчайшие, но неубедительные подробности, я бы сослался на первую главу Гиббона, служащую для общего описания римской армии в период ее совершенствования; и заметил, что обучение и доспехи, которые весь легион получил во времена Августа, были представлены двумя столетиями ранее лишь частично. Две дивизии войск, называемые гастатами и принципесами, составляли основную часть каждого римского легиона во время второй Пунической войны. Численность каждой из этих дивизий составляла тысячу двести человек. Гастатус и легионер принцепса носили нагрудник или кольчугу, медные поножи и медный шлем с высоким стоячим гребнем из алых или черных перьев. У него был большой продолговатый щит, а в качестве оружия нападения - два дротика, один из которых был легким и заостренным, но другой представлял собой прочное и массивное оружие с древком длиной около четырех футов и железным наконечником такой же длины. Меч носился на правом бедре и представлял собой короткое рубящее и колющее оружие, подобное тому, которым пользовались испанцы. Вооруженные таким образом, гастаты составляли передовое подразделение легиона, а принципаты - второе. Каждое подразделение было выстроено примерно в десять рядов; между рядами оставалось расстояние в три фута, чтобы дать каждому легионеру достаточно места для использования своих дротиков, меча и щита. Мужчины во второй шеренге не стояли сразу за теми, кто был в первой шеренге, но шеренги чередовались, как положение мужчин на шахматной доске. Это было названо порядком квинканкса. Нибур считает, что такое расположение позволило легиону в течение некоторого времени осыпать врага градом дротиков. Он говорит: "Когда первая линия бросила свою пилу, она, вероятно, отступила назад между теми, кто стоял позади нее, которые двумя шагами вперед восстановили фронт почти до его первоначального положения; движение, которое, благодаря расположению квинканкса, можно было выполнить, не теряя ни минуты. Таким образом, одна линия фронта сменяла другую, пока не пришло время обнажать мечи; более того, когда это было сочтено целесообразным, линии, которые уже были впереди, могли повторить эту смену, поскольку запасы пилы наверняка не ограничивались двумя, которые каждый солдат брал с собой в бой.

"Такое же изменение, должно быть, произошло и в бою на мечах; который, когда обе стороны применили одну и ту же тактику, был чем угодно, только не беспорядочным рукопашным БОЕМ; напротив, это была серия единоборств". Он добавляет, что он консультировался по этому вопросу с опытным военным, который высказал свое мнение, "что изменение линий, как

описано выше, ни в коем случае не было невыполнимым; и в отсутствие оглушительного шума пороха это не могло вызвать никаких трудностей даже у обученных войск".

Третье подразделение легиона насчитывало шестьсот человек и действовало как резерв. Оно всегда состояло из солдат-ветеранов, которых называли триариями. Их вооружение было таким же, как у Принципалов и гастатов; за исключением того, что каждый триариец нес копье вместо дротиков. Остальная часть легиона состояла из легковооруженных солдат, которые действовали как стрелки. Кавалерия каждого легиона насчитывала в этот период около трехсот человек. Итальянские союзники, которые были приданы легиону, по-видимому, были аналогично вооружены и экипированы, но их численный состав кавалерии был намного больше.

Такова была природа сил, которые выступали на стороне римлян в битве при Метавре. Нерон командовал правым крылом, Ливий - левым, а претор Порций командовал центром. "И римляне, и карфагеняне хорошо понимали, как много зависело от удачи этого дня и как мало было надежды на безопасность у побежденных. Только римляне здесь, по-видимому, были более самонадеянны и уверены, что им предстояло сражаться с людьми, желавшими убежать от них. И в соответствии с этим предположением консул Ливий с гордой храбростью выступил в атаку на испанцев и африканцев, которые так жестоко обошлись с ним, что победа казалась весьма сомнительной. Африканцы и испанцы были храбрыми солдатами и хорошо знали манеру римского боя. Лигурийцы также были выносливой нацией и не привыкли уступать позиции, в чем они тем меньше нуждались или могли теперь это сделать, будучи помещенными в середину. Таким образом, Ливий и Порций столкнулись с большим сопротивлением; и, несмотря на большую резню с обеих сторон, одержали незначительную победу или вообще ничего не одержали. Помимо других трудностей, их чрезвычайно беспокоили слоны, которые прорвали их первые ряды и привели их в такой беспорядок, что римские прапорщики были вынуждены отступить; все это время Клавдий Нерон, тщетно карабкавшийся на крутой холм, не мог вступить в схватку со стоявшими напротив него галлами, но был вне опасности. Это придало уверенности Гасдрубалу, который, видя, что его собственное левое крыло в безопасности, действовал более смело и яростно, оказывая влияние на левое крыло римлян с другой стороны". ["Всемирная история" сэра Уолтера Роли, стр. 946.]

Но в конце концов Нерон, обнаруживший, что Гасдрубал отказался от своего левого крыла, и который не мог преодолеть трудности местности в отведенном ему квартале, решил исход сражения еще одним ударом того военного гения, который вдохновил его на поход. Развернув бригаду из своих лучших людей в тыл остальной римской армии, Нерон яростно атаковал с фланга испанцев и африканцев. Атака была столь же успешной, сколь и внезапной. В беспорядке отброшенные друг на друга, подавленные численностью, испанцы и лигурийцы погибли, храбро сражаясь до последнего. Галлы, которые почти не принимали участия в сражениях того дня, были затем окружены и перебиты почти без сопротивления. Гасдрубал, после того как, по признанию его врагов, сделал все, что мог сделать полководец, когда он увидел, что победа безвозвратно упущена, презрев возможность выжить в доблестном войске, которое он вел, и желая, будучи пленником, удовлетворить жестокость и гордыню римлян, пришпорил своего коня в гущу римской когорты, где с мечом в руке встретил смерть, достойную сына Гамилькара и брата Ганнибала.

Предприятие Нерона увенчалось самым полным успехом. Возвращаясь так же быстро, как и продвигался, он снова столкнулся с бездействующими врагами на юге, прежде чем они даже узнали о его походе. Но он принес с собой ужасный трофей того, что он сделал. В истинном духе той дикой жестокости, которая деформировала римский национальный характер, Нерон приказал бросить голову Гасдрубала в лагерь его брата. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как Ганнибал в последний раз смотрел на эти черты. Тогда сыновья Гамилькара разработали свою систему ведения войны против Рима, которую они так близко довели до успешного завершения. Год за годом Ганнибал сражался в Италии в надежде однажды приветствовать прибытие того, кого он оставил в Испании, и увидеть, как глаза его брата вспыхнут любовью и гордостью при виде их неотразимого воинства. Теперь он увидел, что этот глаз остекленел в смерти, и в агонии своего сердца великий карфагенянин громко застонал, что осознал судьбу своей страны.

[Carthagini jam non ego nuntios
Mittam superbos. Occidit, occidit
Spes omnis et fortuna nostri
Nominis, Hastrubale interemto.—HORACE.]

Рим был почти вне себя от радости: [Смотрите великолепное описание у Ливия, lib. xxvii. с. 50, 51.] таким мучительным было ожидание вердикта битвы по этому великому вопросу жизни и смерти нации; такой всепоглощающей была внезапная реакция на сознание безопасности и на полное сияние славы и успеха. С тех пор как в Риме стало известно, что армии находятся в присутствии друг друга, народ никогда не переставал заполнять форум, отцы-призывники постоянно заседали в здании сената. Время от времени по толпе поползал испуганный шепоток о вторых Каннах, выигранных вторым Ганнибалом. Затем дошли более правдивые слухи о том, что этот день настал для Рима; но люди были больны сердцем и не обращали на них внимания. Святилища были переполнены дрожащими женщинами, которые, казалось, утомляли небеса молитвами о защите от жестоких галлов и дикарей-африканцев. Вскоре сообщения о счастливой судьбе приняли более определенную форму. Говорили, что два нарнийских всадника прискакали с востока в римский наблюдательный лагерь в Умбрии и принесли весть о полном разгроме врага. Такие новости казались слишком хорошими, чтобы быть правдой, Люди мучили своих соседей и самих себя, демонстрируя их невероятность и изобретательно критикуя их свидетельства. Вскоре, однако, пришло письмо от Луция Манлия Ацидина, командовавшего войсками в Умбрии, который сообщил о прибытии нарнийских всадников в его лагерь и о сведениях, которые они туда доставили. Письмо было сначала передано сенату, а затем народному собранию. Волнение становилось все более и более неистовым. Письмо читали и перечитывали вслух тысячам людей. Это подтвердило предыдущий слух. Но даже этого было недостаточно, чтобы унять лихорадочное беспокойство, охватившее каждую грудь в Риме. Письмо могло быть подделкой: нарнийский всадник мог быть предателем или самозванцем. "Мы должны увидеть офицеров сражавшейся армии или услышать донесения от самих консулов, и только тогда мы поверим". Таково было общественное мнение, хотя некоторые более оптимистичные натуры уже позволили себе предвкушение радости. Наконец пришло известие, что офицеры, которые действительно участвовали в битве, были совсем рядом. Немедленно весь город высыпал им навстречу, каждый желал быть первым, кто собственными глазами и ушами получит убедительные доказательства реальности такого избавления.

Огромная толпа людей заполнила дорогу от Рима до Мильвианского моста. Три офицера, Луций Ветурий Поллион, Публий Лициний Васус и Квинт Цецилий Метелл, ехали верхом, медленно пробираясь сквозь окружавшее их живое море, и по мере продвижения каждый из них рассказывал очередным волнам нетерпеливых вопрошающих, что Рим одержал победу. "Мы уничтожили Гасдрубала и его армию, наши легионы в безопасности, а наши консулы невредимы". Каждый счастливый слушатель, услышавший сорвавшиеся с их губ приветственные звуки, удалялся, чтобы поделиться своей радостью с другими, и сам становился центром взволнованной и вопрошающей группы. Когда офицеры с большим трудом добрались до здания сената, а толпу с еще большим трудом оттеснили от входа и не дали ей смешаться с отцами-призывниками, депеши Ливия и Нерона были предъявлены и зачитаны вслух. Из здания сената офицеры проследовали в народное собрание, где депеши были зачитаны еще раз; а затем старший офицер, Луций Ветурий, более подробно рассказал своими словами о том, как прошел бой. Когда он закончил говорить с народом, всеобщий крик восторга разорвал воздух. Затем огромное собрание разошлось: одни спешили в храмы, чтобы найти в молитве выход переполняющему их сердца волнению; другие искали свои дома, чтобы порадовать своих жен и детей благой вестью и порадовать собственные глаза видом любимых, которые теперь, наконец, были в безопасности от надругательства и резни. Сенат назначил трехдневную молитву благодарения за великое избавление, ниспосланное Риму; и в течение всего этого периода храмы были непрестанно переполнены ликующими прихожанами; и матроны, окруженные своими детьми, в своих самых ярких нарядах, с радостными лицами и голосами возносили благодарственную хвалу бессмертным богам, как будто все опасения относительно зла миновали и война уже закончилась.

С возрождением уверенности пришло также возрождение активности в дорожном движении и коммерции, а также во всех оживленных контактах повседневной жизни. С каждого сердца и мозга был снят оцепенелый груз, и люди снова покупали и продавали и быстро строили свои планы, как это делалось до того, как в Италию пришли ужасные карфагеняне. Ганнибал, конечно, все еще находился в стране; но все чувствовали, что его разрушительная сила была сломлена и что кризис военной лихорадки миновал. Метавр, действительно, не только предопределил ход борьбы между Римом и Карфагеном, но и обеспечил Риму еще два столетия почти неизменных завоеваний. Ганнибал действительно, с почти сверхчеловеческим мастерством, удерживал свою власть над Южной Италией еще несколько лет, но имперскому городу и ее союзникам больше не угрожало его оружие; и после падения Ганнибала великая военная республика древнего мира не встретила в своей завоевательной карьере другого достойного соперника. Байрон назвал поход Нерона "непревзойденным", и по масштабу его последствий это так и есть. Рассматриваемый только как военный подвиг, он остается беспрецедентным, за исключением смелого похода Мальборо из Фландрии к Дунаю в кампании при Бленхейме и, возможно, также бокового похода эрцгерцога Карла в 1796 году, в ходе которого он разбил французов под командованием Журдена, а затем, прогнав Моро через Шварцвальд и переправившись через Рейн, на некоторое время освободил Германию от ее захватчиков.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При МЕТАВРЕ, 207 г. до н.э., И ПОБЕДОЙ АРМИНИИ НАД РИМСКИМИ ЛЕГИОНАМИ Под КОМАНДОВАНИЕМ ВАРА, 9 г.н.э..

С 205 по 201 год до н.э. Сципион становится консулом и переносит войну в Африку. Там он одерживает несколько побед, и карфагеняне отзывают Ганнибала из Италии, чтобы выступить

против него. Битва при Заме в 201 году: Ганнибал побежден, и Карфаген просит мира. Конец второй Пунической войны, в результате чего Рим утвердился во владении Италией, Сицилией, Сардинией и Корсикой, а также стал хозяином большей части Испании и практически доминировал в Северной Африке.

200. Рим объявляет войну Филиппу, царю Македонии. Она претендует на то, чтобы взять греческие города Ахейского союза и этолийцев под свою защиту в качестве союзников. Филипп терпит поражение от проконсула Фламиния при Киноцефалах в 198 году и умоляет о мире. Македонское влияние в настоящее время полностью уничтожено в Греции, и на его месте утвердилось римское, хотя номинально Рим признал независимость греческих городов.

194. Рим объявляет войну Антиоху, царю Сирии. Он потерпел полное поражение в битве при Магнезии в 192 году и рад принять мир на условиях, которые оставляют его зависимым от Рима.

200-190. "Таким образом, за короткий промежуток в десять лет был заложен фундамент римской власти на Востоке, и общее положение дел полностью изменилось. Если Рим еще не был правителем, то, по крайней мере, он был вершителем судеб всего мира от Атлантики до Евфрата. Могущество трех главных государств было настолько совершенно унижено, что они не осмеливались без разрешения Рима начинать какую-либо новую войну; четвертое, Египет, уже в 201 году перешло под опеку Рима; и меньшие державы последовали за ним сами по себе, почитая за честь называться союзниками Рима. Этим именем народы были убаюканы и попали под римское иго; новая политическая система Рима была основана и укреплена частично возбуждением и поддержкой более слабых государств против более сильных, какими бы несправедливыми ни были дела первых, а частично фракциями, которые она находила средства для создания в каждом государстве, даже самом маленьком".

172. Возобновилась война между Македонией и Римом. Решающее поражение македонского царя Персеса от Павла Эмилия при Пидне, 168 год, Разрушение македонской монархии.

150. Рим угнетает карфагенян до тех пор, пока они не будут вынуждены взяться за оружие, и начинается третья пуническая война, Карфаген взят и разрушен 146-м Сципионом Эмилианом, а территория Карфагена становится римской провинцией.

146. В тот же год, когда падает Карфаген, римская армия под командованием Муммия берет штурмом Коринф. Ахейская лига была втянута в военные действия с Римом средствами, аналогичными тем, которые использовались против Карфагена. Большая часть Южной Греции стала римской провинцией под названием Ахайя.

133. Нумантий разрушен Сципионом Эмилианом. "Война против испанцев, которые из всех народов, покоренных римлянами, защищали свою свободу с величайшим упорством, началась в 200 году, через шесть лет после полного изгнания карфагенян из их страны, в 206 году. Оно было чрезвычайно упорным, отчасти из-за естественного состояния страны, которая была густо населена и где каждое место превращалось в крепость; отчасти из-за храбрости жителей; но, наконец, все из-за своеобразной политики римлян, которые уступили, чтобы использовать своих союзников для подчинения других народов. Эта война продолжалась почти без перерыва с 200 по 133 год и по большей части велась одновременно в Центральной Испании, где кельтиберы были самыми грозными противниками, и в Задней Испании, где лузитаны были не менее могущественны. Военные действия достигли наивысшего накала в 195 году при Катоне, который привел Испанию в состояние спокойствия в 185-179 годах, когда кельтиберы

подвергались нападениям на их родной территории; и в 155-150 годах, когда римляне в обеих провинциях так часто терпели поражения, что солдаты дома ничего так не боялись, как быть отправленными туда. Вымогательства и вероломство Сервия Гальбы поставили Вириата в 146 году во главе его народа, лузитанцев: война, однако, вскоре распространилась на Китайскую Испанию, где многие народы, особенно нумантинцы, подняли оружие против Рима в 143 году. Вириат, иногда одерживавший победу, а иногда терпевший поражение, никогда не был более грозным, чем в момент поражения, потому что он знал, как воспользоваться своим знанием страны и нравов своих соотечественников. После его убийства, вызванного предательством Сепиона (140), Лузитания была покорена; но нумантийская война стала еще более ожесточенной, и нумантинцы вынудили консула Манцина заключить невыгодный договор (137). Когда Сципион в 133 году положил конец этой войне, в Испании, безусловно, было спокойно; однако северные районы все еще не были покорены, хотя римляне проникли до Галатии". — ХЕРЕН.

134. Начало века революции в Риме, т.е. со времени волнений, вызванных попытками Гракхов реформировать государство, до битвы при Акциуме (31 г. до н.э.), которая утвердила Октавиана Цезаря единственным хозяином римского мира. На протяжении всего этого периода Рим был вовлечен в важные иностранные войны, большинство из которых привели к обширным присоединениям к его территории.

118-106. Югуртинская война. Нумидия завоевана и стала римской провинцией.

113-101. Великая и ужасная война кимбров и тевтонов против Рима. Эти народы северных воинов уничтожают несколько римских армий в Галлии, и в 102 году, пытаясь проникнуть в Италию, военный гений Мария здесь спасает свою страну; он побеждает тевтонов близ Экс, в Провансе; а в следующем году он уничтожает армию кимбров, перешедших Альпы, близ Верчелл.

91-88. Война итальянских союзников против Рима. Это было вызвано отказом Рима признать за ними права римского гражданства. После упорной борьбы Рим постепенно соглашается на это.

89-86. Первая война римлян против Митридата Великого, царя Понта, который захватил Малую Азию, Македонию и Грецию. Силла наносит поражение его армии и вынуждает его вывести свои войска из Европы. Силла возвращается в Рим, чтобы продолжить гражданскую войну против сына и сторонников Мария. Он делает себя диктатором.

74-64. Последние Митридатовы войны. Лукулл, а за ним Помпей, командуют войсками против великого понтийского царя, которого в конце концов отравляет его сын, замышляя поднять воинственные племена Дуная против Рима и вторгнуться в Италию с северо-востока. Великие азиатские завоевания римлян. Кроме древней провинции Пергам, приморские страны Вифиния и почти вся Пафлагония и Понт образуют римскую провинцию под названием Вифиния; в то время как на южном побережье Киликия и Памфилия образуют другую провинцию под названием Киликия; Финикия и Сирия составляют третью провинцию под названием Сирия. С другой стороны, Великая Армения оставлена Тиграну; Капподокия - Ариобарзану; Босфор - Фарнаку; Иудея - Гиркану; и некоторые другие небольшие государства также переданы мелким князьям, все из которых остаются зависимыми от Рима.

58-50. Цезарь завоевывает Галлию.

54. Красс атакует парфян с римской армией, но был свергнут и убит при Каррах в Месопотамии. Его лейтенант Кассий собирает остатки армии и мешает парфянам завоевать Сирию.

49-45. Гражданская война между Цезарем и партией Помпеев. Цезарь изгоняет Помпея из Италии, побеждает силы своего врага в Испании, а затем переходит в Грецию, где Помпей и другие аристократические вожди собрали большую армию. Цезарь наносит им решительное поражение в великой битве при Фарсалии. Помпей бежит в поисках убежища в Александрию, где его убивают. Цезарь, последовавший за ним туда, участвует в войне с египтянами, в которой он, наконец, одерживает победу. Знаменитая Клеопатра становится царицей Египта. Затем Цезарь вступает в Понт и побеждает сына Митридата, который принимал участие в войне против него. Затем он отправляется в римскую провинцию Африка, где обосновались некоторые из помпейских вождей, которым помог Джуба, местный принц. Он побеждает их в битве при Тапсе. Ему снова приходится вести армию в Испанию, где сыновья Помпея собрали остатки отряда своего отца. Он сокрушает последнего из своих врагов в битве при Мунде. Под титулом диктатора он является единственным хозяином римского мира.

44. Цезарь убит в здании Сената; вскоре возобновляются гражданские войны, Брут и Кассий становятся во главе аристократической партии, а партию Цезаря возглавляют Марк Антоний и Октавиан Цезарь, впоследствии Август.

42. Поражение и смерть Брута и Кассия при Филиппах. Вскоре между Октавианом Цезарем и Антонием вспыхивают разногласия.

31. Антоний полностью побежден Октавианом Цезарем при Акциуме. Он летит в Египет с Клеопатрой. Октавиан преследует его. Антоний и Клеопатра убивают себя. Египет становится римской провинцией, а Октавиан Цезарь остается бесспорным хозяином Рима и всего, что принадлежит Риму. Состояние римского мира в это время лучше всего описывается в двух строках Тацита:— "Postquam bellatum apud Actium, atque OMNEM POTESTATEM AD UNUM CONFERRI PACIS INTERFUIT". (Hist. lib. i. s. 1.)

44-й год правления Августа и 1-й год 195-й Олимпиады обычно считаются датой РОЖДЕСТВА ГОСПОДА НАШЕГО. Много красоты святости в замечаниях, которыми американский историк Элиот завершает свой обзор завоевательной карьеры и гражданского упадка Римского государства:

"Поскольку смирение среди людей было необходимо для подготовки более истинной свободы, чем та, которую когда-либо можно было знать при язычестве, роль Рима, какой бы ужасной она ни была, была все же возвышенной. Людям, историю которых мы прочитали, было позволено завоевать землю не для того, чтобы объединить, дисциплинировать или укрепить человечество, а для того, чтобы ослабить, ослабить и рассеять его силы, а затем они сами были приведены к глубокому подчинению. Каждое их доброе дело, которое терпело неудачу, было, по причине того, что мы считаем его неудачей, шагом, приближающим конец почти вселенского зла, которое преобладало; в то время как каждое плохое достижение, которое, как нам может показаться, преуспело, временно или надолго, было в равной степени, по причине его успеха, продвижением к благу, о пришествии которого можно было бы мечтать и молиться, если бы его можно было постичь. Как в добродетелях, так и в пороках античности мы можем прочесть движение к ее унижению. ["Христианское откровение", - говорит Лиланд в своей поистине замечательной работе на эту тему (том i, стр. 488), "было явлено миру в то время, когда в нем

больше всего нуждались; когда тьма и развращенность человечества достигли апогея если бы оно было опубликовано намного раньше и до того, как было проведено полное испытание того, чего следовало ожидать от человеческой мудрости и философии, великая потребность людей в таком экстраординарном божественном устройении не была бы столь очевидной".] Но, с другой стороны, это не должно казаться, что в то время последнее, что склонность римлян или всего человечества к подчинению была обеспечена исключительно ошибками и явно безрезультатными усилиями, которые мы проследили до этих древних времен. Желания, слишком истинные, чтобы быть потраченными впустую, и стремления, слишком гуманные, чтобы быть непродуктивными, хотя все они были омрачены мимолетными обидами, все еще сияют, как будто в ожидании или при подготовке наступающего дня.

"Наконец, когда веками конфликтов и потерь было доказано, что никакая длительная радость и никакая непреходящая истина не могут быть обретены силой, свободой или верой человечества, ангелы запели свою песню, в которой слились воедино слава Божья и добрая воля людей. Вселенная была окутана сиюминутным спокойствием, и "мирной была ночь" над яслями в Вифлееме. Мы можем поверить, что когда наступило утро, невежество, смятение и рабство человечества оставили свои самые темные формы среди полуночных облаков. Действительно, человеку все еще было не под силу надежно ухватиться за милосердие и возрождение, которые отныне должны были стать его законом; и неопределимые ужасы будущего, видимые с Запада или с Востока, не должны были рассеяться сразу. Но еще до смерти императора Августа, среди его падших подданных, дело ОТЦА уже было начато в Иерусалимском храме; и рядом с ним СЫН возрастал в мудрости и росте и пользовался благосклонностью Бога и людей". ["Свобода Рима" Элиота, том ii, стр. 521.]

ГЛАВА V. ПОБЕДА АРМИНИИ Над РИМСКИМИ ЛЕГИОНАМИ Под КОМАНДОВАНИЕМ ВАРА,

9 г. н. э.

"Hac clade factum, ut Imperium quod in littore oceani non steterat, in ripa Rheni fluminis staret."—FLORUS.

Поистине выдающемуся французу, чьи неудачи на посту министра никогда не могут затмить его достижений в мире литературы, мы обязаны самой глубокой и красноречивой оценкой важности германского элемента в европейской цивилизации, которой мы располагаем, и той степени, в которой человечество обязано тем храбрым воинам, которые долгое время были непобедимыми противниками и, наконец, стали завоевателями Императорского Рима.

Прошло двадцать три насыщенных событиями года с тех пор, как Гизо прочитал на кафедре современной истории в Париже свой курс лекций по истории цивилизации в Европе. В течение тех лет дух серьезного исследования зародышей и ранних разработок существующих институтов становился все более активным и универсальным; и заслуженная известность работ Гизо пропорционально возросла. Его замечательный анализ сложных политических и социальных организаций, из которых состоит современный цивилизованный мир, должно быть, побудил тысячи людей с более пристальным интересом проследить за великими кризисами прошлого, которые определили характеристики настоящего. Повествование об одном из этих великих кризисов, об эпохе 9 года нашей эры, когда Германия подняла оружие в борьбе за свою независимость против римского нашествия, имеет для нас особую привлекательность — оно является частью нашей собственной национальной истории. Если бы Арминий бездействовал или потерпел неудачу, наши германские предки были бы порабощены или истреблены на своих исконных местах вдоль Эйдера и Эльбы; этот остров никогда бы не носил названия Англии, и "мы, эта великая английская нация, чья раса и язык сейчас населяют землю от одного ее конца до другого" [Лекции Арнольда по современной истории.] был бы полностью отрезан от существования.

Арнольд действительно может зайти слишком далеко, утверждая, что мы совершенно не связаны расовой принадлежностью с римлянами и бриттами, населявшими эту страну до прихода саксов; что, "говоря национальным языком, история вторжения Цезаря имеет к нам не больше отношения, чем естественная история животных, которые тогда населяли наши леса". Кажется, есть достаточно доказательств того, что романизированные кельты, которых нашли здесь наши тевтонские предки, оказали существенное влияние на характер нашей нации. Но основной поток нашего народа был и остается германским. Один только наш язык убедительно доказывает это. Арминий в гораздо большей степени является одним из наших национальных героев, чем Карактакус: и это было наше собственное первобытное отечество, которое храбрый германец спас, когда восемнадцать веков назад разгромил римские легионы в болотистых долинах между Липпе и Эмсом. [См. Сообщение, замечания об отношениях между херусками и англичанами.]

Мрачными и обескураживающими, должно быть, казались перспективы Германии даже героическим душам, когда Арминий планировал всеобщее восстание своих соотечественников против Рима. Половина страны была занята римскими гарнизонами; и, что еще хуже, многие германцы, казалось, терпеливо мирились со своим положением раба. Наиболее храбрая часть, напатриотизм которой можно было положиться, была плохо вооружена и недисциплинирована; в то время как войска противника состояли из ветеранов с высочайшим уровнем оснащения и подготовки, знакомых с победой, и ими командовали офицеры, доказавшие свое мастерство и доблесть. Ресурсы Рима казались безграничными; ее целеустремленность считалась непобедимой. Не было никакой надежды на иностранное сочувствие или помощь, ибо "самоуправляющиеся державы, заполнившие старый свет, одна за другой склонялись перед растущей мощью Рима и исчезли. Казалось, на земле не осталось независимых наций". [Ranke.]

(Немецкий) вождь хорошо знал гигантскую силу угнетателя. Арминий не был грубым дикарем, сражавшимся из простого животного инстинкта или не подозревавшим о мощи своего противника. Он был знаком с римским языком и цивилизацией; он служил в римских армиях; он был принят в римское гражданство и возведен в достоинство рыцарского ордена. Это было

частью тонкой политики Рима - присваивать звания и привилегии молодежи из ведущих семей в странах, которые она хотела поработить. Среди других молодых германских вождей Арминий и его брат, которые были главами самого благородного дома в племени херусков, были выбраны в качестве подходящих объектов для осуществления этой коварной системы. Римские изысканности и достоинства преуспели в лишении гражданства брата, который принял римское имя Флавий и был верен Риму на протяжении всех его войн против его страны. Арминий оставался не купленным почестями или богатством, не испорченным утонченностью или роскошью. Он стремился к более высокому титулу, чем когда-либо мог бы получить благодаря римской вражде, и получил его благодаря римской милости. Именно на страницах величайшего историка Рима его имя дошло до нас с гордым добавлением "Освободитель доброй Германии". [Тацит, "Анналы", ii. 88.]

Часто, должно быть, молодой вождь, размышляя о подвиге, который таким образом обессмертил его, с тревогой прокручивал в уме судьбу многих великих людей, которые были сокрушены в попытке, которую он собирался возобновить, — попытке остановить колеса колесницы торжествующего Рима. Мог ли он надеяться на успех там, где погибли Ганнибал и Митридат? Какова была судьба Вириата? и какое предостережение против напрасной доблести было написано на пустынном месте, где когда-то процветала Нумантия? Не было недостатка в предостережениях и в сценах, более близких к дому, и в более поздние времена. Галлы восемь лет безуспешно боролись против Цезаря; и доблестный Верцингеторикс, который в последний год войны поднял на восстание всех своих соотечественников, который разгромил римские отряды и подверг самого Цезаря крайней опасности при Алезии, — он тоже в конце концов пал, был взят в плен во время триумфа Цезаря, а затем хладнокровно убит в римской темнице.

Это правда, что Рим больше не был великой военной республикой, которая на протяжении столетий веков сокрушала королевства мира. Ее система правления была изменена, и после столетия революции и гражданской войны она подчинила себя деспотизму единственного правителя. Но дисциплина в ее войсках все еще оставалась непоколебимой, и ее воинственный дух, казалось, не ослабевал. Первые войны империи озаменовались завоеваниями, столь же ценными, как и все, завоеванные республикой в соответствующий период. Это большая ошибка, хотя и, по-видимому, санкционированная великими авторитетами, предполагать, что внешняя политика, проводимая Августом, была мирной. Он, безусловно, рекомендовал такую политику своим преемникам либо из робости, либо из ревности к их славе, затмевающей его собственную; ["*Incertum metu an per invidiam*".—Тас. Ann. i. 11] но сам он, пока Арминий не сломил его дух, следовал совсем другим курсом. Помимо испанских войн, его полководцы в ходе ряда преимущественно агрессивных кампаний расширили римскую границу от Альп до Дуная и подчинили себебольшие и важные страны, которые в настоящее время образуют территории всей Австрии к югу от этой реки, а также Восточной Швейцарии, Нижнего Виртемберга, Баварии, Вальтелины и Тироля. В то время как успехи римского оружия, таким образом, теснили германцев с юга, еще более грозные набеги были совершены императорскими легионами на западе. Римские армии, двигавшиеся из провинции Галлия, основали цепь крепостей вдоль правого, а также левого берега Рейна и в серии победоносных кампаний продвинули своих орлов до Эльбы; которая теперь, казалось, была добавлена к списку вассальных рек, к Нилу, Рейну, Роне, Дунаю, Тахо, Сене и многим другим, признававшим верховенство Тибра. Римские флоты, также выходившие из гаваней Галлии вдоль германских берегов и вверх по устьям рек, сотрудничали с сухопутными войсками империи и, казалось, еще решительнее, чем ее армии, демонстрировали ее подавляющее превосходство над грубыми

германскими племенами. На всей захваченной таким образом территории римляне с присущим им военным искусством установили цепи укрепленных постов; и мощная оккупационная армия держалась в пешем строю, готовая немедленно выступить в любое место, где могла быть предпринята попытка народного восстания.

Однако по мере того, как ткань римской власти появлялась на границах и в провинциях, ее основа была обширной и превосходно организованной. В ходе непрекращающихся военных действий Рима с иностранными врагами и, что еще более важно, в ходе длинной череды опустошительных гражданских войн свободные средние классы Италии почти полностью исчезли. Над положением, которое они занимали, поднялась богатая олигархия; под этим положением бродила деградировавшая масса бедности и невзгод. Рабы, случайные попутчики из каждой завоеванной страны, косяки африканцев, сардинцев, азиатов, иллирийцев и других составляли основную массу населения итальянского полуострова. Самое отвратительное распутство нравов было распространено во всех званиях. Из-за всеобщей усталости от революции и гражданской войны и сознания того, что они слишком унижены для самоуправления, нация подчинилась абсолютной власти Августа. Лесть стала теперь главной функцией сената, и дары гения и достижения искусства были потрачены на составление красноречиво фальшивых панегириков принцу и его любимым придворным. С горьким негодованием, должно быть, немецкий вождь наблюдал все это и противопоставлял этому грубую ценность своих соотечественников: их храбрость, их верность своему слову, их мужественную независимость духа, их любовь к своим национальным свободным институтам и их отвращение ко всякому осквернению и низости. Прежде всего, он, должно быть, думал о домашних добродетелях, которые освящали немецкий дом; об уважении, которое там проявляли к женскому характеру, и о чистой привязанности, которой это уважение было отплачено. Его душа, должно быть, воспламенилась при мысли о том, что такая раса уступает этим униженным итальянцам.

И все же убедить германцев объединиться, несмотря на их частую вражду между собой, в одном внезапном нападении на Рим; держать план в тайне от римлян до тех пор, пока не настанет час действовать; а затем, не имея ни одного обнесенного стенами города, без военных припасов, без подготовки, научить своих восставших соотечественников побеждать армии ветеранов и штурмовать укрепления, казалось настолько рискованным предприятием, что, вероятно, Арминий отказался бы от него, если бы его не подтолкнуло к этому более сильное чувство, чем патриотизм. Среди высокопоставленных германцев, которые с наибольшей готовностью подчинились захватчикам и стали ревностными сторонниками римской власти, был вождь по имени Сегест. Его дочь, Туснельда, была выдающейся среди благородных девиц Германии. Арминий добивался ее руки, но Сегест, который, вероятно, заметил неприязнь молодого вождя к Риму, запретил ему сватовство и постарался воспрепятствовать всякому общению между ним и его дочерью. Туснельда, однако, гораздо больше сочувствовала героическому духу своего возлюбленного, чем политике своего отца по отбыванию срока. Побег свел на нет все предосторожности Сегеста; который, разочаровавшись в своей надежде воспрепятствовать браку, обвинил Арминия перед римским наместником в том, что он похитил его дочь и планировал измену Риму. Подвергшийся такому нападению и страшившийся увидеть, как чиновники иностранного угнетателя отнимут у него невесту, Арминий больше не медлил, а направил все свои силы на организацию и проведение всеобщего восстания огромной массы своих соотечественников, которые до сих пор с угрюмой инертностью подчинялись римскому владычеству.

Недавно произошла смена губернаторов, которая, хотя и способствовала окончательному успеху повстанцев, в то же время способствовала немедленному усилению римских притеснений, которые она вызвала, и вызвала всеобщее стремление местного населения взяться за оружие. Тиберий, ставший впоследствии императором, недавно был отозван от командования в Германии и послан в Паннонию для подавления опасного восстания, вспыхнувшего в этой провинции против римлян. Таким образом, немецкие патриоты были избавлены от строгого надзора одного из самых благоприятных представителей человечества, а также от необходимости бороться с высокими военными талантами опытного командира, который досконально понимал их национальный характер и природу страны, которую он сам в основном покорил. Вместо Тиберия Август отправил в Германию Квинтилия Вара, который недавно вернулся от проконсулата Сирии. Вар был истинным представителем высших классов римлян; среди которых общий вкус к литературе, острая восприимчивость ко всем интеллектуальным удовольствиям, мельчайшее знакомство с принципами и практикой их собственной национальной юриспруденции, тщательное обучение в школах риторов и любовь либо участвовать, либо наблюдать за интеллектуальной борьбой судебного ораторского искусства получили широкое распространение; без, однако, очеловечивания старого римского духа жестокого безразличия к человеческим чувствам и человеческим страданиям и без того, чтобы действовать как наименьший сдерживающий фактор для беспринципной скупости и насилия. честолюбие или привычная и грубая расточительность. Привыкший управлять развращенными и униженными уроженцами Сирии, страны, где мужество в мужчинах и добродетель в женщинах веками были неизвестны, Вар думал, что он может одинаково безнаказанно удовлетворять свои распущенные и хищные страсти среди благородных сыновей и чистых духом дочерей Германии. Когда армейский генерал подает пример подобных бесчинств, его офицеры вскоре добросовестно подражают ему и превосходят его еще более жестокие солдаты. Римляне теперь обычно допускали те нарушения неприкосновенности домашней святыни и те оскорбления чести и скромности, которые часто доводили до бунта души гораздо менее доблестные, чем у наших тевтонских предков.

[Я не могу удержаться от цитаты прекрасных строк Маколея, где он описывает, как подобные безобразия в ранние времена Рима побуждали плебеев восстать против патрициев:—

"Наденьте еще тяжелее оковы, еще плотнее закройте решетку;
Терпеливые, как овцы, мы уступаем вашей жестокой ненависти.

Но, клянусь тенью под нами и богами наверху,
не добавляй к своей жестокой ненависти свою еще более жестокую любовь.

Тогда оставь бедному плебею его единственную связь с жизнью —
нежную, нежную любовь дочери, сестры и жены,
нежные речи, бальзам на все страдания его измученной души,
поцелуй, в котором он наполовину забывает даже такое ярмо, как твое.

Пусть девичья красота по-прежнему наполняет отцовскую грудь
гордостью;
Пусть руки жениха по-прежнему обнимают незапятнанную невесту.

Избавь нас от невыразимой обиды, от невыразимого позора,
Который превращает сердце труса в сталь, а кровь бездельника - в
пламя;

Чтобы, когда исчезнет наша последняя надежда, ты не вкусил нашего отчаяния,

И не узнал на собственном опыте в какой-нибудь дикий час, на что осмеливаются несчастные ".]

Арминий нашел среди других германских вождей многих, кто сочувствовал ему в его возмущении унижением их страны, и многих, кого личные обиды задели еще глубже. Было нетрудно собрать смелых лидеров для нападения на угнетателей, и не было особого страха перед тем, что население не поднимется с готовностью по призыву этих лидеров. Но объявить открытую войну Риму и столкнуться с армией Вара в решающем сражении означало бы просто устремиться навстречу неминуемой гибели. Под началом Вара было три легиона - сила, которая, с учетом отдельных подразделений, не может быть оценена менее чем в четырнадцать тысяч римской пехоты. У него было также восемьсот или девятьсот римских всадников и по меньшей мере такое же количество конных и пеших, присланных из союзных государств или набранных среди тех провинциалов, которые не получили римского избирательного права.

Не только количество, но и качество этих войск делало их грозными; и каким бы ничтожным ни был Вар как полководец, Арминий хорошо знал, насколько превосходно организованы римские армии и как хорошо укомплектован офицерский состав, и как прекрасно легионеры понимают каждый маневр и каждую обязанность, которые могут потребоваться в различных чрезвычайных ситуациях на пораженном поле боя. Следовательно, без стратагемы было не обойтись, и необходимо было заставить Вара замолчать относительно его планов до тех пор, пока не представится благоприятная возможность нанести решающий удар.

С этой целью германские союзники часто посещали штаб-квартиру Вара, которая, по-видимому, находилась недалеко от центра современной Вестфалии, где римский полководец вел себя со всей надменной уверенностью губернатора совершенно покорной провинции. Там Вар одновременно удовлетворял свое тщеславие, свой риторический вкус и свою алчность, созывая суды, на которые он приглашал германцев для разрешения всех их споров, в то время как коллегия римских адвокатов занималась рассмотрением дел в суде проконсула, который не упускал возможности взимать судебные пошлины и брать взятки. Вар безоговорочно доверял тому уважению, которое германцы якобы оказывали его способностям судьи, и тому интересу, который они якобы проявляли к судебному красноречию своих завоевателей. Тем временем череда проливных дождей сделала местность еще более трудной для действий регулярных войск; и Арминий, видя, что увлечение Вара было полным, тайно приказал племенам близ Везера и Эмса взяться за оружие для открытого восстания против римлян. Это было представлено Вару как событие, требующее его немедленного присутствия на месте; но его держали в сознательном неведении о том, что это было частью согласованного национального восстания; и он по-прежнему смотрел на Арминия как на своего покорного вассала, на помощь которого он мог положиться в облегчении марша своих войск против мятежников и в подавлении местных беспорядков. Поэтому он привел свою армию в движение и двинулся на восток по линии, параллельной течению Липпе. На некотором расстоянии его маршрут пролегал по ровной равнине; но по прибытии на участок между изгибом верхней части этого ручья и истоками Эмса местность приобретает совершенно иной характер; и именно здесь, на территории современного маленького княжества Липпе, Арминий наметил место своего предприятия.

Лесистая и холмистая местность находится между истоками двух рек и образует водосбор их потоков. Этот регион до сих пор сохраняет название (Тевтобергский валд—*Teutobergiensis saltus*), которое он носил во времена Арминия. Природа местности, вероятно, также осталась неизменной. Восточная его часть, вокруг Детмольдта, нынешней столицы княжества Липпе, описана современным немецким ученым доктором Плейтом как "плоскогорье, пересеченное многочисленными глубокими и узкими долинами, которые в некоторых местах образуют небольшие равнины, окруженные крутыми горами и скалами, и доступные только по узким ущельям. Все долины пересекают быстрые ручьи, мелководные в сухой сезон, но подверженные внезапным разливам осенью и зимой. Обширные леса, покрывающие вершины и склоны холмов, состоят в основном из дуба; подлеска здесь мало, и как люди, так и лошади могли бы легко передвигаться по лесам, если бы почва не была изрыта оврагами или не стала бы непроходимой из-за упавших деревьев". Это район, в который, как предполагается, двинулся Вар; и доктор Плейт добавляет, что "названия нескольких населенных пунктов на этом месте и поблизости от него, по-видимому, указывают на то, что когда-то здесь разыгралось великое сражение. Мы находим названия "das Winnefeld" (поле победы), "die Knochenbahn" (костяной переулочек), "die Knochenleke" (костяной ручей), "der Mordkessel" (котел резни) и другие". [Я признателен за большую ценную информацию по этому вопросу моему другу мистеру Генри Пирсону.]

Вопреки обычным строгим принципам римской дисциплины, Вар допустил, чтобы его армию сопровождал огромный обоз с обозом и толпа лагерных приверженцев; как будто его войска просто меняли место дислокации в дружественной стране. Когда длинный строй покинул твердую ровную местность и начал петлять среди лесов, болот и лощин, трудности марша, даже без вмешательства вооруженного противника, стали устрашающе очевидны. Во многих местах размокшая от дождей почва была непригодна для кавалерии и даже для пехоты, пока не были срублены деревья и через болото не образовалась грубая дамба.

Обязанности инженера были знакомы всем, кто служил в римских армиях. Но толпа и беспорядок в колоннах смутили рабочие группы солдат, и в разгар их тяжелого труда и беспорядка по их рядам внезапно пронесся слух, что арьергард подвергся нападению варваров. Вар решил продвигаться вперед; но сильный залп метательных снарядов из леса с обоих флангов показал ему, насколько серьезной была опасность, и он увидел, как лучшие люди падали вокруг него, не имея возможности нанести ответный удар; ибо его легковооруженные вспомогательные силы, которые были в основном германской расы, теперь быстро дезертировали, и было невозможно развернуть легионеров на такой пересеченной местности для атаки на врага. Выбрав одно из наиболее открытых и укрепленных мест, к которому они могли пробиться, римляне остановились на ночь; и, верные своей национальной дисциплине и тактике, разбили свой лагерь среди изматывающих атак быстро наседавших врагов, с изощренным трудом и систематическим мастерством, следы которых навсегда запечатлелись на земле стольких европейских стран, свидетельствуя о присутствии в древности императорских орлов.

На следующее утро римляне возобновили свой марш; ветераны-офицеры, служившие под командованием Вара, теперь, вероятно, руководили операциями и надеялись обнаружить германцев, вышедших им навстречу; в этом случае они полагались на свою превосходящую дисциплину и тактику для такой победы, которая должна была подтвердить превосходство Рима. Но Арминий был слишком мудрым полководцем, чтобы повести своих последователей с

их громоздкими палашами и неэффективными защитными доспехами против римских легионеров, полностью вооруженных шлемами, кирасами, понож и щитами; которые умели начинать сражение смертоносным залпом тяжелых дротиков, обрушиваемых на врага на расстоянии нескольких ярдов, а затем своими короткими рубящими мечами прокладывая себе путь сквозь любое сопротивление, сохраняя предельную устойчивость и хладнокровие и повинаясь каждому слову команды. Посреди раздоров и резни с такой же точностью и бдительностью, как на параде. [См. Описание Гиббона (т. i, гл. 1) о римских легионах во времена Августа; и смотрите описание у Тацита (Ann. lib. i) последующих сражений между Цециной и Арминием.] Арминий позволил римлянам выступить из своего лагеря, построиться сначала в боевую линию, а затем в колонну для марша, не проявляя сопротивления. На некоторое расстояние Вару позволили продвинуться дальше, лишь изматывая его небольшими стычками, но он с трудом пробирался по пересеченной местности; труд и отчаяние его людей усугублялись сильными потоками дождя, которые обрушивались на преданные легионы, как будто разгневанные боги Германии изливали чаши своего гнева на захватчиков. Через некоторое время их фургон подъехал к высокому лесистому хребту, который является одним из ответвлений великого Герцинского леса и расположен между современными деревнями Дрибург и Билефельд. Арминий приказал соорудить здесь баррикады из срубленных деревьев, чтобы усилить естественные трудности прохода. Усталость и уныние начали сказываться в рядах римлян. Их строй стал менее устойчивым; повозки с багажом были брошены из-за невозможности форсировать их; и, когда это произошло, многие солдаты покинули свои ряды и столпились вокруг повозок, чтобы забрать наиболее ценные части своего имущества; каждый был занят своими делами и намеренно медлил с получением приказа от своих офицеров. Теперь Арминий подал сигнал к общей атаке. Свирепые крики германцев разносились во мраке лесов, и они толпами атаковали фланги захватчиков, осыпая тучами дротиков обремененных легионеров, когда те с трудом взбирались по долинам или барахтались в болотах, и используя любую возможность для атаки через промежутки разрозненной колонны, и таким образом перерезая связь между несколькими ее бригадами. Арминий, окруженный отборной группой личных слуг, подбадривал своих соотечественников голосом и примером. Он и его люди целились из своего оружия, в частности, в лошадей римской кавалерии. Раненые животные, поскользываясь в грязи и собственной крови, сбрасывали своих всадников и врывались в ряды легионов, приводя их в беспорядок. Теперь Вар приказал войскам выступить в обратный поход в надежде добраться до ближайшего римского гарнизона на Липпе. [Обстоятельства ранней части битвы, в которой Арминий сражался с Цециной шесть лет спустя, очевидно, напоминали обстоятельства его битвы с Варом, и результат был очень близок к тому же: поэтому я принял часть описания, которое Тацит дает (Ann. lib. i. c. 65) последнего упомянутого сражения: "Neque tamen Arminius, quamquam libero in cursu, statim prorupit: sed ut haesere caeno fossisque impedimenta, turbati circum milites; инкертус синьорум ордо; прекратите войну во время сибби собственно, и противоборствующие силы империи, враг Германии юбет, моллюски сражаются наповал, и мы никогда не победим легионеров!" Одновременно, и в конечном итоге победим всех, равный максимуму вольнера ингерит; или сангвинический суо и лубрико палудум лапсантес, оправдание ректора, очевидный дизъюнкт, proterere jacentes".] Но отступление теперь было так же невозможно, как и наступление; и отступление римлян только увеличивало мужество нападавших и вызывало более ожесточенные и частые атаки на флангах обескураженной армии. Римский офицер, командовавший кавалерией, Нумоний Вала ускорил со своими эскадронами в тщетной надежде спастись, бросив таким образом своих товарищей. Неспособные держаться вместе или пробиться через леса и болота, всадники были разбиты

наголову и перебиты до последнего человека. Римская пехота все еще держалась вместе и сопротивлялась, но больше благодаря инстинкту дисциплины и храбрости, чем какой-либо надежде на успех или бегство. Вар, после того как был тяжело ранен во время атаки германцев на его часть колонны, покончил с собой, чтобы не попасть в руки тех, кого он раздражал своими притеснениями. Один из генерал-лейтенантов армии пал в бою, другой сдался врагу. Но милосердие к поверженному врагу никогда не было римской добродетелью, и те из ее легионов, кто теперь сложил оружие в надежде на пощаду, испили до дна чашу страданий, которую Рим подносил к губам многих храбрых, но несчастных врагов. Разъяренные немцы убивали своих угнетателей с преднамеренной свирепостью; и те пленники, которые не были разрублены на куски на месте, были сохранены только для того, чтобы хладнокровно умереть более жестокой смертью.

Основная часть римской армии сражалась стойко и упрямо, часто отражая атаки масс нападавших, но постепенно теряя компактность своего строя и становясь все слабее и слабее под непрекращающимся дождем дротиков и повторяющимися атаками энергичных и необремененных германцев. Наконец, в серии отчаянных атак колонна была пронзена насквозь, два орла взяты в плен, и римское войско, которое вчерашним утром выступило вперед с такой гордостью и мощью, теперь разбито на беспорядочные части, которые либо пали, сражаясь под превосходящими силами врага, либо погибли в болотах и лесах в тщетных попытках к бегству. Немногие, очень немногие когда-либо снова видели левый берег Рейна. Один отряд храбрых ветеранов, выстроившись кольцом на небольшом холмике, отбил все атаки немцев и продлил их благородное сопротивление до конца того ужасного дня. Следы слабой попытки насыпать ров и насыпь спустя годы свидетельствовали о том, что это место, где последний из римлян провел свою ночь страданий и отчаяния. Но на следующий день и эти остатки, измученные голодом, ранами и тяжелым трудом, были атакованы победоносными германцами и либо убиты на месте, либо принесены в жертву по устрашающим обрядам божествам древней мифологии Севера.

Ущелье в горном хребте, через которое проходит современная дорога между Падерборном и Пирмонтом, ведет от места, где бушевала битва, к Экстерштейну, скоплению смелых и гротескных скал из песчаника; рядом с которым находится небольшая полоска воды, затененная рощей старых деревьев. Согласно местной традиции, это была одна из священных рощ древних германцев, и именно здесь римские пленники были принесены в жертву победоносными воинами Арминия. ["*Lucis propinquis barbarae arae, apud quas tribunos ac primorum ordinam centuriones mactaverant.*"—TACITUS, Ann. lib. i. c. 61.]

Никогда еще победа не была более решительной, никогда освобождение угнетенного народа не было более мгновенным и полным. По всей Германии римские гарнизоны подверглись нападению и были отрезаны; и в течение нескольких недель после падения Вара германская земля была освобождена от ног захватчиков.

В Риме известие о битве было воспринято с агонией ужаса, описания которого мы сочли бы преувеличенными, если бы они не исходили от самих римских историков. Эти отрывки у римских авторов не только красноречиво говорят о том, насколько велико было благоговение, которое римляне испытывали перед доблестью германцев, если бы их различные племена могли воссоединиться для достижения общей цели, но также они показывают, насколько ослабленным и униженным стало население Италии. [Ясно, что римляне следовали политике

разжигания раздоров и войн германцев между собой. См. тридцать третий раздел "Германии" Тацита, где он упоминает уничтожение бруктеров соседними племенами: "Отдавайте предпочтение делу, которое мы ведем: нам не нужно зрелищных действий в будущем: сверхъестественные миллионы без оружия телисковых римлян, сед, квест великолепный есть, облекающий глаз чечидерунт. *Maneat quaeso, duretque gentibus, si non amor nostri at certe odium sui quando urgentibus imperii fati, nihil jam praestare fortuna majus potes quam hostiam discordiam.*"] Dion Cassius says: [Lib. lvi. sec. 23.] "Тогда Август, услышав о бедствии, постигшем Вара, разодрал на себе одежды и был в великом огорчении из-за потерянных войск и из-за страха перед германцами и галлами. И его главной тревогой было то, что он ожидал, что они двинутся дальше против Италии и Рима: а в Риме не осталось ни одной молодежи, пригодной к военной службе, о которой стоило бы говорить, и население союзников, которое было хоть сколько-нибудь пригодно к службе, было уничтожено. Тем не менее, он подготовился к чрезвычайной ситуации настолько, насколько позволяли его средства; и когда никто из граждан призывного возраста не пожелал записываться в армию, он заставил их бросить жребий и наказал конфискацией имущества и лишением избирательных прав каждого пятого мужчину из числа тех, кто моложе тридцати пяти, и каждого десятого мужчину из тех, кто старше этого возраста. Наконец, когда он обнаружил, что даже таким образом не может заставить многих выйти вперед, он предал некоторых из них смерти. Поэтому он провел призыв уволенных ветеранов и освобожденных рабов и, собрав как можно больше войск, со всей возможной скоростью отправил их под командованием Тиберия в Германию".

Дион упоминает также ряд потрясающих предзнаменований, которые, как считалось, произошли в то время; и повествование о которых не является несущественным, поскольку показывает состояние общественного сознания, когда в подобные вещи так верили и так интерпретировали. Говорили, что вершины Альп рухнули, и из них вырвались три столба огня. В Марсовом поле, в храм Бога войны, из которого произошел основатель Рима, ударила молния. Ночные небеса несколько раз вспыхнули, словно охваченные огнем. Множество комет вспыхнуло одновременно; и огненные метеоры, имевшие форму копий, выстрелили из северной части неба прямо в римские лагеря. Говорили также, что статуя Победы, которая раньше стояла на границе, указывая путь в сторону Германии, сама по себе повернулась и теперь указывала на Италию. Толпа верила, что эти и другие чудеса сопровождали истребление легионов Вара и явили гнев богов против Рима, сам Август не был свободен от суеверий; но в этом случае не понадобилось никаких сверхъестественных ужасов, чтобы усилить тревогу и горе, которые он испытывал; и это заставляло его даже в течение нескольких месяцев после получения известия о битве часто биться головой о стену и восклицать: "Квинтилий Вар, верни мне мои легионы!" Мы узнаем об этом от его биографа Светония; и, действительно, каждый древний писатель, упоминающий о свержении Вара, подтверждает важность удара, нанесенного римской державе, и горечь, с которой он был нанесен. [Florus expresses its effect most pithily: "*Hac clade factum est ut imperium quod in litore oceani non steterat, in ripa Rheni fluminis staret*" (iv. 12).]

Немцы не стремились к победе за пределами своей собственной территории. Но эта победа сразу и навсегда обеспечила независимость тевтонской расы. Рим действительно послал свои легионы снова в Германию, чтобы продемонстрировать временное превосходство; но Август и его преемники оставили все надежды на постоянные завоевания.

Удар, нанесенный Арминием, никогда не был забыт, римский страх маскировался под благовидным названием умеренности, и Рейн стал общепризнанной границей двух наций

вплоть до пятого века нашей эры, когда германцы перешли в наступление и своими победоносными мечами превратили провинции Императорского Рима в королевства современной Европы.

ARMINIUS.

Я уже говорил выше, что великий Херускан в большей степени является одним из наших национальных героев, чем Карактакус. Можно добавить, что англичанин имеет право претендовать на более тесную степень родства с Арминием, чем может претендовать любой немец современной Германии. Доказательство этого зависит от доказательства четырех фактов: во-первых, что херуски были древнесаксами, или саксами внутренних районов Германии; во-вторых, что англосаксы, или саксы побережья Германии, были более близки к херускским саксам, чем другие германские племена; в-третьих, что древние саксы были почти истреблены Карлом Великим; в-четвертых, что англосаксы - наши непосредственные предки. Последнее из них можно считать аксиомой в английской истории. Доказательства трех других частично филологические, а частично исторические. У меня нет места подробно останавливаться на них здесь, но их можно найти в первых главах великого труда доктора Роберта Гордона Лэтема "Английский язык" и в примечаниях к его изданию "Германии Тацита". Однако здесь можно отметить, что нынешние саксы Германии принадлежат к высокогерманской ветви германской расы, тогда как и англосаксы, и древнесаксы принадлежали к низкогерманской.

Являясь, таким образом, ближайшими наследниками славы Арминия, мы можем справедливо уделить его карьере больше внимания, чем в таком труде, как настоящий, могло бы быть позволено какому-либо отдельному лидеру, и интересно проследить, насколько широко его слава сохранилась в средние века как среди германцев Континента, так и среди нас.

Представляется вероятным, что ревность, с которой Марабодуус, король свевов и маркоманнов, относился к Арминию и которая в конечном итоге вылилась в открытую вражду между этими германскими племенами и херусками, помешала Арминию повести германский союз в атаку на Италию после его первой победы. Возможно, он проявил редкую сдержанность и был доволен освобождением своей страны, не стремясь отомстить ее бывшим угнетателям. Когда Тиберий выступил маршем в Германию в 10 году, Арминий был слишком осторожен, чтобы атаковать его на местности, благоприятной для легионов, а Тиберий был слишком искусен, чтобы запутать свои войска в труднодоступных районах страны. Его марш и контрмарш были столь же безрезультатными, сколь и непродуктивными. Несколько лет спустя, когда опасное восстание римских легионов у границы вынудило их генералов найти им активное применение, уведя их в глубь Германии, мы снова видим Арминия энергичным в защите своей страны. Старая ссора между ним и его тестем Сегестесом вспыхнула с новой силой. Тогда Сегест призвал на помощь римского полководца Германика, которому он сдался сам; и благодаря его ухищрению его дочь Туснельда, жена Арминия, также попала в руки римлян, будучи на позднем сроке беременности. Она проявила, как рассказывает Тацит, [Ann. i. 57.] больше духа своего мужа, чем своего отца, духа, который нельзя было подавить слезами или мольбами. Ее отправили в Равенну, и там она родила сына, жизнь которого, как мы узнаем из упоминания у Тацита, была богатой событиями и несчастливой; но та часть труда великого историка, в которой рассказывалась о его судьбе, утрачена, и мы знаем только из других источников, что сына Арминия в возрасте четырех лет вели пленником во время триумфального шествия по улицам Рима.

Эти тяжелые утраты довели высокий дух Арминия почти до иступления. Судьба его жены, оторванной от него таким образом, и его ребенка, обреченного на рабство еще до его рождения, воспламенила красноречивые выпады, с помощью которых он поднимал своих соотечественников против предателей родины и против их захватчиков, которые таким образом развязывали войну с женщинами и детьми. Германик повел свою армию к месту, где погиб Вар, и там воздал погребальные почести ужасным останкам легионов своего предшественника, которые он обнаружил грудой вокруг себя. [В Музее рейнских древностей в Бонне есть римский надгробный памятник, надпись на котором гласит, что он был воздвигнут в память о М. Целиусе, павшем "БЕЛЛО ВАРИАНО".] Арминий заманил его продвинуться немного дальше вглубь страны, а затем напал на него и вступил в битву, которая, по римским свидетельствам, закончилась вничью. Результатом этого было то, что Германик принял решение отступить к Рейну. Сам он с частью своих войск сел на несколько судов в Эмсе и вернулся по этой реке, а затем морем; но часть его сил была доверена римскому полководцу по имени Цецина, который должен был по суше вывести их обратно к Рейну. Арминий последовал за этой дивизией в ее походе и участвовал с ней в нескольких сражениях, в которых он нанес римлянам тяжелые потери, захватил большую часть их обоза и полностью уничтожил бы их, если бы его искусная система операций не была окончательно сорвана поспешностью Ингиомера, германского военачальника-союзника, который настаивал на нападении на римлян в их лагере, вместо того чтобы ждать, пока они не запутаются в трудностях местности, и атаковать их колонны на марше.

В следующем году римляне бездействовали; но годом позже Германик возглавил новое вторжение. Он погрузил свою армию на корабли и поплыл к устью Эмса, где сошел на берег и направился к Везеру, где разбил лагерь, вероятно, в окрестностях Миндена. Арминий собрал свою армию на другом берегу реки, и произошла сцена, о которой убедительно рассказывает Тацит и которая является сюжетом прекрасной поэмы Прейда. Уже упоминалось, что брат Арминия, как и он сам, в молодости был подготовлен к службе в римских войсках; но, в отличие от Арминия, он не только отказался оставить римскую службу ради своей страны, но и сражался против своей страны в легионах Германика. Он принял римское имя Флавий и добился значительных отличий на римской службе, во время которой потерял глаз от ранения в бою. Когда римские аванпосты приблизились к реке Везер, Арминий окликнул их с противоположного берега и выразил желание увидеть своего брата. Флавий выступил вперед, и Арминий приказал своим последователям удалиться и потребовал, чтобы лучники были убраны с римского берега реки. Это было сделано, и братья, которые, по-видимому, не виделись несколько лет, начали разговор с противоположных берегов ручья, в ходе которого Арминий расспрашивал своего брата о потере глаза, о том, в каком сражении он был потерян и какую награду он получил за свою рану. Флавий рассказал ему, как был уничтожен глаз, и упомянул о повышенном жаловании, которое он получил в связи с его потерей, и показал ошейник и другие военные награды, которые были ему вручены. Арминий насмехался над ними как над символами рабства; и тогда каждый начал пытаться привлечь на свою сторону другого; Флавий хвастался могуществом Рима и его великодушием по отношению к покорным; Арминий зывал к нему во имя богов их страны, матери, которая их родила, и во имя святых имен отечества и свободы не предпочитать быть предателем защите своей страны. Вскоре они перешли к взаимным насмешкам и угрозам, и Флавий громко позвал своего коня и оружие, чтобы броситься через реку и напасть на своего брата; и его бы это не остановило, если бы римский военачальник Стертиний не подбежал к нему и силой не задержал его. Арминий стоял на другом берегу, угрожая отступнику и вызывая его на бой.

Можно не считать, что я нуждаюсь в извинениях за то, что цитирую здесь строфы, в которых Прейд описал эту сцену — сцену из числа самых трогательных и поразительных, какие только есть в истории. Это заставляет нас задуматься о безутешном положении Арминия, когда его жена и ребенок оказались в плену у врага, а его брат - отступник с оружием в руках выступил против него. Великий освободитель нашей немецкой расы стоял там, лишенный всех источников человеческого счастья, кроме сознания выполнения своего долга перед своей страной.

- Назад, назад! тот не боится пенящегося потока,
Кто не боится закованного в сталь строя: -
Ты не воин немецкой крови,
Ты мне не брат.
Иди, заслужи римскую цепь, чтобы нагрузить ее на свою шею,
Ее драгоценные камни украсят твой эфес;
И злосчастное крушение герба чести
Со всей тяжестью вины.

- Но хочешь ли ты, чтобы я разделил добычу?
Клянусь всем, что я сделал, —
Кости вариан день за днем
Лежат, белея на солнце,
Растоптанные доспехи легиона,
Раздробленное крыло орла,—
Я бы не стал ни за что на свете
Так презирать себя и быть таким ничтожеством.

- Эй, назови меня здесь волшебником, мальчик,
Обладающим темным и утонченным мастерством,
Способным мучить, но не разрушать,
проклинать, но не убивать.
Когда обнажены мечи, раздаются крики,
Остается мало места для молитвы,
Нет оков на руке или сердце человека
Висит там вдвое тяжелее.

"Я проклиная его дарами земли
Отвоевал у него и у Рима —
Разящий топор, опустошающее клеймо,
Арендный лес, пылающий дом.
Я проклиная его богами нашей страны,
ужасными, темными,
Ломающими римские прутья,
крушащими кору.

"О несчастье, что на таком челе должен быть такой запрет

!

Почему он не идет в авангарде битвы
Стать главой своей страны? —
Чтобы рядом со мной был товарищ,
Разделивший мою славу,
Достойный братской гордости
И имени брата?

"Но это в прошлом! — там, где герои дают
, А трусы преклоняют колена
У Арминия нет братьев;
Его братья - свободные.
Они приходят в себя: один час, и свет
Исчезнет с поверхности земли и прилива,
Затем вперед, вперед, к борьбе
С тьмой за нашего проводника.

- Этой ночью, этой ночью, когда мы встретимся
В бою лицом к лицу,
Только тогда Арминий примет
объятия отступника.
Язва вины Рима будет
На его умирающем имени;
И так же, как он жил в рабстве,
Так же он будет опозорен.

На следующий день после того, как римляне достигли Везера, Германик повел свою армию через эту реку, и произошло частичное столкновение, в котором Арминий добился успеха. Но на следующий день завязалось генеральное сражение, в ходе которого Арминий был тяжело ранен, а германская пехота была разбита с большими потерями. Всадники двух армий столкнулись, и ни одна из сторон не получила преимущества. Но римская армия оставалась хозяином положения и одержала полную победу. Германик воздвиг на поле боя трофей с хвастливой надписью о том, что страны между Рейном и Эльбой были полностью завоеваны его армией. Но эта армия быстро совершила окончательное отступление на левый берег Рейна; и результат их кампании не был более продолжительным, чем их трофеи. Сарказм, с которым Тацит говорит о некоторых других триумфах римских полководцев над германцами, может быть применим и к театрализованному представлению, которое Германик устроил по возвращении в Рим после командования римской армией на Рейне. Немцы были "TRIUMPHATI POTIUS QUAM VICTI".

После того, как римляне отказались от своих попыток вторгнуться в Германию, мы обнаруживаем, что Арминий вступил в военные действия с Марободусом, королем свевов и маркоманнов, который пытался поставить другие германские племена в состояние зависимости от него. Арминий стоял во главе германцев, которые подняли оружие против этого посягателя на их свободы. После нескольких незначительных столкновений между двумя конфедерациями в 16 году н.э. произошло ожесточенное сражение, в котором потери с обеих сторон были равны;

но Марободуус признал превосходство своего противника, уклонившись от возобновления сражения и умоляя римлян вмешаться в его защиту. Младший Друз тогда командовал римскими легионами в провинции Иллирик, и при его посредничестве был заключен мир между Арминием и Марободусом, по условиям которого очевидно, что последний должен был отказаться от своих честолюбивых планов, направленных против свободы других германских племен.

Арминий недолго пережил эту вторую войну за независимость, которую он успешно вел во имя своей страны. Он был убит на тридцать седьмом году жизни несколькими своими родственниками, устроившими против него заговор. Тацит говорит, что это произошло, когда он был вовлечен в гражданскую войну, которая была вызвана его попытками стать царем над своими соотечественниками. Гораздо более вероятно (как заметил один из лучших биографов Арминия), что Тацит неправильно истолковал попытку Арминия расширить свое влияние в качестве выборного военного вождя херусков и других племен за попытку получить царское достоинство. [Доктор Плейт, в Биографическом словаре, подготовленном Обществом распространения полезных знаний.] Когда мы вспоминаем, что его тесть и брат были ренегатами, мы можем хорошо понять, что партия среди его родственников, возможно, была настроена к нему крайне враждебно и выступала против его власти в племени открытым насилием, а когда это казалось безрезультатным, тайным убийством.

Арминий оставил имя, которое историки нации, против которой он так долго и славно боролся, с удовольствием почитают. Мы знаем о его подвигах из самого бесспорного источника, из уст врагов. [См. Тацит, *Ann. lib. ii. c. 88*; Веллей Патеркул, *lib. ii. c. 118*.] Его соотечественники творили историю, но не писали ее. Но память о нем жила среди них в песнях их бардов, которые записывали

"Подвиги, которые он совершил, поля, которые он завоевал, свобода, которую он восстановил".

Тацит, спустя много лет после смерти Арминия, говорит о нем: "*Canitur adhuc barbaras apud gentes*". Со временем благодарность древней Германии своему великому освободителю переросла в преклонение, и на протяжении веков все племена Низшей германской ветви тевтонских рас воздавали Арминию божественные почести. Ирмин-сул, или колонна Германа, близ Эресбурга, современного Штадтберга, была избранным объектом поклонения потомков херусков, Древних саксов, и в защиту которой они наиболее отчаянно сражались против Карла Великого и его обращенных в христианство франков. "Ирмин на облачном Олимпе тевтонской веры предстает как король и воин; и колонна "Ирмин-сул", на которой установлена статуя и которая считается символом божества, была Палладиумом саксонской нации, пока храм в Эресбурге не был разрушен Карлом Великим, а сама колонна не была перенесена в монастырь Корби, где, возможно, до сих пор сохранилась часть грубого скального идола, покрытая орнаментами готической эпохи". [Пэлгрейв об Английском Содружестве, том ii. стр. 140.]

Следы поклонения Арминию можно найти у наших англосаксонских предков после их поселения на этом острове. Считалось, что одна из четырех великих магистралей находится под покровительством божества и называлась "Ирмин-стрит". Имя Арминий - это, конечно, простая латинизированная форма "Герман", имени, под которым героя и божество знали все мужчины нижегерманской крови по обе стороны Германского моря. Этимологически это означает "человек войны", "человек воинств". Никакое другое объяснение поклонения "Ирмин-сул" и названия "Ирмин-стрит" не является столь удовлетворительным, как то, которое

связывает их с обожествленным Арминием. Мы наверняка знаем о существовании других столбцов аналогичного характера. Таким образом, в Северной Германии был Роланд-сеуле, в Швеции был Тор-сеуле и (что более важно) в саксонской Англии был Ательстан-сеуле. [См. "Англосаксы" Лаппенбурга, стр. 378. Почти всеми филологическими и этнографическими фактами, касающимися Арминия, я обязан доктору Р. Г. Латаму.]

В настоящее время существует песня, посвященная течению Ирмин-сул в епископстве Минден, одна из версий которой, по-видимому, относится только к тому, что Карл Великий разрушил Ирмин—сул:-

- Герман, сла дермен, Сла пайпен, сла труммен,
Де кайзер уилл куммен,
Встретил хамера ун стангена,
Уилл Герман апханген.

Но есть другая версия, которая, вероятно, самая старая и которая явно относится к великому Арминию:—

"Un Herman slaug dermen; Slaug pipen, slaug trummen;
De fursten sind kammen,
Met all eren-mannen
Hebt VARUS uphangen."
[See Grimm, Deutsche Mythologie, p. 329.]

Примерно через десять с половиной столетий после разрушения Ирмин-сула и почти через восемнадцать после смерти Арминия современные германцы задумали запоздало воздать почести своему великому герою; и, соответственно, примерно восемь или десять лет назад в Германии была организована всеобщая подписка с целью возведения на Оснинге — конической горе, которая образует самую высокую вершину Тевтобергского вала и находится на высоте тысяча восемьсот футов над уровнем моря — колоссальной бронзовой статуи Арминия. Статуя была спроектирована Банделем. Герой должен был стоять, подняв меч в правой руке и глядя в сторону Рейна. Высота статуи должна была составлять восемьдесят футов от основания до острия меча, и она должна была стоять на круглом готическом храме высотой девяносто футов, поддерживаемом дубами в качестве колонн. Гора, на которой ее должны были воздвигнуть, дикая и суровая, с видом на место битвы. Было подсчитано, что статуя будет хорошо видна на расстоянии шестидесяти миль. Храм почти закончен, а сама статуя была отлита на медеплавильном заводе в Лемго. Но там, из-за нехватки средств на его установку, он пролежал несколько лет разрозненными фрагментами, выставленный на всеобщее обозрение путешественников, ищущих реликвии. Идея чествования героя, который принадлежит ВСЕЙ Германии, не из тех, которые нынешние правители этой разделенной страны хотели бы поощрять; и статуя может долго оставаться там, и слишком верно отражает состояние самой Германии. [Что касается этой статуи, я должен еще раз выразить признательность за мои обязательства перед моим другом мистером Генри Пирсоном.]

Несомненно, это тот случай, когда англичане вполне могли бы доказать не только словами, но и поступками, что мы также причисляем Арминия к нашим героям.

Я процитировал благородные строфы одного из наших современных английских поэтов об Арминиусе, и я завершу эти мемуары одной из од великого поэта современной Германии Клопштока о победе, которой мы обязаны нашей свободой, а Арминиус в основном обязан своей славой. Клопшток называет это "Битвой при Уинфилде". Эпитет "Сестра Канн" показывает, что Клопшток следовал некоторым хронологам, согласно которым Вар был побежден в годовщину того дня, когда Павел и Варрон были побеждены Ганнибалом.

ТРИУМФАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ГЕРМАНА, ИЗБАВИТЕЛЯ ГЕРМАНИИ ОТ РИМЛЯН.

FROM KLOPSTOCK'S "HERRMAN UND DIE FURSTEN." Предполагалось, что его споет Хор бардов.

ПРИПЕВ.

Сестра Канн! Бой Уинфилда!

Мы видели тебя с развевающимися окровавленными волосами,
С огненными глазами, полными отчаяния мира,
Пронеситесь мимо бардов Валгаллы, скройтесь с глаз долой.
Герман открыто заявляет: "Теперь победа или смерть!"
Римляне... "Победа!"
И вперед устремились их орлы с криком.
—Так закончился ПЕРВЫЙ день.

"Победа или смерть!" — начал
Тогда первым римский вождь; Герман
не договорил, но попал в цель: орлы вспорхнули - тормози.
—Так пролетел ВТОРОЙ день.

ДВА ПРИПЕВА.

И наступил третий.... Раздался крик: "Бегство или смерть!"
Бегство, оставленное ими, не для тех, кто хотел сделать их рабами —
Мужчин, которые закалывают детей! — бегство для НИХ!... нет! могилы!
— Это был их ПОСЛЕДНИЙ день.

ДВА БАРДА.

И все же они пощадили гонцов: двое прибыли в Рим.
Как поникло перо! копье осталось лежать
в пыли позади: их щеки были бледны:
Так прибыли гонцы в Рим.

Высоко в своем зале восседает император —
ОКТАВИАН ЦЕЗАРЬ АВГУСТ.

Они наполнили кубки вином, они наполнили кубки вином
Для него, самого высокого, Юпитера во всем их государстве.

Флейты Лидии смолкли перед их голосом,

Перед вестниками — "Высочайший" отскочил —
Бог прислонился к мраморным колоннам, раздавленный
ужасными словами, ударив себя по лбу и трижды
В отчаянии он громко закричал— "Вар! Вар!
Верни мои легионы, Вар!"

И теперь всемирные завоеватели сжались и испугались,
За отечество и дом
Поднять копье; и "перед теми, кто изменил Риму"
Выпал жребий смерти, а они все еще сжимались и боялись;

"Ибо она обратила свой лик,
Богиня-победительница", - кричали эти трусы — (да будет так
!) — "от Рима и римлян, и ее день
окончен!" — И все еще будут оплакивать
И громко взывать в тоске— "Вар! Вар!
Верни мои легионы, Вар!"

[Примечания: —Битва при Каннах, 216 год до н.э. — Победа Ганнибала над римлянами.
Уинфилд — вероятное место "Херрманшладта". См. ВЫШЕ. Августу при жизни поклонялись как
божеству. Я взял этот перевод у анонимного автора из ФРЕЙЗЕРА два года назад.]

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ ПОБЕДОЙ АРМИНИИ Над ВАРОМ И БИТВОЙ При ШАЛОНЕ.

43 год н.э.. Римляне начинают завоевание Британии, Клавдий в то время был императором
Рима. Население этого острова в то время было кельтским. Примерно за сорок лет все племена
к югу от Клайда были покорены, и их земля стала римской провинцией.

68-60. Успешные кампании римского полководца Корбулона против парфян.

64. Первое гонение на христиан в Риме при Нероне.

68-70. Гражданские войны в Римском мире. Императоры Нерон, Гальба, Отон и Вителлий
последовательно умирали насильственной смертью. Веспасиан становится императором.

70. Иерусалим, разрушенный римлянами при Тите.

83. Тщетная атака Домициана на германцев.

86. Начало войн между римлянами и даками.

98-117. Траян, император Рима. При нем империя приобретает наибольшую территориальную
протяженность благодаря его завоеваниям в Дакии и на Востоке. Его преемник Адриан
оставляет провинции за Евфратом, завоеванные Траяном.

138-180. Эпоха Антонинов.

167-176. Долгая и отчаянная война между Римом и великой конфедерацией германских
народов. Марку Антонину наконец удастся отразить их натиск.

192-197. Гражданские войны по всему римскому миру. Север становится императором. Он ослабляет дисциплину солдат. После его смерти в 211 году возобновляется серия военных восстаний, гражданских войн и убийств императоров.

226. Артаксеркс (Ардишир) свергает парфян и восстанавливает персидское царство в Азии. Он нападает на римские владения на Востоке.

260. Готы вторгаются в римские провинции. Император Деций побежден и убит ими.

253-260. Франки и алеманны вторгаются в Галлию, Испанию и Африку. Готы нападают на Малую Азию и Грецию. Персы завоевывают Армению. Их царь Сапор побеждает римского императора Валериана и берет его в плен. Общее бедствие Римской империи.

268-283. Императоры Клавдий, Аврелиан, Тацит, Проб и Кар побеждают различных врагов Рима и восстанавливают порядок в римском государстве.

285. Диоклетиан разделяет и реорганизует Римскую империю. После его отречения в 305 году начинается новая серия гражданских войн и неразберихи. Константин, первый христианский император, воссоединяет империю в 324 году.

330. Константин делает Константинополь резиденцией империи вместо Рима.

363. Император Юлиан убит в бою против персов.

364-375. Империя снова разделена: Валентиниан становится императором Запада, а Валент - Востока. Валентиниан отбрасывает алеманнов и других германских захватчиков из Галлии. Великолепие готского королевства под властью Германрика, к северу от Дуная.

376-395. Гунны нападают на готов, которые умоляют о защите римского императора Востока. Готам разрешено перейти Дунай и поселиться в римских провинциях. Вскоре между ними и римлянами вспыхивает война, и император Валент и его армия уничтожаются ими. Они опустошают римские территории. Император Феодосий приводит их к покорности. Они удерживают поселения во Фракии и Малой Азии.

395. Окончательный раздел Римской империи между Аркадием и Гонорием, двумя сыновьями Феодосия. Готы восстанут и под предводительством Алариха нападают на различные части обеих римских империй.

410. Аларих берет город Рим.

412. Готы вторгаются в Галлию, а в 414 году - в Испанию, в которую уже вторглись полчища вандалов, свевов, аланов и других германских народов. Британия официально оставлена римским императором Запада.

428. Гензерихий, король вандалов, завоевывает римскую провинцию Северная Африка.

441. Гунны нападают на Восточную империю.

ГЛАВА VI — БИТВА При ШАЛОНЕ, 451 год н.э.

"Неудача могущественной попытки Атилы основать новую антихристианскую династию на обломках светской власти

Рим в конце срока в тысячу двести лет, до которого его продолжительность была ограничена предчувствиями язычников". —ГЕРБЕРТ.

Обширные равнины, Каталаунские лагеря древних, раскинулись далеко вокруг города Шалон на северо-востоке Франции. Длинные ряды тополей, сквозь которые петляет река Марна, и несколько разбросанных по городу деревень - почти единственные объекты, которые разнообразят монотонный облик большей части этого региона. Но примерно в пяти милях от Шалона, недалеко от маленьких деревушек Шап и Куперли, земля изрыта грядками поросших травой холмиков и траншей, которые свидетельствуют о работе человеческих рук в прошлые века; и которые опытному глазу показывают, что это тихое место когда-то было укрепленной позицией огромного военного контингента.

Местная традиция дает этим древним земляным укреплениям название Лагеря Атилы. Нет также никаких причин сомневаться в правильности названия или в том, что именно за этими крепостными стенами 1400 лет назад самый могущественный языческий король, когда-либо правивший в Европе, собрал остатки своей огромной армии, сражавшейся на этих равнинах против христианских солдат Тулузы и Рима. Именно здесь Атила приготовился насмерть противостоять своим победителям на поле боя; и здесь он сложил сокровища своего лагеря в одну огромную кучу, которая должна была стать его погребальным костром в случае штурма его лагеря. Именно здесь готские и итальянские войска наблюдали, но не осмеливались атаковать своего врага в его отчаянии, после того великого и ужасного дня битвы, когда

"Звук

конflikта был далеко позади, крик всех, Кого

Могла послать земля из своих самых отдаленных пределов,

язычников или правоверных; из твоих ста уст,

Которые питают Каспий рифейскими снегами,

Огромная Волга! от знаменитого Гипаниса, который когда-то

Убаюкивал гуннов; из всех бесчисленных королевств

Между Имаусом и тем крайним берегом,

Где колонны геркулесовых скал противостоят

продуваемой ветрами Атлантике; Римляне, готы и гунны,

И скифская рыцарская сила, что ступают

По холодному коданскому берегу, или по каким еще далеким землям

Негостеприимные киммерийские племена,

франки, саксы, свевы и сарматийские вожди,

А также те, кто из зеленой Арморики или Испании

Стекался на дело смерти".

["Атила" Герберта, книга i, строка 13.]

Победа, которую римский полководец Аэций со своими союзниками-готами одержал тогда над гуннами, была последней победой императорского Рима. Но среди долгих лет ее триумфов можно найти лишь немногие, которые по своей важности и конечной пользе для человечества сравнимы с этим угасающим усилием ее рук. На самом деле это не открыло перед ней никакой новой завоевательной карьеры; это не укрепило остатки ее власти; это не остановило стремительный отлив ее удачи. Миссия Императорского Рима была, по правде говоря, уже выполнена. Она приняла и передала через свое некогда обширное владычество цивилизацию Греции. Она разрушила национальные барьеры между различными государствами и племенами, населявшими побережье Средиземного моря. Она объединила эти и многие другие расы в единую организованную империю, связанную сообществом законов, правительства и институтов. Под покровительством ее полного могущества на земле возникла Истинная Вера, и в годы ее упадка она достигла зрелости и распространилась по всем провинциям, которые когда-либо подчинялись ее власти. [См. Введение к "Истории пап" Ранке.] Ни с какой полезной для человечества целью нельзя было восстановить или продлить владычество города с семью холмами. Но для человечества было чрезвычайно важно, какие нации должны разделить между собой богатое наследие римской империи: должны ли германские и готские воины образовать государства и королевства из осколков ее владений и стать свободными членами содружества христианской Европы; или языческие дикари из дебрей Центральной Азии сокрушат реликвии классической цивилизации и ранние институты обращенных в христианство германцев в одном безнадежном хаосе варварского завоевания. Христианские вестготы короля Теодориха сражались и одержали победу при Шалоне бок о бок с легионами Аэция. Их совместная победа над гуннским воинством не только спасла на время от разрушения древний Рим, но и сохранила на века могущество и славу германского элемента в цивилизации современной Европы.

Чтобы оценить всю важность для человечества битвы при Шалоне, мы должны постоянно помнить о том, кем и чем были германцы, и о важных различиях между ними и многочисленными другими расами, напавшими на Римскую империю: и следует понимать, что готские и скандинавские народы включены в германскую расу. Итак, "по двум замечательным чертам германцы отличались как от сарматских, так и от славянских народов, и, действительно, от всех тех других рас, которым греки и римляне дали название варваров. Я имею в виду их личную свободу и уважение к правам мужчин; во-вторых, уважение, которое они оказывали женскому полу, и целомудрие, за которое последние славилась среди народов Севера. Таковы были основы той честности характера, самоуважения и чистоты манер, которые можно проследить у германцев и готов даже в языческие времена и которые, когда их чувства были просвещены христианством, выявили те великолепные черты характера, которые отличают эпоху рыцарства и романтики". [См. "Исследования Причарда по физической истории человечества", том iii. стр. 423.] Что сделало для человечества смешение немецкого происхождения с классическим при падении Западной империи, можно лучше всего ощутить, понаблюдав вместе с Арнольдом за тем, на какую большую часть земли сейчас распространяется влияние немецкого элемента.

"Это затрагивает, более или менее, весь запад Европы, от устья Ботнического залива до самого южного мыса Сицилии, от Одера и Адриатики до Гебридских островов и Лиссабона. Это правда,

что язык, на котором говорят на значительной части этого пространства, не является преимущественно немецким; но даже во Франции, Италии и Испании влияние франков, бургундов, вестготов, остготов и лангобардов, хотя и окрасило даже язык, в крови и институтах оставило свой отчетливый и неизгладимый след. Германия, Нидерланды, по большей части Швейцария, Дания, Норвегия и Швеция, а также наши собственные острова - все они по языку, крови и институтам являются, безусловно, немецкими. Но вся Южная Америка населена испанцами и португальцами; вся Северная Америка и вся Австралия - англичанами. Я ничего не говорю о перспективах и влиянии немецкой расы в Африке и Индии: достаточно сказать, что половина Европы, а также вся Америка и Австралия являются немецкими, более или менее полностью, по расе, языку, институтам, или вообще во всем ". [Лекции Арнольда по современной истории, стр. 35.]

К середине пятого столетия германские народы обосновались во многих из самых прекрасных областей Римской империи, наложили свое иго на жителей провинций и в значительной степени подверглись тому моральному завоеванию, которого искусство и утонченность побежденных с оружием в руках так часто достигали над грубым победителем. Вестготы владели севером Испании и Галлией к югу от Луары. Франки, алеманны, аланы и бургунды обосновались в других галльских провинциях, а свевы были хозяевами значительной южной части испанского полуострова. В Северной Африке правил король вандалов, а остготы прочно обосновались в провинциях к северу от Италии. Из этих держав и княжеств вестготы под руководством их короля Теодориха, сына Алариха, были, безусловно, первыми по могуществу и цивилизации.

Давление гуннов на Европу впервые почувствовалось в четвертом веке нашей эры. Они долгое время были опасны для китайской империи; но превосходство в вооружении, которое другое кочевое племя Центральной Азии, сиенпи, одержало над ними, отбросило гуннов от их китайских завоеваний на запад; и это движение, некогда сообщенное всей цепи варварских народов, обитавших к северу от Черного моря и Римской империи, племя за племенем диких воинов прорывалось через барьеры цивилизованной Европы, "velut unda supervenit undam". Гунны пересекли Танаис и вторглись в Европу в 375 году и быстро подчинили себе аланов, остготов и другие племена, которые в то время обитали вдоль течения Дуная. Армии римского императора, пытавшиеся остановить их продвижение, были разбиты ими вдребезги, а Панония и другие провинции к югу от Дуная были быстро заняты победоносной кавалерией этих новых захватчиков. Не только выродившиеся римляне, но и смелые и выносливые воины Германии и Скандинавии были потрясены численностью, свирепостью, устрашающим видом и молниеносной быстротой гуннов. Были придуманы странные и отвратительные легенды, которые приписывали их происхождение союзу "Тайных, черных и полуночных ведьм" со злыми духами дикой природы.

Племя за племенем и город за городом падали перед ними. Затем наступила пауза в их завоевательной карьере в Юго-западной Европе, вызванная, вероятно, разногласиями среди их вождей, а также тем, что их оружие использовалось для нападения на скандинавские народы. Но когда Атила (или Ацель, как его называют на венгерском языке) стал их правителем, поток их оружия с еще большим ужасом был направлен на запад и юг; и их мириады двинулись под руководством одного великого разума на свержение как новых, так и старых держав земли.

Недавние события вызвали такой сильный интерес ко всему, что связано с именем Венгрии, что даже ужасное имя Атила теперь производит на нас более яркое впечатление благодаря

нашему сочувственному восхищению подвигами тех, кто утверждает, что произошел от его воинов, и "амбициозно включает имя Аттилы в список своих королей". Подлинность этой военной генеалогии отрицается некоторыми авторами и ставится под сомнение другими. Но, по крайней мере, несомненно, что мадьяры Арпада, которые являются непосредственными предками большей части современных венгров и которые завоевали страну, носящую название Венгрия, в 889 году нашей эры, принадлежали к той же категории людей, что и гунны Аттилы, даже если они не принадлежали к тому же подразделению этой категории. Нет ничего невероятного и в том, что после смерти Аттилы многие из его воинов остались в Венгрии и что их потомки впоследствии присоединились к гуннам Арпада в их завоевательной карьере. Несомненно, что Аттила сделал Венгрию резиденцией своей империи. Кажется также возможным получить четкое доказательство того, что территория тогда называлась Хунгвар, а солдаты Аттилы - хунгвари. И гунны Аттилы, и гунны Арпада происходили из семьи кочевых народов, первобытными регионами которых были обширные дикие районы Высокой Азии, расположенные между горными цепями Алтая и Гималаев. Набеги этих племен на нижние районы Азии и в Европу вызвали множество самых замечательных революций в мировой истории. Есть все основания полагать, что толпы этих народов проникли в отдаленные уголки земли задолго до вторжения скифов в Азию, которое является самым ранним вторжением кочевой расы, о котором свидетельствует история. Первыми, насколько мы можем предположить, относительно времени их происхождения были финские и угорские племена, которые, по-видимому, спустились с азиатской границы Высокой Азии на северо-запад, в этом направлении они продвинулись к Уральским горам. Там они обосновались: и эта горная цепь с ее долинами и пастбищами стала для них новой страной, откуда они расселили колонии во все стороны; но угорская колония, которая при Арпаде оккупировала Венгрию и стала прародительницей большей части нынешней венгерской нации, оставила свои поселения на Уральских горах лишь очень поздно, всего через четыре столетия после того, как Аттила вывел из основных мест расселения кочевых народов в Высокой Азии войско, с которым он продвинулся в сердце Франции. [См. Исследования Причарда по физической истории человечества.] Этим хозяином был турок, но тесно связанный по происхождению, языку и привычкам с финно-угорскими поселенцами на Урале.

Слава Аттилы дошла до нас не через пристрастных и подозрительных хронистов и поэтов его собственной расы. Не от гуннских авторитетов мы узнаем о масштабах его могущества: именно от его врагов, из литературы и легенд народов, которых он поразил своим оружием, мы черпаем неоспоримые доказательства его величия. Помимо экспрессивных повествований византийских, латинских и готских авторов, у нас есть сильнейшее доказательство суровой реальности завоеваний Аттилы в той степени, в какой он и его гунны были сюжетами самых ранних немецких и скандинавских легенд. Какими бы дикими ни были многие из этих легенд, они одновременно являются несомненным свидетельством того благоговения, с которым относились к памяти Аттилы смелые воины, сочинявшие их, и восхищались ими. Подвиги Аттилы и чудеса, связанные с его неземным конем и волшебным мечом, неоднократно упоминаются в норвежских и исландских сагах; ими полны знаменитые "Нибелунгские вразли", древнейшее произведение германской поэзии. Там Эцел, или Аттила, описывается как носитель двенадцати могущественных корон и как обещающий своей невесте земли тридцати королей, которых покорил его неотразимый меч. Фактически, он герой последней части этого замечательного стихотворения; и именно в его столице Эцеленбурге, который, очевидно, соответствует современной Буда, происходит большая часть его действий.

Когда мы переходим от легендарного к историческому Аттиле, мы ясно видим, что он не был одним из вульгарного стада варваров-завоевателей. Непревзойденное военное мастерство можно проследить в его кампаниях; и он гораздо меньше полагался на грубую силу армий для расширения своей империи, чем на безграничное влияние на чувства друзей и страхи врагов, которое позволил ему приобрести его гений. Сурово трезвый в своей личной жизни, сурово справедливый на судейском посту, выделявшийся среди нации воинов мужеством, силой и мастерством в каждом боевом упражнении, серьезный и обдуманный в советах, но быстрый и безжалостный в исполнении, он обеспечивал безопасность всем, кто находился под его властью, в то время как сам вел войну на уничтожение против всех, кто сопротивлялся или пытался сбежать от нее. Он соответствовал национальным страстям, предрассудкам, верованиям и суевериям различных народов, которыми он правил, и тех, которые он стремился подчинить своему влиянию; и эти чувства он умел обращать на свой счет. Его собственные воины считали его вдохновенным любимцем своих божеств и следовали за ним с фанатичным рвением; его враги смотрели на него как на предначертанного посланника Небесного гнева против них самих; и, хотя они не верили в его кредо, их собственное заставляло их трепетать перед ним.

В одной из своих первых кампаний он предстал перед своими войсками со старинным железным мечом в руке, который, по его словам, был богом войны, которому поклонялись их предки. Несомненно, что кочевые племена Северной Азии, которых Геродот описал под названием скифов, с древнейших времен поклонялись своему богу обнаженному мечу. Предполагалось, что во времена Аттилы этот Бог меча исчез с лица земли; но теперь гуннский король утверждал, что получил его по особому откровению. Рассказывали, что пастух, выслеживавший в пустыне раненую телку по каплям крови, обнаружил таинственный меч, воткнутый в землю, как будто его спустили с небес. Пастух отнес его Аттиле, который, как с тех пор верили гунны, владел Духом Смерти в битве; и провидцы предсказали, что этот меч уничтожит мир. Римлянин, [Приск.] который был в составе посольства в лагерь гуннов, описал в своих мемуарах приобретение Аттилой этого сверхъестественного оружия и то огромное влияние на умы варварских племен, которое дало ему его обладание. В титуле, который он присвоил себе, мы увидим умение, с которым он пользовался легендами и верованиями других народов, а также своими собственными. Он называл себя "АТТИЛА, потомок Великого Нимрода". Вырос в Энгадди. Милостью Божьей, король гуннов, готов, датчан и мидян. Ужас мира".

Герберт утверждает, что Аттила изображен на старинном медальоне с терафимом, или головой, на груди; и тот же автор добавляет: "Мы знаем из "Гамартигенеи" Пруденция, что Нимрод со змееволосой головой был объектом поклонения еретических последователей Маркиона; и та же самая голова была палладиумом, установленным Антиохом Эпифаном над воротами Антиохии, хотя ее называли ликом Харона. Память о Нимроде, несомненно, многими почиталась с мистическим почтением; и, провозгласив себя наследником этого могучего охотника перед Господом, он оправдал перед самим собой, по крайней мере, все Вавилонское царство.

Странное утверждение в его стиле, что он воспитывался в Энгадди, где он, конечно же, никогда не был, будет легче понять, обратившись к двенадцатой главе Книги Откровение, посвященной женщине, облеченной в солнце, которая должна была родить в пустыне — "где уготовано ей Богом место" — младенца мужского пола, который должен был сразиться с драконом с семью головами и десятью рогами и править всеми народами железным жезлом. В то время искренности

христиане повсеместно понимали это пророчество как относящееся к рождению Константина, который должен был сокрушить язычество города на семи холмах, и оно до сих пор объясняется именно так; но очевидно, что язычники, должно быть, смотрели на это в другом свете и рассматривали как предсказание рождения того Великого, кто должен будет управлять светской властью Рима. Следовательно, утверждение о том, что он был взращен в Энгадди, является претензией на то, чтобы на него смотрели как на того младенца мужского пола, который должен был родиться в месте, уготованном Богом в пустыне. Энгадди означает "место пальм и виноградных лоз в пустыне"; это было тяжело для Сигора, города убежища, который был спасен в долине Сиддим, или Демонов, когда остальные были уничтожены огнем и серой от Господа на небесах, и поэтому может быть особенно назван местом, уготованным Богом в пустыне".

Достаточно очевидно, почему он называл себя "Милостью Божьей королем гуннов и готов"; и, кажется, совсем нетрудно понять, почему он добавил имена мидян и датчан. Его армии были вовлечены в войну против персидского царства Сасанидов; и это несомненно [см. Повествование Приска]. что он замышлял нападение и свержение мидо-персидской державы. Вероятно, некоторые из северных провинций этого царства были вынуждены платить ему дань; и это могло бы объяснить, почему он называл себя царем Мидян, поскольку они были его самыми отдаленными подданными на юге. По сходной причине он, возможно, называл себя королем датчан, поскольку его власть вполне могла простираться на север до ближайших скандинавских народов; и это упоминание мидян и датчан в качестве его подданных сразу указывает на обширность его владений. [В "Нибелунген-Лиде" старый поэт, описывающий прием героини Кримхильды Аттилой (Эццелем), говорит, что владения Аттилы были настолько обширны, что среди его подданных были русские, греческие, валашские, польские и даже ДАТСКИЕ рыцари.]

Обширная территория к северу от Дуная и Черного моря и к востоку от Кавказа, которой правил Аттила, сначала совместно со своим братом Бледой, а затем единолично, не поддается точному определению; но она, должно быть, включала в себя, помимо гуннов, многие народы славянского, готского, тевтонского и финского происхождения. Также к югу от Дуная страна от реки Сау до Нови во Фракии была гуннской провинцией. Такова была империя гуннов в 445 году нашей эры; памятный год, когда Аттила основал Будуу на Дунае в качестве своей столицы и избавился от своего брата преступлением, которое, по-видимому, было вызвано не только эгоистичными амбициями, но и желанием использовать для достижения своей цели легенды и предчувствия, которые тогда были повсеместно распространены по всей Римской империи и, должно быть, были хорошо известны бдительным и безжалостным гуннам.

Согласно лучшим хронологам, 445 год нашей эры завершил двенадцатое столетие от основания Рима. Среди римлян всегда считалось, что двенадцать стервятников, которые, как говорили, явились Ромулу, когда он основывал город, означали время, в течение которого должна продержаться римская власть. Двенадцать стервятников обозначали двенадцать столетий. Такая интерпретация видения птиц судьбы была распространена среди ученых римлян, даже когда оставалось еще много из двенадцати столетий и когда имперский город находился в зените своего могущества. Но по мере того, как отведенный срок все ближе и ближе подходил к своему завершению, и по мере того, как Рим становился все слабее и слабее под ударами варварских захватчиков, об ужасном предзнаменовании говорили все больше и больше; и во времена Аттилы люди ожидали мгновенного исчезновения римского государства с

последним взмахом крыла последнего стервятника. Более того, среди многочисленных легенд, связанных с основанием города и братоубийственной смертью Рема, была одна самая ужасная, в которой рассказывалось, что Ромул предал своего брата смерти не в результате несчастного случая или поспешной ссоры, но что

"Он убил своего доблестного близнеца
Совершив непростительный грех".

намеренно и в соответствии с предупреждениями сверхъестественных сил. Считалось, что пролитие крови брата было ценой, за которую основатель Рима выкупил у судьбы ее двенадцать веков существования. [Смотрите любопытное оправдание убийства Аттилой своего брата, сделанное ревностным венгерским защитником, в примечании к "Annales Hunnorum" Прайя, стр. 117. Пример Ромула - главный цитируемый авторитет.]

Поэтому мы можем себе представить, с каким ужасом в этот, двенадцатисотый год после основания Рима, жители Римской империи, должно быть, услышали весть о том, что царственные братья Аттила и Бледа основали новую столицу на Дунае, которая должна была править древней столицей на Тибре; и что Аттила, подобно Ромулу, освятил основания своего нового города, убив своего брата; так что на время нового цикла столетий, который вот-вот должен был начаться, власть была куплена у мрачных духов судьбы в этом городе. благосклонность гуннов, принесенная жертвой, равной благоговейному страху и ценности той, которая некогда принесла ее римлянам.

Следует помнить, что не только язычники, но и христиане той эпохи знали эти легенды и предзнаменования и верили в них, как бы они ни расходились в отношении природы сверхчеловеческого посредничества, благодаря которому подобные тайны стали известны человечеству. И мы можем наблюдать вместе с Гербертом, современным ученым сановником нашей Церкви, как замечательно исполнилось это предзнаменование. Ибо, "если к двенадцати столетиям, обозначаемым двенадцатью грифами, явившимися Ромулу, мы добавим к шести птицам, явившимся Рему, шесть люстр, или периодов по пять лет каждый, которыми римляне имели обыкновение исчислять свое время, это приведет нас точно к 476 году, когда римская империя была окончательно уничтожена Одоакром".

Попытка убить Аттилу, предпринятая или предполагаемая, что она была предпринята по наущению Феодосия Младшего, императора Константинополя, привлекла гуннские армии в 445 году на Восточную империю и на время отсрочила намеченный удар по Риму. Вероятно, более важной причиной задержки было восстание некоторых гуннских племен к северу от Черного моря против Аттилы, вспыхнувшее примерно в этот период и бегло упоминаемое византийскими авторами. Аттила подавил это восстание; и, укрепив таким образом свою власть и наказав самонадеянность императора Восточной Римской Империи страшными опустошениями его самых прекрасных провинций, Аттила в 450 году н.э. приготовился привести в движение свои огромные силы для завоевания Западной Европы. Он безуспешно пытался дипломатическими интригами разорвать союз вестготов с Римом и решил сначала сокрушить власть Теодориха, а затем наступать с подавляющей мощью, чтобы затоптать последние искры обреченной римской империи.

Настойчивое приглашение римской принцессы дало ему повод для войны и придало его вторжению вид рыцарской предприимчивости. Гонория, сестра Валентиниана III, императора Запада, послала к Атилле, чтобы предложить ему свою руку и свое предполагаемое право разделить императорскую власть. Это было обнаружено римлянами, и Гонория немедленно была заключена в тюрьму, теперь Атила притворился, что взялся за оружие в защиту своей самоотверженной невесты, и объявил, что собирается отправиться в Рим, чтобы исправить несправедливость, причиненную Гонории. Честолюбие и злоба к своему брату, должно быть, были единственными мотивами, побудившими женщину добиться расположения царственного гунна, поскольку лицо Атилы обладало всем национальным уродством его расы, а описание, данное о нем византийским послом, должно быть, было хорошо известно при императорских дворах. Герберт хорошо переиначил портрет, нарисованный Приском о великом враге как Византии, так и Рима:

"Потрясающим было его обличье, не отлитое по форме
с прекрасными пропорциями; в его конечностях
не было ничего возвышенного, но были натянуты сухожилия

Чалибейского нрава, проворный, гибкий,
И проворнее косули; его широкая грудь
обрамлялась гигантской головой,
С острыми, глубоко запавшими и маленькими глазами, которые странно поблескивали в гневе,
как будто какой-то нечистый дух
поселился В этом телесном жилище

Смотрит из своих окон, но с умеренным огнем
Луч мягко бьет по сопротивляющимся. Тонкий
Его борода покрыта сединой; его плоские ноздри венчают
Изуродованное, смуглое лицо, но при этом
сомнительная фигура, которую носил такой глори,
Что смертные трепетали под ним".

Два вождя франков, которые тогда обосновались на нижнем Рейне, были в это время вовлечены во вражду друг с другом, и в то время как один из них обращался за помощью к римлянам, другой взывал к помощи и защите гуннов. Таким образом, Атила приобрел союзника, сотрудничество которого обеспечило ему переправу через Рейн; и именно это обстоятельство побудило его избрать северный маршрут из Венгрии для нападения на Галлию. Численность гуннского войска была увеличена воинами всех поработенных ими племен; также нет никаких оснований подозревать старых хронистов в преднамеренном преувеличении, оценивая армию Атилы в семьсот тысяч человек. Переправившись через Рейн, вероятно, немного ниже Кобленца, он нанес поражение королю бургундов, который пытался воспрепятствовать его продвижению. Затем он разделил свои огромные силы на две армии, одна из которых двинулась на северо-запад, на Тонгр и Аррас, а также на другие города этой части Франции; в то время как основные силы под командованием самого Атилы двинулись вверх по Мозелю и разрушили Безансон и другие города в стране бургундов. Один из новейших и лучших биографов Атилы хорошо замечает, что, "завоевав таким образом восточную часть Франции,

Аттила подготовился к вторжению на западно-готские территории за Луарой. Он двинулся на Орлеан, где намеревался форсировать эту реку; и требуется лишь небольшое внимание, чтобы мы поняли, что он действовал по систематическому плану: его правое крыло находилось на севере для защиты его франкских союзников; его левое крыло - на юге, с целью помешать бургундам сплотиться и угрожать альпийским перевалам из Италии; и он повел свой центр к главной цели кампании — завоеванию Орлеана и легкому проходу во владения Западных готы. Весь план очень похож на план союзных держав в 1814 году, с той разницей, что их левое крыло вошло во Францию через ущелья Юры в направлении Лиона и что военной целью кампании было взятие Парижа ". [Биографический словарь, созданный Обществом полезных знаний в 1844 году.]

Только в 451 году гунны начали осаду Орлеана; и во время их кампании в Восточной Галлии римский полководец Аэций приложил немало усилий для сбора и организации такой армии, которая могла бы, объединившись с солдатами вестготов, противостоять гуннам в поле. Он призвал под знамена всех подданных римской империи, которых патриотизм, мужество или принуждение могли собрать; и вокруг этих войск, которые приняли некогда гордое название римских легионов, он выстроил большие силы вспомогательных варваров, которых плата, убеждение или всеобщая ненависть и страх перед гуннами привели в лагерь последнего из римских полководцев. Король Теодорих действовал с такой же энергией, Орлеан, как и в прежние времена, храбро сопротивлялся осаждающим. Переправа через Луару была искусно защищена от гуннов, и Аэций и Теодорих после долгих маневров и трудностей осуществили соединение своих армий к югу от этой важной реки.

При наступлении союзников на Орлеан Аттила немедленно снял осаду этого города и отступил к Марне. Он не захотел рисковать решающим сражением только с центральным корпусом своей армии против объединенной мощи своих врагов; и поэтому он отступил на свою операционную базу; отозвав свои фланги из Арраса и Безансона и сосредоточив все гуннские силы на обширных равнинах Шалон-сюр-Марн. Беглый взгляд на карту покажет, насколько обоснованно это место было выбрано гуннским полководцем в качестве точки сосредоточения его разрозненных сил; и природа местности была в высшей степени благоприятной для действий кавалерии, рода войск, в котором особенно проявлялась сила Атиллы.

Сообщается, что во время отступления из Орлеана к гуннскому королю подошел христианин и сказал ему: "Ты Бич Божий для наказания христиан". Аттила немедленно принял этот новый титул террориста, который с тех пор стал прозвищем, под которым он был наиболее широко и устрашающе известен.

Объединенные армии римлян и вестготов наконец встретились со своим великим противником лицом к лицу на обширном поле битвы на равнинах Шалона. Аэций командовал справа от союзников; король Теодорих слева; а Сангипан, король аланов, в верности которого подозревали, был намеренно поставлен в центре и в самом начале сражения. Аттила лично командовал своим центром во главе своих соотечественников, в то время как остготы, гепиды и другие подвластные союзники гуннов располагались на флангах. По-видимому, перед сражением имели место некоторые маневры, в которых Аттила имел преимущество, поскольку ему удалось занять пологий холм, господствовавший над левым флангом гуннов. Аттила понял важность позиции, занятой Аэцием на возвышенности, и начал сражение яростной атакой на эту часть римской линии, в ходе которой он, по-видимому, отвел часть своих лучших войск из

центра на помощь своему левому флангу. Римляне, имея преимущество на местности, дали отпор гуннам, и в то время как союзники получили это преимущество справа от себя, их левый фланг под предводительством короля Теодориха атаковал остготов, которые составляли правый фланг армии Атилы. Доблестный король сам был сражен копьем, когда ехал вперед во главе своих людей, и его собственная кавалерия, напав на него, в суматохе затоптала его насмерть. Но вестготы, разъяренные, но не обескураженные падением своего монарха, разгромили противостоявших им врагов, а затем атаковали фланг гуннского центра, который вел кровопролитную и нерешительную борьбу с аланами.

В этой опасности Атила заставил свой центр отступить к своему лагерю; и когда укрытие в виде укреплений и повозок было однажды достигнуто, гуннские лучники без труда отразили атаки мстительной готской кавалерии. Аэций не воспользовался преимуществом, которое он получил на своей стороне поля, и когда над дикой сценой опустошения опустилась ночь, левый фланг Атилы все еще был не сломен, но правый был разгромлен, а центр оттеснен в лагерь.

Ожидая штурма на следующее утро, Атила разместил своих лучших лучников перед повозками и фургонами, которые были выстроены в виде укреплений вдоль его линий, и сделал все возможное для отчаянного сопротивления. Но "Бич Божий" решил, что ни один человек не должен хвастаться честью взять его в плен или убить; и он приказал воздвигнуть в центре своего лагеря огромную пирамиду из деревянных седел своей кавалерии: вокруг нее он сложил добытую добычу и богатства, которые он завоевал; на ней он разместил своих жен, которые сопровождали его в кампании; и на вершине он расположился сам, готовый погибнуть в огне и лишиться победоносного врага его отборной добычи, если им удастся взять штурмом его укрепления.

Но когда наступило утро и стало видно масштабы побоища, которым были усеяны равнины на многие мили вокруг, победившие союзники также увидели решительную позицию своего противника и зауважали ее. Не было также предпринято никаких мер, чтобы блокировать его в лагере и, таким образом, добиться голодом покорности, которую было слишком опасно добиваться мечом. Атиле было позволено отогнать остатки своей армии без каких-либо помех и даже с видимостью успеха.

Вполне вероятно, что хитрый Аэций не хотел быть слишком победоносным. Он страшился славы, которую приобрели его союзники вестготы, и опасался, что Рим может найти второго Алариха в лице принца Торисмунда, который отличился в битве и был избран на поле боя преемником своего отца Теодориха. Он убедил молодого короля немедленно вернуться в свою столицу и, таким образом, избавил себя одновременно от присутствия опасного друга и грозного, хотя и побежденного врага.

Атаки Атилы на Западную империю вскоре возобновились, но никогда еще они не представляли такой опасности для цивилизованного мира, какая угрожала ему до его поражения при Шалоне. И после его смерти, через два года после этой битвы, огромная империя, основанная его гением, вскоре была расколота успешными восстаниями подвластных народов. На несколько столетий имя гуннов перестало внушать ужас в Западной Европе, и их могущество ушло вместе со смертью великого короля, благодаря которому оно так устрашающе усилилось. [Если кажется, что я привел меньше подробностей о самой битве, чем того требует ее важность, моим оправданием должно быть то, что Гиббон обогатил наш язык ее описанием, слишком длинным для цитирования и слишком великолепным для соперничества. Однако я не

совсем разделяю его точку зрения на это. Примечания к поэме мистера Герберта "Аттила" объединяют почти все авторитетные источники по этому вопросу.]

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ Между БИТВОЙ При ШАЛОНЕ В 451 году н.э. И БИТВОЙ При ТУРЕ В 732 ГОДУ.

476 год н.э. Западная римская империя, уничтоженная Одоакром.

482. Установление Хлодвигом французской монархии в Галлии.

455-482. Саксы, англы и фризы завоевывают Британию, за исключением северных частей и районов вдоль западного побережья. Немецкие завоеватели основали восемь независимых королевств.

533-568. Полководцы Юстиниана, императора Константинополя, завоевывают Италию и Северную Африку; и эти страны на короткое время присоединяются к Восточной Римской империи.

568-570. Лангобарды завоевывают большую часть Италии.

570-627. Войны между императорами Константинополя и царями Персии активно продолжаются.

622. Магометанская эра Хиджры. Магомет изгнан из Мекки и принят как принц Медины.

629-632. Магомет завоевывает Аравию.

632-651. Арабы-магометане вторгаются в Персию и завоевывают ее.

632-709. Они нападают на Восточную Римскую империю. Они завоевывают Сирию, Египет и Африку.

709-713. Они пересекают Гибралтарский пролив, вторгаются в Испанию и завоевывают ее.

"После смерти Мухаммеда в 632 году его светский и религиозный суверенитет охватил Аравийский полуостров и был ограничен им. Амбициозные фанатики его веры рассматривали римскую и персидскую империи, занятые утомительной и нерешительной враждой на реках Месопотамии и в горах Армении, как свою добычу. В первый же год правления непосредственного преемника Мухаммеда, Абубекера, каждая из этих могущественных империй подверглась вторжению. Разрушающаяся структура восточного деспотизма никогда не защищена от быстрого и тотального подрыва; несколько побед, несколько осад перенесли арабское оружие от Тигра до Окса и свергли вместе с династией Сасанидов древнюю и знаменитую религию, которую они исповедовали. Семи лет активной и непрекращающейся войны было достаточно, чтобы подчинить богатую провинцию Сирию, хотя ее и защищали многочисленные армии и укрепленные города; и едва халиф Омар поблагодарил за завершение этого завоевания, как Амру, его наместник, объявилему о полном подчинении Египта. Через некоторое время сарацины проложили себе путь вдоль побережья Африки до Геркулесовых столпов, и третья провинция была безвозвратно отторгнута от греческой империи. Эти западные завоевания познакомили их с новыми врагами и возвестили о более блестящих успехах. Воодушевленный разобщенностью вестготов и привлеченный предательством, Муса, военачальник владыки, находившегося за противоположной оконечностью Средиземного

моря, перешел в Испанию, и примерно через два года имя Мухаммеда упоминалось под Пиренеями". — [ХАЛЛАМ.]

ГЛАВА VII. — БИТВА При ТУРЕ, 732 год н.э.,

"События, которые спасли наших предков из Британии и наших соседей из Галлии от гражданского и религиозного ига Коран". — ГИББОН.

Обширная территория Шампейн, расположенная между городами Пуатье и Тур, в основном состоит из череды богатых пастбищных угодий, которые пересекают и удобряют реки Шер, Крез, Вьенна, Клан, Индр и другие притоки реки Луары. Кое-где местность переходит в живописные возвышенности; и иногда полоса леса, бурая вересковая пустошь или густые ряды виноградников нарушают монотонность широко раскинувшихся лугов; но в целом местность представляет собой травянистую равнину, и она, по-видимому, естественным образом приспособлена для развертывания многочисленных армий, особенно тех огромных кавалерийских отрядов, которые в основном решали судьбы народов в течение столетий, последовавших за падением Рима и предшествовавших объединению современных европейских держав.

Этот регион отмечен не одним памятным конфликтом; но для историка он представляет особый интерес тем, что стал ареной великой победы, одержанной Карлом Мартеллом над сарацинами в 732 году н.э., которая положила решительный конец арабским завоеваниям в Западной Европе, спасла христианский мир от ислама, сохранила реликвии древней и зародыши современной цивилизации и восстановила бывшее превосходство индоевропейцев над семитской семьей человечества.

Сисмонди и Мишле недооценили непреходящий интерес к этой грандиозной битве между чемпионами Полумесяца и Креста. Но если французские писатели пренебрежительно относились к подвигам своего национального героя, то английские и немецкие историки полностью отдали должное сарацинским трофеям Карла Мартелла. Гиббон посвящает несколько страниц своего великого труда повествованию о битве при Туре и рассмотрению последствий, которые, вероятно, имели бы место, если бы предприятие Абдеррахмана не было разгромлено франкским вождем. [Том vii. стр. 11 И ДАЛЕЕ. Замечание Гиббона о том, что, если бы тогда не было остановлено сарацинское завоевание, "возможно, толкование Корана преподавалось бы сейчас в школах Оксфорда, а его кафедры могли бы демонстрировать обрезанному народу святость и истинность откровения Мухаммеда", звучит почти с сожалением.] Шлегель говорит об этой "великой победе" в терминах горячей благодарности; и рассказывает, как "оружие Карла Мартелла спасло и избавило христианские народы Запада от

смертельной хватки всеуничтожающего ислама"; [Философия истории, стр. 331.] а Ранке указывает как на "одну из самых важных эпох в мировой истории, начало восьмого века; когда, с одной стороны, магометанство угрожало охватить Италию и Галлию, а с другой - древнее идолопоклонство Саксонии и Галлии". Фрисландия еще раз форсировала свой путь через Рейн. В этой опасности для христианских институтов молодой принц германской расы Карл Мартелл выступил их защитником; поддерживал их со всей энергией, которую требует необходимость самозащиты, и, наконец, распространил их на новые регионы ". [История реформации в Германии, том i, стр. 5.]

Арнольд ставит победу Карла Мартелла даже выше, чем победу Арминия, "среди тех знаменательных событий, которые на протяжении веков влияли на счастье человечества". [История позднего Римского Содружества, том ii. стр. 317.] Фактически, чем больше мы исследуем его важность, тем выше будем оценивать его; и, хотя достоверные подробности, которыми мы располагаем о его обстоятельствах и героях, весьма скудны, мы можем достаточно проследить его общий характер, чтобы с глубоким интересом наблюдать за этой встречей соперничающих завоевателей распадающейся Римской империи. Этот старый классический мир, история которого занимает столь значительную часть наших ранних исследований, в восьмом веке нашей эры был совершенно безжизненным и ниспровергнутым. На севере немец, на юге араб раздирали свои провинции. Наконец разорители столкнулись друг с другом, каждый стремился полностью овладеть добычей. Их конфликт вызвал в памяти Гиббона старое гомеровское сравнение, где борьба Гектора и Патрокла над мертвым телом Кебриона сравнивается с битвой двух львов, которые в своей ненависти и голоде сражаются вместе на горных вершинах над тушей зарезанного оленя; и неохотная уступка сарацинской власти превосходящей мощи северных воинов, возможно, неуместно напомним те другие строки из той же книги "Илиада", где гибель Патрокла под натиском Гектора сравнивается с вынужденной смертью. уступка запыхавшегося и измученного дикого кабана, который долго и яростно сражался с превосходящим его хищным зверем за обладание источником среди скал, у которого каждый горел желанием напиться.

Хотя прошло три столетия с тех пор, как германские завоеватели Рима перешли Рейн, так и не пересекши этот пограничный поток, в стране не было устоявшейся системы институтов или правления, не произошло слияния различных рас в один народ, не было единообразия языка или привычек к тому времени, когда Карл Мартелл был призван отразить угрожающую волну сарацинского вторжения с юга. Галлия еще не была Францией. В этой, как и в других провинциях Западной Римской империи, владычество цезарей было разрушено еще в пятом веке, и варварские королевства и княжества быстро возникли на обломках римского могущества. Но лишь немногие из них имели какое-либо постоянство; и ни одно из них не консолидировало остальные или сколько-нибудь значительное их количество в единое связанное и организованное гражданское и политическое общество. Основная масса населения все еще состояла из покоренных провинций, то есть из романизированных кельтов, галльской расы, которая долгое время находилась под властью цезарей и приобрела, вместе с немалым притоком римской крови, язык, литературу, законы и цивилизацию Лация. Среди них и господствуя над ними, бродили или жили немецкие победители: некоторые сохранили почти всю грубую независимость своего первобытного национального характера; другие были смягчены и дисциплинированы видом и соприкосновением с нравами и институтами цивилизованной жизни. Ибо следует иметь в виду, что римская империя на Западе не была сокрушена какой-либо внезапной лавиной варварского вторжения. Немецкие завоеватели

переправились через Рейн не огромными войсками, а отрядами по несколько тысяч воинов одновременно. Завоевание провинции было результатом бесконечной серии частичных локальных вторжений, осуществлявшихся небольшими армиями, подобными этому описанию. Победоносные воины либо отступали со своей добычей, либо закреплялись в захваченном районе, заботясь о том, чтобы сохранять достаточную концентрацию для военных целей и всегда быть готовыми к новому набегу, либо против соперничающего тевтонского отряда, либо против какого-нибудь до сих пор не подвергавшегося нападению провинциального города. Постепенно, однако, у завоевателей появилось стремление к постоянным земельным владениям. Они несколько утратили неутомимую жажду новизны и приключений, которая поначалу заставляла их собираться под знаменами самых отважных военачальников своего племени и покидать родные леса ради бродячей военной жизни на левом берегу Рейна. Они были обращены в христианскую веру и вместе со своим старым вероучением отказались от большей части грубой свирепости, которая, должно быть, воспитывалась в духах древних воинов Севера мифологией, обещавшей в награду храбрецам на земле вечный цикл драк и пьянства на небесах.

Но, хотя их обращение и другие цивилизующие влияния сильно подействовали на германцев в Галлии; и хотя франки (которые первоначально были конфедерацией тевтонских племен, обитавших между Рейном, Мэном и Везером) установили решительное превосходство над другими завоевателями провинции, а также над покоренными провинциалами, страна долгое время оставалась хаосом несогласованных и меняющихся элементов. Первые князья династии Меровингов были обычно заняты войнами против других князей своего дома, вызванными частыми разделениями франкской монархии, и самые способные и лучшие из них направляли все свои силы на то, чтобы изо всех сил защищать Рейнскую преграду от германцев-язычников, которые стремились перейти эту реку и получить свою долю добычи империи.

Завоевания, которые сарацины совершили над южными и восточными провинциями Рима, были гораздо более быстрыми, чем те, которых достигли германцы на севере; и новые организации общества, введенные мусульманами, были быстро и единообразно внедрены. Между смертью Мухаммеда и датой битвы при Туре прошло ровно столетие. В течение этого столетия последователи Пророка отторгли половину Римской империи; и помимо своих завоеваний в Персии, сарацины захватили Сирию, Египет, Африку и Испанию в ходе беспрепятственного и, по-видимому, непреодолимого победоносного пути. Также и в начале восьмого века нашей эры мусульманский мир не был разделен сам против себя, как это стало впоследствии. Все эти обширные области подчинялись халифу; повсюду, от Пиренеев до Окса, в молитвах призывалось имя Мухаммеда, а Коран почитался как книга закона.

Именно под командованием одного из своих самых способных и прославленных командиров, с армией ветеранов и со всеми очевидными преимуществами времени, места и обстоятельств арабы предприняли свои огромные усилия по завоеванию Европы к северу от Пиренеев. Победоносная мусульманская армия в Испании,

"Бесчисленное множество:
сирийцы, мавры, сарацины, греческие отступники,
персы, копты и татары, объединенные едиными узами
ошибочной веры, сильные молодостью

И пылким рвением — ужасное братство",

они жаждали разграбления новых христианских городов и святынь и были полны фанатичной уверенности в непобедимости своего оружия.

"Не были и вожди,
одержавшие победу, менее уверенными в длительном успехе,
Ликующие и гордые своей несокрушимой силой,
Которые, несомненно, верили они, поскольку они катились
До сих пор беспрепятственно, будут катиться победоносно дальше,
пока, подобно Востоку, покоренный Запад
Не склонится в почтении перед именем Мухаммеда;
И пилримы с самых отдаленных арктических берегов
Ступайте религиозными стопами по раскаленным пескам
Аравии и каменистой почве Мекки".

РОДЕРИК САУТИ.

Не только современный христианский поэт, но и древние арабские хронисты приписывают эти амбиции и высокомерие мусульманам, которые свергли власть вестготов в Испании. И их нетерпеливые ожидания новых войн были до предела возбуждены повторным назначением халифом Абдеррахманом Ибн Абдиллахом Альгафеки правительства этой страны в 729 году н.э., которое вернуло им генерала, проявившего свое мастерство и доблесть во время завоеваний Африки и Испании, чья неизменная доблесть и великодушие сделали его кумиром войск, который уже участвовал в нескольких экспедициях в Галлию, так что был хорошо знаком с национальным характером и тактикой франков; и который, как было известно, жаждал, как истинный мусульманин, в отместку за резню нескольких отрядов истинно верующих, которые были отрезаны к северу от Пиренеев.

В дополнение к своим основным военным добродетелям, Абдеррахман описывается арабскими писателями как образец честности и справедливости. Первые два года его второго правления в Испании были заняты суровыми реформами по борьбе со злоупотреблениями, которые при его предшественниках проникли в систему правления, и обширными приготовлениями к намеченному им завоеванию Галлии. Помимо войск, которые он собрал в своей провинции, он получил из Африки большой отряд отборной кавалерии цирюльника, которой командовали арабы с доказанным мастерством и доблестью: и летом 732 года он перешел Пиренеи во главе армии, которую некоторые арабские писатели оценивают в восемьдесят тысяч человек, в то время как некоторые христианские хронисты увеличивают ее численность еще на многие сотни тысяч. Вероятно, арабский рассказ уменьшается, но из двух он ближе к истине. Именно от этого грозного войска, после того как Эд, граф Аквитанский, тщетно пытался сдержать его, после того как перед ним пало много сильных городов и половина страны была захвачена, Галлия и христианский мир были наконец спасены сильной рукой принца Карла, который получил фамилию [Мартель — "Молот". Смотрите скандинавские саги, чтобы узнать о любимом оружии Тора.] как у бога войны из веры его предков, из-за мощи, с которой он сокрушал своих врагов в битве.

Короли Меровингов утратили абсолютное значение и стали всего лишь марионетками королевской власти еще до VIII века. Карл Мартелл, как и его отец, Пипин Херисталь, был герцогом австразийских франков, самой храброй и насквозь германской части нации; и осуществлял от имени титульного короля ту небольшую верховную власть, которую можно было убедить или заставить признать мятежных мелких правителей округов и городов. Вовлеченный со своими национальными конкурентами в постоянные конфликты за власть, а также в более серьезную борьбу за безопасность против свирепых племен необращенных фризов, баварцев, саксонцев и тюрингцев, которые в ту эпоху с особой свирепостью нападали на обращенных в христианство немцев на левом берегу Рейна, Карл Мартелл добавил к своей природной храбрости опытное мастерство, а также сформировал ополчение ветеранов из числа франков. Халлам выразил сомнение в том, что, восхищаясь его победой при Туре, мы не слишком придаем значение этому событию и не было ли опрометчиво с его стороны рисковать судьбой Франции в результате генерального сражения с захватчиками. Но если мы вспомним, что у Карла не было постоянной армии и что независимый дух франкских воинов, следовавших под его знаменами, представляется наиболее вероятным, что не в его силах было придерживаться осторожной политики наблюдения за захватчиками и истощать их силы промедлением. Столь ужасными и широкомасштабными были опустошительные действия сарацинской легкой кавалерии по всей Галлии, что, должно быть, было невозможно сколько-нибудь долго сдерживать негодующий пыл франков. И даже если бы Карлу удалось убедить своих людей смиренно наблюдать, как арабы штурмуют новые города и опустошают новые районы, он не смог бы удержать армию вместе, когда истек обычный срок военной экспедиции. Если, действительно, арабский отчет о дезорганизации мусульманских войск верен, то битва была столь же своевременной со стороны Карла, сколь и, вне всякого сомнения, хорошо разыгранной.

Монашеские хронисты, от которых мы обязаны почерпнуть повествование об этой достопамятной кампании, в полной мере свидетельствуют об ужасе, который внушило сарацинское вторжение, и о муках той великой борьбы. Сарацины, говорят они, и их король, которого звали Абдирамс, вышли из Испании со всеми своими женами, детьми и своим состоянием в таком огромном количестве, что ни один человек не мог их сосчитать. Они привезли с собой все свои доспехи и все, что у них было, как будто собирались навсегда поселиться во Франции. ["Lors issirent d'Espagne li Sarrazins, et un leur Roi qui avoit nom Abdirames, et ont leur fames et leur enfans at touts leur substance an si grand plente que nus ne le prevoit nombrer ne estimer: tout leur harnois et quanques il avoient amenement avec ents, aussi comme si ils deussent toujours mes habiter en France."]

Тогда Абдеррахман, видя, что земля наполнена множеством его армии, прорывается через горы, топчет неровную землю, грабит далеко в стране франков и поражает всех мечом, так что, когда Эдо вступил с ним в битву у реки Гаронна и бежал перед ним, одному Богу известно число убитых. Затем Абдеррахман погнался за графом Эдо, и пока он пытается разграбить и сжечь святыню в Туре, он встречает вождя австразийских франков Карла, человека воинственного с юности, которому Эдо послал предупреждение. Там в течение почти семи дней они упорно сражаются и, наконец, выстраиваются в боевой порядок; и народы севера, стоящие твердо, как стена, и непроницаемые, как ледяная полоса, наголову уничтожают арабов острием меча". ["TuncAbdirrahman, multitudine sui exercitus repletam prospiciant terram," &c.—SCRIPT. ЖЕСТ. ФРАНК. стр. 785.]

Все европейские писатели сходятся в том, что говорят о падении Абдеррахмана как об одной из главных причин поражения арабов; которые, по словам одного автора, обнаружив, что их предводитель убит, рассеялись ночью, к приятному удивлению христиан, которые ожидали на следующее утро увидеть, как они выходят из своих палаток и возобновляют сражение. Один монашеский хронист оценивает потери арабов в 375 000 человек, в то время как он говорит, что пало только 1007 христиан — разница в потерях, которую он считает обязанной объяснить особым вмешательством Провидения. Выше я перевел некоторые из наиболее вдохновенных отрывков этих авторов, но из них невозможно извлечь что-либо похожее на полное или достоверное описание самой великой битвы или операций, которые предшествовали ей или последовали за ней.

Хотя, однако, у нас могут быть причины сожалеть о скудости и сомнительном характере этих повествований, у нас есть большое преимущество, заключающееся в том, что мы можем сравнить рассказы национальных авторов обеих сторон об экспедиции Абдеррахмана. Это преимущество, которое так редко может получить исследователь древности, что сам факт обладания им в случае битвы при Туре заставляет нас думать, что историческое свидетельство, касающееся этого великого события, более достоверно и удовлетворительно, чем это имеет место во многих других случаях, когда мы располагаем многочисленными подробностями, касающимися военных подвигов, но когда эти подробности приходят к нам от летописца только одной нации; и где у нас, следовательно, нет защиты от преувеличений, искажений и вымыслов, которые национальное тщеславие так часто выдвигало под видом истории. Арабские писатели, описывавшие завоевания и войны своих соотечественников в Испании, рассказали также о походе в Галлию их великого эмира, о его поражении и смерти близ Тура в битве с войском франков под предводительством короля Кальда, имя, в которое они превратили Карла. [Арабские хроники были составлены и переведены на испанский доном Хосе Антонио Конде в его "Истории арабского доминиона в Испании", опубликованной в Мадриде в 1820 году. План Конде, которому я старался следовать, состоял в том, чтобы представить стиль и дух его восточных авторитетов, чтобы на его страницах мы нашли подлинное сарацинское повествование о войнах в Западной Европе между мусульманами и христианами.]

Они рассказывают нам, как произошла война между графом Франкской границы и мусульманами, и как граф собрал всех своих людей и некоторое время сражался с сомнительным успехом. "Но, - говорят арабские хронисты, - Абдеррахман отбросил их назад; и люди Абдеррахмана воспрянули духом от своих неоднократных успехов, и они были полны доверия к доблести и военному опыту своего эмира. И мусульмане разбили своих врагов, и перешли реку Гаронну, и опустошили страну, и взяли в плен без числа. И эта армия прошла по всем местам, как опустошительная буря. Процветание сделало этих воинов ненасытными. При переправе через реку Абдеррахман сверг графа, и граф удалился в свою крепость, но мусульмане сражались против него, вошли в нее силой и убили графа; ибо все уступало их ятаганам, которые отнимали жизни. Все народы франков трепетали перед этим ужасным войском, и они привели их к своему королю Кальду и рассказали ему о опустошении, произведенном мусульманскими всадниками, и о том, как они по своей воле проехали через всю землю Нарбонны, Тулузы и Бордо, и они сообщили королю о смерти своего графа. Тогда царь пожелал им приободриться и предложил им помощь. И на 114-м году [Хиджры.] он сел в свой дом и, взяв с собой войско, которое не поддавалось исчислению, пошел против мусульман. И он наткнулся на них в великом городе Туре. И Абдеррахман и другие благоразумные кавалеристы увидели беспорядок в мусульманских войсках, которые были

нагружены добычей; но они не осмелились вызвать неудовольствие солдат, приказав им бросить все, кроме своего оружия и боевых коней. И Абдеррахман верил в доблесть своих солдат и в удачу, которая всегда сопутствовала ему. Но (замечает арабский писатель) такой недостаток дисциплины всегда фатален для армий. Итак, Абдеррахман и его войско напали на Тур, чтобы получить еще больше добычи, и они сражались с ним так яростно, что взяли город штурмом почти на глазах у армии, пришедшей спасти его; и ярость и жестокость мусульман по отношению к жителям города были подобны ярости и жестокости разъяренных тигров. Было очевидно, - добавляет араб, - что за подобными эксцессами непременно последует Божье наказание, и вслед за этим фортуна отвернулась от мусульман".

Недалеко от реки Овар, [вероятно, Луары.] два великих воинства двух языков и двух вероучений были выстроены друг против друга. Сердца Абдеррахмана, его капитанов и его людей были полны гнева и гордости, и они первыми начали бой. Мусульманский всадник яростно и часто бросался вперед против батальонов франков, которые мужественно сопротивлялись, и многие пали мертвыми с обеих сторон до самого захода солнца. Ночь разделила две армии, но в предрассветных сумерках мусульмане вернулись к битве. Их кавалеристы вскоре прорубили себе дорогу в центр христианского войска. Но многие мусульмане опасались за сохранность добычи, которую они хранили в своих палатках, и в их рядах поднялся ложный крик, что кто-то из врагов грабит лагерь; после чего несколько эскадронов мусульманских всадников ускакали защищать свои палатки. Но казалось, что они бежали; и все воинство было встревожено. И пока Абдеррахман пытался утихомирить их смятение и повести их обратно в бой, воины франков окружили его, и он был пронзен множеством копий насквозь, так что умер. Тогда все войско обратилось в бегство перед врагом, и многие погибли в бегстве. Это смертельное поражение мусульман и потеря великого лидера и славного воина Абдеррахмана произошли в сто пятнадцатом году.

Трудно было бы ожидать от противника более откровенного признания в том, что он полностью побежден, чем арабы здесь говорят европейцам. Пункты, по которым их повествование отличается от повествований христиан, — относительно того, сколько дней длился конфликт, был ли на самом деле спасен осажденный город или нет, и тому подобное, — не имеют большого значения по сравнению с общепризнанным важным фактом, что между франками и сарацинами произошла решающая проба сил, в которой первые одержали победу. Непреходящая важность битвы при Туре в глазах мусульман подтверждается не только выражениями "смертельная битва" и "позорное поражение", которые их авторы постоянно используют, упоминая о ней, но и тем фактом, что сарацины больше не предпринимали серьезных попыток завоевания за пределами Пиренеев. Шарлю Мартелю, его сыну и внуку было предоставлено свободное время для укрепления и расширения своей власти. Новая христианская Римская империя Запада, которую основал гений Карла Великого и на всей территории которой его железная воля установила мир над старой анархией вероисповеданий и рас, на самом деле не сохранила своей целостности после смерти своего великого правителя. Новые смуты обрушились на Европу; но христианский мир, хотя и был разобщен, был в безопасности. С этого времени прогресс цивилизации и развитие национальностей и правительств современной Европы пошли вперед не непрерывным, но, в конечном счете, определенным путем.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При ТУРЕ В 732 году н.э. И БИТВОЙ При ГАСТИНГСЕ В 1066 ГОДУ.

768-814 гг. н.э. Правление Карла Великого. Этого монарха справедливо называют главным восстановителем Западной Европы после разрушения Римской империи. Ранняя смерть его брата Карломана оставила его единоличным хозяином владений франков, которые в результате череды победоносных войн он расширил до новой Западной империи. Он покорил лангобардов и восстановил власть папы в Риме, который, в свою очередь, признал Карла сюзереном Италии; а в 800 году Лев III от имени римского народа торжественно короновал Карла Великого в Риме как императора Западной Римской империи. В Испании Карл Великий правил страной между Пиренеями и Эбро; но его самые важные завоевания были совершены на восточной стороне его первоначального королевства, над славянами Богемии, аварами Паннонии и над ранее нецивилизованными германскими племенами, которые остались на своей родине. Старые саксы были его самыми упрямыми противниками, и его войны с ними продолжались тридцать лет. При нем большая часть Германии была принудительно цивилизована и обращена из язычества в христианство, Его империя простиралась на восток до Эльбы, Заала, Богемских гор, а линия, проведенная оттуда, пересекала Дунай выше Вены и тянулась до Истрийского залива. [Средние века Хэллама.]

Во всем этом обширном скоплении провинций Карл Великий установил организованное и твердое правительство. Но восхищения он требует не просто как завоеватель. "В беспокойно активной жизни мы видим, как он реформирует чеканку монет и устанавливает законное деление денег, собирает вокруг себя ученых со всех стран; основывает школы и собирает библиотеки; с видом короля вмешивается в религиозные споры; пытается ради коммерции осуществить великолепное предприятие по объединению Рейна и Дуная и размышляет о том, как преобразовать противоречивый свод римских и варварских законов в единую систему". [Халлам, см. ВЫШЕ.]

814-888. Неоднократные разделы империи и гражданские войны между потомками Карла Великого. В конечном счете, королевство Франция окончательно отделено от Германии и Италии. В 982 году Отон Великий из Германии возрождает императорское достоинство.

827. Эгберт, король Уэссекса, приобретает верховенство над англосаксонскими королевствами.

832. Первая датская эскадра атакует часть английского побережья. Датчане, или норманны, начали свои опустошительные действия во Франции несколькими годами ранее. В течение двух столетий Скандинавия высылает флот за флотом морских разбойников, которые опустошают все западные королевства Европы и во многих случаях осуществляют постоянные завоевания.

871-900. Правление Альфреда в Англии. После долгой и разнообразной борьбы он спасает Англию от датских захватчиков.

В 911 году французский король уступает Нейстрию Хрольфу Северянину. Хрольф (или герцог Ролло, как его отныне называли) и его армия скандинавских воинов становятся правящим классом населения провинции, которая названа в их честь Нормандией.

1016. Четыре рыцаря из Нормандии, совершавшие паломничество в Святую Землю, возвращаясь через Италию, возглавляют жителей Салерно в отражении нападения банды сарацинских корсаров. В следующем году многие искатели приключений из Нормандии оседают в Италии, где завоевывают Апулию (1040), а затем (1060) Сицилию.

1017. Канут, король Дании, становится королем Англии. После смерти последнего из его сыновей в 1041 году саксонский род был восстановлен, и Эдуард Исповедник (воспитанный при дворе герцога Нормандии) был призван англичанами на трон этого острова как представитель Дома Сердигов.

1035. Герцог Роберт Нормандский умирает по возвращении из паломничества в Святую Землю, и его сын Уильям (впоследствии завоеватель Англии) наследует герцогство Нормандия.

ГЛАВА VIII. — БИТВА При ГАСТИНГСЕ, 1066 год.

"Eis vos la Bataille assemblee,
Dunc encore est grant renomee."
ROMAN DE ROU, 1. 3183.

Прелестные ножки Арлетты, мерцающие в ручье, снискали ей любовь герцога и подарили нам Вильгельма Завоевателя. Если бы она так не очаровала нормандского либерала герцога Роберта, Гарольд не пал бы при Гастингсе, не возникла бы ни англо-нормандская династия, ни Британская империя. Это размышление принадлежит сэру Фрэнсису Пэлгрейву: [История Нормандии и Англии, том i, стр. 528.] и оно совершенно верно. Если бы кому-нибудь вздумалось написать историю "Решающей любви, оказавшей существенное влияние на мировую драму во всех ее последующих сценах", "дочь фалезского кожевника" заслуживала бы видного места на его страницах. Но именно ее сын, победитель при Гастингсе, сейчас является объектом нашего внимания; и никто, кто ценит влияние Англии и ее империи на судьбы мира, никогда не отнесет эту победу к числу второстепенных.

Это правда, что в прошлом столетии некоторые выдающиеся авторы по нашей истории и законам упоминали Нормандское завоевание в терминах, из которых можно предположить, что битва при Гастингсе привела к немногим большему, чем замена одной королевской семьи другой на троне этой страны, а также к искажению и изменению некоторых наших законов благодаря "хитрости нормандских юристов". Но, по крайней мере, с момента появления работы Огюстена Тьерри о нормандском завоевании, эти судебные заблуждения были опровергнуты. Тьерри заставил своих читателей остро оценить масштабы этой политической и социальной катастрофы. Он живо изобразил чудовищную жестокость завоевателей и масштабные и устойчивые нововведения, которые они внедрились, включая свержение древней конституции, а также последнего из саксонских королей. На его страницах мы видим, как новые суды и должности заменяют старые, вводятся новые разделения по расам и классам, целые районы опустошаются для удовлетворения мести или прихоти нового тирана, большая часть земель англичан конфискована и поделена между иностранцами, само имя англичан превращено в

поношение, английский язык отвергнут как рабский и варварский, а все высокие посты в Церкви и государстве более века занимали исключительно люди чужой расы.

Не менее правдиво, чем красноречиво, Тьерри резюмирует социальные последствия нормандского завоевания для поколения, которое было его свидетелем, и для многих их преемников. Он говорит своему читателю, что "если он хочет составить справедливое представление об Англии, завоеванной Вильгельмом Нормандским, он должен представить себе не просто смену политического правления, не триумф одного кандидата над другим, человека одной партии над человеком другой партии; но вторжение одного народа в лоно другого народа, насильственное подчинение одного общества другому обществу, которое оно пришло разрушить, и разрозненные фрагменты которого оно сохранило только как личную собственность, или (используя слова старого закона) как "одежду земли": он не должен представлять себе, что Англия будет завоевана Вильгельмом Нормандским. для себя, с одной стороны, Вильгельм, король и деспот, с другой — подданные Вильгельма, высшие и низшие, богатые и бедные, населяющие Англию и, следовательно, всех англичан; но он должен представить себе две нации, членом одной из которых Вильгельм является и вождем — две нации, которые (если этот термин уместен) обе были подчинены Вильгельму, но применительно к которым это слово имеет совершенно разные значения, означая в одном случае подчиненное, в другом - покоренное. Он должен учитывать, что есть две страны, две почвы, включенные в один географический круг; у норманнов богатые и свободные, у саксов бедные и прислуживающие, измученные АРЕНДНОЙ ПЛАТОЙ и ПОДЕНЩИНОЙ; первая полна просторных особняков, замков, обнесенных стенами и рвами, вторая усеяна хижинами, соломой и разрушенными лачугами; эта населена счастливыми и праздными, людьми армии и двора, рыцарями и дворянами, — это люди труда, фермеры и ремесленники: с одной стороны, роскошь — это роскошь, с другой стороны, роскошь, с которой сталкиваются все. а наглость, с другой стороны, - страдание и зависть - не зависть бедных при виде богатства, которого они не могут достичь, но зависть ограбленных в присутствии грабителей".

Возможно, результат работы Тьерри заключался в том, что он отодвинул в тень конечные положительные последствия нормандского завоевания для Англии. И все же они столь же неоспоримы, как и страдания, которые это завоевание причинило нашим саксонским предкам со времен битвы при Гастингсе до подписания Великой Хартии в Раннимиде. Последнее и есть истинная эпоха английской национальности: это эпоха, когда англо-нормандцы и англосаксы перестали держаться в стороне друг от друга, одни с высокомерным презрением, другие с угрюмым отвращением; и когда все свободные люди страны, будь то бароны, рыцари, йомены или бюргеры, объединились, чтобы заложить основы английской свободы.

Наши нормандские бароны были вождями этого первичного конституционного движения; те самые "железные бароны", которых Чатем так благородно восхвалял. Одно это должно заставить Англию вспомнить о своих обязательствах перед нормандским завоеванием, которое повсюду насаждало в качестве господствующего класса на ее земле воинственную знать самой храброй и энергичной расы, когда-либо существовавшей.

Это может показаться парадоксальным, но на самом деле не будет преувеличением сказать вместе с Гизо ["Очерки истории Франции", стр. 273 и далее], что Англия обязана своими свободами тому, что была завоевана норманнами. Верно, что саксонские институты были первоначальной колыбелью английской свободы, но благодаря своей внутренней силе они

никогда не смогли бы основать прочную свободную английскую конституцию. Именно Завоевание вселило в них новую добродетель; и политические свободы Англии возникли из ситуации, в которой англосаксонское и англо-нормандское население и законы оказались относительно друг друга на этом острове. Состояние Англии при ее последних англосаксонских королях очень напоминало состояние Франции при последних Карловингах и первых принцах Капетингов. Корона была слаба, вельможи - сильны и беспокойны. И хотя в саксонской Англии было больше национального единства, чем во Франции; хотя английские местные свободные институты обладали большей реальностью и энергией, чем что-либо аналогичное им на Континенте в XI веке, все же существует вероятность того, что саксонская государственная система, предоставленная самой себе, пришла бы в полное замешательство, из которого возникла бы сначала аристократическая иерархия, подобная той, что возникла во Франции, затем абсолютная монархия и, наконец, серия анархических революций, подобных тем, которые мы сейчас наблюдаем вокруг, но не среди нас. [См. Гизо, ВЫШЕ.]

Последние завоеватели этого острова также были самыми храбрыми и лучшими. Я не исключаю даже римлян. И, несмотря на наши симпатии к Гарольду и Хирварду и наше отвращение к основателю Нью-Фореста и опустошителю Йоркшира, мы должны признать превосходство норманнов над англосаксами и англо-датчанами, с которыми они встретились здесь в 1066 году, а также над выродившейся франкской знатью и подавленными и раболепствующими романскими провинциалами, у которых в 912 году они отняли область на севере Галлии, которая до сих пор носит название Нормандия.

Норманны выделялись не только чрезвычайной доблестью и готовностью подчиняться или военной дисциплиной среди всех народов-завоевателей готского происхождения, но также своей инстинктивной способностью ценить и перенимать высшие цивилизации, с которыми они сталкивались. Таким образом, герцог Ролло и его скандинавские воины с готовностью приняли вероучение, язык, законы и искусства, которые Франция в те беспокойные и злые времена, с которых началась династия Капетингов, все еще унаследовала от императорского Рима и императора Карла Великого. Они переняли обычаи, обязанности, повиновение, установленные капитуляриями императоров и королей; но то, что они привнесли в применение этих законов, было духом жизни, духом свободы, а также привычками к военному подчинению и пригодностью для государственного устройства, которое могло бы сочетать безопасность всех с независимостью каждого. [Sismondi, Histoire des Francais, vol. iii. p. 174.] Точно так же во всех рыцарских чувствах, в восторженном религиозном рвении, в почти идолопоклонническом уважении к женщинам благородного происхождения, в щедрой привязанности к зарождающейся поэзии того времени, в остром интеллектуальном пристрастии к тонким размышлениям и диспутам, во вкусе к архитектурному великолепию, ко всей придворной утонченности и зрелищности норманны были Паладинами мира. Их блестящие качества были омрачены многими темными чертами гордыни, беспощадной жестокости и звериного презрения к промышленности, правам и чувствам всех, кого они считали низшими классами человечества.

Их постепенное смешение с саксами смягчило эти резкие и порочные черты их национального характера, а взамен они вдохнули в более скучную саксонскую массу новый дух одушевления и силы. Как смело выразился Кэмпбелл, "ОНИ ВСКОЛЫХНУЛИ КРОВЬ В НАШИХ ЖИЛАХ". Маленькой была фигура, которую Англия занимала в мире до прихода норманнов; и без них она никогда не вышла бы из состояния незначительности. Авторитет Гиббона можно считать

решающим, когда он заявляет, что "Несомненно, Англия выиграла от Завоевания". и мы можем с гордостью принять комментарий француза Рапена, который, описывая битву при Гастингсе более века назад, говорит о произведенной ею революции как о "первом шаге, благодаря которому Англия достигла той высоты величия и славы, в которой мы наблюдаем ее в настоящее время". [Рапин, История. Англия, стр. 164. См. также Шэрон Тернер, том iv, стр. 72; и, прежде всего, "Нормандию и Англию" Пэлгрейва.]

Интерес к этой богатой событиями борьбе, в результате которой Вильгельм Нормандский стал королем Англии, существенно возрастает благодаря высоким личным качествам претендентов на нашу корону. Их было трое. Один был чужеземным принцем с Севера. Один был чужеземным принцем с Юга: и один был коренным героем страны. Харальд Хардрада, сильнейший и наиболее рыцарственный из королей Норвегии, был первым; [См. в Снерре "Сагу о Харальде Хардраде".] Герцог Вильгельм Нормандский был вторым; а саксонец Гарольд, сын графа Годвина, был третьим. Никогда еще более благородные чемпионы не добивались более благородного приза и не стремились к нему более доблестно. Саксонец одержал победу над норвежцем, и норманн одержал победу над саксом; но норвежская доблесть никогда не проявлялась так ярко, как в тот раз, когда Харальд Хардрада и его войско сражались и пали при Стэмфорд Бридж; и саксы никогда не встречали своих врагов более храбро, чем наш Гарольд и его люди в роковой день при Гастингсе.

Во время правления короля Эдуарда Исповедника о притязаниях норвежского короля на нашу корону мало кто задумывался; и хотя предшественник Хардрады, король Норвегии Магнус, однажды заявил, что в силу договора с нашим бывшим королем Хардиканутом он имеет право на английский трон, не было предпринято серьезных попыток утвердить его притязания. Но соперничество саксонца Гарольда и нормандца Вильгельма было предвидено и оплакивалось Исповедником, который, как полагали, предсказал на своем смертном одре бедствия, надвигавшиеся на Англию. Герцог Уильям был родственником короля Эдуарда. Гарольд был главой самого могущественного дворянского дома, не считая представителей королевской крови, в Англии; и лично он был самым храбрым и популярным вождем в стране. Король Эдуард был бездетен, и ближайшим побочным наследником был тщедушный, бесперспективный мальчик. Англия слишком сильно пострадала во времена королевского меньшинства, чтобы желать восшествия на престол Эдгара Ательинга; и задолго до смерти короля Эдуарда граф Гарольд был избранным народом королем, хотя считалось, что Исповедник склоняется к нормандскому герцогу.

Незадолго до смерти короля Эдуарда Гарольд был в Нормандии. Причины путешествия саксонского графа на континент сомнительны, но тот факт, что в 1065 году он находился при герцогском дворе и во власти своего соперника, неоспорим. Уильям умело и беспринципно воспользовался этой возможностью. Хотя с Гарольдом обращались с внешней вежливостью и дружелюбием, ему дали полностью понять, что его свобода и жизнь зависят от того, выполнит ли он просьбы герцога. Уильям сказал ему с явной уверенностью и сердечностью: "Когда мы с королем Эдуардом когда-то жили как братья под одной крышей, он пообещал, что, если когда-нибудь станет королем Англии, сделает меня наследником своего трона. Гарольд, я хочу, чтобы ты помог мне выполнить это обещание". Гарольд ответил согласием и далее согласился, по просьбе Уильяма, жениться на дочери Уильяма Аделе и выдать свою родную сестру замуж за одного из баронов Уильяма. Хитрый норманн не удовлетворился этим вымогаемым обещанием; он решил связать Гарольда более торжественным обетом, нарушение которого тяжелым

бременем легло бы на дух доблестного сакса и отбило бы охоту у других принимать его сторону. Перед полным собранием нормандских баронов Гарольд должен был засвидетельствовать почтение герцогу Вильгельму как предполагаемому наследнику английской короны. Опустившись на колени, Гарольд вложил свои руки в руки герцога и повторил торжественную форму, в которой он признавал герцога своим господином и обещал ему верность и верное служение. Но Вильгельм потребовал большего. Он приказал собрать все кости и мощи святых, хранившиеся в нормандских монастырях и церквях, в сундук, который был установлен в зале заседаний совета и накрыт золотой тканью. На сундук с реликвиями, который был таким образом скрыт, был положен молитвенник. Затем герцог торжественно обратился к своему титулованному гостю и настоящему пленнику и сказал ему: "Гарольд, я требую, чтобы ты перед этим благородным собранием подтвердил клятвой данные тобой мне обещания помочь мне получить корону Англии после смерти короля Эдуарда, жениться на моей дочери Аделе и прислать мне свою сестру, чтобы я мог выдать ее замуж за одного из моих баронов". Гарольд, снова застигнутый врасплох и не в силах отрицать свои прежние слова, подошел к молитвеннику и положил на него руку, не зная, что под ним находится сундук с реликвиями. Старый нормандский хронист, который описывает эту сцену наиболее подробно, [Уэйс, Роман де Ру. Я почти следил за его словами.] говорится, что когда Гарольд положил на нее руку, рука задрожала, и плоть затрепетала; но он поклялся и обещал на основании своей клятвы взять Эль [Аделу] в жены и передать Англию герцогу, а для этого сделать все, что в его силах, в соответствии со своей мощью и умом, после смерти Эдуарда, если он сам останется жив: да поможет ему Бог. Многие воскликнули: "Дай Бог!" и когда Гарольд поднялся с колен, герцог заставил его подойти поближе к сундуку, снял покрывало, которым он его прикрывал, и показал Гарольду, на каких святых мощах он поклялся; и Гарольд был сильно встревожен этим зрелищем.

Вскоре после этого Гарольду было разрешено вернуться в Англию; и после короткого перерыва, в течение которого он отличился мудростью и человечностью, с которыми усмирив несколько грозных беспорядков англо-датчан в Нортумбрии, ему пришлось решать, сдержит ли он клятву, которую получил от него норманн, или взойдет на вакантный английский трон в соответствии с выбором нации. Король Эдуард Исповедник умер 5 января 1066 года, и на следующий день собрание танов и прелатов, присутствовавших в Лондоне, а также граждан метрополии, провозгласило, что Гарольд должен быть их королем. Сообщалось, что умирающий Эдуард назначил его своим преемником; но чувство, которое питали его соотечественники к его выдающимся заслугам, было истинным основанием его права на корону. Гарольд решил пренебречь клятвой, которую он дал в Нормандии, как насильственной и недействительной, и 7 января того же года он был помазан королем Англии и получил из рук архиепископа золотую корону и скипетр Англии, а также древний национальный символ - увесистый боевой топор. Он остро нуждался в этой важной части знаков отличия саксонской королевской семьи.

Вскоре прибыл гонец из Нормандии, чтобы напомнить Гарольду о клятве, которую он дал герцогу "своими устами и рукой на добрых и святых реликвиях". "Это правда, - ответил саксонский король, - что я принес присягу Вильгельму; но я принял ее по принуждению: я пообещал то, что мне не принадлежало, то, чего я никоим образом не мог удержать: моя королевская власть мне не принадлежит; я не мог отказаться от нее против воли страны и не могу против воли страны взять в жены иностранку. Что же касается моей сестры, которую герцог, по его словам, может выдать замуж за одного из своих вождей, то она умерла в течение года; неужели он прикажет мне прислать ее труп?"

Вильгельм отправил другое послание, на которое последовал аналогичный ответ; а затем герцог широко распространил по христианскому миру то, что он назвал лжесвидетельством и недобросовестностью своего соперника; и объявил о своем намерении отстаивать свои права мечом до истечения года и преследовать и наказывать клятвопреступника даже в тех местах, где, по его мнению, он стоял наиболее прочно и надежно.

Однако, прежде чем начать военные действия, Вильгельм, руководствуясь глубоко продуманной политикой, представил свои претензии на решение папы римского. Гарольд отказался признать этот трибунал или отвечать перед итальянским священником за свой титул английского короля. После официального рассмотрения жалоб Вильгельма Папой и кардиналами в Риме было торжественно решено, что Англия принадлежит нормандскому герцогу; и от святого престола Вильгельму было прислано знамя, которое сам папа освятил и благословил для вторжения на этот остров. Духовенство по всему континенту теперь усердствовало и энергично проповедовало предприятие Уильяма как предпринятое во имя дела Божьего. Помимо этого духовного оружия (действие которого в XI веке нельзя измерять философией или индифферентизмом XIX века), нормандский герцог приложил всю энергию своего ума и тела, все ресурсы своего герцогства и все влияние, которым он обладал среди вассалов или союзников, к сбору "самого замечательного и грозного вооружения, которое когда-либо видели западные нации". ["История Англии" сэра Джеймса Макинтоша, том i, стр. 97.] Все искатели приключений христианского мира стекались под священное знамя, под которым герцог Вильгельм, самый прославленный рыцарь и мудрейший полководец эпохи, обещал привести их к славе и богатству в прекрасных владениях Англии. Его армия была полна рыцарства континентальной Европы, все стремились спасти свои души, сражаясь по приказу папы римского, стремились продемонстрировать свою доблесть в столь великом предприятии, а также жаждали вознаграждения и добычи, которые щедро обещал Вильгельм. Но сами норманны были ядром и цветом армии, а сам Вильгельм был самым сильным, мудрым и свирепым духом из всех них.

Всю весну и лето 1066 года все морские порты Нормандии, Пикардии и Бретани гудели от напряженных приготовлений. На противоположном берегу Ла-Манша король Гарольд собрал армию и флот, с помощью которых он надеялся сокрушить южных захватчиков. Но неожиданное нападение норвежского короля Харальда Хардрады на другую часть Англии привело в замешательство умелые меры, принятые саксами против грозной армады герцога Вильгельма.

Брат-ренегат Гарольда, граф Тостиг, побудил норвежского короля к этому предприятию, важность которого, естественно, была затмевается большим интересом, проявляемым к победоносной экспедиции герцога Вильгельма, но которое достигло масштабов величия, которые скандинавские порты редко, если вообще когда-либо, видели раньше. Флот Хардрады состоял из двухсот боевых кораблей и трехсот других судов, и все лучшие воины Норвегии были в его войске. Он отплыл сначала на Оркнейские острова, где к нему присоединились многие островитяне, а затем в Йоркшир. После серьезного конфликта близ Йорка он полностью разгромил графов Эдвина и Моркара, губернаторов Нортумбрии. Город Йорк открыл свои ворота, и вся страна, от Тайна до Хамбера, покорилась ему. Известие о поражении Эдвина и Моркара вынудило Гарольда оставить свои позиции на южном побережье и немедленно выступить против норвежцев. Удивительно быстрым маршем он достиг Йоркшира за четыре дня и застал норвежского короля и его союзников врасплох. Тем не менее, последовавшая битва,

разыгравшаяся близ Стэмфорд Бридж, была отчаянной и долгое время вызывала сомнения. Не имея возможности сломить ряды норвежской фаланги силой, Гарольд в конце концов убедил их покинуть сомкнутый строй притворным бегством. Затем английские колонны ворвались в их ряды, и последовала резня, о масштабах которой можно судить по истощению и бездействию Норвегии в течение четверти века спустя. Король Харальд Хардрада и весь цвет его знати погибли 25 сентября 1066 года при Стэмфорд-Бридж, в битве, которая была проиграна Норвегии.

Победа Гарольда была великолепна; но он дорого купил ее гибелью многих своих лучших офицеров и солдат; и еще дороже - возможностью, которую получил герцог Вильгельм, беспрепятственно высадившись на побережье Сассекса. Весь флот Уильямасобрался в устье Дайва, небольшой речки между Сеной и Ормом, еще в середине августа. Армия, которую он собрал, насчитывала пятьдесят тысяч рыцарей и десять тысяч солдат низшего ранга. Многие рыцари были верхом, но многие, должно быть, несли службу пешком, поскольку вряд ли возможно поверить, что Вильгельм мог найти транспорт для переправы пятидесяти тысяч боевых коней через Ла-Манш. Долгое время дули противные ветры; и герцог использовал промежуток времени, прошедший до того, как он смог отплыть, для завершения организации и улучшения дисциплины своей армии; которую он, по-видимому, довел до такого же совершенства, каким семь с половиной столетий спустя хвасталась другая армия, собранная на том же побережье, и которую Наполеон замыслил (но, по воле providения, напрасно) для аналогичного нападения на Англию.

Только с приближением равноденствия ветер переменялся с северо-восточного на западный и дал норманнам возможность покинуть утомительные берега Дайва. Они с готовностью сели и отплыли; но вскоре ветер усилился до штормового и погнал их вдоль французского побережья к Сен-Валери, где большая часть из них нашла убежище; но многие из их судов потерпели крушение, и все побережье Нормандии было усеяно телами утонувших. Армия Вильгельма начала падать духом и испытывать отвращение к этому предприятию, против которого, казалось, боролись сами стихии; хотя на самом деле северо-восточный ветер, который так долго держал их взаперти в устье Дайва, и западный шторм, который загнал их в Сент-Валери, были лучшими друзьями захватчиков. Они препятствовали норманнам пересечь Ла-Манш до тех пор, пока саксонский король и его армия обороны не были отозваны с побережья Сассекса для встречи с Харальдом Хардрадой в Йоркшире, а также до тех пор, пока грозный английский флот, который по приказу короля Гарольда крейсировал в Ла-Манше, чтобы перехватить норманнов, не был вынужден временно рассеяться с целью переоборудования и пополнения свежих запасов провизии.

Герцог вильгельм использовал все средства, чтобы оживить упавший дух своих людей в Сент-Валери; и, наконец, он приказал эксгумировать тело святого покровителя этого места и пронести его торжественной процессией, в то время как все собравшиеся солдаты, моряки и священники молили святого о заступничестве при перемене ветра. В ту же ночь ветер переменялся и позволил средневековому Агамемнону покинуть свою Аулию.

На полных парусах и при попутном южном бризе нормандская армада покинула берега Франции и взяла курс на Англию. Захватчики пересекли незащищенное море и нашли незащищенное побережье. Именно в заливе Певенси в Сассексе, в Булверхите, между замком

Певенси и Гастингсом, высадились последние завоеватели этого острова 29 сентября 1066 года.

Гарольд был в Йорке, радуясь своей недавней победе, избавившей Англию от ее древних скандинавских врагов, и восстанавливая управление графствами, захваченными Харальдом Хардрадой, когда до него дошла весть о том, что герцог Вильгельм Нормандский и его войско высадились на берегу Сассекса. Гарольд немедленно поспешил на юг, чтобы встретить этого долгожданного врага. Тяжелые потери, понесенные его армией в битве с норвежцами, должно быть, сделали невозможным для большого количества ветеранов сопровождать его в его форсированном марше в Лондон, а оттуда в Сассекс. Он пробыл в столице всего шесть дней; и за это время отдал приказ о сборе сил из своих южных и срединных графств, а также приказал своему флоту вновь собраться у побережья Сассекса. Гарольд был хорошо принят в Лондоне, и его призыву к оружию немедленно подчинились горожанин, тан, сокман и сеорл; ибо за время своего недолгого правления он показал себя справедливым и мудрым королем, приветливым ко всем людям, деятельным на благо своей страны и (по словам старого историка) не знающим усталости ни на суше, ни на море. [См. Роджера де Ховедена и Уильяма Малмсберийского, цитируемых в книге Тьерри, книга iii.] Он мог бы собрать гораздо более многочисленное войско, чем у Вильгельма, но его недавняя победа придала ему чрезмерной уверенности, и он был раздражен сообщениями о том, что страна разоряется захватчиками. Поэтому, как только он собрал небольшую армию в Лондоне, он двинулся маршем к побережью: продвигаясь вперед так быстро, как только могли, его люди пересекли Суррей и Сассекс в надежде застать норманнов врасплох, как недавно ему подобным форсированным маршем удалось застать врасплох норвежцев. Но теперь ему предстояло иметь дело с врагом, не менее храбрым, чем Харальд Хардрада, и гораздо более искусным и осторожным.

Древненормандские хронисты описывают приготовления Вильгельма к высадке с яркостью изображения, которая была бы полностью утрачена, если бы они перелили свои колоритные нормандские двустиишия и немногословную латинскую прозу в актуальный стиль современной истории. Лучше всего внимательно следить за ними, хотя и в ущерб особой оригинальности и иногда некачественности выражений. Они рассказывают нам, что собственный корабль герцога Вильгельма был первым в составе нормандского флота. - Он назывался "Мора" и был подарком его герцогини Матильды. На носу корабля, который моряки называют носом, был изображен наглый ребенок, держащий стрелу из натянутого лука. Его лицо было обращено в сторону Англии, и он смотрел туда, как будто собирался выстрелить. Бриз стал мягким и ласковым, и море было спокойным для их высадки. Корабли шли по суше, и каждый стоял рядом с другим. Там вы могли бы увидеть, как хорошие моряки, сержанты и оруженосцы совершают вылазки и разгружают корабли; бросают якоря, натягивают канаты, выносят щиты и седла и высаживают боевых коней и лошадей-скакунов. Лучники выступили вперед и первыми коснулись земли, у каждого был крепкий лук и полный стрел колчан, висевший у него на боку. Все были выбриты и подстрижены, и все одеты в короткие одежды, готовые атаковать, стрелять, разъезжать по округе и вступать в перестрелку. Все были хорошо экипированы и полны мужества для боя; и они прочесали весь берег, но не нашли там ни одного вооруженного человека. После того, как лучники таким образом выступили вперед, рыцари приземлились во всеоружии, в кольчугах, со щитами, висящими на шеях, и зашнурованными шлемами. Они собрались вместе на берегу, каждый вооруженный и верхом на своем боевом коне; все были опоясаны мечами и поскакали вперед по местности с поднятыми копьями. Затем высадились плотники, у которых в руках были большие топоры, а по бокам висели рубанки и тесла. Они

посоветовались и стали искать подходящее место для постройки замка. Они привезли с собой на флоте три деревянных замка из Нормандии, по частям, все готовые для возведения каркаса, и они достали материалы для одного из них с кораблей, все отформованные и проткнутые для установки штырей, которые они привезли нарезанными и готовыми в больших бочках; и прежде чем наступил вечер, они закончили строительство хорошего форта на английской земле и разместили там свои запасы. Все тогда вдоволь наелись и напились и были по-настоящему рады, что оказались на берегу.

"Когда сам герцог Вильгельм высадился на берег, он поскользнулся и упал вперед, опираясь на обе руки. Тут же все подняли громкий крик отчаяния. "Злой знак, - сказали они, - здесь". Но он громко воскликнул: "Смотрите, милорды! величием Божиим [обычная клятва Вильгельма.] Я завладел Англией обеими руками. Теперь она моя, а то, что принадлежит мне, принадлежит тебе.

На следующий день они двинулись вдоль берега моря к Гастингсу. Недалеко от этого места герцог укрепил лагерь и воздвиг два других деревянных замка. Фуражиры и те, кто высматривал добычу, захватили всю одежду и провизию, какие смогли найти, чтобы то, что было привезено на кораблях, не подвело их. И было видно, как англичане убегали перед ними, угоняя свой скот и покидая свои дома. Многие укрылись в местах захоронений, и даже там они были в сильной тревоге".

Помимо мародеров из нормандского лагеря, Вильгельм отправил в страну сильные отряды кавалерии, и они, когда Гарольд и его армия совершили быстрый марш из Лондона на юг, в полном порядке отступили на основные силы норманнов и сообщили, что саксонский король мчится вперед как сумасшедший. Но Гарольд, когда понял, что его надежды застать противника врасплох тщетны, изменил тактику и остановился примерно в семи милях от норманнских позиций. Он послал нескольких шпионов, говоривших по-французски, разведать численность и приготовления врага, которые, вернувшись, с удивлением рассказали, что в лагере Вильгельма было больше священников, чем воинов в английской армии. Они приняли за священников всех нормандских солдат, у которых были короткие волосы и бритые подбородки; поскольку английские миряне в то время привыкли носить длинные волосы и усы, Гарольд, знавший нормандские обычаи, улыбнулся их словам и сказал: "Те, кого вы видели в таком количестве, не священники, а крепкие солдаты, как они скоро заставят нас почувствовать".

Армия Гарольда намного уступала по численности армии норманнов, и некоторые из его военачальников посоветовали ему отступить к Лондону и опустошить страну, чтобы истощить силы захватчиков. Рекомендованная таким образом политика, несомненно, была самой мудрой; ибо саксонский флот к этому времени собрался заново и перехватил все сообщения Вильгельма с Нормандией; так что, как только его запасы провизии были исчерпаны, он должен был двинуться на Лондон; где Гарольд, во главе всей военной мощи королевства, мог отразить его нападение и, вероятно, стал бы свидетелем гибели своего соперника от голода и болезней, не нанеся ни единого удара. Но храбрая кровь Гарольда бурлила, и его доброе сердце не могло вынести причинения своим южносаксонским подданным даже временных страданий в виде опустошения страны. "Он не стал бы сжигать дома и деревни и не стал бы отнимать имущество у своего народа".

Братья Гарольда, Гурт и Леофвин, были с ним в лагере, и Гурт пытался убедить его не участвовать в битве. Этот инцидент показывает, насколько хорошо был разработан план Вильгельма связать Гарольда клятвой на святых мощах. "Брат мой, - сказал молодой саксонский принц, - ты не можешь отрицать, что ни силой, ни добровольно ты принес герцогу Вильгельму клятву на телах святых. Зачем же тогда рисковать собой в битве, когда на тебе лежит обвинение в лжесвидетельстве? Для нас, которые ни в чем не клялись, это святая и справедливая война, ибо мы сражаемся за нашу страну. Тогда оставьте нас одних сражаться в этой битве, и победит тот, у кого есть право". Гарольд ответил, что не будет смотреть, как другие рискуют своими жизнями ради него. Люди сочли бы его трусом и обвинили бы в том, что он отправил своих лучших друзей туда, куда не осмеливался пойти сам. Поэтому он решил сражаться, и сражаться лично: но он все еще был слишком хорошим генералом, чтобы быть нападающим в бою. Он укрепил свою позицию на холме, где остановился, за частоколом из кольев, переплетенных ивняком, и там, по его словам, он будет защищаться от любого, кто его разыщет.

Руины Баттл-Эбби в этот час указывают на место, где была размещена армия Гарольда. Главный алтарь аббатства стоял на том самом месте, где во время битвы был водружен собственный штандарт Гарольда и где резня была самой плотной. Сразу после своей победы Уильям поклялся построить на этом месте аббатство; и вскоре там выросло красивое и величественное здание, где на протяжении многих веков монахи молились и служили мессы за упокой душ тех, кто был убит в битве, откуда аббатство и получило свое название. До этого времени это место называлось Сенлак. От древнего здания сейчас мало что сохранилось, но среди его реликвий и в окрестностях легко проследить сцены главных событий сражения; и невозможно отрицать полководческое мастерство, проявленное Гарольдом при размещении своих людей; особенно если мы примем во внимание, что ему не хватало кавалерии, рода войск, в котором состояла основная сила его противника.

Горная гряда тянется внутрь почти на семь миль от возвышенности непосредственно к северо-востоку от Гастингса. Линия этой гряды холмов тянется с юго-востока на северо-запад, и обычный маршрут из Гастингса в Лондон, должно быть, как в древности, так и в наше время, пролегал вдоль ее вершин. На расстоянии от Гастингса, о котором уже упоминалось, непрерывная цепь холмов обрывается. Нужно пересечь долину, а на другой стороне от нее, напротив последней гряды холмов, возвышается некоторая возвышенность, обращенная на юго-восток. Эта возвышенность, тогда называвшаяся Сенлаком, была занята армией Гарольда. Его нельзя было атаковать спереди без значительного ущерба для нападающих, и вряд ли можно было повернуть без того, чтобы те, кто участвовал в маневре, не подвергли себя смертельной атаке с фланга, пока они огибали основание высоты и проходили под выступающими из нее с обеих сторон гребнями. В тылу у Гарольда была пересеченная местность, поросшая густым лесом, которая, казалось, предоставляла Гарольду большие возможности для сплочения своих людей и сдерживания продвижения врага, если им удастся отбросить его с занимаемого поста. И казалось едва ли возможным, что норманны, если бы встретили какой-либо отпор, смогли бы спастись от полного уничтожения. С такими надеждами и ожиданиями (которые нельзя назвать необоснованными, хотя и "Successum Dea dira negavit") король Гарольд приказал установить свой штандарт немного ниже по склону холма Сенлак, в том месте, где подъем из долины был наименее крутым и на которое, несомненно, были направлены самые яростные атаки наступающего врага.

В последние годы были обнаружены фундаментные камни главного алтаря аббатства Баттл; и мы можем поставить свои стопы на то самое место, где стоял Гарольд с развевающимся над ним английским знаменем; где, когда завязалась битва, он защищался изо всех сил; где в него попала роковая стрела; где он "в агонии оперся на свой щит"; и где, наконец, он был повержен на землю, а вместе с ним было повержено и саксонское знамя, чтобы, подобно ему, никогда больше не подняться. Руины алтаря находятся немного западнее большой дороги, которая ведет из Гастингса вдоль уже описанной горной гряды, через долину и через современный город Баттл в сторону Лондона. До того, как по этой долине проложили железную дорогу, некоторые старые местные особенности было легче распознать, чем сейчас. Тогда глаз сразу увидел, что подъем из долины был наименее крутым в том месте, которое Гарольд выбрал для своего собственного поста во время сражения. Но это все еще достаточно различимо; и мы можем зафиксировать место, немного ниже по склону, непосредственно перед главным алтарем, где стояли храбрые кентийцы, "чьим правом было наносить удар первыми, когда король отправлялся на битву", и которые, следовательно, были размещены там, где норманны, скорее всего, предприняли бы свою первую атаку. Вокруг самого Гарольда и там, где простираются плантации, которые теперь окружают руины главного алтаря, стояли лондонцы, "чьей привилегией было охранять тело короля, расположиться вокруг него и охранять его знамя". Справа и слева выстроились другие воины центральной и южной Англии, чьи графства старый нормандский хронист искажает в своей французской терминологии. Глядя оттуда в направлении Гастингса, мы можем различить "гребень возвышенности, по которому, как казалось, продвигались норманны". Это ближайший из перешейков. Именно с этого холма Гарольд и его братья видели, как последовательно приближались три дивизии нормандской армии. Норманны спустились по этому склону, а затем построились в долине, чтобы атаковать весь фронт английских позиций. Собственная дивизия герцога Вильгельма с "лучшими людьми и наибольшей силой армии" образовала нормандский центр и атаковала англичан непосредственно перед знаменем Гарольда, как и предполагал саксонский король из-за особенностей местности.

Есть немного сражений, места которых можно было бы проследить более полно; и вся сцена полна ассоциаций, представляющих глубокий интерес; но место, которое больше всего вызывает наше сочувствие и будоражит наши чувства, - это то место, где сражался и пал сам Гарольд. Осыпающиеся фрагменты серых алтарных камней с полевыми цветами, облепившими их основание, кажутся подходящими памятниками храброму саксу, который здесь склонил голову перед смертью; в то время как лавровые деревья, посаженные рядом и колышущиеся над руинами, напоминают нам о Завоевателе, который в конце того ужасного дня высоко поднял свое победное знамя над растоптанным знаменем сакса и устроил свое триумфальное пирушку среди трупов убитых, а его нормандское рыцарство ликовало вокруг него.

Когда в лагере захватчиков в Гастингсе стало известно, что король Гарольд двинулся со своим войском на юг, но последовал короткий перерыв, прежде чем два войска встретились в решающем столкновении.

Единственный шанс Вильгельма на спасение заключался в том, чтобы начать генеральное сражение; и он с радостью выдвинул свою армию из лагеря на холме над Гастингсом, поближе к позициям саксов. Но он не пренебрег никакими средствами ослабить своего противника и возобновил свои призывы и требования к Гарольду с показным видом святости и умеренности.

"Монах по имени Хьюг Мегро пришел от имени Вильгельма, чтобы призвать саксонского короля сделать одну из трех вещей — либо отказаться от королевской власти в пользу Вильгельма, либо передать дело на рассмотрение папы римского, чтобы решить, кто из них двоих должен быть королем, либо позволить этому определиться в результате единоборства. Гарольд резко ответил: "Я не откажусь от своего титула, я не передам его папе и не приму единоборства". Он был далек от недостатка храбрости; но он был не более волен поставить на карту корону, которую получил от целого народа в случае дуэли, чем передать ее в руки итальянского священника. Вильгельм несколько не был раздосадован отказом саксонца, но, неуклонно следуя намеченным им мерам, снова послал нормандского монаха, дав ему следующие инструкции: "Иди и скажи Гарольду, что, если он выполнит свой прежний договор со мной, я оставлю ему всю страну за Хамбером и отдам его брату Гурту все земли, которыми владел Годвин. Если он по-прежнему будет упорствовать в отказе от моих предложений, тогда ты скажешь ему перед всем его народом, что он клятвопреступник и лжец; что он и все, кто поддержит его, отлучены от церкви устами папы Римского; и что булла на этот счет находится в моих руках."

Хьюг Мегро произнес это послание торжественным тоном; и в нормандской хронике говорится, что при слове "ОТЛУЧЕНИЕ" английские вожди посмотрели друг на друга так, словно надвигалась какая-то великая опасность. Затем один из них сказал следующее: "Мы должны сражаться, какова бы ни была опасность для нас; ибо то, что мы должны обдумать, заключается не в том, примем ли мы нового властелина, как если бы наш король был мертв: дело обстоит совершенно иначе..... Норманн отдал наши земли своим капитанам, своим рыцарям, всему своему народу, большая часть которого уже оказала ему за них почтение; все они будут ждать своего подарка, если их герцог станет нашим королем; и он сам обязан передать им наше имущество, наших жен и наших дочерей: все им обещано заранее. Они приходят не только для того, чтобы разорить нас, но и для того, чтобы разорить наших потомков и отнять у нас страну наших предков, и что мы будем делать, куда мы пойдем, когда у нас больше не будет страны?" Англичане единодушно поклялись не заключать ни мира, ни перемирия, ни договора с захватчиком, но умереть или прогнать норманнов". [Тьерри.]

13 октября было занято этими переговорами, и ночью герцог объявил своим людям, что следующий день будет днем битвы. Говорят, что та ночь прошла для двух армий совершенно по-разному. Саксонские солдаты провели его в веселье, распевая свои национальные песни и распивая огромные рога эля и вина у своих походных костров. Норманны, осмотрев свое оружие и лошадей, исповедовались священникам, которыми был переполнен их лагерь, и принимали причастие тысячами одновременно.

В субботу, 14 октября, произошла великая битва.

На основе имеющейся у нас исторической информации нетрудно составить рассказ о его основных происшествиях, особенно если дополнить его исследованием местности. Но гораздо лучше перенять волнующие дух слова старых хронистов, которые писали, когда воспоминания о битве были еще свежи, а чувства и предрассудки сражавшихся еще теплились в сердцах их ближайших потомков. Роберт Уэйс, нормандский поэт, подаривший свой "Роман о Ру" нашему Генриху II, является самым живописным и одушевленным из древних писателей; и от него мы можем получить более яркое и полное описание конфликта, чем может дать даже самый блестящий романист современности. У нас также есть старинный памятник битвы, на который

можно положиться больше, чем на хрониста или поэта (и который замечательно подтверждает рассказ Уэйса), в знаменитом гобелене из Байе, на котором представлены основные сцены экспедиции герцога Вильгельма и обстоятельства, связанные с ней, в мельчайших, хотя иногда и гротескных деталях, и который, несомненно, был создан в ту же эпоху, в которой произошла битва; независимо от того, принимаем мы или отвергаем легенду о том, что королева Матильда и придворные дамы сотворили его собственными руками в честь королевского Завоевателя.

Поэтому давайте позволим старому норманнскому хронисту перенести наше воображение в прекрасные пейзажи Сассекса, к северо-западу от Гастингса, с его обдуваемыми бризом возвышенностями, поросшими травой склонами и грядами открытого пуха, поднимающимися вглубь материка от сверкающего моря, с его разбросанными рощицами и более густыми прогалинами промежуточных лесов, одетых во все разнообразные оттенки осени, какими они предстали утром четырнадцатого октября семьсот восемьдесят пять лет назад. Нормандское войско выходит из своих палаток, и каждый отряд, каждая рота быстро строятся под знаменем своего предводителя. Отслужили мессу, которая закончилась рано утром; все бароны собрались вокруг герцога Вильгельма; и герцог приказал, чтобы армия была разделена на три дивизии, чтобы атаковать позиции саксов в трех местах. Герцог стоял на холме, откуда ему лучше всего были видны его люди; бароны окружили его, и он гордо обратился к ним с речью. Он сказал им, как он доверяет им и что все, что он приобретет, должно принадлежать им; и как он уверен в победе, ибо во всем мире не было такой храброй армии или таких хороших и верных людей, которые тогда формировались вокруг него. Тогда они, в свою очередь, приветствовали его и закричали: "Вы не увидите ни одного труса; никто здесь не побоится умереть из любви к вам, если понадобится". И он ответил им: "Я очень благодарю вас. Ради Бога, не щади себя; нанеси сильный удар с самого начала; не задерживайся, чтобы не взять добычу; вся добыча будет общей, и ее хватит на всех. Просить пощады или драться небезопасно: англичане никогда не полюбят и не пощадят норманна. Преступниками они были и остаются; лживыми они были и будут. Не проявляй к ним слабости, потому что они не проявят к тебе жалости. Ни трус за то, что хорошо бежит, ни смельчак за то, что хорошо бьет, не будут больше нравиться англичанам, и никого из них не будут больше щадить ни по той, ни по другой причине. Вы можете улететь к морю, но дальше вы лететь не сможете; вы не найдете там ни кораблей, ни моста; там не будет моряков, которые встретили бы вас; и англичане настигнут вас там и убьют с позором. Больше из вас погибнет в бегстве, чем в битве. Тогда, поскольку бегство не спасет вас, сражайтесь, и вы победите. Я не сомневаюсь в победе: мы пришли за славой, победа в наших руках, и мы можем позаботиться о том, чтобы добиться ее, если пожелаем." Пока герцог говорил это и хотел бы сказать еще что-нибудь, подъехал Уильям Фиц Осбер на своем закованном в железо коне: "Сир, - сказал он, - мы слишком долго здесь торчим, давайте все вооружимся. ALLONS! ALLONS!"

Затем все разошлись по своим палаткам и вооружились, как могли; а герцог был очень занят, отдавая каждому свои приказы; и он был вежлив со всеми вассалами, раздавая им много оружия и лошадей. Когда он приготовился вооружиться, то сначала потребовал свою хорошую кольчугу, и какой-то человек принес ее ему на руке и положил перед ним, но, просовывая голову, чтобы надеть ее, он неожиданно повернул ее не в ту сторону, тыльной стороной вперед. Вскоре он изменил это, но когда увидел, что стоявшие рядом были сильно встревожены, он сказал: "Я видел многих людей, которые, случись с ними такое, не взяли бы в руки оружия и не вышли бы на поле боя в тот же день; но я никогда не верил в приметы и никогда не поверю. Я уповаю на Бога, ибо Он во всем поступает по Своему усмотрению и предопределяет то, что должно произойти, согласно Его воле. Я никогда не любил гадалок и не верил в прорицателей;

но я вверяю себя Богоматери. Пусть это несчастье не доставит вам хлопот. Кольчуга, которая была повернута не так, а затем мной поправлена, означает, что в деле, которое мы сейчас обсуждаем, произойдут изменения. Вы увидите, что имя герцога изменено на короля. Да, королем буду я, который до сих пор был всего лишь герцогом". Затем он перекрестился и сразу же снял кольчугу, наклонил голову и поправил ее, зашнуровал шлем и подпоясался мечом, который принес ему слуга. Тогда герцог потребовал своего доброго коня — лучшего было не найти. Его прислал ему король Испании по очень большой дружбе. Ни оружия, ни напора сражающихся людей оно не боялось, если его господь подстегивал его. Это принес Уолтер Гиффард. Герцог протянул руку, взял поводья, вставил ногу в стремя и вскочил в седло; и добрый конь забил копытами, заплясал, встал на дыбы и изогнулся. Виконт Тоарзский увидел, как герцог держится с оружием в руках, и сказал своим людям, которые были вокруг него: "Никогда я не видел человека, который был бы так хорошо вооружен, ни того, кто бы так доблестно удил жезлом, или носил свое оружие, или так хорошо надевал кольчугу; ни того, кто бы так изящно держал свое копье, или сидел на коне, и управлял им так благородно. Нет такого рыцаря под небесами! он справедливый граф и будет справедливым королем. Пусть он сражается, и он победит: позор тому, кто подведет его".

Затем герцог потребовал знамя, присланное ему папой, и тот, кто нес его, развернул, герцог взял его и подозвал Раоля де Конша. "Несите мое знамя, - сказал он, - ибо я не мог не воздать вам должное; по праву и по происхождению ваш род - знаменосцы Нормандии, и все они были очень хорошими рыцарями". Но Раоль сказал, что в тот день он будет служить герцогу в другом обличье и будет сражаться с англичанами своей рукой до конца жизни. Затем герцог приказал Галтье Жиффару нести знамя. Но тот был стар и седовлас и велел герцогу передать знамя кому-нибудь более молодому и сильному. Тогда герцог яростно сказал: "Клянусь величием Божиим, милорды, я думаю, вы хотите предать и подвести меня в этой великой нужде". — "Сир, - сказал Гиффарт, - это не так! мы не совершали государственной измены, и я не отказываюсь от какого-либо уголовного преступления по отношению к вам; но я должен возглавить великое рыцарство, как наемных людей, так и людей моего феода. Никогда у меня не было таких хороших средств служить вам, как сейчас; и если Богу будет угодно, я буду служить вам; если понадобится, я умру за вас и отдам свое сердце за ваше.

"Клянусь своей верой, - сказал герцог, - я всегда любил тебя, а теперь люблю еще больше; если я переживу этот день, тебе будет лучше от этого до конца твоих дней". Затем он позвал рыцаря, которого, как он слышал, очень хвалили, по имени Стейнс Фиц-Ру ле Блан, чье жилище находилось в Бек-ан-Ко. Он вручил ему знамя, и Тостейнс радостно принял его, низко поклонился ему в знак благодарности и нес его галантно и с добрым сердцем. По этой причине его родственники по-прежнему освобождены от всякой службы в связи с получением наследства, и их наследники имеют право таким образом сохранить свое наследство навсегда.

- Вильгельм сел на своего боевого коня и нанес визит Роже, которого они называют Де Монгомери. "Я очень полагаюсь на тебя, - сказал он. - Веди своих людей туда и атакуй их с той стороны. Вильгельм, сын сенешаля Осбера, настоящий добрый вассал, отправится с вами и поможет в атаке, и у вас будут люди из Булони и Пуа, а также все мои солдаты. Ален Фергер и Амери нападут с другой стороны; они поведут за собой пуатевинцев, бретонцев и всех баронов Мэна; а я со своими великими людьми, моими друзьями и сородичами буду сражаться в центре толпы, где битва будет самой жаркой".

Теперь все бароны, рыцари и латники были вооружены; пехотинцы были хорошо экипированы, у каждого были лук и меч; на головах у них были шапки, а к ногам привязаны козырьки. У некоторых были хорошие шкуры, которыми они обвязали свои тела; многие были одеты в платья, а к поясам у них были прикреплены колчаны и луки. Рыцари были в кольчугах и с мечами, в стальных сапогах и сверкающих шлемах; на шеях у них были щиты, а в руках - копья. И у всех были свои познания, так что каждый мог знать своего товарища, и норманн не мог ударить Норманна, а француз по ошибке не убил своего соотечественника. Пешие шли впереди, сомкнутыми рядами, с луками в руках. Рыцари ехали следом, поддерживая лучников сзади. Таким образом, и конные, и пешие сохраняли свой курс и порядок марша, как и в начале; сомкнутыми рядами, легким шагом, чтобы одни не могли пройти мимо других или отделиться от них. Все шли твердо и компактно, держась галантно.

"Гарольд созвал своих людей, графов, баронов и вавассуров, из замков и городов, из портов, деревень и местечек. Крестьяне также были созваны из деревень, прихватив с собой то оружие, которое они нашли: дубинки и большие кирки, железную кузницу и помосты. Англичане окружили место, где находился Гарольд со своими друзьями и баронами страны, которых он созвал.

Немедленно прибыли жители Лондона, а также Кента, Хартфорта и Эссессы; жители Сюри и Сюзессы, Сент-Эдмунда и Суфока; Норвиса и Норфока; Канторбьера и Стенфорта, Бедфорта и Хандетона. Пришли также мужчины из Нортентона, а также из Эуровика и Бокингкехема, из Беда и Нотинккехема, Линдси и Николь. Пришли также с запада все, кто услышал призыв; и очень многих можно было увидеть прибывшими из Салевьера и Дорсета, из Бата и из Сомерсета. Многие приехали также примерно из Глосестре, и многие из Виречестре, из Винсестре, Онтезирера и Бричезира; и еще много из других графств, которые мы не назвали и действительно не можем перечислить. Все, кто мог носить оружие и узнал весть о прибытии герцога, пришли защищать страну. Но никто не пришел из-за пределов Хамбре, потому что у них были другие дела; датчане и Тости нанесли им большой урон и ослабили их.

"Гарольд знал, что норманны придут и нападут на него врукопашную; поэтому он заранее огородил поле, на котором разместил своих людей. Он заранее заставил их вооружиться и выстроиться для битвы; он сам облачился в оружие и амуницию, которые стали таким повелителем. Герцогу, сказал он, следовало бы обратиться к нему, поскольку он хотел завоевать Англию; и терпеть нападение подобало ему, который должен был защищать страну. Он повелел народу и посоветовал своим баронам держаться вместе и защищаться всем скопом, ибо, если они однажды разделятся, им будет трудно прийти в себя. "Норманны, - сказал он, - хорошие вассалы, доблестные пешие и конные; они хорошие рыцари на лошадях и хорошо привыкли сражаться; все пропало, если они хоть раз проникнут в наши ряды. У них с собой длинные копья и мечи, но у вас есть заостренные пики и острые клювы; и я не ожидаю, что их оружие сможет устоять против вашего. Прилепляйся везде, где можешь; будет плохо, если ты пощадишь что-нибудь".

Англичане возвели перед собой изгородь из своих щитов, ясеня и другого дерева; и всю работу они хорошо сплели и оплели плетнями, так что не осталось даже щели; и, таким образом, перед ними была баррикада, через которую должен был пройти любой норманн, вздумавший напасть на них. Прикрываясь таким образом своими щитами и баррикадами, они стремились защищаться; и если бы они оставались стойкими с этой целью, они не были бы побеждены в тот

день; ибо каждый норманн, пробивавшийся внутрь, лишался жизни либо от топора, либо от дубинки, либо от другого оружия. Они были одеты в короткие и тесные кольчуги и шлемы, которые висели поверх их одежды. Король Гарольд издал приказ и объявил повсюду, что все должны быть выстроены лицом к врагу; и что никто не должен двигаться с того места, где он был; чтобы, кто бы ни пришел, мог застать их наготове; и что бы ни делал кто-либо, будь то норманн или другой, каждый должен сделать все возможное, чтобы защитить свое место. Затем он приказал жителям Кента идти туда, где норманны, вероятно, предпримут атаку; ибо они говорят, что жители Кента имеют право нанести удар первыми; и что всякий раз, когда король выходит на битву, первый удар принадлежит им. Право лондонцев - охранять тело короля, расположиться вокруг него и охранять его штандарт; и они были соответственно поставлены у штандарта, чтобы охранять и защищать его.

Когда Гарольд ответил и отдал приказы, он въехал в гущу англичан и спешил рядом со знаменем: Леофвин и Гурт, его братья, были с ним, и вокруг него было достаточно баронов, когда он стоял у своего знамени, которое на самом деле было благородным, сверкающим золотом и драгоценными камнями. После победы Вильгельм отправил его папе римскому, чтобы доказать и увековечить свое великое завоевание и славу. Англичане стояли сомкнутыми рядами, готовые к битве; более того, они вырыли ров, который шел поперек поля, защищая одну сторону своей армии,

Тем временем появились норманны, продвигавшиеся по гребню возвышенности; и первая дивизия их войск двинулась вперед вдоль холма и через долину. И вскоре в поле зрения показалась другая дивизия, еще более многочисленная, следовавшая вплотную за первой, и их повелик другой части поля, выстраиваясь вместе, как это сделал первый отряд. И пока Гарольд рассматривал их и показывал Гурту, в поле зрения появился новый отряд, покрывавший всю равнину; и посреди них было поднято знамя, пришедшее из Рима. Рядом с ним находился герцог, и там были лучшие люди и величайшая сила армии. Там были добрые рыцари, добрые вассалы и храбрые воины; и там собрались вместе благородные бароны, хорошие лучники и латники, чьей обязанностью было охранять герцога и выстраиваться вокруг него. Молодежь и обычный табун из лагеря, в чьи обязанности входило не участвовать в битве, а заботиться о сбруе и припасах, двинулись дальше к возвышенности. Священники и служащие также поднялись на холм, чтобы вознести там молитвы Богу и понаблюдать за ходом битвы.

"Англичане твердо стояли в пешем строю и вели себя смело. Каждый мужчина был облачен в кольчугу, опоясан мечом, а на шее у него висел щит. На шеях у них также висели большие топоры, которыми они рассчитывали наносить тяжелые удары.

"Норманны повели в атаку три дивизии своей армии в разных местах. Они выступили тремя отрядами, и тремя отрядами они сражались. Подошли первый и второй, а затем двинулся третий, который был самым большим; с ним появился герцог со своими людьми, и все смело двинулись вперед.

"Как только две армии оказались на виду друг у друга, поднялся сильный шум и смятение. Вы могли бы услышать звуки множества труб, горнов и рожков, а затем вы могли бы увидеть людей, выстраивающихся в линию, поднимающих щиты, копья, натягивающих луки, берущихся за стрелы, готовых к нападению и защите.

Англичане стояли наготове на своем посту, норманны все еще двигались вперед; и когда они приблизились, было видно, как англичане двигаются назад и вперед; они уходили и наступали; войска выстраивались в боевой порядок; у одних румянец разгорался, другие бледнели; одни готовили оружие, другие поднимали щиты; храбрец рвался в бой, трус дрожал при приближении опасности.

Затем Тайллефер, который очень хорошо пел, проехал верхом на быстром коне перед герцогом, распевая о Карле Великом и Роланде, об Оливье и пэрах, погибших в Ронсевалле, и когда они приблизились к англичанам, "Это благо, сир!" - воскликнул Тайллефер. - "Я долго служил вам, и вы у меня в долгу за все эти услуги. Сегодня, с вашего позволения, вы должны отплатить за это. Я прошу как мой гердон и искренне умоляю вас об этом, чтобы вы позволили мне нанести первый удар в битве!" И герцог ответил: "Я разрешаю это". Затем Тайллефер пустил свою лошадь в галоп, атаковал впереди всех остальных и сразил англичанина насмерть, вонзив свое копье ниже груди в его тело и растянув его на земле. Затем он выхватил свой меч и ударил другого, крича: "Вперед, вперед! Что вы делаете, господа! налегай, налегай!" При втором ударе, который он нанес, англичане бросились вперед, окружили его и убили. Немедленно поднялся шум и клич войны, и с обеих сторон люди пришли в движение.

Норманны перешли в наступление, и англичане хорошо защищались. Одни наносили удары, другие продвигались вперед; все были смелы и отбросили страх. И ныне, вот, разыгралась та битва, слава о которой все еще велика.

Громко и далеко раздавался рев рогов, а также удары копий, могучие взмахи булав и быстрый лязг мечей. Один раз, когда англичане бросались вперед, другой, когда они отступали; один раз, когда люди из-за моря бросались вперед, а в другой раз снова отступали. Норманны закричали "Dex aie", английский народ "Вон!". Затем последовали хитрые маневры, грубые удары копьями и саблями среди сержантов и солдат, как англичан, так и норманнов.

"Когда англичане падают, норманны кричат. Каждая сторона насмехается и бросает вызов другой, но ни одна не знает, что говорит другая; и норманны говорят по-английски, потому что не понимают их речи.

"Одни становятся сильными, другие слабыми: храбрые ликуют, но трусы трепещут, как люди, которые сильно встревожены. Норманны идут в атаку, а англичане хорошо защищают свой пост: они пробивают кольчуги и раскалывают щиты, принимают и возвращают мощные удары. И снова одни устремляются вперед, другие уступают; и так по-разному продолжается борьба. На равнине был ров, который норманны теперь оставили у себя за спиной, пройдя его в бою, не обратив на него внимания. Но англичане бросились в атаку и гнали норманнов перед собой, пока не заставили их отступить к этому рву, сбросив в него лошадей и людей. Можно было видеть, как многие падали там, перекатываясь друг через друга, лицом к земле и не в силах подняться. Там же погибли и многие из англичан, которых норманны увлекли за собой. Ни разу в течение дневного сражения не погибло столько норманнов, сколько погибло в том рву. Так говорили те, кто видел мертвых.

"Слуги, приставленные охранять упряжь, начали покидать ее, когда увидели потери французов, отброшенных ко рву, не имея сил опомниться. Будучи сильно встревожены, увидев, как трудно восстановить порядок, они начали сбрасывать упряжь и оглядываться по сторонам, не зная, где найти укрытие. Тогда брат герцога Вильгельма, Одо, добрый священник, епископ Байе,

подскакал галопом и сказал им: "Стойте крепко! стойте крепко! будьте спокойны и не двигайтесь! ничего не бойтесь, ибо, если Богу будет угодно, мы еще победим". Итак, они набрались храбрости и остались отдыхать там, где были; а Одо галопом вернулся туда, где битва была самой ожесточенной, и оказал большую услугу в тот день. Он надел кольчугу поверх белого халата, широкого в туловище, с туго затянутым рукавом, и восседал на белом коне, чтобы все могли его узнать. В руке он держал булаву, и везде, где видел наибольшую необходимость, он останавливал рыцарей и часто подбивал их атаковать врага.

"С девяти часов утра, когда началось сражение, и до трех часов дня битва шла то вверх, то вниз, то туда, и никто не знал, кто победит и завоюет эту землю. Обе стороны стояли так стойко и сражались так хорошо, что никто не мог угадать, какая из них одержит верх. Нормандские лучники из своих луков обрушили на англичан плотный огонь; но те прикрылись щитами, так что стрелы не могли долететь до их тел и причинить никакого вреда, как бы метко они ни целились и как бы метко ни стреляли. Тогда норманны решили пускать свои стрелы вверх, в воздух, чтобы они падали на головы своих врагов и поражали их лица. Лучники приняли этот план и выстрелили в воздух в сторону англичан; и стрелы, падая, поразили их головы и лица и у многих выбили глаза; и все боялись открыть глаза или оставить свои лица незащищенными.

Теперь стрелы летели гуще, чем дождь перед ветром; быстро летели древки, которые англичане называли "вибетес". Затем стрела, пущенная таким образом вверх, попала Гарольду над правым глазом и выбила его. В агонии он вытащил стрелу и отбросил ее, сломав руками; и боль в голове его была так сильна, что он оперся на свой щит. Поэтому англичане имели обыкновение говорить и до сих пор говорят французам, что стрела, пущенная против их короля, была метко пущена; и что лучник снискал им великую славу, выбив Гарольду глаз.

"Норманны видели, что англичане хорошо защищались и были настолько сильны на своей позиции, что мало что могли против них сделать. Поэтому они тайно посовещались и договорились отступить и притвориться, что бегут, пока англичане не начнут преследование и не рассеются по полю боя; ибо они видели, что если им удастся однажды заставить своих врагов сломать свои ряды, на них будет гораздо легче напасть и привести в замешательство. Как они сказали, так они и сделали. Норманны мало-помалу бежали, англичане преследовали их. Когда один отступал, другой наступал следом; и когда французы отступали, англичане думали и кричали, что французы бежали и никогда не вернутся.

Таким образом, они были обмануты притворным бегством, и тем самым их постигло большое зло; ибо, если бы они не двинулись со своих позиций, маловероятно, что они вообще были бы побеждены; но, как глупцы, они сломали свои ряды и преследовали.

Было видно, как норманны продолжали свою стратегию, медленно отступая, чтобы еще больше увлечь англичан вперед. Пока они все еще убегают, англичане преследуют их; они выставляют свои копья и обнажают топоры, преследуя норманнов, когда те уходят, радуясь успеху своего плана, и рассеиваются по равнине. А англичане тем временем глумились и оскорбляли своих врагов словами. "Труссы, - кричали они, - вы пришли сюда в недобрый час, желая заполучить наши земли и стремясь завладеть нашей собственностью, глупцы, что вы пришли! Нормандия находится слишком далеко, и вам будет нелегко добраться до нее. Бежать назад бесполезно; если вы не сможете переплыть море одним прыжком или выпить его досуха, ваши сыновья и дочери потеряны для вас.

"Норманны терпели все это, но на самом деле они не знали, что говорят англичане: их язык казался им лаем собак, которого они не могли понять. Наконец они остановились и повернулись, решив восстановить свои ряды; и можно было услышать, как бароны кричали "Dex aie!", требуя остановки. Затем норманны заняли прежнюю позицию, повернувшись лицом к врагу; и было видно, как их люди оборачиваются и устремляются вперед, к новой РУКОПАШНОЙ СХВАТКЕ; одна сторона нападает на другую; этот человек наносит удар, другой продвигается вперед. Один бьет, другой промахивается; один летит, другой преследует; один нацеливает удар, в то время как другой наносит его. Норман снова борется с англичанином и наносит свои удары заново. Один бежит, другой быстро преследует: сражающихся много, равнина широка, битва и РУКОПАШНАЯ жестока. Со всех сторон они дерутся изо всех сил, удары тяжелы, и борьба становится ожесточенной.

"Норманны хорошо играли свою роль, когда к ним примчался английский рыцарь, имея в своем отряде сотню человек, вооруженных различным оружием. Он орудовал северным топориком с лезвием в целый фут длиной и был хорошо вооружен в своей манере, будучи высоким, смелым и с благородной осанкой. В самом центре сражения, где норманнов было больше всего, он прыгнул быстрее оленя, и многие норманны пали перед ним и его отрядом. Он бросился прямо на норманна, который был вооружен и ехал верхом на боевом коне, и попытался своим стальным топориком расколоть его шлем; но удар не удался, и острое лезвие скользнуло ниже луки седла, пронзив шею коня до земли, так что и конь, и хозяин упали на землю вместе. Я не знаю, нанес ли англичанин еще один удар; но норманны, видевшие этот удар, были поражены и уже собирались прекратить атаку, когда Роджер де Монгомери подскакал галопом с занесенным копьем и, не обращая внимания на топор с длинной рукоятью, который англичанин занес над головой, сразил его и оставил распростертым на земле. Тогда Роджер закричал: "Французы, бейте! день за нами!" - и снова началась жестокая РУКОПАШНАЯ СХВАТКА, сопровождавшаяся многочисленными ударами копий и мечей; англичане все еще защищались, убивая лошадей и круша щиты.

"Там был французский солдат с благородной внешностью, который галантно сидел на лошади. Он заметил двух англичан, которые также вели себя смело. Они оба были очень ценными людьми, стали товарищами по оружию и сражались вместе, один защищал другого. У них были два длинных и широких клюва, и они причиняли большой вред норманнам, убивая как лошадей, так и людей. Французский солдат посмотрел на них и их счета и сильно встревожился, потому что боялся потерять своего доброго коня, лучшего, что у него было, и охотно переметнулся бы к кому-нибудь другому, если бы это не выглядело как трусость. Вскоре, однако, он собрался с духом, пришпорил коня, отдал ему уздечку и быстро поскакал вперед. Опасаясь двух ударов, он поднял свой щит и ударил одного из англичан копьем в грудь, так что железо вышло у него из спины; в тот момент, когда он упал, копье сломалось, и французы схватили булаву, висевшую у него на правом боку, и нанесли другому англичанину удар, который полностью проломил ему череп.

"С другой стороны был англичанин, который сильно раздражал французов, постоянно нападая на них с острым топором. У него был деревянный шлем, который он прикрепил к своему плащу и завязал на шее, чтобы никакие удары не достигали его головы. Опустошение, которое он творил, было замечено доблестным нормандским рыцарем, который ехал верхом на коне, которого ни огонь, ни вода не могли остановить, когда его хозяин подгонял его. Рыцарь пришпорил коня, и тот быстро понес его вперед, пока он не бросился на англичанина, ударив

его по шлему, так что тот упал ему на глаза; и когда он протянул руку, чтобы поднять его и открыть лицо, норманн отсек ему правую руку, так что его топор упал на землю. Другой нормандец прыгнул вперед и нетерпеливо схватил добычу обеими руками, но не удержал ее на месте и дорого заплатил за это, потому что, когда он наклонился, чтобы поднять топор, англичанин своим топором с длинной рукоятью ударил его по спине, сломав все кости, так что внутренности и легкие вырвались наружу. Рыцарь доброго коня тем временем вернулся невредимым; но по дороге он встретил другого англичанина и повалил его под своим конем, тяжело ранив и совсем растоптав ногами.

"И вот уже послышался громкий лязг и клич битвы, а также лязг копий. Англичане твердо стояли на своих баррикадах и потрясали копьями, разбивая их вдребезги своими клювами и булавами. Норманны обнажили мечи и разрушили баррикады, а англичане в большом смятении отступили к своему знамени, где были собраны искалеченные и раненые.

"В Чаузе было много рыцарей, которые участвовали в рыцарских поединках и предпринимали атаки. Англичане не знали, как устраивать рыцарские поединки или носить оружие верхом, но сражались топорами и палицами. Человек, когда он хотел нанести удар одним из своих топориков, был вынужден держать его обеими руками и не мог в одно и то же время, как мне кажется, одновременно прикрываться и наносить удары с какой-либо свободой.

"Англичане отступили к знамени, стоявшему на возвышенности, а норманны последовали за ними через долину, атакуя их пешими и конными. Затем Гюэ де Мортимер с семьями Д'Увильер, Д'Онебак и Сен-Клер подъехали и атаковали, многих опрокинув.

"Роберт Фиц Эрнейс приготовил свое копье, взял щит и, подскакав к знамени, своим острым мечом поразил англичанина, который был впереди, убил его, а затем, выхватив меч, атаковал многих других и устремился прямо к знамени, пытаясь сбить его, но англичане окружили его и убили своими клювами. Он был найден на месте, когда они впоследствии искали его, мертвым, лежащим у подножия штандарта.

"Герцог Вильгельм вплотную приблизился к англичанам со своим копьем, изо всех сил стараясь дотянуться до штандарта возглавляемого им огромного отряда и усердно разыскивая Гарольда, из-за которого шла вся война. Норманны следуют за своим повелителем и теснятся вокруг него; они обрушивают свои удары на англичан; и те стойко защищаются, яростно сражаясь со своими врагами, отвечая ударом на удар.

"Один из них был человеком огромной силы, борцом, который причинил большое зло норманнам своим топором; все боялись его, потому что он сразил великое множество норманнов. Герцог пришпорил своего коня и замахнулся на него, но тот прыгнул и таким образом избежал удара; затем, отпрыгнув в сторону, он занес свой топор, и когда герцог наклонился, чтобы уклониться от удара, англичанин смело ударил его по голове и пробил шлем, хотя и не причинив особого вреда. Однако он был очень близок к падению, но, удержавшись на стремях, тотчас же пришел в себя; и когда он подумал, что отомстил мужлану, убив его, тот убежал, испугавшись удара герцога. Он побежал обратно к англичанам, но даже там он не был в безопасности, потому что норманны, увидев его, погнались и поймали его; и, пронзив его насквозь своими копьями, оставили его мертвым на земле.

"Там, где ожесточенность сражения была наибольшей, воины Кента и Эссекса сражались на удивление хорошо и заставили норманнов снова отступить, но не причинили им большого

вреда. И когда герцог увидел, что его люди отступили, а англичане торжествуют над ними, его дух воспрянул, и он схватил свой щит и копье, которые вручил ему вассал, и занял свой пост у своего штандарта.

Тогда те, кто держал его на страже и ехал там, где ехал он, - около тысячи вооруженных людей, - пришли и сомкнутыми рядами бросились на англичан; и весом своих добрых лошадей и ударами рыцарей сломили натиск врага и рассеяли толпу перед ними, а добрый герцог вел их впереди. Многие преследовались и многие бежали; много было англичан, которые падали вокруг и были затоптаны лошадьми, ползали по земле и не могли подняться. Многие из самых богатых и знатных людей пали в этом разгроме, но англичане все еще кое-где сплывались; поражали тех, до кого добирались, и поддерживали бой, как могли; избивали людей и убивали лошадей. Один англичанин подкараулил герцога и замыслил убить его; он хотел ударить его копьем, но не смог, потому что герцог ударил его первым и повалил на землю.

"Теперь был громкий шум и великая резня; тогда многие души покинули тела, в которых они обитали. Живые маршировали по грудам мертвых, и каждая сторона устала наносить удары. Он атаковал, кто мог, а тот, кто больше не мог наносить удары, все еще продвигался вперед. Сильный боролся с сильным; одни терпели неудачу, другие торжествовали; трусы отступали, храбрые наступали; и печальна была участь того, кто пал в середине, ибо у него было мало шансов подняться снова; и многие, по правде говоря, пали, которые вообще никогда не поднимались, будучи раздавленными толпой.

И вот норманны продвинулись так далеко, что наконец достигли штандарта. Там остался Гарольд, защищаясь изо всех сил; но он был тяжело ранен стрелой в глаз и испытывал невыносимую боль от удара. В гущу сражения ворвался вооруженный человек и ударил его по отвороту шлема, сбив с ног; и пока он пытался прийти в себя, рыцарь снова сбил его с ног, ударив по толстой поверхности бедра, до кости.

Гурт видел, что англичане падают, и что выхода нет. Он видел, что его род приближается к гибели, и отчаялся в какой-либо помощи; он хотел бежать, но не мог, потому что толпа постоянно увеличивалась, и герцог продвигался вперед, пока не добрался до него и ударил его с большой силой. Умер ли он от этого удара, я не знаю, но говорили, что он упал под ним и больше не поднялся.

"Знамя было сбито, золотой штандарт взят, а Гарольд и лучшие из его друзей убиты; но вокруг было так много рвения и толпы так много людей стремились убить его, что я не знаю, кто именно убил его.

Англичане были в большом затруднении из-за того, что потеряли своего короля, а герцог одержал победу и спустил знамя; но они все еще продолжали сражаться и защищались долго, фактически до тех пор, пока день не подошел к концу. Тогда всем стало ясно, что знамя потеряно, и по армии распространилась весть, что Гарольд наверняка мертв; и все увидели, что надежды больше нет, поэтому они покинули поле боя, а те бежали, кто мог.

"Уильям сражался хорошо; много атак он возглавлял, много ударов наносил и много получал, и многие пали мертвыми от его руки. Две лошади были убиты под ним, и он взял третью в случае нужды, чтобы та не упала на землю; и он не потерял ни капли крови. Но что бы кто ни делал, и кто бы ни жил или умер, несомненно, что Вильгельм победил, и что многие англичане бежали с поля боя, и многие погибли на месте. Затем он возблагодарил Бога и в своей гордыне приказал

принести свой штандарт и водрузить его там, где раньше стоял английский штандарт; и это было знаком того, что он победил и поверг врага. И он приказал поставить свой шатер на том месте, среди мертвых, и приказал принести туда его мясо, и приготовить там его ужин.

Тогда он снял свои доспехи; и пришли бароны и рыцари, пажи и оруженосцы, когда он снял тетику со своего щита; и они сняли шлем с его головы и кольчугу со спины и увидели тяжелые удары по его щиту и то, как вдавился в него шлем. И все очень удивились и сказали: "Такой барон никогда не ездил верхом на боевом коне, не наносил таких ударов и не совершал таких ратных подвигов; и не было на земле такого рыцаря со времен Роллана и Оливье".

"Таким образом, они очень хвалили и превозносили его и радовались тому, что видели; но скорбели также и о своих друзьях, погибших в битве. А герцог тем временем стоял среди них благородного роста и с благородной осанкой; и возносил благодарность королю Славы, благодаря которому он одержал победу; и благодарил окружавших его рыцарей, также часто оплакивая погибших. И он ел и пил среди мертвых, и постелил себе постель в ту ночь на поле.

Наутро было воскресенье; и те, кто спал на поле битвы, нес вахту вокруг и испытывал сильную усталость, поднялись с рассветом, разыскали и похоронили те тела своих погибших друзей, которые смогли найти. Знатные дамы страны тоже приезжали, одни в поисках своих мужей, а другие - своих отцов, сыновей или братьев. Они отнесли тела в свои деревни и похоронили их в церквях; и чиновники и священники страны были готовы и по просьбе своих друзей забрали найденные тела, приготовили могилы и положили их в них.

"Короля Гарольда перенесли и похоронили в Вархаме; но я не знаю, кто перенес его туда, и я не знаю, кто его похоронил. Многие остались на поле боя, и многие бежали ночью".

Таков нормандский отчет о битве при Гастингсе, который в полной мере отдает должное доблести саксов, а также мастерству и храбрости победителей. [На предыдущих страницах я свел воедино "пурпурный паннос" старого хрониста. При этом я в значительной степени воспользовался версией м-ра Эдгара Тейлора той части "Романа Ру", в которой описывается завоевание. Приводя гравюры с гобеленов Байе и превосходные заметки, мистер Тейлор во многом повысил ценность и интересность своей книги.] Действительно, очевидно, что поражение англичан в битве было вызвано ранением, которое Гарольд получил днем и которое, должно быть, лишило его возможности эффективно командовать. Если мы вспомним, что он сам только что выиграл битву при Стэмфорд Бридж у Харальда Хардрады маневром притворного бегства, невозможно предположить, что он мог быть обманут той же стратагемой со стороны норманнов при Гастингсе. Но его люди, лишённые его контроля, вполне естественно, были бы увлечены своим необдуманном рвением в погоню, которая оказалась для них столь фатальной. Все повествования о битве, как бы сильно они ни различались относительно точного времени и способа гибели Гарольда, восхваляют полководческие способности и личную доблесть, которые он проявлял до тех пор, пока в него не попала роковая стрела. Мастерство, с которым он разместил свою армию, было доказано как резней, которой стоило норманнам форсирование позиции, так и отчаянным броском, который некоторые саксы предприняли после битвы в лесу в тылу, в ходе которого они отрезали большое количество преследующих их норманнов. Об этом обстоятельстве особо упоминает Вильгельм Пуатье, личный капеллан Завоевателя. Действительно, если бы Гарольд или кто-либо из его братьев выжил, остатки английской армии могли бы снова сформироваться в лесу и, по крайней мере, осуществить организованное отступление и продлить войну. Но и Гурт, и Леофвин, и все храбрейшие таны

Южной Англии лежали мертвыми на Сенлаке, вокруг своего павшего короля и поверженного знамени своей страны. Точное число убитых на стороне саксов неизвестно; но мы читаем, что на стороне победителей из шестидесяти тысяч человек, участвовавших в сражении, погибло не менее четверти: так хорошо английские счетоводы "нанесли ужасный удар" и так сурово саксонский боевой топор разрубил нормандский шлем и кольчугу. [Капеллан Завоевателя называет саксонские боевые топоры "saevissimas secures".] Старый историк Даниэль справедливо и убедительно замечает, [Как цитируется в "Иллюстрированной истории".] "Таким образом, на великом суде Божьем в битве было испробовано право силы между английским и нормандским народами; битва, самая запоминающаяся из всех других; и, какой бы жалкой ни была проигранная, все же Англия сражалась наиболее благородно".

В последующие годы было рассказано много трогательных легенд об обнаружении и захоронении трупа нашего последнего саксонского короля. Основные обстоятельства, хотя они и кажутся разными, возможно, приемлемы. [Смотрите их собрание в Lingard, т. i, стр. 452, и ДАЛЕЕ.; Thierry, т. i, стр. 299; Sharon Turner, Т. i, стр. 82; и Histoire de Normandie par Lieguet, стр. 242.] Двое монахов Уолтемского аббатства, которое Гарольд основал незадолго до своего избрания на трон, сопровождали его в битве. На следующее утро после резни они умоляли Завоевателя и получили разрешение на поиски тела своего благодетеля. Нормандские солдаты и сопровождающие их в лагере раздели убитых и нанесли им раны; и два монаха тщетно пытались разглядеть в окружавших их изуродованных и окровавленных кучах черты своего бывшего короля. Они послали за любовницей Гарольда, Эдит, по прозвищу "Прекрасная" и "С лебединой шеей", чтобы та помогла им. Око любви оказалось острее ока благодарности, и саксонская леди даже в этой Асельдаме узнала своего Гарольда.

Мать короля теперь искала победоносного норманна и просила отдать ей мертвое тело ее сына. Но Уильям сначала ответил в своем гневе и в жестокосердии, что у человека, который был неверен своему слову и своей религии, не должно быть другой могилы, кроме прибрежного песка. Он добавил с насмешкой: "Гарольд нес охрану на побережье, пока был жив; он может продолжить свою охрану и теперь, когда мертв". Эта насмешка была непреднамеренным панегириком, и могила, омываемая брызгами волн Сассекса, стала бы самым благородным местом захоронения мученика саксонской свободы. Но мать Гарольда была настойчива в своих причитаниях и молитвах: Победитель смягчился: подобно Ахиллесу, он уступил мертвое тело своего поверженного врага родительским мольбам; и останки короля Гарольда были с королевскими почестями захоронены в Уолтемском аббатстве.

На Рождество того же года Вильгельм Завоеватель был коронован в Лондоне королем Англии.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При ГАСТИНГСЕ, 1066 год н.э., И ПОБЕДОЙ ЖАННЫ Д'АРК При ОРЛЕАНЕ, 1429 год.

1066-1087 гг. н.э. Правление Вильгельма Завоевателя. Частые восстания англичан против него, которые подавляются с беспощадной суровостью.

1096. Первый крестовый поход.

1112. Начало споров об инвеститурах между императорами и папами.

1140. Основание города Любек, откуда зародился Ганзейский союз. Начало междоусобиц в Италии между гвельфами и гибеллинами.

1146. Второй крестовый поход.

1154. Генрих II становится королем Англии. При нем Томас Бекет становится архиепископом Кентерберийским: первый случай, когда представитель саксонской расы был возведен на высокий пост в Церкви или государстве со времен Завоевания.

1170. Стронгбоу, граф Пембрук, высаживается с английской армией в Ирландии.

1189. Ричард Львиное сердце становится королем Англии. Он и король Франции Филипп Август присоединяются к третьему крестовому походу.

1199-1204. После смерти короля Ричарда его брат Джон заявляет права на Англию, Нормандию и другие крупные континентальные владения первых принцев Плантагенетов и объявляет себя их хозяином. Филипп Август поддерживает принца Артура, племянника Джона, выступающего против него. Артур убит, но французский король продолжает войну против Иоанна и отвоевывает у него Нормандию, Бретань, Анжу, Мэн, Турень и Пуатье.

1216. Бароны, свободные землевладельцы, граждане и йомены Англии восстают против тирании Иоанна и его иностранных фаворитов. Они заставляют его подписать Великую хартию вольностей. Это начало нашей национальности: ибо наша история с этого времени и далее - это история национальной жизни, завершенной на тот момент и продолжающей существовать. Вся английская история до этого периода - это просто история элементов, их столкновений и процессов их слияния. Более столетия после Завоевания англо-нормандцы и англосаксы держались в стороне друг от друга: один - с надменным презрением, другой - с угрюмым отвращением. Это были два народа, хотя и жившие на одной земле. Только в тринадцатом веке, в период правления Иоанна, его сына и внука, мы можем заметить наличие у них какого-либо общего чувства патриотизма. Но, изучая историю этих царствований, мы больше не читаем о старых раздорах. Саксонец больше не участвует в гражданской войне против норманна; норманн больше не презирает язык сакса и не отказывается носить вместе с ним имя англичанина. Ни одна часть сообщества не считает себя иностранцами по отношению к другой части. Они чувствуют, что все они - один народ, и они научились объединять свои усилия для достижения общей цели защиты прав и содействия всеобщему благосостоянию. Удачная потеря герцогства Нормандия в правление Иоанна в значительной степени способствовала возникновению этих новых чувств. С тех пор единственные дома наших баронов были в Англии. Один язык в царствование Генриха III стал языком страны; и он также тогда принял ту форму, в которой мы им владеем до сих пор. Один закон, в глазах которого все свободные люди равны без различия расы, был смоделирован, неуклонно соблюдался и до сих пор продолжает составлять основу нашей судебной системы. [Учебник Конституции Кризи, стр. 4.]

1273. Рудольф Габсбургский избран императором Германии.

1283. Эдуард I. завоевывает Уэльс.

1346. Эдуард III вторгается во Францию и выигрывает битву при Кресси.

1356. Битва при Пуатье.

1360. Бретинский мирный договор между Англией и Францией. По нему Эдуард III. отказывается от своих притязаний на французскую корону. Международный договор плохо соблюдается, и между вооруженными силами двух стран продолжаются нерешительные боевые действия.

1414. Генрих V Английский претендует на корону Франции и решает вторгнуться в это королевство и завоевать его. В это время Франция находилась в самом прискорбном состоянии слабости и страданий из-за фракций, бушевавших среди ее знати, и из-за жестоких притеснений, которые соперничающая знать применяла к массам общества. "Люди были измучены налогами, гражданскими войнами и военными казнями; и они впали в то худшее из всех состояний ума, когда независимость чьей-либо страны больше не считается первостепенной и священной целью. "Что англичане могут сделать с нами хуже того, что мы терпим от рук наших собственных принцев?" - было распространенным восклицанием среди бедняков Франции". [Иллюстрированная история. из Англии, том i, стр. 28.]

1415. Генрих вторгается во Францию, берет Арфлер и выигрывает великую битву при Азенкуре.

1417-1419. Генрих завоевывает Нормандию. Французский дофин убивает герцога Бургундского, самого могущественного из французской знати, в Монтеро. Преемник убитого герцога становится активным союзником англичан.

1420. Труаский мирный договор заключен между Генрихом V Английским, Карлом VI Французским и Филиппом, герцогом Бургундским. Этим договором было предусмотрено, что Генрих должен жениться на принцессе Франции Екатерине; что король Карл при жизни должен сохранять титул и достоинство короля Франции, но что Генрих должен стать его преемником, и ему сразу же должно быть поручено управление правительством, и что французская корона должна перейти к наследникам Генриха; что Франция и Англия должны быть навсегда объединены под властью одного короля, но при этом должны по-прежнему сохранять свои некоторые обычаи и привилегии; что все принцы, пэры, вассалы и общины Франции должны присягнуть на верность Генриху как своему будущему королю и должны повинуться ему в настоящее время как регенту; чтобы Генрих объединил свои силы с силами короля Карла и герцога Бургундского, чтобы усмирить сторонников Карла, мнимого дофина; и чтобы эти три принца не заключали перемирия или мира с дофином иначе, как с общего согласия всех троих.

1421. Генрих V. одерживает несколько побед над французами, которые отказываются признавать мирный договор в Труа. Родается его сын, впоследствии Генрих VI.

1422. Генрих V и Карл VI. Короли Франции умирают. Генрих VI. провозглашен в Париже королем Англии и Франции. Сторонники французского дофина провозглашают его Карлом VII, королем Франции. Герцог Бедфорд, английский регент во Франции, побеждает армию дофина при Криване.

1424. Герцог Бедфорд одерживает великую победу при Вернее над французскими партизанами дофина и их шотландскими союзниками.

1428. Англичане начинают осаду Орлеана.

ГЛАВА IX. ПОБЕДА ЖАННЫ Д'АРК Над АНГЛИЧАНАМИ При ОРЛЕАНЕ, н. э.

1429.

"Взоры всей Европы были обращены к этой сцене; где, как разумно предполагалось, французы должны были дать свой последний бой за сохранение независимости своей монархии и прав своего; суверена" — ЮМ.

Когда после победы при Саламине военачальники различных греческих государств выбирали награды за выдающиеся личные заслуги, каждый присвоил первое место себе, но все они согласились отдать свои вторые голоса Фемистоклу. [Плутарх, Вит. Их. 17.] Это рассматривалось как решающее доказательство того, что Фемистокла следует поставить на первое место. Если бы мы попытались с помощью аналогичного теста установить, какая европейская нация внесла наибольший вклад в прогресс европейской цивилизации, мы бы обнаружили Италию, Германию, Англию и Испанию, каждая из которых претендует на первую степень, но каждая также называет Францию следующей по заслугам. Невозможно отрицать ее первостепенное значение в истории. Помимо огромной роли, которую она на протяжении почти трех столетий играла в качестве Беллоны европейского содружества государств, ее влияние в течение всего этого периода на искусство, литературу, нравы и чувства человечества было таким, что кризис ее прежних состояний стал предметом всемирного интереса; и можно без преувеличения утверждать, что будущая карьера каждой нации была связана с результатом борьбы, посредством которой бессознательная героиня Франции в начале пятнадцатого века спасла свою страну от превращения во вторую Ирландию под игом торжествующей Англии.

Редко угасание независимости нации казалось более неизбежным, чем это было во Франции, когда английские захватчики завершили оборону вокруг орлеана четыреста двадцать три года назад. Серия ужасных поражений поредела в рыцарстве Франции и подорвала дух ее солдат. В ее столице был провозглашен иностранный король, и иностранные армии, состоявшие из самых храбрых ветеранов и возглавляемые самыми способными военачальниками, известных тогда в мире, заняли самые красивые участки ее территории. Для нее даже хуже, чем свирепость и сила ее врагов, были фракции, пороки и преступления ее собственных детей. Ее родной принц был распутным ничтожеством, запятнанным убийством самого могущественного дворянина страны, чей сын в отместку вступил в союз с врагом. Многие другие представители ее знати, многие из ее прелатов, магистратов и правителей присягнули на верность английскому королю. Положение крестьянства на фоне всеобщего распространения анархии и разбоя, которые добавлялись к обычным опустошениям противоборствующих армий, было плачевным, описать которое невозможно. Чувство ужаса и страдания, казалось, распространилось даже на это грубое создание.

"По правде говоря, положение Франции было тогда самым жалким. Не было ничего, кроме ужасного лица, растерянности, бедности, запустения, одиночества и страха. Тощие и голые труженики в деревне наводили ужас даже на самих евреев, у которых не осталось ничего, что

можно было бы испортить, кроме трупов этих бедных жалких созданий, бродивших взад и вперед, как призраки, восставшие из могил. Малейшие фермы и селения были укреплены этими разбойниками, англичанами, бургундцами и французами, каждый стремился сделать все, что в его силах; все военные были единодушны в том, чтобы грабить соотечественников и купцов. ДАЖЕ КЕТТЕЛЛЫ, ПРИВЫКШИЕ К ЗВУКУ ЛАРУМСКОГО КОЛОКОЛА, СИГНАЛУ ПРИБЛИЖЕНИЯ ВРАГА, САМИ ПОБЕЖАЛИ БЫ ДОМОЙ БЕЗ КАКОГО-ЛИБО ПОВОДЫРЯ, РУКОВОДСТВУЯСЬ ЭТИМ ПРИВЫЧНЫМ НЕСЧАСТЬЕМ ". [Де Серр, цитируется в примечаниях к "Жанне д' Арк" Саути.]

Осенью 1428 года англичане, которые уже были хозяевами всей Франции к северу от Луары, готовили свои силы для завоевания южных провинций, которые все еще придерживались дела дофина. Город Орлеан, расположенный на берегах этой реки, считался последним оплотом французской национальной партии. Если бы англичанам удалось однажды завладеть им, их победоносное продвижение по остаткам королевства казалось бы свободным от каких-либо серьезных препятствий. Соответственно, граф Солсбери, один из храбрейших и опытнейших английских генералов, прошедший подготовку при Генрихе V, двинулся на приступ важнейшего города; и, захватив несколько менее значительных мест по соседству, появился со своей армией под его стенами 12 октября 1428 г.

Сам город Орлеан находился на северном берегу Луары, но его пригороды простирались далеко на южном берегу, и прочный мост соединял их с городом. Укрепление, которое в современном военном обиходе называлось бы тет-дю-пон, защищало верхнюю часть моста с южной стороны, а две башни, называемые Турелями, были построены на самом мосту, где он покоился на острове на небольшом расстоянии от тет-дю-пон. Действительно, сплошная каменная кладка моста заканчивалась у Туреля, и сообщение оттуда с тет-дю-поном на южном берегу осуществлялось посредством подъемного моста. Турель и тет-дю-пон вместе составляли сильный укрепленный пункт, способный содержать гарнизон значительной силы; и пока им владели орлеанцы, они могли свободно общаться с южными провинциями, жители которых, как и сами орлеанцы, поддерживали дело своего дофина против иностранцев. Лорд Солсбери справедливо расценил взятие Туреля как наиболее существенный шаг на пути к разрушению самого города. Соответственно, он направил свои основные операции против этого поста и после нескольких серьезных отражений 23 октября взял Турель штурмом. Французы, однако, разрушили ту часть моста, которая была ближайшей к северному берегу, и таким образом сделали невозможным прямое наступление на город со стороны Турелей. Но овладение этим постом позволило англичанам сильно огорчить город пушечной батареей, которую они установили там и которая господствовала над некоторыми из главных улиц.

Юмом было замечено, что это первая осада, в которой, по-видимому, сколь-либо существенно использовалась артиллерия. И даже в Орлеане как осаждающие, так и осажденные, по-видимому, использовали свои пушки больше как орудия разрушения людей противника, чем как механизмы разрушения стен и укреплений противника. Турки научили Европу эффективности пушек при разрушении прочной каменной кладки через несколько лет после варда, во время памятной осады Константинополя. В наших французских войнах, как и в войнах классических народов, голод рассматривался как самое верное оружие для принуждения к покорности города, окруженного крепкими стенами, и главной целью осаждающих было произвести полный обход. Огромная протяженность стен Орлеана и удобства, которые река давала для получения помощи и припасов, сделали захват этого места таким способом делом очень трудным. Тем не менее, лорд Солсбери и лорд Саффолк, сменившие его на посту

командующего англичанами после его гибели от пушечного ядра, провели необходимые работы с большим мастерством и решимостью. Шесть сильно укрепленных постов, называемых бастилиями, были установлены через определенные промежутки времени вокруг города, и целью английских инженеров было провести между ними прочные рубежи. В течение зимы с укреплениями был достигнут незначительный прогресс, но когда наступила весна 1429 года, англичане с удвоенной активностью возобновили свои работы; сообщение между городом и деревней стало более затруднительным, и приближение нужды уже начало ощущаться в Орлеане.

Силы осаждающих также с трудом справлялись с припасами, пока не почувствовали облегчение благодаря блестящей победе, которую сэр Джон Фастольф, один из лучших английских генералов, одержал при Рувре, недалеко от Орлеана, через несколько дней после Пепельной среды 1429 года. Имея всего шестнадцать сотен бойцов, сэр Джон полностью разгромил четырехтысячную армию французов и шотландцев, которая была собрана с целью оказания помощи орлеанцам и преследования осаждающих. После этого столкновения, которое, казалось, окончательно подтвердило превосходство англичан в бою над их противниками, Фастальф доставил большие запасы провизии в лагерь Саффолка, и настроение англичан поднялось до высшей точки при мысли о скором взятии города на их глазах и последующем подчинении всей Франции их оружию.

Орлеанцы, оказавшиеся в бедственном положении, предложили передать город в руки герцога Бургундского, который, хотя и был союзником англичан, все же был одним из их родных принцев. Регент Бедфорд отказался от этих условий, и скорейшее подчинение города англичанам казалось неизбежным. Дофин Карл, который находился сейчас в Шиноне со своим остатком двора, отчаялся продолжать борьбу за свою корону, и только более мужественный дух его любовницы и королевы помешал ему покинуть страну. И все же ни они, ни самый смелый из военачальников Карла, не смогли бы указать ему, где найти ресурсы для продолжения войны; и менее всего какой-либо человеческий опыт мог предсказать, откуда в Орлеан и во Францию придет помощь.

В деревне Домреми, на границе Лотарингии, жил бедный крестьянин по имени Жак д'Арк, уважаемый по своему положению и воспитавший семью в добродетельных привычках и строжайшей набожности. Его старшую дочь родители называли Жаннет, но французы называли ее Жанной, что было латинизировано в Джоанна, а по-английски - Джоан. ["Respondit quod in partibus suis vocabatur Johanneta, et postquam venit in Franciam vocata est Johanna."—PROCES DE JEANNE D'ARC, vol i. p. 46.]

В то время, когда Джоан впервые привлекла к себе внимание, ей было около восемнадцати лет. От природы она была впечатлительной натурой, которую усердное изучение легенд о святых и сказок о феях, а также мечтательное одиночество, в котором она жила, ухаживая за стадами своего отца, сделали особенно склонной к пылкому энтузиазму. В то же время она отличалась благочестием и чистотой души, а также сострадательной мягкостью к больным и страждущим.

[Саути в одной из речей, которые он вкладывает в уста своей Жанны д'Арк, заставил ее красиво описать эффект, произведенный на нее пейзажем, в котором она жила:

"Здесь, в уединении и покое,
нянчилась моя душа, среди прекраснейших пейзажей

незагрязненной природы. Сладко было,
Когда рассеивались белые утренние туманы,
Видеть, как появляются лесистые вершины гор
Темный на раннем рассвете, и отмечающий его склон
цветами дрока, сияющими, когда восходящее солнце
заливает золотистую спелость все более ярким светом.
Приятно лечь в полдень у шумного ручья
и наблюдать за плывущими облаками,
И придавать форму диким подобиям Фантазии
Их постоянно меняющиеся формы; и о, как сладко
Вечером загонять свое стадо в загон,
спешить в нашу маленькую хижину и слышать, как
голос доброты приветствует меня дома!"

Единственным основанием для истории, рассказанной бургундским партизаном Монстрелетом и усыновленной Юмом, о том, что Жанна выросла служанкой в гостинице, является то обстоятельство, что однажды она вместе с остальными членами своей семьи была вынуждена на пятнадцать дней укрыться в гостинице в Нефшато, когда отряд бургундской кавалерии совершил вторжение в Домреми. (См. Ежеквартальный обзор, № 138.)]

Район, где она жила, сравнительно не пострадал от разрушений войны, но приближение бродячих отрядов бургундских или английских войск часто сеяло ужас по Домреми. Однажды деревня была разграблена кем-то из этих мародеров, и Жанну с семьей выгнали из дома и вынудили искать убежища на некоторое время в Нешато. Крестьянство в Домреми было в основном привязано к Орлеанскому дому и дофину; и все бедствия, которые пережила Франция, были там приписаны бургундской фракции и их союзникам, англичанам, которые стремились поработить несчастную Францию.

Таким образом, с младенчества до девичества Джоанна постоянно слышала о бедствиях войны и сама была свидетельницей некоторых из тех бедствий, которые она вызвала. Чувство сильного патриотизма росло в ней по мере ее взросления. Освобождение Франции от англичан было предметом ее мечтаний днем и снов по ночам. К этим устремлениям примешивались воспоминания о чудесном вмешательстве Небес в пользу угнетенных, о которых она узнала из легенд своей Церкви. Ее вера была несомненной, а молитвы - горячими. "Она не боялась никакой опасности, ибо не чувствовала в себе греха"; и в конце концов она поверила, что получила сверхъестественное вдохновение, которого искала.

Согласно ее собственному рассказу, переданному ею своим безжалостным инквизиторам во время ее пленения и приближающейся смерти, ей было около тринадцати лет, когда начались ее откровения. Ее собственные слова описывают их лучше всего: [Процесс о Жанне д'Арк, том I, стр. 52.] "В возрасте тринадцати лет к ней приблизился голос от Бога, чтобы помочь ей управлять собой, и этот голос донесся до нее примерно в полдень, по летнему времени, когда она была в саду своего отца. И она постилась накануне. И она услышала голос справа от себя, в направлении церкви; и когда она услышала голос, она также увидела яркий свет. Впоследствии ей явились святой Михаил, святая Маргарита и святая Екатерина. Они всегда были в ореоле славы; она могла видеть, что их головы были увенчаны драгоценными камнями; и она слышала

их голоса, которые были сладкими и кроткими. Она не различала их рук и конечностей. Она слышала их чаще, чем видела; и обычно она слышала их, когда церковные колокола призывали к молитве. И если бы она была в лесу, когда услышала их, то могла бы ясно различить их голоса, приближающиеся к ней. Когда ей показалось, что она различает Небесные Голоса, она опустила на колени и поклонилась до земли. Их присутствие радовало ее даже до слез; и после их ухода она плакала, потому что они не взяли ее с собой обратно в Рай. Они всегда говорили с ней успокаивающе. Они сказали ей, что Франция будет спасена, и что она должна спасти ее". Таковы были видения и Голоса, которые волновали душу тринадцатилетней девочки; и по мере того, как она становилась старше, они становились все более частыми и отчетливыми. Когда наконец весть об осаде Орлеана достигла Домреми, Жанна услышала, как ее родители и соседи говорили о страданиях его населения, о разорении, которое его взятие навлечет на их законного государя, и о бедственном положении дофина и его двора. Сердце Жанны было сильно встревожено при мысли о судьбе Орлеана, и теперь Голоса приказывали ей покинуть свой дом и предупреждали, что она - орудие, избранное Небом для изгнания англичан из этого города и для помазания дофина на царство в Реймсе. Наконец она сообщила родителям о своей божественной миссии и сказала им, что должна отправиться к сир де Бодрикуру, который командовал войсками в Вокулере и которому было поручено привести ее к королю, которого она должна была спасти. Ни гнев, ни горе ее родителей, которые сказали, что предпочли бы видеть ее утонувшей, чем подвергшейся заражению лагеря, не могли сдвинуть ее с намеченной цели. Один из ее дядей согласился отвезти ее в Вокулер, где де Бодрикур сначала подумал, что она сумасшедшая, и высмеял ее; но постепенно его убедили, если не в ее вдохновении, то, по крайней мере, в ее энтузиазме и в его возможной полезности для дела дофина.

Жители Вокулера были полностью привлечены на ее сторону благочестием и набожностью, которые она проявляла, а также ее твердой уверенностью в истинности своей миссии. Она сказала им, что такова Божья воля, чтобы она отправилась к королю, и что никто, кроме нее, не может спасти королевство Франция. Она сказала, что сама предпочла бы остаться со своей бедной матерью и прясть, но Господь велел ей уйти. Слава о "Служанке", как ее называли, слава о ее святости и ее миссии распространилась повсюду. Бодрикур отправил ее с эскортом в Шинон, где дофин Шарль коротал время. Голоса повелевали ей надеть оружие и одеяние рыцаря, и самые богатые жители Вокулера наперебой снабжали ее боевым конем, доспехами и мечом. Добравшись до Шинона, она после некоторой задержки была допущена к дофину. Карл намеренно оделся гораздо менее богато, чем были одеты многие из его придворных, и смешался с ними, когда представили Жанну, чтобы посмотреть, не обратится ли Святая Дева со своими увещеваниями не к тому человеку. Но она мгновенно выделила его и, опустившись перед ним на колени, сказала: "Благороднейший дофин, Король Небесный объявляет тебе через меня, что ты будешь помазан и коронован королем в городе Реймс и что ты будешь Его наместником во Франции". Черты его лица, вероятно, могли быть замечены ею ранее на портретах или были описаны ей другими; но сама она верила, что ее Голоса вдохновляли ее, когда она обращалась к королю; [Процесс о Жанне д'Арк, т. i., стр. 56.] и вскоре распространился слух, что Святая Дева чудом нашла короля; и это, наряду со многими другими подобными слухами, увеличило известность и влияние, которые она теперь быстро приобрела.

Состояние общественных настроений во Франции не благоприятствовало восторженной вере в Божественное вмешательство в пользу партии, которая до сих пор терпела неудачу и была угнетена. Унижения, выпавшие на долю французской королевской семьи и знати,

рассматривались как справедливый суд Божий над ними за их порок и нечестие. Считалось, что несчастья, обрушившиеся на Францию как нацию, были вызваны национальными грехами. Англичане, которые были орудиями Небесного гнева против Франции, теперь казались из-за своей гордыни и жестокости достойными объектами этого гнева. Франция в ту эпоху была глубоко религиозной страной. Было невежество, было суеверие, был фанатизм; но была Вера — Вера, которая сама творила настоящие чудеса, даже когда верила в нереальные. В это же время во Франции среди духовенства зародилось одно из тех религиозных движений, которые время от времени возникают в национальных Церквях, но историк не может назвать какую-либо адекватную человеческую причину для их непосредственной датировки или продолжения. Бесчисленные монахи и священники объезжали сельские округа и города Франции, проповедуя людям, что они должны искать у Небес избавления от грабежей солдат и наглости иностранных угнетателей. [См. Сисмонди, т. хiii, стр. 114; Мишле, т. v. Livre x.] Идея о Провидении, действующем только по общим законам, была совершенно чужда чувствам того времени. Считалось, что каждое политическое событие, равно как и каждое природное явление, является непосредственным результатом особого повеления Бога. Это привело к вере в то, что Его святые ангелы и угодники постоянно исполняли Его повеления и вмешивались в дела людей. Церковь поощряла эти чувства; и в то же время санкционировала; одновременное популярное поверье о том, что сонмы злых духов также всегда активно вмешивались в течение земных событий, с которыми колдуны и волшебницы могли объединиться и таким образом получить проявление сверхъестественной силы.

Таким образом, все благоприятствовало влиянию, которое Жанна приобретала как на друзей, так и на врагов. Французская нация, так же как англичане и бургундцы, с готовностью признавала, что ее вдохновляли сверхчеловеческие существа: единственный вопрос заключался в том, были ли эти существа добрыми или злыми ангелами; принесла ли она с собой "воздух с небес или взрывы из ада". Ее соотечественникам казалось, что этот вопрос решен решительно в ее пользу благодаря суровой святости ее жизни, святости ее разговора, но, еще больше, благодаря ее образцовому вниманию ко всем службам и обрядам Церкви. Поначалу дофин опасался ущерба, который мог быть нанесен его делу, если бы он подставился под обвинение в том, что вступил в союз с колдуньей. Поэтому были применены все мыслимые проверки, чтобы установить ортодоксальность и чистоту Джоан вне подозрений. Наконец Карл и его советники почувствовали себя в безопасности, приняв ее услуги как истинной и добродетельной дочери Святой Церкви.

Вполне вероятно, что сам Карл и некоторые из его советников, возможно, подозревали Жанну в простом энтузиазме; и несомненно, что Дюнуа и другие лучшие генералы проявляли значительную свободу действий, подчиняясь военным приказам, которые она отдавала, или отклоняясь от них. Но над массой народа и солдат ее влияние было безграничным. Пока Карл, его доктора богословия и придворные дамы обсуждали вопрос о признании или увольнении Служанки, прошел значительный период, в течение которого небольшая армия, последние остатки, как казалось, английского меча, была собрана в Блуа под командованием Дюнуа, Ла Гира, Сентрайля и других вождей, которые к своей природной доблести теперь начинали соединять мудрость, которой учит несчастье. Было решено отправить Жанну с этим войском и конвоем с провизией в Орлеан. Бедственное положение этого города теперь стало неотложным. Но связь с открытой местностью не была полностью прервана: орлеанцы слышали о Святой Деве, которую Провидение воздвигло для их освобождения, и их посланцы настойчиво умоляли дофина прислать ее к ним без промедления.

Жанна появилась в лагере в Блуа, одетая в новые сверкающие белые доспехи, верхом на величественном черном боевом коне и с копьем в правой руке, которым она научилась владеть умело и грациозно. [См. Ее описание Ги де Лавалья, цитируемое в примечании к Мишле, стр. 69; и см. Отчет о знамени в Орлеане, на котором, как полагают, изображен подлинный портрет Горничной, в Справочнике Мюррея по Франции, стр. 175.] На голове у нее не было шлема, так что все могли видеть ее прекрасные и выразительные черты, глубоко посаженные и серьезные глаза и длинные черные волосы, разделенные пробором на лбу и перевязанные лентой за спиной. На боку у нее висел небольшой боевой топор и освященный меч с пятью крестами на лезвии, который по ее просьбе был взят для нее из усыпальницы Святой Екатерины во Фьербуа. Паж нес ее знамя, которое она приказала изготовить и вышить в соответствии с повелениями ее Голоса. Это был белый атлас ["Процесс Жанны д'Арк", т. i, стр. 238.], усыпанный лилиями; на нем были слова "ИИСУС Мария" и изображение Спасителя в Его славе. Впоследствии Жанна обычно сама несла свое знамя в битве; она говорила, что, хотя она очень любила свой меч, она любила свое знамя в сорок раз больше; и ей нравилось нести его, потому что оно никого не могло убить.

В таком наряде она возглавила войска Франции, которые с солдатским восхищением взирали на ее стройную и подтянутую фигуру, на умение, с которым она управляла своим боевым конем, и на непринужденную грацию, с которой она обращалась со своим оружием. Ее военное образование было коротким, но она хорошо им воспользовалась. У нее также хватило здравого смысла не вмешиваться в маневры войск, предоставив это дело Дюнуа и другим, кого у нее хватило проницательности признать лучшими офицерами в лагере. Ее тактика в действии была достаточно проста. Как она сама описывала это— "Я обычно говорила им: "Смело идите к англичанам", а потом я сама шла смело". [Там же.] Таково, как она сказала своим инквизиторам, было единственное заклинание, которое она использовала; и оно было могущественным. Но, хотя она мало вмешивалась в военную дисциплину в войсках, во всех вопросах моральной дисциплины она была непреклонно строга. Все покинутые последователи лагеря были изгнаны. Она заставляла и генералов, и солдат регулярно посещать исповедь. Ее капеллан и другие священники маршировали вместе с армией по ее приказу; и на каждой остановке устанавливался алтарь и совершалось причастие. Ни одна клятва или нецензурная брань не оставались без наказания или порицания. Даже самые грубые и закаленные ветераны подчинялись ей. Они на время отбросили животную грубость, которая выросла в них за время жизни, полной кровопролития и грабежа; они чувствовали, что должны с новым духом идти к новому поприщу, и признавали красоту святости, с которой посланная небом Девушка вела их к верной победе.

Жанна выступила из Блуа 26 апреля с обозом провизии для Орлеана в сопровождении Дюнуа, Ла Гира и других главных военачальников Франции; вечером 28-го они приблизились к городу. По словам старого хрониста Холла: [Холл, стр. 127.] "Англичане, понимая, что они внутри страны не смогут долго продолжать из-за витея и паудера, вели наблюдение не так усердно, как они привыкли, и не рыскали теперь по окруженной стране, как они предписывали ранее. Видя эту небрежность, горожане не решились сообщить об этом французским капитанам, которые вместе с Пуселлем в сумерках и под сильным дождем и раскатами грома со всей своей живой силой и артиллерией вошли в город".

Когда наступил день, Служанка проехала торжественной процессией по городу, одетая в полные доспехи и верхом на белом коне. Дюнуа был рядом с ней, и все самые храбрые рыцари ее армии и гарнизона следовали за ней по пятам. Все население столпилось вокруг нее;

мужчины, женщины и дети норовили прикоснуться к ее одеждам, или к ее знамени, или к ее коню. Они изливали благословения на нее, которую уже считали своей избавительницей. По словам двоих из них впоследствии перед трибуналом, который отменил приговор, но не смог восстановить жизнь французской Девы-мученицы, "жители Орлеана, когда они впервые увидели ее в своем городе, подумали, что это ангел с небес, сошедший, чтобы спасти их". Жанна мягко говорила в ответ на их приветствия и обращения. Она сказала им бояться Бога и уповать на То, что Он защитит их от ярости врагов. Сначала она отправилась в главную церковь, где отпевали богиню, а затем поселилась в доме Жака Буржье, одного из видных горожан, жена которого была матроной с хорошей репутацией. Она отказалась присутствовать на великолепном банкете, который был устроен в ее честь, и почти все свое время проводила в молитве.

Когда англичанам стало известно, что Девушка находится в Орлеане, они были заняты ею не меньше, чем жители города; но все было в совершенно ином духе. Англичане верили в ее сверхъестественную миссию так же твердо, как и французы; но они считали ее колдуньей, пришедшей, чтобы свергнуть их своими чарами. Древнее пророчество, гласившее, что девица из Лотарингии спасет Францию, существовало уже давно; и оно было известно и применялось к Жанне как иностранцами, так и туземцами. Месяцами англичане слышали о грядущей Деве, и рассказы о чудесах, которые, как говорили, она творила, слушались грубыми йомеями английского лагеря с тревожным любопытством и тайным благоговением. Она послала вестника к английским генералам перед тем, как двинуться на Орлеан; и он призвал английских генералов именем Всевышнего передать Девушке, посланной Небом, ключи от французских городов, которые они незаконно захватили; и он также торжественно заклинал английские войска, будь то лучники, или солдаты боевых рот, или джентльмены, или другие лица, которые находились перед городом Орлеаном, разойтись по домам, подвергаясь опасности быть посещенными судом Божиим. По прибытии в Орлеан Жанна отправила еще одно подобное послание, но англичане насмеялись над ней со своих башен и угрожали сжечь ее герольдов. Она решила, прежде чем пролить кровь осаждающих, повторить предупреждение своим собственным голосом; и поэтому она поднялась на один из городских бульваров, который был в пределах слышимости турелей; и оттуда она обратилась к англичанам и приказала им удалиться, иначе их постигнут позор и горе. Сэр Уильям Глэдсдейл (которого французы называют ГЛАСИДАС) командовал английским постом в Туреле, и он и еще один английский офицер в ответ приказали ей идти домой и держать своих коров, а также отпустили непристойные шуточки, от которых у нее на глазах выступили слезы стыда и негодования. Но хотя английские военачальники громко хвалились, эффект, произведенный на их армию присутствием Жанны в Орлеане, был доказан через четыре дня после ее прибытия; когда при приближении к городу подкреплений и припасов Жанна и Ла Гир выступили им навстречу и благополучно сопроводили длинный обоз с провиантом в Орлеан, между бастилиями англичан, которые съежились за своими стенами, вместо того чтобы яростно и бесстрашно атаковать, как это было у них обычно, любой французский отряд, осмелившийся показаться в пределах досягаемости.

До сих пор она побеждала, не нанеся ни единого удара; но теперь пришло время испытать ее мужество среди ужасов настоящей резни. Во второй половине того дня, когда она сопровождала подкрепление в город, пока она отдыхала дома, утомленная, Дюнуа воспользовался выгодной возможностью атаковать английскую бастилию Сен-Лу; и был предпринят ожесточенный штурм Орлеанской крепости, которому английский гарнизон форта

упорно сопротивлялся. Жанну разбудил звук, который, как она полагала, был звуком Ее Небесных Голосов; она призвала свое оружие и коня и, быстро экипировавшись, вскочила в седло, чтобы ускакать туда, где бушевала битва. В спешке она забыла свое знамя; она поскакала назад и, не спешиваясь, велела передать его ей из окна, а затем поскакала галопом к воротам, откуда была совершена вылазка. По пути она встретила нескольких раненых французов, которых уносили с поля боя. "Ха, - воскликнула она, - я никогда не могу видеть, как течет французская кровь, без того, чтобы у меня волосы не встали дыбом". Она выехала за ворота и встретила толпу своих соотечественников, которые были отброшены от английского форта и в смятении бежали обратно в Орлеан. При виде Святой Девы и ее знамени они сплотились и возобновили атаку. Жанна выехала вперед во главе их, размахивая своим знаменем и подбадривая их. Англичане дрогнули перед тем, что они считали атакой ада; Сен-Лу был взят штурмом, а его защитники преданы мечу, за исключением нескольких человек, которых Жану удалось спасти. Вся ее женская мягкость вернулась, когда битва закончилась. Это был первый раз, когда она увидела поле боя. Она заплакала при виде стольких окровавленных и изуродованных трупов; и ее слезы потекли вдвойне, когда она подумала, что это были тела христиан, умерших без исповеди.

На следующий день был день Вознесения, и Жанна провела его в молитве. Но на следующее утро начальники гарнизона приняли решение атаковать английские форты к югу от реки. С этой целью они переправились через реку на лодках, и после нескольких ожесточенных боев, в ходе которых горничная была ранена в пятку, были захвачены английские бастилии Огюстенов и Сен-Жан-де-Блан. Турель был теперь единственным постом, который осаждающие удерживали на южном берегу реки. Но этот пост был устрашающе силен, и благодаря своему господству над мостом он стал ключом к освобождению Орлеана. Было известно, что на подкрепление осаждающим приближается свежая английская армия под командованием Фальстоляфа, и если эта армия прибудет, пока турельцы еще находятся во владении своих товарищей, возникнет большая опасность того, что все преимущества, которые получили французы, будут сведены на нет и осада снова будет активно продолжена.

Поэтому французы решили напасть на Турелей немедленно, пока энтузиазм, вызванный присутствием и героической доблестью Горничной, был на высоте. Но предприятие было трудным. Вал тет-дю-пон, или обращенный к суше бастион Турелей, был крутым и высоким; и сэр Джон Гладсдейл занял этот важнейший форт с пятью сотнями лучников и латников, которые были самым цветочным подразделением английской армии.

Ранним утром 7 мая несколько тысяч лучших французских солдат в Орлеане прослушали мессу и посетили исповедальню по приказу Жанны; затем, переправившись на лодках через реку, как и накануне, они атаковали бастион Турелей "с легкими сердцами и тяжелыми руками". Но люди Гладсдейла, воодушевленные своим смелым и умелым командиром, предприняли решительную и умелую оборону. Служанка водрузила свое знамя на краю рва, а затем, спрыгнув в ров, приставила первую лестницу к стене и начала взбираться наверх. Английский лучник послал в нее стрелу, которая пробила ее корсет и тяжело ранила между шеей и плечом. Она упала, истекая кровью, с лестницы, и англичане спрыгнули со стены, чтобы схватить ее, но ее последователи утащили ее. Ее отнесли в тыл и положили на траву; с нее сняли доспехи, и боль от раны и вид крови поначалу заставили ее дрожать и плакать. Но вскоре к ней вернулась уверенность в своей небесной миссии: ее святые покровители, казалось, стояли перед ней и успокаивали ее. Она села и собственными руками вытатила стрелу. Некоторые из солдат,

стоявших рядом, хотели остановить кровь, произнеся заклинание над раной; но она запретила им, сказав, что не желает исцеляться нечестивыми средствами. Она смазала рану небольшим количеством масла, а затем, попросив своего духовника подойти к ней, погрузилась в молитву.

Тем временем англичане в оплоте Турелей отразили часто возобновлявшиеся попытки французов взобраться на стену. Дюнуа, командовавший нападавшими, поначалу был обескуражен и отдал приказ об отступлении, Жанна послала за ним и другими генералами и умоляла их не отчаиваться. "Клянусь моим Богом, - сказала она им, - вы скоровоидете туда. Не сомневайтесь в этом. Когда вы увидите, как мое знамя снова поднимется на стену, снова поднимите свое оружие! крепость ваша. Пока отдохните немного и примите немного еды и питья. Они так и сделали, - говорит старый хронист осады [Орлеанский журнал осады, стр. 87], - ибо они чудесно повиновались ей". Слабость, вызванная ее раной, теперь прошла, и она возглавила французов в новом броске на бастион. Англичане, считавшие ее убитой, были встревожены ее появлением, в то время как французы яростно и фанатично продвигались вперед. Бискайский солдат нес знамя Жанны. Она сказала войскам, что, как только знамя коснется стены, они должны войти. Бискаец взмахнул знаменем с края рва и коснулся им стены; и тогда все французское войско бешено ринулось вверх по лестницам, которые теперь были подняты во всех направлениях против английского форта. В этот критический момент усилия английского гарнизона были отвлечены аташе из другого квартала. Французские войска, оставшиеся в Орлеане, перекинули несколько досок через разрушенную часть моста и двинулись по ним на штурм Турелей с северной стороны. Гладсдейл решил отвести своих людей от оплота, обращенного к суше, и сосредоточить все свои силы в самих Турелях. С этой целью он проходил по подъемному мосту, соединявшему Турель и тет-дю-пон, когда Жанна, которая к этому времени уже взобралась на стену бастиона, крикнула ему: "Сдавайся, сдавайся Царю Небесному. Ах, Гласидас, ты подло обидел меня своими словами, но мне очень жаль твою душу и души твоих людей. Англичанин, пренебрегший ее призывом, шагнул дальше по подъемному мосту, когда пушечный выстрел из города снес его, и Глэдсдейл погиб в воде, протекавшей под ним. После его падения остатки англичан отказались от дальнейшего сопротивления. Триста из них были убиты в битве, а двести попали в плен.

Ликующие орлеанцы быстро починили сломанную арку, и Жанна с триумфом вернулась в город по мосту, который так долго был закрыт. В каждой церкви Орлеана раздавался заунывный звон, и всю ночь раздавались звуки ликования, а по всему городу полыхали костры. Но за линиями и фортами, которые осаждающие все еще удерживали на северном берегу, генералы с тревогой наблюдали, а среди солдат царило уныние. Даже Тальбот теперь советовал отступить. На следующее утро орлеанцы со своих стен увидели огромные форты под названием "Лондон" и "Сент-Луис". Лоуренс", объятый пламенем; и стали свидетелями того, как их захватчики были заняты уничтожением складов и боеприпасов, на которые полагались при разрушении Орлеана. Медленно и угрюмо английская армия отступала, но не раньше, чем она выстроилась в боевой порядок напротив города, словно вызывая гарнизон на поединок. Французским войскам не терпелось выйти и атаковать, но Жанна запретила это. День был воскресный. "Во имя Господа, - сказала она, - пусть они уходят, и давайте вернемся с благодарностью Богу". Она вывела солдат и горожан из Орлеана, но не для пролития крови. Они прошли торжественной процессией вокруг городских стен; а затем, когда их отступающие враги были еще в поле зрения, они преклонили колени, благодаря Бога за избавление, которым он их удостоил.

В течение трех месяцев со времени своей первой встречи с дофином Жанна выполнила первую часть своего обещания - сняла осаду Орлеана. Еще через три месяца она выполнила и вторую часть; и она стояла со своим знаменем в руке у главного алтаря в Реймсе, когда он был помазан и коронован как король Франции Карл VII. За это время она взяла Жаржо, Труа и другие укрепленные пункты и разбила английскую армию на чистом поле при Патэ. Энтузиазму ее соотечественников не было предела; но важность ее заслуг, и особенно ее главного достижения под Орлеаном, возможно, лучше всего доказывается свидетельствами ее врагов. Сохранился фрагмент письма регента Бедфорда своему королевскому племяннику Генриху VI, в котором он оплакивает оборот, который приняла война, и особенно связывает это с снятием осады Орлеана Жанной. Собственные слова Бедфорда, которые сохранились в Rymer, [Vol. x. p. 403.] таковы:—

- И ВСЕ У ВАС ТАМ ПРОЦВЕТАЛО ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ НАЧАЛАСЬ ОСАДА ОРЛЕАНА, ВЗЯТАЯ В СВОИ РУКИ БОГ ЗНАЕТ КАКИМ СОВЕТОМ.

"В ЭТО ВРЕМЯ, ПОСЛЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ВЫПАВШЕГО НА ДОЛЮ МОЕГО КУЗЕНА ИЗ СОЛСБЕРИ, КОТОРОМУ БОГ ДАРУЕТ БЛАГОСКЛОННОСТЬ, НА ВАШ НАРОД, СОБРАВШИЙСЯ ТАМ, В ГРЕТЕ НОМБРЕ, УПАЛ, КАК КАЖЕТСЯ, ДЕСНИЦЕЙ БОЖЬЕЙ, СИЛЬНЫЙ УДАР, ВЫЗВАННЫЙ В ГРЕТЕ ПАРТИИ, КАК И ВЫ, ЛАККЕ ИЗ САДДЕ-БЕЛЕВЕ, И В НЕВЕЛИКОМ СОМНЕНИИ, ЧТО У НИХ БЫЛ УЧЕНИК И ЛАЙМА ИЗ ФИНДЕ, ПО ИМЕНИ ПУСЕЛЬ, КОТОРЫЙ ИСПОЛЬЗОВАЛ ФАЛЬШИВЫЕ ЧАРЫ И КОЛДОВСТВО.

"ЭТО ВЫЗВАЛО ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО НЕ ТОЛЬКО В ГРЕТЕ НОМБРЕ ВАШЕГО НАРОДА, НО И ЛИШИЛО МУЖЕСТВА ОСТАВШЕГОСЯ В МЕРВИЛЛУСЕ УАЙЗЕ, И ПОБУДИЛО ВАШУ ВРАЖДЕБНУЮ ПАРТИЮ И ВРАГОВ НЕМЕДЛЕННО СОБРАТЬ ИХ В ГРЕТЕ НОМБРЕ".

Когда Карл был помазан на трон Франции, Жанна поверила, что ее миссия выполнена. И в самом деле, освобождение Франции от англичан, хотя и не завершенное много лет спустя, было тогда обеспечено. Церемония королевской коронации и помазания в те дни не считалась простой дорогостоящей формальностью. Считалось, что это дарует разрешение и милость небес принцу, который ранее правил с помощью простой человеческой власти. С тех пор он был Помазанником Господа. Более того, одна из трудностей, которая ранее стояла на пути многих французов, когда их призывали поддержать Карла VII. теперь устранена. Он был публично заклеен позором, даже собственными родителями, как не настоящий сын королевской семьи Франции. Королева-мать, англичане и сторонники Бургундии называли его "Претендентом на титул дофина"; но те, кто сомневался в его законности, были излечены от своего скептицизма победами Святой Девы и выполнением ее обещаний. Они думали, что небеса теперь благоволят Карлу как истинному наследнику короны Людовика Святого; и рассказы о том, что он фальшивый, с тех пор считались простой английской клеветой. С таким сильным приливом национальных чувств в его пользу, с победоносными генералами и солдатами вокруг себя и с подавленным и разделенным врагом перед собой, он не мог не победить; хотя его собственная неосторожность и проступки, а также упрямая отвага, которую все еще проявляли некоторые англичане, продлили войну во Франции почти до того времени, когда в Англии вспыхнула гражданская война Алой и Белой Розы, и обеспечили Франции мир и покой.

Жанна преклонила колени перед только что коронованным королем в Реймском соборе и пролила слезы радости. Она сказала, что выполнила работу, которую повелел ей Господь.

Теперь молодая девушка попросила ее уволить. Она хотела вернуться в свой крестьянский дом, снова пасти родительские стада и жить по собственному желанию в своей родной деревне. ["Я счастлива, что смогла добиться успеха"] Она всегда считала, что ее карьера будет короткой. Но Чарльз и его военачальники не хотели терять присутствие того, кто имел такое влияние на солдат и народ. Они убедили ее остаться с армией. Она по-прежнему проявляла ту же храбрость и рвение к делу Франции. Она была такой же пылкой в своих молитвах, как и прежде, и образцовой во всех религиозных обязанностях. Она все еще слышала свои Небесные Голоса, но теперь она больше не считала себя посланницей небес, призванной вести своих соотечественников к верной победе. Наше восхищение ее мужеством и патриотизмом должно быть увеличено во сто крат ее поведением на протяжении последней части ее карьеры, среди опасностей, от которых она больше не считала себя защищенной божеством. На самом деле она считала, что обречена погибнуть немногим более чем через год; ["После того, как я приступила к работе, я стала настоящим работодателем: я не могла жить вечно, ты был человеком плюс". —MICHELAIT, v. стр. 101.] но она все еще боролась так же решительно, если не так ликующе, как всегда.

Как и в случае с Арминием, интерес, связанный с индивидуальным героизмом и добродетелью, заставляет нас проследить судьбу Жанны д'Арк после того, как она спасла свою страну. Она хорошо служила армии Карла при взятии Лана, Суассона, Компеньи, Бове и других укрепленных мест; но при преждевременном нападении на Париж в сентябре 1429 года французы были отброшены, и Жанна была тяжело ранена зимой, когда она снова была в поле боя с частью французских войск; а следующей весной она бросилась в крепость Компень, которую она сама отвоевала для французского короля предыдущей осенью, и которая теперь была осаждена сильным бургундским войском.

Она была взята в плен во время вылазки из Компеньи 24 мая и находилась в заключении бургундцев сначала в Аррасе, а затем в местечке под названием Кротой на фламандском побережье до ноября, когда за выплату крупной суммы денег ее выдали англичанам и доставили в Руан, который в то время был их главным оплотом во Франции.

"Печально было бы и стыдно рассказывать о
Той бойне, которая там произошла":

И отвратительные подробности жестокости, примененной к этой молодой девушке, могут быть оставлены тем, чей долг как признанных биографов - описать их. [Весь "Процесс осуждения за реабилитацию Жанны д'Арк" был опубликован в пяти томах Обществом истории Франции. Добавлены все отрывки из современных хронистов и поэтов; таким образом, дан наиболее обширный материал для получения полной информации по предмету, представляющему для англичанина болезненный интерес. В 138-м номере "Ежеквартального журнала" есть замечательное эссе о Жанне д'Арк.] Ее судил церковный трибунал по обвинению в колдовстве, и 30 мая 1431 года она была сожжена заживо на рыночной площади в Руане.

Я добавлю лишь одно замечание о характере самой правдивой героини, которую когда-либо видел мир.

Если в наше время можно найти человека, который присоединился бы к насмешкам Вольтера над Орлеанской Девой и Небесными голосами, которые, как она считала, вдохновляли ее, пусть

он прочтет жизнеописание мудрейшего и наилучшего человека, когда-либо созданного языческими народами. Пусть он прочтет о Небесном Голосе, который, как верил Сократ, постоянно сопровождал его; который предостерегал его на пути с поля битвы при Делиуме и который с детства и до самой смерти посещал его с неземными предостережениями. [См. Цицерон, de Divinatione, lib. i. раздел 41; и посмотрите слова самого Сократа у Платона, Apol. Soc.] Пусть современный читатель поразмыслит над этим; и затем, если он не готов назвать Сократа либо дураком, либо самозванцем, пусть он не осмеливается высмеивать или очернять Жанну д'Арк.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ ПОБЕДОЙ ЖАННЫ Д'АРК При ОРЛЕАНЕ В 1429 году нашей эры И ПОРАЖЕНИЕМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ В 1588 году нашей эры.

1452 год н.э. Окончательное изгнание англичан из Франции.

1453. Константинополь взят, а восточная римская империя разрушена турецким султаном Магометом II.

1455. Начало гражданских войн в Англии между домами Йорков и Ланкастеров.

1479. Объединение христианских королевств Испании при Фердинанде и Изабелле.

1492. Захват Гренады Фердинандом и Изабеллой и конец мавританскому владычеству в Испании.

1492. Колумб открывает Новый Свет.

1494. Французский король Карл VIII вторгается в Италию.

1497. Экспедиция Васко ди Гамы в Ост-Индию вокруг мыса Доброй Надежды.

1503. Неаполь отвоеван у французов великим испанским полководцем Гонсалво Кордовским.

1508. Камбрская лига, созданная папой, императором и королем Франции против Венеции.

1509. Альбукерке основывает португальскую империю в Ост-Индии.

1516. Смерть Фердинанда Испанского; ему наследовал его внук Карл, впоследствии император Карл V.

1517. Спор между Лютером и Тецелем по поводу продажи индульгенций, которая является непосредственной причиной Реформации.

1519. Карл V. избран императором Германии.

1520. Кортес завоевывает Мексику.

1525. Франциск I, король Франции, разбит и взят в плен императорской армией при Павии.

1529. Лига Шмалькальда, созданная протестантскими князьями Германии.

1533. Генрих VIII. отказывается от папского верховенства.

1533. Писарро завоевывает Перу.

1556. Отречение императора Карла V. Филипп II становится королем Испании, а Фердинанд I. императором Германии.

1557. Елизавета становится королевой Англии.

1557. Испанцы побеждают французов в битве при Сен-Кантене.

1571. Дон Иоанн Австрийский во главе испанского флота при поддержке венецианской и папской эскадр наносит поражение туркам при Лепанто.

1572. Массовое убийство протестантов во Франции в день Святого Варфоломея.

1579. Восстание Нидерландов против Испании.

1580. Филипп II завоевывает Португалию.

ГЛАВА X. РАЗГРОМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ, 1588 год н.э.

В тот памятный год, когда темная туча сгустилась над нашими побережьями, когда Европа замерла в страшном ожидании, ожидая, каким должен быть результат этого грандиозного броска в игре человеческой политики, чего могли добиться коварство Рима, могущество Филиппа, гений Фарнезе против королевы острова с ее Дрейки и Сесилы, в этой агонии протестантской веры и Английское имя". —ХАЛЛАМ, CONST. ИСТОРИЯ. том i. с. 220.

Днем 19 июля 1588 года н.э. на лужайке для боулинга на Хоу в Плимуте собралась группа английских капитанов, равных которым никогда ни до, ни после не было, даже в этом излюбленном месте сбора героев британского военно-морского флота. Был сэр Фрэнсис Дрейк, первый английский кругосветный путешественник, наводивший ужас на все испанские побережья Старого и Нового Света; был сэр Джон Хокинс, суровый ветеран многих смелых плаваний по морям Африки и Америки и многих отчаянных сражений; был сэр Мартин Фробишер, один из первых исследователей арктических морей в поисках Северо-Западного прохода, который до сих пор является заветной целью самых отважных мореплавателей Англии. Там был верховный адмирал Англии, лорд Говард Эффингемский, расточительный во всем ради своей страны, который недавно имел благородную смелость отказаться от вывода части флота, хотя королева послала ему приказ сделать это, в результате преувеличенного сообщения о том, что враг был отброшен назад и разбит штормом. Лорд Ховард (которого современные авторы описывают как человека мудрого и благородного, умелого в морских делах, осторожного и

предусмотрительного, пользующегося большим уважением среди моряков) решил рискнуть навлечь на себя гнев своего государя и сохранить корабли на плаву под своим присмотром, а не допустить, чтобы Англия подверглась опасности потерять их защиту.

Другому из наших морских королей елизаветинской эпохи, сэру Уолтеру Рэли, в то время было поручено собрать и оснастить сухопутные войска Корнуолла; но, поскольку он также был командующим Плимутом, мы вполне можем предположить, что он, должно быть, воспользовался возможностью проконсультироваться с лордом-адмиралом и другими высшими офицерами, которая была предоставлена английским флотом, заходящим в этот порт; и мы можем рассматривать Рэли как одного из группы, собравшейся на лужайке для боулинга на Мотыге. Многие другие храбрецы и умелые моряки, помимо вождей, имена которых были упомянуты, были там, наслаждаясь с истинно матросским весельем временным отдыхом от службы. В гавани стоял английский флот, с которым они только что вернулись из похода в Ла-Корунью в поисках информации о реальном состоянии и передвижениях вражеской армады. Лорд Говард убедился, что наши враги, несмотря на шторм, все еще очень сильны; и, опасаясь, что часть их флота может направиться в Англию в его отсутствие, он поспешил обратно к побережью Девоншира. Он вернулся на свою станцию в Плимуте и ждал там определенных известий о приближении испанца.

Шел матч по игре в шары, в котором участвовали Дрейк и другие высшие офицеры флота, когда было замечено небольшое вооруженное судно, идущее против ветра в гавань Плимута на всех парусах. Ее командир поспешно высадился на берег и нетерпеливо искал место, где стояли английский лорд-адмирал и его капитаны. Его звали Флеминг; он был капитаном шотландского каперского судна; и он рассказал английским офицерам, что в то утро видел испанскую армаду у берегов Корнуолла. Услышав эту волнующую информацию, капитаны поспешили к воде, и послышались крики, призывающие корабельные шлюпки, но Дрейк хладнокровно остановил своих товарищей и настоял на том, чтобы поединок был доигран. Он сказал, что было достаточно времени, чтобы выиграть игру и обыграть испанцев. Соответственно, был возобновлен лучший и храбрейший матч, в котором когда-либо были забиты голы. Дрейк и его друзья прицелились в свои последние миски с тем же невозмутимым расчетливым хладнокровием, с каким собирались наставить ружья. Был выбран актерский состав победителей, и затем они поднялись на борт и приготовились к действию, с такими же легкими сердцами и крепкими нервами, как на "Хоу Боулинг Грин".

Тем временем гонцы и сигналы были быстро разосланы по всей Англии, чтобы предупредить каждый город и деревню о том, что враг наконец-то пришел. В каждом морском порту происходила мгновенная подготовка на суше и на море; в каждом графстве и каждом городе происходил мгновенный сбор конницы и людей. [В "Балладе Маколея об испанской армаде" великолепно описаны передача вестей о приближении Армады и вооружение английской нации. Распространение огненных сигналов изображено строками, достойными сравнения с известным отрывком из "Агамемнона", в котором описывается передача света маяка, возвещающего о падении Трои, с горы Ида в Аргос.] Но лучшей защитой Англии тогда, как и всегда, был ее флот; и, с трудом выйдя из гавани Плимута против ветра, лорд-адмирал направился на запад под легкими парусами, с тревогой высматривая армаду, о приближении которой вскоре возвестили корнуолльские рыбацкие лодки и сигналы с корнуолльских утесов.

Англия наших дней настолько сильна, а Испания наших дней настолько слаба, что невозможно без некоторого размышления и осторожности осознать весь масштаб опасности, которой Англия тогда подвергалась из-за могущества и амбиций Испании, или оценить важность этого кризиса в мировой истории. Тогда у нас не было ни индейской, ни колониальной империи, за исключением слабых ростков наших североамериканских поселений, которые недавно посеяли Рейли и Гилберт. Шотландия была отдельным королевством; а Ирландия была тогда еще большим источником слабости и худшим гнездом мятежа, чем в последующие времена. Королева Елизавета, вступив на престол, обнаружила обремененные доходы, разделенный народ и безуспешную внешнюю войну, в ходе которой были потеряны последние остатки наших владений во Франции; у нее также был грозный претендент на ее корону, интересам которого покровительствовали все римско-католические державы; и даже некоторые из ее подданных были охвачены религиозным фанатизмом, чтобы отрицать ее титул и смотреть на нее как на еретическую узурпаторшу. Это правда, что за годы своего правления, которые прошли до попытки вторжения в 1588 году, она возродила коммерческое процветание, национальный дух и национальную лояльность Англии. Но ее ресурсы, необходимые для борьбы с колоссальной властью Филиппа II, все еще казались весьма скудными; и у нее не было ни одного иностранного союзника, кроме голландцев, которые сами упорно и, как казалось, безнадежно боролись за продолжение своего восстания против Испании.

С другой стороны, Филипп II был абсолютным хозяином империи, настолько превосходящей другие государства мира по размаху, ресурсам и особенно по военным и военно-морским силам, что проект расширения этой империи до универсальной монархии казался вполне осуществимым планом; и у Филиппа было как честолюбивое намерение сформировать этот проект, так и решимость посвятить всю свою энергию и все свои средства его реализации. Со времен падения Римской империи в мире не существовало такой могущественной державы. В течение средневековья главные европейские королевства медленно выбирались из феодального хаоса. И, хотя их войны друг с другом были многочисленными и отчаянными, а некоторые из их королей какое-то время считались могущественными завоевателями, ни один из них в те времена не приобрел последовательности и совершенной организации, которые необходимы для продолжительной карьеры возвышения. После объединения великих королевств они некоторое время держали друг друга в узде. В первой половине шестнадцатого века европейские государственные деятели успешно применяли систему балансирования. Но когда правил Филипп II, Франция настолько ослабла в результате своих гражданских войн, что ему нечего было опасаться государства-соперника, которое так долго сдерживало его отца, императора Карла V. В Германии, Италии и Польше у него были либо ревностные друзья и иждивенцы, либо слабые и разобщенные враги. Против турок он добился больших и славных успехов; и он мог оглядеть европейский континент, не обнаружив ни одного противника, перед которым он мог бы благоговеть. Испания, когда он взошел на трон, находилась в зените своего могущества. Стойкость и дух, которые арагонцы, кастильцы и другие народы полуострова приобрели за столетия свободных институтов и успешной войны с маврами, еще не были уничтожены. Карл V действительно уничтожил свободы Испании, но это было сделано слишком недавно, чтобы во времена Филиппа можно было ощутить все его зло в полной мере. Народ не может быть унижен в течение одного поколения; и испанцы при Карле V и Филиппе II доказали справедливость замечания, что ни одна нация не является на какое-то время такой грозной для своих соседей, как нация, которая, будучи обученной самоуправлению, внезапно переходит под власть деспотического правителя. Энергия демократических институтов сохраняется в

течение нескольких поколений, и к ней добавляются решительность и определенность, которые являются атрибутами правительства, когда все его полномочия направляются единым разумом. Верно, что эта сверхъестественная энергия недолговечна: национальная коррупция и унижение постепенно следуют за потерей национальных свобод; но есть промежуток, прежде чем их действие почувствуется, и в этот промежуток часто успешно осуществляются самые амбициозные планы иностранного завоевания.

У Филиппа было также то преимущество, что он оказался во главе большой постоянной армии в идеальном состоянии дисциплины и оснащения в эпоху, когда, за исключением нескольких незначительных корпусов, постоянные армии были неизвестны в христианском мире. Слава испанских войск была по праву высока, и пехота, в частности, считалась лучшей в мире. Его флот, кроме того, был гораздо более многочисленным и лучше оснащенным, чем у любой другой европейской державы; и как его солдаты, так и его матросы были уверены в себе и своих командирах, которые может создать только долгая карьера успешного военного.

Помимо испанской короны, Филипп унаследовал Неаполитанское и Сицилийское королевства, Миланское герцогство, Франш-Конте и Нидерланды. В Африке он владел Тунисом, Ораном, Кабо-Верде и Канарскими островами, а в Азии - Филиппинскими и Зондскими островами и частью Молуккских островов. По ту сторону Атлантики он был властелином самых великолепных уголков Нового света, которые "Колумб открыл для Кастилии и Леона". Империя Перу и Мексика, Новая Испания и Чили с их богатыми рудниками драгоценных металлов, Эспаньола и Куба, а также многие другие американские острова были провинциями суверенной Испании.

Филипп действительно испытал унижение, увидев, как жители Нидерландов восстали против его власти, и ему не удалось вернуть под испанский скипетр все владения, которые завещал ему его отец. Но он отвоевал большое количество городов и округов, которые первоначально подняли против него оружие. Бельгия была приведена к более полному и безоговорочному повиновению Испании, чем это было до ее восстания, и только Голландия и шесть других Северных штатов все еще сопротивлялись его оружию. В результате сражения на стороне Филиппа также сформировалась компактная и опытная армия, которая под командованием его великого полководца, принца Пармского, была обучена действовать сообща при любых трудностях и превратностях войны; и на стойкость и верность которой можно было полностью положиться в любом предприятии, каким бы трудным и утомительным оно ни было. Александр Фарнезе, принц Пармский, генерал-капитан испанских войск и губернатор испанских владений в Нидерландах, был, вне всякого сравнения, величайшим военным гением своего времени. Он также отличался политической мудростью и прозорливостью, а также большими административными талантами. Его боготворили его солдаты, чье расположение он знал, как завоевать, не ослабляя их дисциплины и не умаляя собственного авторитета. В высшей степени хладнокровный и осмотрительный в своих планах, но быстрый и энергичный, когда наступал момент для нанесения решающего удара, не пренебрегающий никаким риском, которого могла избежать осторожность, умиротворяющий даже население районов, на которые он нападал, своей скрупулезной добросовестностью, умеренностью и обходительностью, Фарнезе был одним из самых грозных генералов, которых когда-либо можно было поставить во главе армии, предназначенной не только для победы в битвах, но и для осуществления завоеваний. Счастье для Англии и всего мира, что этот остров был спасен от превращения в арену для демонстрации его могущества.

Какое бы ослабление испанской империи ни произошло в Нидерландах, оно, казалось, было более чем компенсировано приобретением Португалии, которую Филипп полностью завоевал в 1580 году. Не только само это древнее королевство, но и все плоды морских предприятий португальцев попали в руки Филиппа. Все португальские колонии в Америке, Африке и Ост-Индии признали суверенитет короля Испании, который таким образом не только объединил весь Пиренейский полуостров под своим единым скипетром, но и приобрел трансморскую империю, немногим уступавшую по богатству и размаху той, которую он унаследовал при восшествии на престол. Блестящая победа, которую его флот совместно с папскими и венецианскими галерами одержал при Лепанто над турками, заслуженно возвысила славу испанских морских пехотинцев во всем христианском мире; и когда Филипп правил тридцать пять лет, мощь его империи казалась несломленной, а слава испанского оружия возросла и возрастала по всему миру.

Только одна нация была его активным, настойчивым и успешным противником. Англия поощряла его восставших против него подданных во Фландрии и оказывала им помощь людьми и деньгами, без которых они вскоре поверглись бы в прах. Английские корабли грабили его колонии; отрицали его превосходство как в Новом, так и в Старом Свете; они наносили позорные поражения его эскадрам; они захватывали его города и сжигали его арсеналы на самых берегах Испании. Англичане сделали самого Филиппа объектом личного оскорбления. Он был выставлен на посмеище в их театральных постановках и масках, и эти насмешки над этим человеком (что не является чем-то необычным в подобных случаях) вызвали гнев абсолютного короля, даже более яростный, чем ущерб, нанесенный его власти. [См. Историю Рэнке. Папы, том ii. стр. 170.] Личная, а также политическая месть побудили его напасть на Англию. Если бы она была однажды покорена, голландцы должны были бы подчиниться; Франция не смогла бы справиться с ним, империя не стала бы противостоять ему; и всеобщее господство, казалось, несомненно, было результатом завоевания этого зловерного острова.

Было еще одно, более сильное чувство, которое вооружило короля Филиппа против Англии. Он был одним из самых искренних и суровых фанатиков своего времени. Он считал себя и на него смотрели другие как на назначенного поборника искоренения ереси и восстановления папской власти по всей Европе. Мощная реакция против протестантизма имела место с начала второй половины шестнадцатого века, и Филипп верил, что ему суждено завершить ее. Доктрины реформы были полностью искоренены в Италии и Испании. Бельгия, которая ранее была наполовину протестантской, была отвоевана Филиппом как по верности, так и по вероисповеданию и стала одной из самых католических стран в мире. Половина Германии была возвращена к старой вере. В Савойе, Швейцарии и многих других странах контрреформация продвигалась быстро и решительно. Католическая лига, казалось, одержала победу во Франции. Сам папский двор стряхнул с себя косность последних столетий и во главе иезуитов и других новых церковных орденов проявлял энергию и дерзновение, достойные дней Гильдебранда или Иннокентия III.

По всей континентальной Европе протестанты, сбитые с толку и встревоженные, смотрели на Англию как на своего защитника и прибежище. Англия была признанным центром протестантской власти и политики; и завоевать Англию означало нанести удар протестантизму в самое сердце. Сикст V, правивший в то время папа римский, настойчиво призывал Филиппа к этому предприятию. И когда до Италии и Испании дошла весть о том, что протестантская

королева Англии предала смерти свою пленницу-католичку Марию, королеву Шотландии, ярости Ватикана и Эскуриала не было предела.

Принц Пармский, назначенный военным руководителем экспедиции, собрал на побережье Фландрии отряд ветеранов, которому предстояло сыграть главную роль в завоевании Англии. Помимо войск, находившихся в его гарнизонах или под его знаменами, ему было направлено пять тысяч пехотинцев из северной и центральной Италии, четыре тысячи из Неаполитанского королевства, шесть тысяч из Кастилии, три тысячи из Арагона, три тысячи из Австрии и Германии вместе с четырьмя эскадронами тяжеловооруженной конницы; кроме того, он получил войска из Франш-Конте и Валлонии. По его приказу лес Ваэс был срублен для постройки плоскодонных лодок, которые, спустившись по рекам и каналам в Мейнпорт и Дюнкерк, должны были доставить эту большую армию отборных войск к устью Темзы под эскортом огромного испанского флота. Орудийные лафеты, фашины, машины, используемые при осадах, вместе со всеми материалами, необходимыми для наведения мостов, разбивки лагерей и возведения крепостей, должны были быть доставлены на борт флотилий принца Пармского, который последовал за завоеванием Нидерландов, одновременно готовясь к вторжению на этот остров. Пользуясь разногласиями между повстанцами Соединенных провинций и Лестера, принц Пармский вернул себе Девентер, а также форт перед Зутфеном, который английские военачальники сэр Уильям Стэнли, друг Баббингтона, и сэр Роланд Йорк сдали ему, когда со своими войсками перешли на службу Филиппу II после смерти Марии Стюарт, и он также стал хозяином Слейса. Его намерение состояло в том, чтобы оставить графу де Мансфельду достаточные силы для продолжения войны с голландцами, которая теперь стала второстепенной целью, в то время как сам он отправился во главе пятидесятитысячной армады и флотилии для выполнения главного предприятия — того предприятия, которое в высшей степени затрагивало интересы папской власти. В булле, которую предполагалось держать в секрете до дня высадки, Сикст V, возобновляя анафему, обрушенную на Елизавету Пием V и Григорием XIII, якобы низложил ее с нашего трона. [См. книгу Минье "Мария, королева Шотландии", том ii.]

Елизавету объявили кровожадной еретичкой, уничтожение которой было немедленным долгом. Был заключен официальный договор (в июне 1587 г.), по которому папа обязался внести миллион скуди на военные расходы; деньги должны были быть выплачены, как только король вступит в фактическое владение английским портом. Филипп, со своей стороны, до предела напряг ресурсы своей огромной империи. Французские католические вожди охотно сотрудничали с ним. В морских портах Средиземноморья и почти по всему побережью от Гибралтара до Ютландии приготовления к великому вооружению продвигались со всей серьезностью религиозного рвения, а также неистового честолюбия. "Таким образом, - говорит немецкий историк пап [Ранке, т. ii, с. 172.], - таким образом, соединенные державы Италии и Испании, от которых исходило такое могущественное влияние на весь мир, теперь поднялись для нападения на Англию! Король уже составил из архивов Симанкаса отчет о своих притязаниях на трон этой страны в связи с прекращением рода Стюартов; самые блестящие перспективы, особенно вселенское владычество на морях, были связаны в его сознании с этим предприятием. Казалось, все сговорилось для достижения этой цели: преобладание католицизма в Германии, возобновление нападения на гугенотов во Франции, покушение на Женеvu и предприятие против Англии. В то же самое время принц-католик Сигизмунд III взошел на трон Польши с перспективой наследования трона Швеции в будущем. Но всякий раз, когда какой-либо принцип или сила, какой бы она ни была, стремится к неограниченному господству

в Европе, неизменно возникает некое энергичное сопротивление этому, берущее начало в глубочайших истоках человеческой натуры. Филипп II. им пришлось столкнуться с недавно пробудившимися силами, воодушевленными энергией молодости и возвышенными осознанием своего будущего предназначения. Бесстрашные корсары, которые сделали небезопасными все моря, теперь столпились у берегов своего родного острова. Все протестанты, даже пуритане, хотя они подвергались таким же жестоким притеснениям, как и католики, сплотились вокруг своей королевы, которая теперь явила замечательное доказательство своего мужского мужества и своего королевского таланта завоевывать расположение, руководить умами и сохранять верность мужчин ".

Ранке следовало бы добавить, что английские католики в этот кризис проявили себя такими же верными своей королеве и своей стране, как и самые ярые антикатолические фанатики на острове. Было несколько предателей, но все англичане, придерживавшиеся древней веры, благородно выдержали испытание своим патриотизмом. Сам лорд-адмирал был католиком, и (по словам Хэллема) "тогда католики в каждом графстве встали под знамена лорда-лейтенанта, умоляя, чтобы их не заподозрили в том, что они променяли национальную независимость на саму свою религию". Испанец не нашел партизан в стране, на которую он напал, как и Англия, покалечившая себя,

"Лежать у гордых ног своего врага".

В течение некоторого времени назначение огромного вооружения Филиппа публично не объявлялось. Только сам Филипп, папа Сикст, герцог де Гиз и любимый министр Филиппа Мендоса поначалу знали его истинную цель. Усердно распространялись слухи о том, что он был предназначен для того, чтобы отправиться в Индию для реализации обширных проектов далеких завоеваний. Иногда послы Филиппа при иностранных дворах намекали, что его повелитель решился на решительные действия по подавлению мятежников в Нидерландах. Но Елизавета и ее государственные деятели не могли смотреть на надвигающуюся такую бурю, не осознавая вероятности того, что она разразится у их собственных берегов. Еще весной 1587 года Елизавета отправила сэра Фрэнсиса Дрейка в круиз по Тежу. Дрейк вошел в Кадисский залив и на Лиссабонские дороги и сжег много кораблей и военных припасов, вызвав тем самым значительную задержку в ходе испанских приготовлений. Дрейк назвал это "Подпалив бороду королю Испании". Елизавета также увеличила количество своих войск, направляемых на помощь нидерландцам, чтобы помешать принцу Пармскому сокрушить их и оттуда иметь полное право использовать свою армию против ее владений.

Каждая сторона в то время считала политичным попытаться развлечь своего противника, делая вид, что ведет переговоры о мире, и в начале 1588 года в Остенде были начаты переговоры, которые продолжались в течение первых шести месяцев того же года. Ничего реального не было произведено, и, вероятно, они не предполагали, что это будет сделано. Но тем временем каждая сторона была вовлечена в важные переговоры с главными державами Франции, в которых Елизавета, поначалу казалось, получила большое преимущество, но в конечном итоге Филипп одержал верх. "Генрих III Французский был встревожен переговорами, которые шли в Остенде; и он особенно опасался любого соглашения между Испанией и Англией, вследствие которого Филипп II мог бы получить возможность подчинить Соединенные провинции и стать хозяином Франции. Поэтому, чтобы отговорить Елизавету от какого-либо соглашения, он

предложил поддержать ее в случае нападения испанцев вдвое большим количеством войск, которые он был обязан по договору 1574 года направить ей на помощь. Он долго совещался по этому поводу с ее послом Стаффордом и сообщил ему, что папа и король-католик заключили союз против королевы, его любовницы, и пригласили его самого и венецианцев присоединиться к ним, но они отказались это сделать. "Если королева Англии, - добавил он, - заключит мир с королем-католиком, этот мир не продлится и трех месяцев, потому что король-католик всеми своими силами поможет Лиге свергнуть ее, и вы можете себе представить, какая участь уготована вашей любовнице после этого". С другой стороны, чтобы наиболее эффективно сорвать эти переговоры, он сделал предложение Филиппу II. создать еще более тесный союз между двумя коронами Франции и Испании; и в то же время он тайно отправил конфиденциального посланника в Константинополь, чтобы предупредить султана, что, если он снова не объявит войну католическому королю, этот монарх, который уже владел Нидерландами, Португалией, Испанией, Индией и почти всей Италией, вскоре станет хозяином Англии, а затем повернет силы всей Европы против турок ". [История Марии, королевы Шотландии, Минье, том ii.]

Но у Филиппа был союзник во Франции, который был гораздо могущественнее французского короля. Это был герцог де Гиз, глава Лиги и кумир фанатичных сторонников римской веры. Филипп открыто убедил Гиза поднять оружие против Генриха III. (которого члены Лиги поносили как предателя истинной Церкви и тайного друга гугенотов); и таким образом помешать французскому королю вмешаться в пользу королевы Елизаветы. С этой целью командир Хуан Инигес Морео был отправлен им в начале апреля к герцогу де Гизу в Суассон. Он добился полного успеха. Он предложил герцогу де Гизу, как только тот выступит в поход против Генриха III, триста тысяч крон, шесть тысяч пехотинцев и тысячу двести пикинеров от имени короля, своего повелителя, который, кроме того, отозвал бы своего посла от французского двора и аккредитовал бы посланника при католической партии. На этих условиях был заключен мирный договор, и герцог де Гиз вступил в Париж, где его ожидали члены Лиги и откуда он изгнал Генриха III. 12 мая, в результате восстания на баррикадах. Через две недели после этого восстания, которое свергло Генриха III. из-за бессилия и, выражаясь языком принца Пармского, даже не "разрешив ему помочь английской королеве своими слезами, поскольку он нуждался в том, чтобы все они оплакивали его собственные несчастья", испанский флот покинул Тахо и отплыл к британским островам ". [Минье.]

Тем временем в Англии, от государя на троне до крестьянина в коттедже, все сердца и руки были готовы встретить неминуемую смертельную опасность. Циркулярные письма от королевы были разосланы лордам-лейтенантам нескольких графств с требованием к ним "созвать лучших джентльменов под своим командованием и объявить им об этих великих приготовлениях и высокомерных угрозах, которые в настоящее время разразились на морях, где особое состояние каждого человека в высшей степени может быть затронуто в отношении страны, свободы, жен, детей, земель, жизней и (что особенно следует учитывать) исповедания истинной религии Христа: и представить им бесконечные и невыразимые страдания, которые выпадут на их долю". при любом таком изменении, какие несчастья были очевидны по плодам этого жесткого правительства, проводимого в недалеких странах. Мы действительно полагаем, - сказала королева, - что большая часть из них должна иметь, по этому чрезвычайному случаю, большее количество мебели, как для всадников, так и для лакеев, но особенно для всадников, чем было сертифицировано; таким образом, они должны быть максимально защищены от любых покушений или использоваться для нашей собственной персоны или иным образом. И

поскольку мы не сомневаемся, что благодаря вашим добрым усилиям они станут достаточно послушными, мы также заверяем себя, что Всемогущий Бог так благословит эти их верные сердца, обращенные к нам, их любящему суверену и их естественной стране, что все попытки любого врага будут сведены на нет, к их смущению, вашему утешению и великой славе Божьей ". [Страйп, цитируется в книге Саути "Военно-морская история".]

Письма подобного рода были также разосланы советом каждому представителю знати и в крупные города. Примас призвал духовенство внести свой вклад, и все слои общества откликнулись на этот призыв с либеральным рвением, предложив даже больше, чем требовала королева. Хвастливые угрозы испанцев подняли дух нации; и весь народ "был крайне раздражен, чтобы поднять все свои силы для защиты от таких предсказанных завоеваний; так что за очень короткое время все королевство и каждый уголок были снабжены вооруженными людьми, конными и пешими; и они постоянно обучались, упражнялись и формировались в отряды таким воинственным образом, какого еще никогда не было в этом королевстве. Не жалели денег на лошадей, доспехи, оружие, порох и все необходимое; во всех без исключения графствах королевства не было ни пионеров, ни экипажей, ни провизии для обслуживания армий. И этому общему убранству каждый мужчина добровольно предлагал, очень многие свои услуги лично без жалованья, другие деньги на доспехи и оружие, а также на наемных солдат: дело странное, и никогда о подобном не слышали ни в этом королевстве, ни где-либо еще. И эта общая причина побудила всех людей внести большой вклад: когда предстояло выдержать завоевание, в результате которого все должно было быть потеряно, не было времени жалеть часть ". [Копия письма современника из коллекции Harleian, цитируется Саути.]

Наша королева с лвиным сердцем показала себя достойной такого народа. В Тилбери был разбит лагерь, и там Елизавета проехала по рядам, подбадривая своих капитанов и солдат своим присутствием и словами. Сохранилась одна из речей, с которыми она обратилась к ним во время этого кризиса; и, хотя ее часто цитируют, здесь ее нельзя опускать.

"Мой любящий народ, - сказала она, - некоторые из тех, кто заботится о нашей безопасности, убедили нас обратить внимание на то, что мы вверяем себя вооруженным силам из страха предательства; но я уверяю вас, я не желаю жить, не доверяя моему верному и любящему народу. Пусть тираны боятся! Я всегда вел себя так, что, клянусь Богом, я полагал свою главную силу и защиту в верных сердцах и доброй воле моих подданных; и, следовательно, я пришел к вам, как вы видите, в это время не для развлечения или забавы, а будучи решенным в разгар и в пылу битвы жить или умереть среди всех вас, положить за моего Бога, за мое королевство и за мой народ свою честь и свою кровь, даже в прах. Я знаю, что у меня тело всего лишь слабой женщины, но у меня сердце и желудок короля, и короля Англии тоже; и я считаю отвратительным презрением, что Парма, или Испания, или любой другой принц Европы осмеливаются вторгнуться в границы моего королевства; я сам возьму в руки оружие, я сам буду вашим полководцем, судьей и защитником всех ваших добродетелей на поле боя. Я уже знаю, что за вашу дерзость вы заслужили награды и короны; и мы заверяем вас, что, по слову принца, они будут вам должным образом выплачены. Тем временем вместо меня будет мой генерал-лейтенант, более благородным и достойным подданным которого никогда не командовал принц, не сомневаюсь, что благодаря вашему послушанию моему генералу, вашему согласию в лагере и вашей доблести на поле боя мы вскоре одержим знаменитую победу над этими врагами моего Бога, моего королевства и моего народа ".

У нас есть мельчайшие доказательства мастерства, с которым правительство Елизаветы провело свои приготовления; ибо до сих пор существуют документы, составленные в то время министрами и военными, с которыми Елизавета консультировалась относительно обороны страны. [См. Примечание в книге Тайтлера "Жизнь Роли", стр. 71.] Среди тех, кого вызвали на совет к своей королеве в этот кризис, были сэр Уолтер Рэли, лорд Грей, сэр Фрэнсис Ноулз, сэр Томас Лейтон, сэр Джон Норрис, сэр Ричард Гренвилл, сэр Ричард Бингхэм и сэр Роджер Уильямс; и биограф сэра Уолтера Рэли отмечает, что "Эти советники были выбраны королевой не только как люди, приученные к оружию, и некоторые из них, как Грей, Норрис, Бингхэм и Гренвилл, обладали высокими военными талантами, но и большим опытом в государственных делах и в гражданском управлении". провинций, — качества отнюдь не второстепенные, когда дебаты касались не просто руководства армией или плана кампании, но организации ополчения и связи с магистратами для вооружения крестьянства и поощрения их к решительному и одновременному сопротивлению. Из некоторых личных бумаг лорда Берли явствует, что сэр Уолтер принимал главное участие в этих обсуждениях; и предполагается, что краткое изложение их работы, документ, сохранившийся до сих пор, было составлено им. Сначала они составили список мест, где, вероятно, испанская армия могла попытаться высадиться, а также тех, которые были наиболее уязвимы для войск герцога Пармского. Затем они рассмотрели самые быстрые и эффективные средства обороны, будь то фортификационные сооружения или сбор военного контингента; и, наконец, обсудили курс, который следует избрать для борьбы с врагом, если он высадится".

Некоторые советники Елизаветы рекомендовали, чтобы все заботы и ресурсы правительства были направлены на оснащение армий, и чтобы врага, когда он попытается высадиться, приветствовали сражением на берегу. Но возобладали более мудрые советы Рэли и других, которые настаивали на важности оснащения флота, который должен был встретить испанцев в море и, по возможности, вообще помешать им приблизиться к суше. В большом труде Рэли "Всемирная история", обсуждая некоторые события первой Пунической войны, он пользуется случаем, чтобы высказать свои рассуждения о правильной политике Англии при угрозе вторжения. Без сомнения, мы имеем дело с содержанием совета, который он дал совету Елизаветы; и замечания такого человека по такому вопросу представляют общий и непреходящий интерес, выходящий за рамки непосредственной опасности, которая их вызвала. Рейли ["Всемирная история", стр. 799-801.] говорит: "Конечно, я считаю, что лучший способ - не дать нашим врагам ступить на нашу землю: если мы потерпим неудачу, тогда мы должны постараться заставить его пожалеть, что он не остался в своем собственном доме. В таком случае, если это должно произойти, наши суждения должны взвесить множество конкретных обстоятельств, которые не относятся к данному дискурсу. Но если говорить об общем, положительном вопросе, СМОЖЕТ ЛИ Англия БЕЗ ПОМОЩИ СВОЕГО ФЛОТА ПОМЕШАТЬ ПРОТИВНИКУ ВЫСАДИТЬСЯ НА БЕРЕГ; я считаю, что она не в состоянии этого сделать; и поэтому я считаю крайне опасным затевать эту авантюру. Ибо поощрение врага первой победой и уныние от поражения для захваченных может повлечь за собой самые опасные последствия.

"Я знаю, что существует большая разница и следует принимать различия во внимание различия между такой страной, как Франция, укрепленной множеством укрепленных мест, и нашей, где наши бастионы - всего лишь тела людей. Но я говорю, что армии, которую нужно переправить по морю и снова высадить во вражеской стране, а место оставить на усмотрение захватчика, нельзя оказать сопротивление на побережье Англии без флота, способного

воспрепятствовать этому; нет, также как и на побережье Франции или какой-либо другой страны; за исключением того, что в каждом заливе, порту или песчаной бухте была мощная армия, в каждой из которых можно было оказать сопротивление. Ибо пусть будет допущено предположение, что Кент способен предоставить двенадцать тысяч пехотинцев и что эти двенадцать тысяч будут размещены в трех лучших местах высадки в этой стране, а именно: три тысячи в Маргате, три тысячи в Нессе и шесть тысяч в Фоулкстоне, то есть несколько на равном расстоянии от них обоих; а также что два из этих войск (если только какой-либо другой приказ не будет сочтен более подходящим) будут направлены для усиления третьего, когда они увидят, что флот противника направляется к нему: я говорю, что, несмотря на это положение, если враг, отплывая с острова, направится к нему. конечно, в первую ночную стражу, буксируя за кормой свои длинные лодки, они придут к рассвету в Нессе и высадят там свою армию на берег, тем трем тысячам, которые находятся в Маргате (двадцать четыре долгих мили оттуда), будет трудно прибыть вовремя, чтобы подкрепить своих товарищей в Нессе. Нет, как они в Фолкстоне смогут это сделать, ведь они ближе более чем на половину пути? видя, что враг при своем первом появлении либо войдет силой, тремя или четырьмя залпами мощной артиллерии, и быстро обратит в бегство первые три тысячи, которые окопались в Нессе, либо даст им столько работы, что они будут рады послать за помощью в Фолкстон и, возможно, в Маргат, в результате чего эти места останутся голыми. Теперь давайте предположим, что все двенадцать тысяч кентских солдат придут в Несс до того, как враг будет готов высадить свою армию, так что ему будет небезопасно высаживаться на берег перед лицом стольких людей, готовых противостоять ему, и все же мы должны верить, что он разыграет свою собственную игру наилучшим образом (имея свободу идти любым путем по своему выбору) и под покровом ночи отплывет на восток, где что помешает ему закрепиться либо в Маргате, либо в Даунсе, либо в другом месте, прежде чем они, в Нессе, смогут хорошо узнать о его присутствии. отъезд? Конечно, нет ничего проще, чем сделать это. Да, то же самое можно сказать о Веймуте, Пербеке, Пуле и обо всех пристанях на юго-западе. Ибо нет человека, не знающего, что корабли, не запыхавшись, легко обогнают пиратов, которые их берегут. "LES ARMEES NE VOLONT POINT EN POSTE" — "Армии не летают и не занимают постов", - говорит маршал Франции. И я знаю, что это правда, что флотилию кораблей можно увидеть на закате, а после него у Лизарда, но к следующему утру они могут захватить Портленд, в то время как пешая армия не сможет пройти его маршем за шесть дней. Опять же, когда эти войска, расквартированные на морских берегах, будут вынуждены напрасно перебегать с места на место вслед за флотом кораблей, они, в конце концов, сядут на полпути и бросят все на произвол судьбы. Но предположим, что было бы иначе, что вторгшийся враг предложит высадиться в каком-нибудь таком месте, где будет наша армия, готовая принять его; однако в этом нельзя сомневаться, но когда все наши обученные отряды и наши командиры и капитаны будут собраны вместе (как это было в Тилбери в 1588 году) для сопровождения особы принца и для защиты Лондонского сити, те, кто останутся охранять побережье, не смогут иметь такой силы, чтобы противостоять армии, подобной той, с которой предполагалось выступить принцу Англии. "Парма" должна была приземлиться в Англии.

Завершая это отступление, я надеюсь, что этот вопрос никогда не будет вынесен на суд; многочисленные передвижные форты его величества воспрепятствуют этому опыту. И хотя англичане не менее презрительно отнесутся к тому, что может сделать любая нация под небесами, потерпев поражение на своей собственной земле или где-либо еще от иностранного врага, все же угостить тех, кто нападет на нас, их собственной говядиной в желудках, прежде чем они съедят наших кентских каплунов, я считаю самым мудрым способом; для этого его

величество, вслед за Богом, пустит в море свои хорошие корабли и не будет надеяться ни на какие укрепления на берегу".

Внедрение пара в качестве движущей силы на море придало десятикратный вес этим аргументам Рэли. С другой стороны, хорошо построенная система железных дорог, особенно береговых линий, подкрепленная работой электрического телеграфа, предоставила бы возможности для сосредоточения армии обороны для противодействия врагу при высадке на берег и для переброски войск с места на место для наблюдения за передвижениями вражеского флота, что удивило бы сэра Уолтера даже больше, чем вид судов, быстро курсирующих туда-сюда без помощи ветра или прилива. Наблюдение французского маршала, которое он цитирует, теперь уже не соответствует действительности. Армии можно заставить перемещаться с места на место почти со скоростью крыльев, и гораздо быстрее, чем любое последующее путешествие, известное в елизаветинскую или любую другую эпоху. Тем не менее, присутствие достаточной вооруженной силы в нужном месте в нужное время никогда не может быть предметом уверенности; и даже после произошедших изменений никто не может сомневаться, что политика Рэли - это та политика, которой Англия всегда должна стремиться следовать в оборонительной войне. Во времена Армады эта политика, безусловно, спасла страну если не от завоевания, то, по крайней мере, от прискорбных бедствий. Если бы враг действительно высадился, мы можем быть уверены, что он оказал бы героическое сопротивление. Но история показывает нам так много примеров превосходства опытных войск над новобранцами, какими бы многочисленными и храбрыми они ни были, что, не умаляя солдатских заслуг наших соотечественников, мы вполне можем быть благодарны судьбе за то, что тогда на английской земле их не судили. Особенно мы должны чувствовать это, когда сравниваем высокий военный гений принца Пармского, который мог бы возглавить испанцев, с идиотизмом графа Лестерского, которому прискорбный дух фаворитизма, составлявший величайший изъян в характере Елизаветы, тогда поручил главнокомандование английскими армиями.

Кораблей королевского военно-морского флота в то время насчитывалось не более тридцати шести; но самые исправные торговые суда были собраны из всех портов страны; и граждане Лондона, Бристоля и других крупных торговых центров проявляли такое же усердие в снаряжении судов и укомплектовании их персоналом, какое аристократия проявляла при наборе войск на суше. Морское население побережья, всех рангов и положений, было воодушевлено тем же духом готовности; и общее число моряков, прибывших пополнить английский флот, составляло 17 472 человека. Количество собранных судов составило 191, а общая сумма их водоизмещения - 31 985. Во флоте был один корабль ("Триумф") водоизмещением 1100 тонн, один водоизмещением 1000, один водоизмещением 900, два водоизмещением по 800 тонн каждый, три водоизмещением 600, пять водоизмещением 600, пять водоизмещением 400, шесть водоизмещением 300, шесть водоизмещением 250, двадцать водоизмещением 200, а остаток водоизмещением более низкого качества. К голландцам была обращена просьба о помощи; и, как выражает это Стоуз, "Голландцы окружили их с шестьюдесятью боевыми кораблями под парусами, отважными, свирепыми и полными злобы, не столько для помощи Англии, сколько просто для собственной защиты; эти люди предвидели величие опасности, которая могла возникнуть, если испанцам удастся одержать победу и одержать над ними верх; в должном отношении их мужество не уступало никому".

У нас есть более подробная информация о численности и оснащении враждебных сил, чем о наших собственных. В первом томе "Путешествий" Хаклюта, посвященном лорду Эффингему, командовавшему Армадой, приводится (от современного иностранного писателя Метерана) более полный и подробный каталог подобного вооружения, чем, возможно, когда-либо появлялся.

"Очень большое и подробное описание этого военно-морского флота было напечатано и опубликовано испанцами; в нем были указаны количество, названия и ноша кораблей, количество моряков и солдат во всем флоте; точно так же количество их снаряжения, их доспехов, патронов, спичек, ружейного пороха, провианта и всего их корабельного снаряжения было подробно указано в указанном описании. Ко всему этому были добавлены имена губернаторов, капитанов, дворян и джентльменов-волонтеров, которых было так много, что едва ли во всей Испании нашлось бы какое-нибудь сопровождающее семейство или какой-нибудь высокопоставленный человек, у которого не было бы брата, сына или родственника в этом флоте; все они были в доброй надежде приобрести себе в этом флоте (как они его называли) непобедимую, бесконечную славу и прославление и завладеть великими сеньориями и богатствами в Англии и на Низких континентах. Страны. Но поскольку указанное описание было переведено и опубликовано с испанского на множество других языков, мы приведем здесь лишь его сокращение или краткое повторение.

"Португалия обставила под руководством герцога Медина Сидонии, генерала флота, десять галеонов, два забраэ, 1300 моряков, 3300 душман, 300 великолепных предметов со всей необходимой мебелью.

"Бискайя под предводительством Джона Мартинеса де Рикальде, адмирала всего флота, выставила десять галеонов, четыре паташа, 700 моряков, 2000 душманов, 260 отличных орудий и т. Д.

"Гипуско" под руководством Майкла де Оркендо, десять галеонов, четыре патача, 700 моряков, 2000 душителей, 310 великолепных произведений.

"Италия с островами Леванта, под командованием Мартины де Вертендона, десять галеонов, 800 моряков, 2000 душителей, 310 великолепных произведений искусства и т.д.

"Кастилия под командованием Диего Флореса де Вальдеса, четырнадцать галеонов, два патача, 1700 моряков, 2400 душегубов и 388 отличных орудий и т.д.

"Андалузия" под руководством Петро де Вальдеса, десять галеонов, один паташ, 800 моряков, 2400 душегубов, 280 отличных предметов и т.д.

"Пункт под руководством Джона Лопеса де Медины, двадцать три огромных фламандских корабля, с 700 моряками, 3200 душегубами и 400 великолепными орудиями,

"Пункт под командованием Уго де Монкада, четыре галеры, в которых находилось 1200 галерных рабов, 460 моряков, 870 душегубов, 200 отличных орудий и т.д."

"Пункт под командованием Диего де Мандраны - четыре португальские галеры с 888 галерными рабами, 360 матросами, двадцатью великолепными орудиями и другим необходимым снаряжением.

"Пункт под командованием Антони де Мендосы, двадцать два патача и забре, 574 моряка, 488 душегубов и 193 отличных образца.

"Помимо вышеупомянутых кораблей, имелось двадцать каравелл с веслами, назначенных для несения необходимых служб на более крупных кораблях, так что все корабли, принадлежащие к этому флоту, насчитывали в сумме 150 кораблей, каждый из которых был достаточно обеспечен мебелью и провиантом.

"Число моряков во флоте сайде превышало 8000 человек, из них 2088 рабов, 20 000 солдат (не считая дворян и джентльменов-добровольцев), 2600 больших литых изделий. Вышеупомянутые корабли были огромной и невероятной вместимости: весь флот был достаточно велик, чтобы вместить 60 000 тоннелей.

"Галеонов было 64, они были огромного размера и очень плоско построены, к тому же отличались огромной силой и были такими высокими, что напоминали огромные замки, наиболее пригодные для самозащиты и противостояния любому нападению, но в том, что касалось столкновения с любыми другими кораблями, они намного уступали английским и голландским кораблям, которые с большой ловкостью могут поворачивать при любых испытаниях. Верхняя часть упомянутых галеонов была достаточно толстой и прочной, чтобы выдержать мушкетный выстрел. Нижние постройки и их бревна были сверх меры прочными, их каркас был сделан из досок и ребер толщиной в четыре или пять футов, так что никакие пули не могли пробить их, кроме тех, которые были выпущены с большим трудом; что впоследствии подтвердилось, поскольку было обнаружено, что большое количество пуль прочно застревало в массивном веществе этих толстых досок. Большие и хорошо натянутые канаты были обвиты вокруг мачт их кораблей, чтобы укрепить их от артиллерийских залпов.

"Галлиасы были таких размеров, что в них помещались покои, часовни, башенки, кафедры и другие принадлежности великих домов. Галлиасы гребли большими веслами, и в эче у одного из них было 300 рабов для той же цели, и они могли оказывать большую услугу в силу своего предписания. Все это, вместе с вышеупомянутым имуществом, было обставлено и украшено трубами, вымпелами, знаменами, воинственными знаками отличия и другими подобными украшениями.

"Их медных обрядов было 1600, а лет - 1000.

"Количество принадлежащих ему пуль составило 120 тыс.

"Ружейный порох - 5600 центнеров. Матча - 1200 центнеров. Мушкеты и калибры - 7000. Халебертов и партизан - 10 000 человек.

Кроме того, у них был большой запас канонов, дустволок, обрезков и полевых орудий для наземных служб.

"Точно так же они были обеспечены всеми инструментами, необходимыми на суше для транспортировки своей мебели с места на место; а именно тележками, колесами, фургонами и т. Д. Также у них были лопаты, мотыги и корзины, чтобы натравливать пионеров на работы. У них был также большой запас мулов и лошадей и всего остального, что требовалось для сухопутной армии. У них было так много сухарей, что в течение полугода они могли бы позволить каждому

человеку во всем флоте получать по половине центнера в месяц; общая сумма составляет сто тысяч центнеров.

Точно так же у них было 147 тысяч трубок вина, которых хватило бы и на половину годовой экспедиции. Бекон - 6500 центнеров. Сыра - три тысячи центнеров. Помимо рыбы, добавьте рис, фасоль, горошек, масла, уксус и т.д.

Кроме того, у них было 12 000 труб с пресной водой и все другие необходимые припасы, а именно свечи, фонари, лампы, паруса, конопля, бычьи шкуры и свинец, чтобы затыкать отверстия, которые следовало проделать батареей ружейных выстрелов. Короче говоря, они привезли все необходимое как для флота по морю, так и для армии по суше.

"Этот флот (как впоследствии признался Диего Пиментелли) был почитаем самим королем за то, что содержал 32 000 человек и обходился ему каждый день в 30 тысяч дукатов.

"В упомянутом военно-морском флоте было пять терзаний испанцев (которые французы называют терзаниями полков) под командованием пяти губернаторов, которых испанцы называли хозяевами поля боя, а среди остальных было много старых и опытных солдат, отобранных из гарнизонов Сицилии, Неаполя и Терсеры. Их капитанами или полковниками были Диего Пиментелли, дон Франсиско де Толедо, дон Алонко де Лукон, дон Николас де Исла, дон Аугустин де Мехия; под началом каждого из них было по тридцать две роты. Помимо рот which, было также много отрядов кастильцев и португальцев, у каждого из которых были свои особые губернаторы, капитаны, офицеры, цвета и оружие".

В то время как эта огромная армада готовилась в южных портах испанских владений, принц Пармский с почти невероятным трудом и умением собрал эскадру военных кораблей в Дюнкерке и свою флотилию из других кораблей и плоскодонных лодок для перевозки в Англию отборных войск, которые должны были стать главными инструментами в покорении Англии. Тысячи рабочих были заняты днем и ночью на строительстве этих судов в портах Фландрии и Брабанта. Сотня таких судов, называемых hendes, построенных в Антверпене, Брюгге и Генте и нагруженных провиантом и боеприпасами, вместе с шестьюдесятью плоскодонными лодками, каждая из которых могла перевозить тридцать лошадей, были доставлены по каналам и рвам, специально вырытым для этой цели, в Ньюпор и Дюнкерк. На прежнем месте было снаряжено сто судов поменьше, а в Дюнкерке - тридцать два, снабженных двадцатью тысячами пустых бочек и материалами для изготовления понтонов, закупорки гаваней и возведения фортов и укреплений. Армия, которую эти суда должны были доставить в Англию, насчитывала тридцать тысяч человек, не считая четырехтысячного отряда кавалерии, расквартированного в Куртруа, состоявшего главным образом из самых способных ветеранов Европы, ободренных отдыхом (осада Слейса была единственным предприятием, в котором они были задействованы во время последней кампании) и возбужденных надеждами на грабеж и ожиданием верного завоевания. [Холланд Дэвиса, том ii, стр. 219.] И "для этого великого предприятия и воображаемого завоевания разные принцы и знать прибыли из разных стран; из Испании прибыл герцог Пестрана, который, как говорили, был сыном Руя Гомеса де Сильвы, но считался незаконнорожденным сыном короля; маркиз Бургу, один из сыновей эрцгерцога Фердинанда от Филиппины Вельзерин; дон Веспасиан Гонзага из дома Мантуи, великий солдат, который был вице-королем Испании; Джованни де Медичи, незаконнорожденный сын Флоренции; Амедо, Бастард Савойский, со многими такими же, не считая других, более низкого качества. [Гримстоун, цитируется в Саути.]

Дезертир сэр Уильям Стэнли посоветовал Филиппу не нападать на Англию в первую очередь, а сначала произвести высадку и занять прочную позицию в Ирландии; его адмирал Санта-Крус рекомендовал ему в первую очередь позаботиться о какой-нибудь крупной гавани на побережье Голландии или Зеландии, где армада, войдя в Ла-Манш, могла бы найти убежище в случае шторма и откуда она могла бы без затруднений отплыть в Англию; но Филип отверг оба этих совета и распорядился, чтобы непосредственным объектом нападения стала сама Англия; и 20 мая адмирал Санта-Крус объявил войну Англии. Армада покинула Тахо с помпой и гордостью от предполагаемой непобедимости, под крики тысяч людей, которые верили, что Англия уже завоевана. Но, держа курс на север и прежде чем удалиться от берегов Испании, Армада попала в сильный шторм и была отброшена назад, причинив значительный ущерб портам Бискайи и Галисии. Однако самые тяжелые потери он понес еще до того, как покинул Тежу, в результате гибели ветерана-адмирала Санта-Круса, которому было суждено вести его против Англии.

Этот опытный моряк, несмотря на свое усердие и успехи, не смог угнаться за нетерпеливым рвением своего хозяина. Филипп II. упрекнул его в медлительности и сказал с неблагодарной резкостью: "Ты плохо платишь за всю мою доброту к тебе". Эти слова ранили сердце ветерана и оказались роковыми для Санта-Круса. Подавленный усталостью и горем, он заболел и умер. Филипп II. его заменил Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония, один из самых могущественных испанских грандов, но совершенно неквалифицированный для командования такой экспедицией. Однако его лейтенантами были два моряка, доказавших свое мастерство и храбрость, Хуан де Мартинес Рекальде из Бискайи и Мигель Оркендо из Гипускоа.

Весть о шторме, отбросившем армаду назад, достигла Англии с большим преувеличением, и некоторые советники королевы предположили, что вторжение теперь будет отложено еще на год. Но лорд Говард Эффингемский, лорд-адмирал английского флота, более мудро рассудил, что опасность еще не миновала, и, как уже упоминалось, имел моральное мужество отказаться от демонтажа своих основных кораблей, хотя и получил соответствующий приказ. Но в планы Говарда не входило держать английский флот в дорогостоящем бездействии и терпеливо ждать в наших собственных гаванях, пока испанцы соберут свои силы и снова выйдут в море, чтобы напасть на нас. Английские моряки того времени (как и их преемники) больше любили наносить удары, чем парировать, хотя, когда требовалась крайняя необходимость, они могли быть терпеливы и осторожны в своей храбрости. Было решено отправиться в Испанию, узнать истинное положение противника и нанести ему любой удар, для которого представится возможность. Мы вполне можем поверить, что в проведении этой смелой политики ему охотно помогали те, кто командовал под его началом. Говард и Дрейк соответственно отплыли в Ла-Корунью, надеясь застать врасплох и атаковать какую-нибудь часть армады в этой гавани; но когда они приблизились к побережью Испании, северный ветер, который дул до того времени, внезапно сменился на южный; и, опасаясь, что испанцы могут выйти в море и пройти мимо него незамеченными, Говард вернулся ко входу в Ла-Манш, где некоторое время крейсировал в поисках врага. В части письма, написанного им в этот период, он говорит о трудности охраны такого большого морского пространства — трудности, о которой не следует забывать, когда обсуждаются современные схемы обороны от вражеских флотов с юга. "Я сам, - писал он, - действительно стою посреди Ла-Манша с наибольшими силами; у сэра Фрэнсиса Дрейка двадцать кораблей и четыре или пять баркасов, которые направляются к Ушанту; а мистер Хокинс с еще таким же количеством кораблей направляется к Силли. Так мы и должны поступить, иначе при таком ветре они могли бы пройти мимо нас, и мы никогда бы об этом не

узнали. РУКАВ - это совсем не то, за что его принимали: мы находим, что благодаря опыту и ежедневным наблюдениям он простирается на 100 миль: большая комната, на которую я могу посмотреть! " Но через некоторое время новые сообщения о том, что испанцы бездействовали в своей гавани, где они жестоко страдали от болезней, заставили Говарда также ослабить бдительность; и он вернулся в Плимут с большей частью своего флота.

12 июля армада, полностью переоборудованная, снова отправилась в Ла-Манш и достигла его без препятствий и наблюдения со стороны англичан.

Замысел испанцев состоял в том, чтобы Армада передала им, по крайней мере на время, господство на море и присоединилась к эскадре, собранной Пармой у Кале. Затем, в сопровождении превосходящих военно-морских сил, Парма и его армия должны были сесть на свою флотилию и пересечь море в Англию, где они должны были высадиться вместе с войсками, которые Армада доставила из портов Испании. Этот план мало чем отличался от того, который был составлен против Англии немногим более двух столетий спустя.

Как Наполеон в 1805 году ждал со своей армией и флотилией в Булони, ожидая, что Вильнев прогонит английские крейсеры и обеспечит ему проход через Ла-Манш, так и Парма в 1588 году ждала, что Медина Сидония прогонит голландские и английские эскадры, наблюдавшие за его флотилией, и позволит его ветеранам пересечь море к земле, которую они должны были завоевать. Благодаря Провидению, в каждом случае враг Англии ждал напрасно!

Хотя количество парусников, собранных правительством королевы и патриотическим рвением добровольцев для защиты Англии, превышало количество парусников испанском флоте, английские корабли в совокупности намного уступали по размерам своим противникам; их общий тоннаж был вдвое меньше, чем у противника. В количестве орудий и весе металла диспропорция была еще больше. Английский адмирал также был вынужден разделить свои силы, и лорд Генри Сеймур с сорока лучшими голландскими и английскими кораблями был задействован в блокаде вражеских портов во Фландрии и в препятствовании выходу принца Пармского из Дюнкерка.

Приказ короля Филиппа герцогу де Медина Сидония состоял в том, что он должен был, войдя в Ла-Манш, держаться вблизи французского побережья и, в случае нападения английских кораблей, избегать боевых действий и следовать к рейдам Кале, где к нему должна была присоединиться эскадра принца Пармского. Надежда застать английский флот врасплох и уничтожить его в Плимуте побудила испанского адмирала отклониться от этих приказов и отойти к английскому берегу; но, обнаружив, что лорд Говард выходит ему навстречу, он вернулся к первоначальному плану и решил неуклонно прокладывать себе путь к Кале и Дюнкерку и продолжать просто обороняться от тех английских эскадр, которые могли бы с ним встретиться.

В субботу, 20 июля, лорд Эффингем предстал перед своими грозными противниками. Армада была выстроена в форме полумесяца, протяженностью около семи миль от рога до рога. Дул юго-западный ветер, и перед ним медленно плыли огромные суда. Англичане пропустили их, а затем, зайдя им в тыл, начали атаку на них. Завязался ожесточенный бой, в котором были захвачены некоторые из лучших кораблей испанцев; многие другие получили тяжелые повреждения; в то время как английские суда, которые позаботились не сближаться со своими крупными противниками, но воспользовались их превосходной быстротой в лавировании и

маневрировании, понесли сравнительно небольшие потери. Каждый день прибавлял не только боевого духа, но и численности отряда Эффингема. Роли, Оксфорд, Камберленд и Шеффилд присоединились к нему; и "джентльмены Англии наняли корабли со всех концов за свой счет и единодушно устремились туда, как на предначертанное поприще, где предстояло достичь славы и верно служить своему принцу и своей стране".

Рэли справедливо хвалит английского адмирала за его искусную тактику. Он говорит: [Всемирная история, стр. 791.] "Конечно, тот, кто с радостью примет бой на море, должен быть искусен в выборе судов для сражения; он должен верить, что на воде хорошее военное судно лучше, чем большая отвага; и должен знать, что есть большая разница между боем в одиночку или на свободе и схваткой. Орудия тихоходного корабля пробивают так же сильно и оставляют такие же большие пробоины, как и орудия быстрого. Бездумно сталкивать корабли друг с другом подобает скорее безумцу, чем воину, ибо из-за такой невежественной храбрости Питер Стросси погиб на Азорских островах, сражаясь против маркиза Санта-Крузы. Подобным же образом погиб бы в 1588 году лорд Чарльз Говард, адмирал Англии, если бы ему не посоветовали лучше, чем великому множеству злобных дураков, которые придирались к его поведению. У испанцев на борту была целая армия, а у него - ни одной; у них было больше кораблей, чем у него, и они были более высокой постройки и боеспособны; так что, связавшись с этими большими и могущественными судами, он поставил бы под серьезную угрозу это английское королевство. Ибо двадцать человек на оборонительных рубежах равны сотне, которая поднимется на борт и войдет внутрь; тогда как тогда, наоборот, у испанцев было сто человек на двадцать наших, чтобы всеми силами защищаться. Но наш адмирал знал свое преимущество и удержал его; чего бы он не сделал, он был недостоин того, чтобы держать голову".

Испанский адмирал также проявил большую рассудительность и твердость, следуя намеченной для него линии поведения; и 27 июля он привел свой флот целым, хотя и сильно потрепанным, на якорь на рейде Кале. Но король Испании неверно рассчитал численность и активность английского и голландского флотов; как выражает это старый историк, "Похоже, что герцог Пармский и испанцы основывались на тщетных и самонадеянных ожиданиях, что все корабли Англии и Нидерландов при первом же появлении испанского и дюнкеркского военно-морских сил обратятся в бегство, оставив им морские просторы, и попытаются только защитить себя, свои гавани и морские побережья от вторжения. Поэтому их намерение состояло в том, чтобы герцог Пармский на своих маленьких плоскодонных кораблях как бы под сенью и крылом испанского флота перевез все свои войска, доспехи и военную провизию и, объединив таким образом свои силы, вторгся в Англию; или, пока английский флот был занят борьбой с испанцами, вторгся в любую часть побережья, которую он сочтет наиболее удобной. Это вторжение (как впоследствии признались пленники) герцог Пармский, как он думал, сначала предпринял со стороны реки Темзы; на берегах которой, высадив при первом прибытии двадцать или тридцать тысяч своих главных солдат, он предположил, что мог бы легко овладеть городом Лондоном; как потому, что его небольшие корабли должны были следовать за его сухопутными войсками и помогать им, так и потому, что сам город был лишь слабо укреплен и его было легко одолеть, благодаря деликатности горожан и прекращению военных действий, а также из-за того, что они были вынуждены отступить. которые при постоянном труде могли бы быть побеждены, если бы не сдались при первом же натиске". [Путешествия Хаклюйта, том i. 601.]

Но англичане и голландцы нашли достаточно кораблей и моряков, чтобы держать в узде саму армаду и в то же время блокировать пармскую флотилию. Большая часть эскадры Сеймура покинула место своего крейсирования у Дюнкерка, чтобы присоединиться к английскому адмиралу у Кале; но голландцы укомплектовали около тридцати пяти парусов хорошими кораблями с большим количеством солдат на борту, все хорошо закаленные в морской службе, и с их помощью они блокировали фламандские порты, находившиеся во власти Пармы. И все же испанский адмирал и принц решили попытаться осуществить соединение, чему английские моряки были столь же полны решимости воспрепятствовать, и теперь с нашей стороны потребовались более смелые меры.

Армада вышла из Кале, ее самые большие корабли выстроились снаружи, "как крепкие замки, не боящиеся нападения; меньшие разместились в средней части". Английский адмирал не мог атаковать их на их позиции в невыгодных условиях, но в ночь на 29-е он направил к ним восемь брандеров, что почти сравнялось с эффектом брандеров, которые греки так часто использовали против турецкого флота в своей последней войне за независимость. Испанцы в замешательстве перерезали тросы и вышли в море. Один из самых сильных штормов налетел на другое судно и выбросил его на мель. Остальная часть флота была рассеяна по фламандскому побережью, и когда наступило утро, они с трудом и запозданием подчинились сигналу своего адмирала, чтобы выстроиться вокруг него у Гравелин. Теперь у англичан была прекрасная возможность напасть на них и помешать им когда-либо выпустить пармскую флотилию против Англии; и эта возможность была благородно использована. Дрейк и Феннер были первыми английскими капитанами, атаковавшими неповоротливых левиафанов; затем последовали Фентон, Саутвелл, Бертон, Кросс, Рейнор, а затем лорд-адмирал с лордом Томасом Говардом и лордом Шеффилдом. Испанцы думали только о том, чтобы построиться и держаться поближе друг к другу, и англичане прогнали их мимо Дюнкерка, подальше от принца Пармского, который, наблюдая за их поражением с побережья, должно быть, по выражению Дрейка, злился, как медведица, у которой отняли детенышей. Это действительно было последнее ирешающее сражение между двумя флотами. Это, пожалуй, лучше всего описано самими словами современного писателя, как мы можем прочесть их в "Хаклюте". [Т. I., с. 602.]

Утром 29 июля испанский флот после форсайтской суматохи, снова построившись в боевой порядок, был в пределах видимости Гревелинга самым храбрым и яростным образом встречен англичанами; где они снова уловили запах испанцев; которые скорее допустили, чтобы их лишили товара на Кале-роуд и преимущества ветра ближе к Дюнкерку, чем они изменили свой строй или разделили свои силы, теперь объединенные и сплоченные вместе, стоявшие только на защите.

"И тем не менее, в английском флоте было много превосходных и воинственных кораблей, но едва ли среди них было 22 или 23 корабля, которые по величине соответствовали 90 испанским кораблям или могли удобно атаковать их. Вот почему английские корабли, используя свою прерогативу маневренного управления, благодаря чему они могли поворачивать и управлять собой по ветру, в какую сторону им хотелось, часто подходили очень близко к испанцам и атаковали их так яростно, что время от времени они оказывались на расстоянии вытянутой пика друг от друга; и поэтому, постоянно давая бортовой залп за бортом, они выпустили по ним весь свой заряд, как большой, так и малый, проведя целый день с утра до ночи в этом жестоком сражении, пока у них не кончились порох и пули. В связи с этим они сочли удобным больше не преследовать испанцев, потому что у них было много больших преимуществ перед

англичанами, а именно из-за необычайных размеров их кораблей, а также из-за того, что они были так плохо соединены и держались вместе в таком хорошем строю, что с ними ни в коем случае нельзя было сражаться один на один. Поэтому англичане считали, что они вполне оправдали себя, преследуя испанцев сначала от Калейса, а затем от Дюнкерка, и тем самым помешали им встретиться с войсками герцога Пармского и, пронюхав о них, отогнать их от их собственных берегов.

"Испанцы в тот день понесли большие потери и повреждения, многие из их кораблей были расстреляны тороу и тороу, и они также применили большой арсенал средств против англичан; которые, действительно, столкнулись с некоторыми препятствиями, но не сравнимыми с потерями испанцев: ибо они не потеряли ни одного корабля или ответственного лица, поскольку было проведено очень тщательное расследование, англичане за все то время, пока испанский флот бороздил их моря, не обнаружили недостатка примерно в сотне своих людей: хотя корабль сэра Фрэнсиса Дрейка был пробит дробью. более сорока раз, и в самого его кэббена дважды выстрелили тороу, а к концу боя кровать одного джентльмена из сертейна, лежавшего после этого усталым, была выбита из-под него силой пули. Точно так же, когда граф Нортумберлендский и сэр Чарльз Блант однажды ужинали, пуля из пневматического ружья попала в самую середину их кочана капусты, коснулась их ног и ранила двух стоявших рядом зрителей, при этом с английскими кораблями произошло множество подобных происшествий, которые было утомительно репетировать".

То, что английский флот был настолько недостаточно снабжен боеприпасами, что не смог завершить уничтожение захватчиков, не делает чести английскому правительству. Но было сделано достаточно, чтобы обеспечить это. Многие из крупнейших испанских кораблей были потоплены или захвачены в ходе боевых действий того дня. И, наконец, испанский адмирал, отчаявшись в успехе, бежал на север с южным ветром в надежде обогнуть Шотландию и таким образом вернуться в Испанию без дальнейших столкновений с английским флотом. Лорд Эффингем оставил эскадру для продолжения блокады вооруженных сил принца Пармского; но этот мудрый генерал вскоре отвел свои войска на более перспективные направления действий. Тем временем сам лорд-адмирал и Дрейк преследовали "непобедимую армаду", как ее теперь называли, на некоторое расстояние к северу; а затем, когда казалось, что она отклоняется от шотландского побережья в сторону Норвегии, было сочтено лучшим, по словам Дрейка, "оставить их в этих бурных и неотесанных северных морях".

Страдания и потери, которые понесли несчастные испанцы во время своего бегства вокруг Шотландии и Ирландии, хорошо известны. Из всей их армады только пятьдесят три разбитых корабля вернули свои избитые и истощенные команды к испанскому побережью, которое они покинули с таким блеском и гордостью.

Некоторые отрывки из трудов тех, кто принимал участие в борьбе, уже были процитированы; и самое вдохновенное описание поражения Армады, которое когда-либо было написано, возможно, быть взято из письма, которое наш храбрый вице-адмирал Дрейк написал в ответ на некоторые лживые истории, с помощью которых испанцы пытались скрыть свой позор. Так он описывает сцены, в которых он сыграл столь важную роль: [См. Стрипо и примечания к "Жизни Дрейка" в "Британской биографии".]

"Они не стыдились публиковать на разных языках в печати великие победы на словах, которые, как они утверждали, одержали над этим королевством, и распространяли их в самом ложном

виде по всем частям Франции, Италии и в других местах; когда вскоре после этого всем народам было счастливо продемонстрировано на деле, что их флот, который они называли непобедимым, состоящий из ста сорока парусных кораблей, не только их собственного королевства, но и усиленный величайшими аргозийцами, португальцами, каракками, флорентийцами и крупными кораблями других стран, был на тридцать из собственных военных кораблей ее величества и нескольких наших собственных торговцев, благодаря мудрому, доблестному и выгодному поведению лорда Чарльза Говарда, верховного адмирала Англии, были разгромлены и перетасованы даже от Лизарда в Корнуолле, сначала до Портленда, когда они позорно покинули дона Педро де Вальдеса с его могучим кораблем; из Портленда в Кале, где они потеряли Хью де Монкадо с галерами, капитаном которых он был; и из Кале, снятые с якорей "сквибами", были изгнаны из поля зрения Англии, вокруг Шотландии и за ее пределами. Ирландия. Где из-за сочувствия их религии, в надежде найти поддержку, большая часть из них была разбита о скалы, а те другие, которые высадились, будучи очень многочисленными, были, несмотря на это, разбиты, убиты и взяты в плен; и так их отправляли из деревни в деревню, запряженных в упряжки, для отправки в Англию, где ее величество, с ее королевским и непобедимым нравом, пренебрегая казнью и не желая ни удерживать, ни развлекать их, все они были отправлены обратно в свои страны, чтобы засвидетельствовать и рассказать о достойном достижении их народа. непобедимый и ужасный военно-морской флот. Количество солдат, чудовищная нагрузка на их корабли, имена командиров каждой эскадры, а также все остальные их запасы провизии были опубликованы в печати в качестве непреодолимого и вызывающего презрение предупреждения армии и флота: несмотря на все их великое и ужасное бахвальство, они за все время своего плаванья вокруг Англии не потопили и не захватили ни одного нашего корабля, баркаса, катера или шлюпки и даже не сожгли ни одного овчарни на этой земле".

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ Между РАЗГРОМОМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ В 1588 году нашей эры И БИТВОЙ При БЛЕНХЕЙМЕ В 1704 ГОДУ нашей эры.

1594 год нашей эры. Генрих IV Французский подчинился Римско-католической церкви и положил конец гражданским войнам, которые долгое время опустошали Францию.

1598. Филипп II Испанский умирает, оставляя разрушенный флот и истощенное королевство.

1603. Смерть королевы Елизаветы. Шотландская династия Стюартов наследует английский трон.

1619. Начало тридцатилетней войны в Германии.

1624-1642. Кардинал Ришелье - министр Франции. Он сокрушает власть знати, приводит гугенотов к полному подчинению; и, помогая немецким протестантским князьям во второй половине Тридцатилетней войны, он унижает древнего соперника Франции, Австрию.

1630. Густав Адольф, король Швеции, вступает в Германию на помощь протестантам, которые были почти раздавлены австрийскими армиями. Он одерживает несколько великих побед, и после его смерти Швеция под руководством его государственных деятелей и генералов продолжает играть ведущую роль в войне.

1640. Португалия сбрасывает испанское иго, и Дом Браганса начинает править.

1642. Начало гражданской войны в Англии между Карлом I. и его парламентом.
1648. Тридцатилетняя война в Германии закончилась Вестфальским мирным договором.
1653. Оливер Кромвель, лорд-протектор Англии.
1660. Восстановление рода Стюартов на английском престоле.
1661. Людовик XIV. берет управление делами во Франции в свои руки.
- 1667-1668. Louis XVI. ведет войну в Испании и завоевывает большую часть испанских Нидерландов.
1672. Людовик объявляет войну Голландии и почти побеждает ее, король Англии Карл II является его пенсионером, и Англия помогает французам в их нападениях на Голландию до 1674 года. Героическое сопротивление голландцев под командованием принца Оранского.
1674. Людовик завоевывает Франш-Конте.
1679. Мир в Нимегене.
1681. Людовик вторгается в Эльзас и оккупирует его.
1682. Восшествие Петра Великого на российский престол.
1685. Людовик начинает безжалостное преследование своих протестантских подданных.
1688. Славная революция в Англии. Изгнание Якова II. Вильгельм Оранский становится королем Англии. Джеймс находит убежище при французском дворе, и Людовик берется восстановить его. Всеобщая война на западе Европы.
1691. Рисвикский мирный договор. Карл XII. становится королем Швеции.
1700. Карл II Испанский умирает, завещав свои владения Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV. Поражение русских под Нарвой от Карла XII.
1701. Вильгельм III. формирует "Великий союз" Австрии, Империи, Соединенных провинций, Англии и других держав против Франции.
1702. Король Вильгельм умирает, но его преемница, королева Анна, придерживается Великого союза, и Франции объявляется война.

ГЛАВА XI. — БИТВА При БЛЕНХЕЙМЕ, 1704 год.

"Решающий удар, нанесенный при Бленхейме, прогремел во всех частях Европы: он сразу разрушил обширную структуру власти, которую Людовику XIV потребовалось так долго создавать с помощью талантов Тюренна, и гения Вобана". — ЭЛИСОН.

Хотя и более медленно формировавшаяся и менее внушительно обширная, чем империя Наполеона, могущество Людовика XIV. приобретенный и приобретаемый в начале восемнадцатого века, он был почти в равной степени опасен для общих свобод Европы. Если судить по объему постоянного расширения, которое каждый из них обеспечил Франции, амбиции королевских Бурбонов были более успешными, чем предприятия имперского корсиканца. Все провинции, завоеванные Бонапартом, были снова арендованы у Франции в течение двадцати лет с момента приобретения самой ранней из них. Франция не стала сильнее ни на один город или акр за все разрушительные войны Консульства и Империи. Но она по-прежнему владеет Франш-Конте, Эльзасом и частью Фландрии. У нее все еще есть расширенные границы, которые дал ей Людовик XIV. А браки королевской семьи Испании, состоявшиеся несколько лет назад, ясно доказали, насколько прочным было политическое влияние, которое искусство и вооружение французской "Великой монархии" оказали на нее к югу от Пиренеев.

При Людовике XIV. взяв бразды правления в свои руки, после смерти кардинала Мазарини возник союз способностей и возможностей, какого Франция не видела со времен Карла Великого. Более того, карьера Людовика была недолгой. Более сорока лет, в течение периода, почти равного продолжительности правления Карла Великого, Людовик неуклонно проводил агрессивную и в целом успешную политику. Он провел долгую юность и возмужалость в триумфе, прежде чем военный гений Мальборо познакомил его с унижением и поражением. Великий Бурбон прожил слишком долго. Ему не следовало задерживать двух наших английских королей — одного, своего зависимого, Якова II, другого, своего антагониста, Вильгельма III. Если бы он умер в тот же год, в течение которого умерли они, его правление вошло бы во французские анналы как непревзойденное по своему процветанию. Но он продолжал жить и видел, как его армии были разбиты, его города захвачены, а его королевство опустошено катастрофической войной. Это как если бы Карл Великий выжил, потерпев поражение от северян и став свидетелем страданий и позора, которые на самом деле выпали на долю его потомков.

И все же, Людовик XIV. имел сорок лет успеха; и по постоянству их плодов мы можем судить, каковы были бы результаты, если бы последние пятнадцать лет его правления были столь же удачливыми. Если бы не Бленхейм, вся Европа могла бы в наши дни страдать от последствий французских завоеваний, по масштабам напоминающих завоевания Александра, а по долговечности - римлян.

Когда Людовик XIV. начал править, он обнаружил, что все материалы для создания сильного правительства у него под рукой. Ришелье полностью укротил мятежный дух французского дворянства и ниспровергнул "imperiū in imperio" гугенотов. Фракция фрондеров во времена Мазарини сделала парижский парламент крайне ненавистным и презренным в глазах нации.

Ассамблеи Генеральных штатов устарели. Оставалась только королевская власть. Король был государством. Людовик знал свое положение. Он бесстрашно признавал это и бесстрашно действовал в соответствии с этим. ["Quand Louis XIV. dit, 'L'etat, c'est moi:' il n'y eut dans cette parole ni enflure, ni vanterie, mais la simple enonciation d'un fait."—MICHELET, HISTOIRE MODERNE vol. ii. p. 106.]

Сильным было не только его правительство, но и страна, которой он управлял: сильная своим географическим положением, компактностью своей территории, количеством и боевым духом своих жителей, а также их полной и неразделенной национальностью. В владениях Людовика не было ни Венгрии, ни Ирландии, и только в конце его правления, когда старость сделала его фанатизм еще более мрачным и дала фанатизму возобладать над благоразумием, его нетерпимость к преследованиям вызвала гражданскую войну в Севеннах.

Подобно Наполеону в последующие времена, Людовик XIV. ясно видел, что главными потребностями Франции были "корабли, колонии и торговля". Но Людовик сделал больше, чем просто увидел эти потребности: с помощью своего великого министра Кольбера он удовлетворил их. Одним из самых верных доказательств гениальности Людовика было его умение находить гениальность в других и быстрота в приведении ее в действие. При нем организовались Лувуа, Тюренн, Конде, Виллар и Бервик возглавили армии Франции, а Вобан укрепил ее границы. На протяжении всего его правления французская дипломатия отличалась искусством и активностью, а также всеобъемлющей дальновидностью, какой не обладали представители ни одной другой нации. Свидетельство Гизо о той энергии, которую проявляли все ветви власти Людовика XIV, и о том, насколько Франция в настоящее время обязана ему, является замечательным. Он говорит, что "если взять все общественные службы любого рода, финансы, дорожное управление и общественные работы, военную администрацию и все учреждения, относящиеся к каждой ветви администрации, то не найдется ни одного, которое не имело бы своего происхождения, своего развития или своего наивысшего совершенства при правлении Людовика XIV". [История европейской цивилизации, лекция 13.] И он указывает нам, что "правительство Людовика XIV. был первым, кто предстал перед глазами Европы как держава, действующая на надежных основаниях, которой не приходилось оспаривать свое существование с внутренними врагами, но которая была спокойна за свою территорию и свой народ и была занята исключительно задачей управления государством, собственно так называемым. Все европейские правительства ранее были втянуты в непрекращающиеся войны, которые лишали их всякой безопасности, равно как и всякого досуга, или были настолько измотаны внутренними партиями или антагонистами, что их время проходило в борьбе за существование. Правительство Людовика XIV. был первым, кто появился как энергичное, процветающееуправление делами, как сила одновременно решительная и прогрессивная, которая не боялась инноваций, потому что могла с уверенностью рассчитывать на будущее. На самом деле было очень мало правительств, столь же склонных к инновациям. Сравните это с правительством того же характера, несмешанной монархией Филиппа II в Испании; оно было более абсолютным, чем правление Людовика XIV, и все же оно было гораздо менее регулярным и спокойным. Как Филипп II. преуспел в установлении абсолютной власти в Испании? Подавляя любую активность в стране, противопоставляя себя всем видам улучшения и приводя испанское государство в состояние полной стагнации. Правительство Людовика XIV, напротив, проявляло готовность ко всякого рода нововведениям и проявляло себя благосклонным к прогрессу литературы, искусств, богатства, короче говоря, цивилизации. Это было истинной

причиной его преобладания в Европе, которое достигло такой степени, что в семнадцатом веке оно стало типом правления не только для государей, но и для народов".

В то время как Франция была, таким образом, сильной и сплоченной, и ею правил воинственный, амбициозный и (при всех его недостатках) просвещенный и пылкий государь, какая европейская держава была способна справиться с ней или держать ее в узде?

"Что касается Германии, то честолюбивые проекты немецкой ветви Австрии потерпели полное поражение, мир в империи был восстановлен, и Вестфальскими договорами была сформирована почти новая конституция или возрождена старая; БОЛЕЕ ТОГО, ИМПЕРСКИЙ ОРЕЛ БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ПОВЕРЖЕН, НО И ЕМУ ПОДРЕЗАЛИ КРЫЛЬЯ". [Болингброк, т. ii, с. 378. "Письма лорда Болингброка об использовании истории" и его "Очерк истории и государства Европы" изобилуют замечаниями о Людовике XIV. и его современники, содержание которых столь же здраво, сколь красив стиль. К сожалению, как и все другие его работы, они также содержат большую долю софистики и искажений. Лучший тест, который можно использовать, прежде чем мы примем какое-либо мнение или утверждение Болингброка, - это рассмотреть, имел ли он в виду, когда писал это, сэра Роберта Уолпола или Богооткровенную Религию. Когда любой из этих объектов его ненависти возникал перед его мысленным взором, он не стеснялся ни искусственности, ни преувеличения, которые могли бы послужить цели его злонамеренности. В большинстве других случаев за ним можно следить с пользой, поскольку его всегда можно читать с удовольствием.]

Что касается Испании, то испанская ветвь австрийского дома пала так же низко. Филипп II оставил своим преемникам разрушенную монархию. Он оставил им кое-что похуже; он оставил им свой пример и свои принципы правления, основанные на честолюбии, гордыне, невежестве, фанатизме и всем государственном педантизме". [Болингброк, том ii. стр. 378.]

Поэтому не стоит удивляться, что Франция в первой войне Людовика XIV презирала оппозицию обеих ветвей некогда господствующего австрийского дома. Действительно, в Германии французский король приобрел союзников среди принцев империи против самого императора. У него была еще более сильная поддержка в плохом управлении Австрией ее собственными подданными. Слова Болингброка по этому поводу замечательны, и некоторые из них звучат так, как будто были написаны в течение последних трех лет. Болингброк говорит: "Не только отсутствие сердечного сотрудничества между князьями Империи помешало императору энергично действовать в интересах своей семьи в то время, и не это с тех пор сделало австрийский дом мертвым грузом для всех ее союзников. Фанатизм и его неразлучная спутница жестокость, а также тирания и алчность венского двора создавали в те дни и поддерживали в наши дни почти постоянное отвлечение императорского оружия от любого эффективного противодействия Франции. Я ИМЕЮ В ВИДУ ПРОБЛЕМЫ В ВЕНГРИИ. ЧЕМ БЫ ОНИ НИ СТАЛИ В СВОЕМ РАЗВИТИИ, ПЕРВОНАЧАЛЬНО ОНИ БЫЛИ ВЫЗВАНЫ ПРИТЕСНЕНИЯМИ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ ИМПЕРАТОРА; И КОГДА ВЕНГРОВ ВПЕРВЫЕ НАЗВАЛИ МЯТЕЖНИКАМИ, ИХ НАЗВАЛИ ТАК ТОЛЬКО ПО ТОЙ ПРИЧИНЕ, ЧТО ОНИ НЕ ХОТЕЛИ БЫТЬ РАБАМИ. Поскольку владычество императора было менее устойчивым, чем у турок, этот несчастный народ открыл последним дверь для вторжения в империю, вместо того чтобы сделать свою страну, какой она была раньше, барьером против османской власти. Франция стала верным, хотя и тайным союзником турок, так же как и венгров, и нашла в этом свою выгоду, постоянно держа

императора в тревоге с одной стороны, в то время как она опустошала Империю и Нидерланды с другой ". [Болингброк, том ii, стр. 397.]

Если после того, как мы увидели слабоумие Германии и Испании в отношении Франции Людовика XIV, мы обратимся к двум единственным оставшимся европейским державам, имевшим какое-либо значение в то время, к Англии и Голландии, мы обнаружим, что позиция нашей собственной страны в отношении европейской политики с 1660 по 1688 год наиболее болезненна для размышления. С 1660 по 1688 год "Англия с возвращением Стюартов была сведена к нулю". Эти слова принадлежат Мишле [Современная история, том ii, стр.106], и, хотя они суровы, они справедливы. На самом деле они недостаточно суровы, поскольку, когда Англия при ее восстановленной династии Стюартов принимала какое-либо участие в европейской политике, ее поведение, или, скорее, поведение ее короля, почти неизменно было порочным и бесчестным.

Болингброк справедливо говорит, что "до революции 1688 года, на протяжении всего прогресса, достигнутого Людовиком XIV в обретении такой непомерной власти, которая давала ему вполне обоснованные надежды наконец передать своей семье испанскую монархию, Англия была либо праздным наблюдателем за тем, что происходило на континенте, либо слабым и ненадежным союзником против Франции, либо горячим и верным союзником на ее стороне, либо частичным посредником между ней и державами, объединившимися для их общей защиты. Но хотя английский двор подчинился узурпации власти Франции, а король Англии снизошел до того, чтобы быть ее пенсионером, преступление не было национальным. Напротив, нация громко протестовала против этого даже тогда, когда оно совершалось". [Болингброк, т. ii, стр. 418.]

Из всех европейских держав только Голландия с самого начала оказала упорное и единообразное сопротивление амбициям и могуществу французского короля. Именно против Голландии были предприняты самые ожесточенные атаки Франции, и хотя часто казалось, что они были накануне полного успеха, в конечном счете они всегда были сбиты с толку упрямой храбростью голландцев и героизмом их лидера Вильгельма Оранского. Когда он стал королем Англии, мощь этой страны была решительно брошена на чашу весов против Франции; но хотя борьба таким образом стала менее неравной, хотя Вильгельм действовал повсюду "с непобедимой твердостью, как патриот и герой" [Болингброк, том ii, стр.404]. Франция имела общее превосходство в каждой войне и в каждом договоре: и в начале восемнадцатого века последняя лига против нее была распущена, все силы конфедератов против нее рассеяны, а многие распущены; в то время как Франция продолжала вооружаться, ее ветеранские силы на море и суше увеличились и находились в готовности действовать со всех сторон, когда бы ни представилась возможность захватить большие трофеи, о которых ее король с самого начала своего правления никогда не упускал из виду.

Здесь не место для повествования о первом очерке, который Людовик XIV сделал о своем могуществе в войне 1667 года; о его быстром завоевании Фландрии и Франш-Конте; о договоре в Экс-ла-Шапель, который "был не более чем соглашением между задирой и обижаемыми".[Там же, стр. 399.] о его нападении на Голландию в 1672 году; о округах и пограничных городах испанских Нидерландов, которые были закреплены за ним Нимегенским мирным договором в 1678 году; о том, как после этого договора он "продолжал досаждать как Испании, так и Империи и расширять свои завоевания в Нидерландах и на Рейне, как пером, так и мечом; как

он силой взял Люксембург, украл Страсбург и купил Казаль"; о том, как в 1686 году против него была сформирована Аугсбургская лига, и избрание Вильгельма II Восшествие Оранского на английский престол в 1688 году придало новый дух противостоянию, с которым столкнулась Франция; последовавшей долгой и изматывающей войне, в которой французские армии в целом одержали победу на континенте, хотя его флот был разбит при Ла-Хогге, а его подчиненный Яков II потерпел поражение при Бойне, или Рисвикскому мирному договору, который оставил Франции во владении Руссильон, Артуа и Страсбург, который не давал Европе безопасности от ее притязаний на испанское наследство и который Людовик рассматривал как простое перемирие, чтобы выиграть время перед тем, как более решительная борьба. Следует иметь в виду, что честолюбие Людовика в этих войнах было двояким. У него были свои непосредственные и скрытые цели. Его непосредственной целью было завоевание и присоединение к Франции соседних провинций и городов, которые были наиболее удобны для увеличения ее могущества; но скрытой целью Людовика со времени его женитьбы на испанской инфанте в 1659 году было приобретение для дома Бурбонов всей испанской империи. Формальный отказ от всех прав на испанское наследство был сделан во время заключения брака; но такие отказы никогда не имели какого-либо практического эффекта, и многие казуисты и юристы того времени даже считали их по сути недействительными, поскольку время шло, и перспектива смерти Карла II Испанского без прямых наследников становилась все более и более определенной, так что претензии дома Бурбонов на испанскую корону после его смерти становились предметом неотложного интереса для французских амбиций, с одной стороны, и для других европейских держав - с другой. Наконец несчастный король Испании умер. Своим завещанием он назначил Филиппа, герцога Анжуйского, одного из внуков Людовика XIV, своим преемником на испанском троне и строго запретил какой-либо раздел его владений. Людовик хорошо знал, что за этим последует общеевропейская война, если он примет для своего дома завещанную таким образом корону. Но он готовился к этому кризису на протяжении всего своего правления. Он отправил своего внука в Испанию в качестве короля этой страны Филиппа V. Перед отъездом он обратился к нему с запоминающимися словами: "Пиренеев больше нет".

Империя, принявшая теперь своим королем внука Людовика, включала, помимо самой Испании, самую сильную часть Нидерландов, Сардинию, Сицилию, Неаполь, Миланское княжество и другие владения в Италии, Филиппины и острова Марилла в Азии, а в Новом Свете, помимо Калифорнии и Флориды, большую часть Центральной и Южной Америки. Филипп был хорошо принят в Мадриде, где в начале 1701 года он был коронован как король Филипп V. Отдаленные части его империи присоединились к нему; и дом Бурбонов либо своими французскими, либо испанскими войсками оккупировал теперь как королевство Франциска I, так и самую прекрасную и обширную часть империи великого соперника Франциска, Карла V.

Громким был гнев Австрии, князя которой были соперничающими с бурбонами претендентами на испанскую империю. Возмущение Вильгельма III, хотя и не столь громкое, было гораздо более глубоким и энергичным. Благодаря его усилиям между Англией, Голландией и австрийским императором был заключен союз против дома Бурбонов, к которому впоследствии присоединились короли Португалии и Пруссии, герцог Савойский и Дания. Действительно, тревога по всей Европе стала всеобщей и неотложной. Было ясно, что Людовик стремился объединить Францию и испанские владения в единую доминирующую империю. В тот момент, когда Филипп отбывал, чтобы вступить во владение Испанией, Людовик выдал патент в его пользу, чтобы сохранить его права на трон Франции. И Людовик сам получил во владение важную границу испанских Нидерландов с ее многочисленными укрепленными городами,

которые были переданы его войскам под предлогом обеспечения их безопасности для молодого короля Испании. Независимо от того, произойдет ли формальный союз двух корон быстро или нет, было очевидно, что ресурсы всей испанской монархии теперь фактически находились в распоряжении французского короля.

Опасность, которая, казалось, угрожала империи, Англии, Голландии и другим независимым державам, хорошо описана Элисон: "Испания угрожала свободам Европы в конце шестнадцатого века, Франция почти свергла их в конце семнадцатого. Какая была надежда на то, что они смогут выступить против них обоих, объединившись под властью такого монарха, как Людовик XIV?" [Военная история герцога Мальборо, стр. 32.]

Наши знания о том упадке, в который впала испанская держава, не должны заставлять нас считать их тревоги химерическими. Испания обладала огромными ресурсами, и ее мощь могла быть восстановлена энергичным правителем. Мы должны помнить, чего добился Альберони даже после завершения войны за престолонаследие. По тому, что этот министр сделал за несколько лет, мы можем судить о том, что сделал Людовик XIV. это помогло бы восстановить морскую и военную мощь этой великой страны, которой природа так щедро одарила и которую неправильное управление человеком так обесценило.

Смерть короля Вильгельма 8 марта 1702 года, поначалу казалось, могла парализовать лигу против Франции, поскольку "несмотря на неудачи, с которыми он вел войну в целом, на него смотрели как на единственный объединяющий центр, который мог удержать вместе формирующуюся тогда великую конфедерацию; и то, как сильно французы опасались за его жизнь, проявилось несколькими годами ранее в экстравагантной и неприличной радости, которую они выразили по поводу ложного сообщения о его смерти. Короткое время показало, насколько напрасными были опасения одних и надежды других". [Болингброк, том ii, стр. 445.] Королева Анна в течение трех дней после своего восшествия на престол отправилась в Палату лордов и там заявила о своей решимости поддержать меры, запланированные ее предшественницей, которая была "большой поддержкой не только этих королевств, но и всей Европы". Анна была замужем за принцем Георгом Датским, и с ее восшествием на английский престол конфедерация против Людовика получила помощь датских войск; но сильная привязанность Анны к одной из ее подруг привела к гораздо более важным преимуществам для антигалликанской конфедерации, чем приобретение множества армий, поскольку это дало им МАЛЬБОРО в качестве генерал-капитана.

Мало найдется успешных военачальников, на которых слава падала бы так неохотно, как на Джона Черчилля, герцога Мальборо, принца Священной Римской империи, — победителя при Бленхейме, Рамилесе, Ауденарде и Мальплаке, — захватчика Льежа, Бонна, Лимбурга, Ландау, Гента, Брюгге, Антверпена, Ауденарде, Остенде, Менина, Дендермонда, Ат, Лилля, Тура, Монса, Дуэ, Эра, Бетюна и Бушена; который никогда не сражался ни с одним битва, которую он не выигрывал, и никогда не осаждал место, которое он не брал. Причиной этого является личный характер Мальборо. Военная слава может ослеплять и слишком часто ослепляет как современников, так и потомков, пока не будут забыты преступления и пороки героев. Но даже несколько пятен личной низости непоправимо запятнают репутацию солдата; а недостатки Мальборо были особенно низкого порядка. Наши чувства к историческим персонажам в этом отношении подобны нашим чувствам к частным знакомым. Есть поступки такого низкого свойства, что, насколько бы они ни перевешивались добрыми делами человека при общей

оценке его характера, мы никогда не сможем испытывать никакой сердечной симпатии к человеку, который был в них виновен. Таким образом, что касается герцога Мальборо, то восхищение этим человеком, который был обязан своим первым достижением в жизни благосклонности двора, которую он и его семья приобрели благодаря тому, что его сестра стала одной из любовниц герцога Йоркского, противоречит нашим чувствам. Отвратительно сознавать, что Мальборо заложил фундамент своего богатства, будучи платным любовником одной из прекрасных и хрупких фавориток Карла II. Его предательство и неблагодарность по отношению к своему покровителю и благодетелю Якову II выделяются мрачным рельефом даже в тот век неблагодарного вероломства. Он был почти в равной степени нелоялен своему новому хозяину, королю Вильгельму; и нельзя найти более неанглийского поступка, чем предательство Годольфина и Мальборо французскому двору в 1694 году во время экспедиции, спланированной тогда против Бреста, акт государственной измены, в результате которого несколько сотен английских солдат и матросов были беспомощно убиты на пляже в заливе Камаре.

Однако сейчас мы должны рассмотреть его только в его военной карьере; и есть очень мало генералов, как древних, так и современных, чьи кампании могли бы сравниться с кампаниями Мальборо либо по мастерскому мастерству, с которым они были спланированы, либо по смелой, но расчетливой энергии, с которой каждый план приводился в исполнение. Мальборо в молодости служил под началом Тюренна и заслужил заметную похвалу этого великого тактика. Действительно, было бы трудно назвать хоть одно качество, которым должен был обладать генерал и которым Мальборо не был в высшей степени одарен. Что главным образом привлекало внимание современников, так это невозмутимая уравновешенность его духа. Вольтер [Сикль де Луи Куаторзе.] говорит о нем: "Он в какой—то степени превосходил всех других генералов своего времени тем спокойным мужеством посреди смуты, той безмятежностью души в опасности, которую англичане называют ХЛАДНОКРОВИЕМ (que les Anglais appellant COOL HEAD, TETE FROID), и, возможно, именно это качество, величайший дар природы командовать, который некогда давал англичанам так много преимуществ перед французами на равнинах Кресси, Пуатье и Азенкура".

Говорят, что знание королем Вильгельмом высоких способностей Мальборо, хотя он также хорошо знал о его неверности, побудило этого монарха во время его последней болезни рекомендовать Мальборо своему преемнику как наиболее подходящего человека для командования ее армиями: но благосклонность Мальборо к новой королеве через свою жену была настолько велика, что он был уверен в получении высшего назначения: и война против Людовика открыла перед ним великолепную арену для проявления тех военных талантов, которые он прежде имел возможность проявлять только в качестве подчиненного персонажа и на гораздо менее заметных сценах.

Он был не только назначен генерал-капитаном английских вооруженных сил внутри страны и за границей, но и пользовался таким авторитетом Англии в совете Большого альянса, а Мальборо был настолько искусен в завоевании положительного мнения у всех, с кем встречался, что по прибытии в Гаагу голландцы встретили его радостными криками, и главы этой республики и министр императора согласились, что Мальборо должен получить главное командование всеми союзными армиями.

Действительно, справедливости ради по отношению к Мальборо следует иметь в виду, что простое военное мастерство было далеко не всем, что требовалось от него на этом трудном и вызывающем зависть поприще. Если бы не его непревзойденное терпение и мягкий нрав, и его удивительная способность распознавать характеры тех, с кем ему приходилось действовать, его интуитивное восприятие тех, кому можно было полностью доверять, и тех, кого забавляло простое подобие уважения доверия, — если бы Мальборо, находясь во главе союзных армий, не обладал и не использовал все качества утонченного придворного и великого государственного деятеля, он никогда бы не повел армии союзников к Дунаю. Конфедерация не продержалась бы вместе и одного года. Его великий политический противник Болингброк отдает ему здесь должное. Болингброк, упомянув об утрате, которую смерть короля Вильгельма, по-видимому, нанесла делу союзников, замечает, что "Своей смертью герцог Мальборо был возведен во главе армии и, по сути, Конфедерации; где он, новый, частный человек, подданный, приобретенный заслугами и управлением, имел более решающее влияние, чем высокое происхождение, подтвержденная власть и даже корона Великобритании, которые были даны королю Вильгельму. Не только все части этой огромной машины, Великого Альянса, были сохранены более компактными и целостными; но и всему было придано более быстрое и энергичное движение; и вместо вялых и катастрофических кампаний мы увидели каждую сцену войны, полную действий. Все те, в которых он появлялся, и многие из тех, в которых он тогда был не актером, а, однако, подстрекателем их действий, увенчались самым триумфальным успехом.

"Я с удовольствием пользуюсь возможностью воздать должное этому великому человеку, чьи недостатки я знал, чьими добродетелями восхищался; и чью память как величайшего генерала и как величайшего министра, которых создала наша страна или, возможно, любая другая, я чту". [Болингброк, том ii. стр. 445.]

Война была официально объявлена союзниками Франции 4 мая 1702 года. Сначала основными местами ее проведения были Фландрия, Верхний Рейн и Северная Италия. Мальборо возглавлял войска союзников во Фландрии в течение первых двух лет войны и отвоевал у врага несколько городов, но ничего решающего не произошло. В этот период также не происходило никаких важных действий между противоборствующими армиями в Италии. Но в центре этой линии с севера на юг, от устья Шельды до устья По, вдоль которой велась война, находились генералы Людовика XIV. приобрела преимущества в 1703 году, которые угрожали полному уничтожению одному главному члену Великого альянса. Франция получила важную помощь Баварии как своего союзника в войне. Курфюрст этого могущественного германского государства овладел мощной крепостью Ульм и установил сообщение с французскими армиями на Верхнем Рейне. Благодаря этому соединению войска Людовика получили возможность напасть на императора в самом сердце Германии. Осенью 1703 года объединенные армии курфюрста и французского короля полностью разгромили империалистов в Баварии, а следующей зимой они овладели важными городами Аугсбург и Пассау. Тем временем французская армия на Верхнем Рейне и Мозеле разгромила противостоявшие им армии союзников и захватила Трев и Ландау. В то же время недовольство Венгрии Австрией снова переросло в открытое восстание, чтобы отвлечь внимание и довершить террор императора и его совета в Вене.

Людовик XIV приказал своим войскам начать следующую кампанию с размахом и смелостью предприятия, с которыми редко могли сравниться даже военные планы Наполеона. На крайнем левом фланге войны, в Нидерландах, французские армии должны были действовать только в

обороне. Крепости, находившиеся там в руках французов, были так многочисленны и так сильны, что союзники, казалось, не могли произвести серьезного впечатления на французской границе в этом районе в течение одной кампании; и эта кампания должна была принести Франции такие победы в других местах, которые (как надеялись) определили исход войны. Следовательно, из французских войск во Фландрии должны были быть сформированы крупные отряды, и они должны были направляться маршалом Виллеруа к Мозелю и Верхнему Рейну. Французская армия, уже находившаяся вблизи этих рек, должна была пройти маршалом Талларом через Шварцвальд и присоединиться к курфюрсту Баварскому и французским войскам, которые уже были с курфюрстом под командованием маршала Марсена. Тем временем французская армия в Италии должна была наступать через Тироль в Австрию, и все силы должны были соединиться между Дунаем и Гостиницей. Сильный отряд войск должен был быть отправлен в Венгрию для оказания помощи повстанцам в этом королевстве и организации их действий; а затем великая французская армия на Дунае должна была в собранной и неодолимой мощи двинуться на Вену и диктовать императору условия мира. Высокий военный гений был проявлен при разработке этого плана, но он был встречен и сбит с толку еще более высоким гением.

Мальборо с глубочайшей тревогой наблюдал за успехами французского оружия на Рейне и в Баварии и видел тщетность ведения полевой войны и осад во Фландрии, в то время как смертельные удары империи наносились на Дунае. Поэтому он решил позволить войне во Фландрии затянуться на год, а сам двинулся со всеми располагаемыми силами, которые смог собрать, к центральным местам проведения решающих операций. Такой марш был труден сам по себе, но Мальборо пришлось, в первую очередь, преодолеть еще большую трудность - добиться согласия и радостного сотрудничества союзников, особенно голландцев, границу которых предлагалось таким образом лишить большей части сил, которые до сих пор ее защищали. К счастью, среди множества ленивых, глупых, робких и немалого числа вероломных правителей, государственных деятелей и генералов разных наций, с которыми ему приходилось иметь дело, были два человека, выдающиеся как по способностям, так и по честности, которые полностью разделяли проекты Мальборо и которые с занимаемых ими должностей имели материальную возможность продвигать их. Одним из них был голландский государственный деятель Хайнсиус, который был сердечным сторонником короля Вильгельма и который теперь с таким же рвением и добросовестностью поддерживал Мальборо на советах союзников; другим был знаменитый генерал принц Евгений, которого австрийский кабинет отозвал с итальянской границы, чтобы он принял командование одной из армий императора в Германии. Этим двум великим людям и еще несколькими Мальборо свободно и безоговорочно изложил свой план; но общим советам своих союзников он раскрыл лишь часть своего дерзкого плана. Он предложил голландцам выступить из Фландрии к Верхнему Рейну и Мозелю с британскими войсками и частью иностранных вспомогательных войск и начать энергичные операции против французских армий в этом квартале, в то время как генерал Оверкерк с голландцами и остальной частью вспомогательных войск будет вести оборонительную войну в Нидерландах. С трудом добившись согласия голландцев на эту часть своего проекта, он проявил то же дипломатическое рвение и с тем же успехом убедил короля Пруссии и других князей империи увеличить численность войск, которые они поставляли, и разместить их в местах, удобных для его собственных предполагаемых передвижений.

Мальборо начал свой знаменитый марш 19 мая. Армия, которую ему предстояло возглавить, была собрана его братом, генералом Черчиллем, в Бедбурге, недалеко от Местрихта на Маасе:

она включала шестнадцать тысяч английских солдат и состояла из пятидесяти одного пехотного батальона и девяноста двух эскадронов кавалерии. Мальборо должен был собрать и присоединиться к нему в походе войска Пруссии, Люнебурга и Гессена, расквартированные на Рейне, и одиннадцать голландских батальонов, расквартированных в Ротвейле. ["Жизнь Мальборо" Кокса.] Он провел в походе всего один день, когда началась череда перерывов, жалоб и поборов со стороны других лидеров союзников, на которые он, казалось, был обречен на протяжении всего своего предприятия и которые привели бы к его провалу в руках любого человека, не одаренного твердостью и изысканным характером Мальборо. Одного примера этих неприятностей и способа борьбы с ними Мальборо может быть достаточно. 20-го числа, когда он стоял лагерем в Купене, он получил срочное сообщение из Оверкерка, призывавшее его остановиться, потому что Виллеруа, командовавший французской армией во Фландрии, оставил позиции, которые он занимал, и переправился через Маас у Намюра с тридцатью шестью батальонами и сорока пятью эскадронами и угрожал городу Гюи. В то же время Мальборо получил письма от маркграфа Бадена и графа Вратислава, командовавших имперскими войсками в Штольхоффене, недалеко от левого берега Рейна, в которых говорилось, что Таллар предпринял движение, как будто намереваясь пересечь Рейн, и призывал его ускорить свой марш к линиям Штольхоффена. Эти заявления не отвлекли Мальборо от осуществления его грандиозного замысла. Сознывая, что армия Виллеруа будет слишком ослаблена, чтобы предпринять наступательные операции, из-за отрядов, которые уже были выдвинуты к Рейну, и тех, которые должны последовать за его собственным маршем, он остановился только на день, чтобы утихомирить тревогу в Оверкерке. Чтобы удовлетворить также маркграфа, он приказал войскам Хомпеша и Бюлова подойти к Филиппсбургу, хотя и с частным наказом не отходить дальше определенного расстояния. Он даже потребовал обещания на тот же счет от графа Вратислава, который в этот момент прибыл в лагерь, чтобы сопровождать его в течение всей кампании. [Кокс.]

Мальборо достиг Рейна у Кобленца, где пересек эту реку, а затем двинулся вдоль ее правого берега к Брубаху и Менцу. Его марш, хотя и быстрый, был проведен превосходно, так что избавил войска от ненужного утомления; были приготовлены обильные запасы провизии и поддерживалась самая совершенная дисциплина. Постепенно Мальборо получал все больше подкреплений от голландцев и других конфедератов, и они также предоставляли ему больше свободы следовать своим собственным курсом. Действительно, еще до того, как был нанесен удар, его предприятие парализовало противника и существенно освободило Австрию от давления войны. Виллеруа со своими подразделениями франко-фламандской армии был совершенно сбит с толку передвижениями Мальборо; и, не в силах угадать, куда именно английский генерал намеревался нанести свой удар, провел начало лета между Фландрией и Мозелем, ничего не добившись. ["Маршал Виллеруа, — говорит Вольтер, — который хотел последовать за Мальборо в его первых походах, внезапно совсем потерял его из виду и узнал, где он на самом деле, только услышав о его победе при Донауверте". - Сын ЛЮДОВИКА XIV.]

Маршал Таллар, командовавший сорока пятью тысячами человек в Страсбурге и которому Людовик предназначил в начале года выступить в Баварию, считал, что марш Мальборо вдоль Рейна предшествовал нападению на Эльзас; и поэтому маршал оставил свои сорок пять тысяч человек здесь, чтобы поддержать Францию в этом районе. Мальборо умело усилил его опасения, приказав построить мост через Рейн у Филиппсбурга и заставив ландграфа Гессенского выдвинуть свою артиллерию к Мангейму, как бы для осады Ландау. Тем временем курфюрст Баварский и маршал Марсен, подозревая, что замысел Мальборо может быть таким,

каким он оказался на самом деле, воздержались от давления на противостоявших им австрийцев или посылки войск в Венгрию; и они держались в стороне, чтобы обезопасить свои коммуникации с Францией. Таким образом, когда Мальборо в начале июня оставил Рейн и двинулся к Дунаю, многочисленные армии противника были разобщены и не смогли его остановить.

"Это предприятие было спланировано с таким мастерством и наукой, что в тот самый момент, когда оно приняло определенное направление, противник уже не мог помешать ему. Поскольку марш теперь должен был повернуться к Дунаю, пруссакам, палатинам и гессенцам, которые были размещены на Рейне, было приказано выступить так, чтобы присоединиться к основным силам в их продвижении. В то же время были разосланы указания ускорить продвижение датских вспомогательных войск, которые шли из Нидерландов". [Кокс.]

Перейдя реку Неккар, Мальборо двинулся в юго-восточном направлении к Мундельсхене, где у него состоялась его первая личная встреча с принцем Евгением, которому было суждено стать его коллегой на стольких славных поприщах. Оттуда, через труднопроходимую и опасную местность, Мальборо продолжил свой поход против баварцев, с которыми он столкнулся 2 июля на высотах Шулленберга близ Донауверта. Мальборо взял штурмом их укрепленный лагерь, переправился через Дунай, захватил несколько укрепленных пунктов в Баварии и стал полным хозяином владений курфюрста, за исключением укрепленных городов Мюнхена и Аугсбурга. Но армия курфюрста, хотя и потерпела поражение при Донауверте, все еще была многочисленна и сильна; и в конце концов маршал Таллар, будучи полностью осведомлен об истинном характере действий Мальборо, переправился через Рейн. Из-за бездействия немецкого генерала при Штольхофене он не смог пройти без потерь через Шварцвальд и объединил свою мощную армию в Биберахе близ Аугсбурга с армией курфюрста и французскими войсками под командованием маршала Марсена, которые ранее сотрудничали с баварцами. С другой стороны, Мальборо вновь переправился через Дунай и 11 августа объединил свою армию с империалистическими войсками под командованием принца Евгения. Объединенные армии заняли позицию близ Хохштадта, немного выше по левому берегу Дуная, чем Донауверт, место недавней победы Мальборо, и почти точно на том месте, где маршал Виллар и курфюрст разгромили австрийскую армию в предыдущем году. Французские маршалы и курфюрст находились теперь на позиции немного восточнее, между Бленхеймом и Лютцингеном, и небольшой ручей Небель отделял их от войск Мальборо и Юджина. Галло-Баварская армия насчитывала около шестидесяти тысяч человек, и у них было шестьдесят одно артиллерийское орудие. "Армия союзников насчитывала около пятидесяти шести тысяч человек при пятидесяти двух орудиях". [Незадолго до войны за престолонаследие мушкет и штык стали оружием всей французской пехоты. Раньше было обычным смешивать копейщиков с мушкетерами. Другие европейские страны последовали примеру Франции, и оружие, использованное в Бленхейме, было практически таким же, как и до сих пор.]

Хотя французская армия в Италии не смогла проникнуть в Австрию и хотя виртуозная стратегия Мальборо до сих пор предотвращала разрушения, которые, казалось, угрожали делу союзников в начале кампании, опасность все еще была наиболее серьезной. Мальборо было абсолютно необходимо атаковать врага, прежде чем Виллеруа будет вынужден вступить в бой. Ничто не могло помешать этому генералу и его армии двинуться маршем во Франконию, откуда союзники черпали свои основные припасы; и, помимо того, что это причиняло им беспокойство, он мог, двинувшись дальше и присоединив свою армию к войскам Таллара и Курфюрста,

сформировать массу, которая сокрушила бы силы под командованием Мальборо и Юджина. С другой стороны, шансы на битву казались призрачными, а фатальные последствия поражения были неизбежны. Численное превосходство союзников было не очень велико, но все же им нельзя было пренебрегать; и преимущество, которое, по-видимому, имел противник в составе своих войск, было поразительным. Под началом Таллара и Марсена было сорок пять тысяч французов, все ветераны, и все обучены действовать сообща: собственные войска курфюрста также были хорошими солдатами. Мальборо, подобно Веллингтону при Ватерлоо, возглавлял армию, большая часть которой состояла не из англичан, а из людей многих разных наций и многих разных языков. Он также был вынужден быть нападающей стороной в бою и, таким образом, подвергнуть свои войска сравнительно большим потерям в начале сражения, в то время как противник сражался под защитой деревень и рубежей, которые они активно укрепляли. Последствия поражения армии конфедерации, должно быть, разрушили Великий союз и осуществили самые гордые надежды французского короля. Мистер Элисон в своей замечательной военной истории герцога Мальборо верно описал последствия, которые имели бы место, если бы Франция добилась успеха в войне. И когда вспоминается позиция конфедератов во время битвы за Бленхейм; когда мы вспоминаем истощение Австрии, угрожающее восстание Венгрии, вражду и зависть немецких князей, силу и активность якобитской партии в Англии, слабоумие почти всех голландских государственных деятелей того времени и слабость Голландии, лишенной своих союзников, мы можем принять его слова, размышляя о том, что последовало бы, если бы Франция одержала победу в битве и "если бы держава, воодушевленная якобитами, была бы уничтожена". Честолюбие, руководимое фанатизмом и направляемое способностями Людовика XIV, взяло верх в Европе. Вне всякого сомнения, над телами было бы установлено всеобщее деспотическое господство, над умами людей - жестокое духовное рабство. Франция и Испания объединились под властью князей Бурбонов и в тесном семейном союзе — империи Карла Великого с империей Карла V. — сила, которая отменила Нантский эдикт и учинила Варфоломеевскую резню, с той, которая изгнала Мориско и учредила инквизицию, оказалась бы непреодолимой и, вне всякого примера, разрушительной для высших интересов человечества.

"Протестанты могли бы быть изгнаны, подобно древним язычникам, сыном Пипина, за Эльбу; раса Стюартов, а вместе с ними и римское господство, могли бы быть восстановлены в Англии; огонь, зажженный Латимером и Ридли, мог бы быть потушен кровью; и энергия, вдохнутая религиозной свободой в англосаксонскую расу, могла бы иссякнуть. Судьбы мира были бы изменены. Европа, вместо множества независимых государств, чья взаимная враждебность поддерживала мужество, в то время как национальное соперничество стимулировало талант, погрузилась бы в дремоту, сопутствующую всеобщему господству. Колониальная империя Англии увяла бы и погибла, как это произошло с Испанией в руках инквизиции. Англосаксонская раса была бы остановлена в своей миссии по распространению по земле и подчинению ее. Централизованный деспотизм Римской империи был бы восстановлен в Континентальной Европе; цепи римской тирании, а вместе с ними и общая неверность Франции до революции, погасили бы или извратили мысль на британских островах". ["Жизнь Элисон Мальборо", стр. 248.]

Слова Мальборо на военном совете, когда решался исход сражения, замечательны и заслуживают упоминания. Мы знаем их со слов его капеллана, мистера (впоследствии епископа) Хэйр, который сопровождал его на протяжении всей кампании и в дневнике которого биографы Мальборо нашли многие из своих лучших материалов. Слова Мальборо, обращенные к

офицерам, которые упрекали его в кажущейся безрассудности атаки противника на их позиции, были такими— "Я знаю об опасности, но сражение абсолютно необходимо; и я полагаюсь на храбрость и дисциплину войск, которые компенсируют наши недостатки". Вечером был отдан приказ о генеральном сражении, и армия приняла его с готовностью, которая оправдала его доверие.

Французы и баварцы были размещены за небольшим ручьем под названием Небель, который впадает почти с севера на юг в Дунай непосредственно перед деревней Бленхейм. Небель протекает по небольшой долине, и французы заняли возвышенность к западу от нее. Деревня Бленхейм была крайней справа от их позиции, а деревня Лютцинген, примерно в трех милях к северу от Бленхейма, образовывала их левое крыло. За Лютцингеном находятся труднопроходимые возвышенности Годд-Берг и Айх-Берг, на окраинах которых были размещены несколько отрядов, чтобы обезопасить галло-баварские позиции от обхода с левого фланга. Дунай защищал их правый фланг; и атаковать их можно было только спереди. Деревни Бленхейм и Лютцинген были сильно обнесены частоколом и укреплены. Маршал Таллар, принимавший главное командование, занял свой пост в Бленхейме: принц Максимилиан курфюрст, а маршал Марсен командовал слева. Таллард разместил гарнизон в Бленхейме с двадцатью шестью батальонами французской пехоты и двенадцатью эскадронами французской кавалерии. У Марсена и курфюрста было двадцать два батальона пехоты и тридцать шесть эскадронов кавалерии перед деревней Лютцинген. Центр был занят четырнадцатью батальонами пехоты, включая знаменитую Ирландскую бригаду. Они были размещены в маленькой деревушке Оберглау, которая находится несколько ближе к Лютцингену, чем к Бленхейму. Восемьдесят эскадронов кавалерии и семь батальонов пехоты были размещены между Оберглау и Бленхеймом. Таким образом, позиции французов были очень сильны на каждом конце, но сравнительно слабы в центре. Таллард, по-видимому, полагался на заболоченность той части долины, которая простирается от Оберглау до Бленхейма, чтобы предотвратить любое серьезное наступление на этой части его линии.

Армия союзников была сформирована из двух больших дивизий: самой большой командовал лично герцог, и ей было предназначено действовать против Таллара, в то время как принц Евгений возглавлял другую дивизию, которая состояла в основном из кавалерии и должна была противостоять врагу под командованием Марсена и Курфюрста. Когда они приблизились к врагу, войска Мальборо образовали левый фланг и центр, в то время как войска Юджина образовали правый фланг всей армии. Ранним утром 13 августа союзники покинули свой собственный лагерь и двинулись навстречу врагу. Густая дымка покрывала землю, и только когда правый фланг и центр союзников продвинулись почти на пушечный выстрел от противника, Таллард узнал об их приближении. Он сделал свои приготовления со всей возможной поспешностью, и около восьми часов с правого фланга французов был открыт сильный артиллерийский огонь по наступающему левому крылу британцев. Мальборо приказал нескольким своим батареям ответить на это, и пока колонны, которые должны были образовывать левый фланг и центр союзников, разворачивались и занимали свои надлежащие позиции в линии, орудия обеих сторон продолжали вести интенсивную канонаду.

Местность, по которой должны были пройти колонны Юджина, была особенно труднопроходимой, особенно для прохода артиллерии; и прошла почти середина дня, прежде чем он смог выстроить свои войска напротив Лютцингена. В течение этого промежутка Мальборо приказал капелланам, стоявшим во главе каждого полка, отслужить богослужение, а

затем проехал вдоль линий и застал как офицеров, так и рядовых в прекрасном расположении духа, с нетерпением ожидающих сигнала к атаке. Наконец справа прискакал адъютант с радостным известием, что Юджин готов. Мальборо немедленно послал лорда Каттса с сильной пехотной бригадой атаковать деревню Бленхейм, в то время как сам повел основные силы вниз по восточному склону долины Небель и приготовился к форсированию реки.

Атака на Бленхейм, хотя и была предпринята храбро, была отбита с большими потерями; и Мальборо, обнаружив, насколько сильно укреплен гарнизон в этой деревне, отказался от любых дальнейших попыток удержать ее и направил все свои силы на прорыв линии обороны противника между Бленхеймом и Оберглау. Было подготовлено несколько временных мостов, собраны доски и обрешетка; и с помощью всего этого, а также небольшого каменного моста, который пересекал Небель близ деревушки Унтерглау, расположенной в центре долины, Мальборо удалось переправить несколько эскадронов через Небель, хотя он был разделен на несколько рукавов, а почва между ними была мягкой и местами немногим лучше простого болота. Но французская артиллерия не бездействовала. Пушечные ядра непрерывно падали на наступающие эскадроны союзников, и отряды французской кавалерии часто спускались с западного гребня, чтобы атаковать их, прежде чем они успевали построиться на твердой земле. Только поддержав своих людей свежими войсками и подтянув пехоту, которая своим непрерывным огнем остановила продвижение вражеской кавалерии, Мальборо смог спасти свою армию в этом районе от отпора, который, после провала атаки на Бленхейм, вероятно, был бы фатальным для союзников. Постепенно его кавалерия с трудом преодолела окровавленные ручьи; теперь была переброшена и пехота, чтобы сдерживать французские войска, удерживавшие Бленхейм, которые, когда их больше не атаковали спереди, начали атаковать союзников слева от них со значительным эффектом.

Таким образом, Мальборо наконец удалось оттянуть все левое крыло своей армии за Небель, и он собирался двинуться с ним вперед, когда его отозвали на другую часть поля боя из-за несчастья, постигшего его центр. Принц Гольштейн-Бек с одиннадцатью ганноверскими батальонами перешел Небель напротив Оберглау, когда ирландская бригада, удерживавшая эту деревню, атаковала его и наголову разгромила. Ирландцы отбросили ганноверцев назад с жестокой резней, полностью прорвали линию обороны союзников и почти добились успеха, столь же блестящего, как тот, которого та же бригада впоследствии добилась при Фонтенуа. Но при Бленхейме их пылкое преследование завело их слишком далеко. Мальборо подошел лично и атаковал их незащищенный фланг с несколькими эскадронами британской кавалерии. Ирландцы отступили, и когда они пытались вернуть себе высоту Оберглау, их колонна была насквозь пронзена огнем трех батальонов союзников, которые Мальборо вызвал из резерва. Мальборо, восстановивший порядок и связь союзников в этом квартале, теперь, вернувшись на свое левое крыло, послал узнать, как дела у его коллеги в борьбе с Марсеном и Курфюрстом, и сообщить Евгению о своем собственном успехе.

До сих пор Юджину не везло так же. Он предпринял три атаки на противостоящего ему врага и трижды был отброшен назад. Только благодаря его собственным отчаянным усилиям и поразительной стойкости полков прусской пехоты, находившихся под его началом, он смог спасти свое крыло от полного разгрома. Но именно в южной части поля битвы, на территории, которую Мальборо с таким трудом отвоевал за рекой Небель, должен был решиться переломный момент сражения.

Подобно Ганнибалу, Мальборо в достижении решающих успехов полагался главным образом на свою кавалерию, и именно его кавалерией был одержан Бленхейм, величайшая из его побед. Битва продолжалась до пяти часов пополудни. Теперь у Мальборо было восемь тысяч всадников, выстроенных в две линии и в самом идеальном порядке для общей атаки на линию противника на пространстве между Бленхеймом и Оберглау. Пехота была сформирована в батальоны в их тылу, чтобы поддержать их в случае отражения и держать в узде большие массы французов, которые все еще занимали деревню Бленхейм. Таллар теперь соединил свои кавалерийские эскадроны с батальонами пехоты; а Мальборо соответствующим движением вывел несколько полков пехоты и несколько артиллерийских орудий на свою передовую линию с интервалами между кавалерийскими корпусами. Вскоре после пяти Мальборо начал решительное наступление, и кавалерия союзников, усиленная пешими войсками и орудиями, медленно продвигалась из низины у Небеля вверх по склону, туда, где их ожидала французская кавалерия численностью в десять тысяч человек. Перевалив через вершину холма, союзники были встречены таким жарким огнем французской артиллерии и стрелкового оружия, что поначалу кавалерия отступила, но не покинула возвышенность. Орудия и пехота, которую они привели с собой, поддерживали дух и эффект сражения. Огонь французов, казалось, ослабел, Мальборо немедленно приказал атаковать линию фронта. Кавалерия союзников галопом бросилась вперед на вражеские эскадроны, и сердца французских всадников дрогнули. Разряжая свои карабины на холостом ходу, они развернулись и ускакали с поля боя, оставив девять пехотных батальонов своих товарищей на растерзание потоку кавалерии союзников. Битва была выиграна. Таллард и Марсен, отрезанные друг от друга, думали только об отступлении. Таллард выстроил конные эскадроны, которые он оставил, в линию, протянутую к Бленхейму, и отдал приказ пехоте в этой деревне без промедления покинуть ее и присоединиться к нему. Но задолго до того, как его приказам смогли повиноваться, победоносные эскадроны Мальборо повернули влево и с грохотом обрушились на слабую армию французского маршала. Часть войск, которые Таллар собрал для этой последней попытки, была сброшена в Дунай; часть бежала со своим генералом в деревню Зондерхайм, где вскоре они были окружены победоносными союзниками и вынуждены сдаться. Тем временем Эжен возобновил атаку на галло-баварский левый фланг, и Марсен, обнаружив, что его коллега полностью разбит, а его собственный правый фланг непокрыт, приготовился отступать. Ему и курфюрсту удалось в сносном порядке отвести значительную часть своих войск в Диллинген; но большая часть французов, стоявших гарнизоном в Бленхейме, была оставлена беззащитной перед неминуемым уничтожением. Мальборо быстро занял все выходы из деревни своими победоносными войсками, а затем, собрав вокруг нее свою артиллерию, он начал канонаду, которая быстро уничтожила бы сам Бленхейм и всех, кто в нем находился. После нескольких доблестных, но безуспешных попыток прорваться сквозь ряды союзников французы в Бленхейме были, наконец, вынуждены сдаться по собственному усмотрению; и двадцать четыре батальона и двенадцать эскадронов со всеми их офицерами сложили оружие и стали пленниками Мальборо.

"Таково, - говорит Вольтер, - было знаменитое сражение, которое французы называют битвой при Хохштете, немцы при Плентхейме и англичане при Бленхейме; у победителей было около пяти тысяч убитых и восьми тысяч раненых, причем большая часть была на стороне принца Евгения. Французская армия была почти полностью уничтожена: из шестидесяти тысяч человек, так долго одерживавших победы, так и не удалось собрать более двадцати тысяч боеспособных. Около двенадцати тысяч убитыми, четырнадцать тысяч пленными, все пушки,

огромное количество цветов и штандартов, все палатки и экипировка, генерал армии и тысяча двести отличившихся офицеров, находящиеся во власти победителя, подали сигнал в тот день!"

Ульм, Ландау, Тревес и Траербах сдались союзникам до конца года. Бавария покорила императору, и венгры сложили оружие. Германия была полностью освобождена от Франции; и военное превосходство союзников было полностью установлено. На протяжении всей остальной войны Людовик сражался только в обороне. Бленхейм навсегда развеял его некогда гордые мечты о почти всеобщем завоевании.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При БЛЕНХЕЙМЕ 1704 ГОДА И БИТВОЙ При ПУЛТОВЕ 1709 ГОДА.

1705 год нашей эры. Эрцгерцог Карл высаживается в Испании с небольшой английской армией под командованием лорда Питерборо, который берет Барселону.

1706. Победа Мальборо при Рамилесе.

1707. Английская армия в Испании терпит поражение в битве при Альмансе.

1708. Победа Мальборо при Ауденарде.

ГЛАВА XII. БИТВА При ПУЛТОВЕ, 1709 ГОД.

"Страшен день Пултовы,
Когда удача покинула шведского короля,
Вокруг лежала поверженная армия,
Которой больше нечем было сражаться и истекать кровью.
Сила и удача войны
Перешел к торжествующему царю". — БАЙРОН.

Наполеон пророчествовал на острове Святой Елены, что вскоре вся Европа станет либо казацкой, либо республиканской. Четыре года назад осуществление последней из этих альтернатив казалось наиболее вероятным. Но демократические движения 1848 года были жестоко подавлены в 1849 году. Абсолютная власть единственного правителя и суровая тишина военного положения имеют теперь первостепенное значение в столицах континента, который еще недавно не обладал никаким суверенитетом, кроме воли масс; и где то, что демократ называет своим священным правом на восстание, было так громко заявлено и так часто яростно насаждалось. Многие причины способствовали возникновению такой реакции, но наиболее эффективной и наиболее постоянной были российское влияние и российское оружие. Россия в

настоящее время является общепризнанным поборником монархии против демократии; — официальной власти, какой бы она ни была приобретенной, против революции и изменений для достижения любых желаемых целей; — имперского превосходства сильных государств над их более слабыми соседями против всех претензий на политическую независимость и всех стремлений к отдельному гражданству. Она сокрушила героических венгров; и Австрия, для которой номинально она сокрушила их, теперь является одним из ее иждивенцев. Независимо от того, хорошо или плохо обоснованы слухи о том, что она собирается заняться новыми предприятиями, несомненно, что недавние события должны были значительно усилить мощь Московской империи, которая даже ранее была объектом вполне обоснованного беспокойства всей Западной Европы.

Двенадцать лет назад действительно было заявлено, что "приобретения, которые Россия сделала за последние шестьдесят четыре года, равны по размаху и важности всей империи, которой она владела в Европе до этого времени; что приобретения, которые она сделала у Швеции, больше, чем то, что осталось от этого древнего королевства; что ее приобретения у Польши такие же большие, как вся Австрийская империя; что территория, которую она отвоевала у Турции в Европе, равна владениям Пруссии, за исключением ее рейнских провинций; и что ее приобретения у Турции в Азии равны по размаху всем меньшим государствам Европы". Германия, рейнские провинции Пруссия, Бельгия и Голландия, вместе взятые; что страна, отвоеванная ею у Персии, размером примерно с Англию; что ее приобретения в Татарии имеют площадь, равную Турции в Европе, Греции, Италии и Испании. За шестьдесят четыре года она продвинула свою границу на восемьсот пятьдесят миль в направлении Вены, Берлина, Дрездена, Мюнхена и Парижа; она приблизилась на четыреста пятьдесят миль к Константинополю; она овладела столицей Польши и приблизилась на несколько миль к столице Швеции, от которой, когда Петр Великий вззошел на трон, ее граница была удалена на триста миль. С тех пор она продвинулась вперед примерно на тысячу миль по направлению к Индии и на такое же расстояние по направлению к столице Персии". [Успехи России на Востоке. стр. 142.]

Таково в тот период было недавнее возвышение России; а события последних нескольких лет, ослабив и разобщив всех ее европейских соседей, неизмеримо усилили относительное превосходство Московской империи над всеми другими континентальными державами.

С населением, превышающим шестьдесят миллионов, все безоговорочно подчиняющимся импульсу единого правящего разума; с территорией в шесть с половиной миллионов квадратных миль; с постоянной восьмисоттысячной армией; с мощными флотами на Балтийском и Черном морях; с искусным сонмом дипломатических агентов, внедренных при каждом дворе и среди каждого племени; с уверенностью, которую создает неожиданный успех, и мудростью, которую воспитывает многолетний опыт, Россия теперь вооруженной правой рукой ухватила за запутанную нить европейской политики и выдает свой мандат арбитра движений эпохи. Однако едва ли прошло полтора столетия с тех пор, как ее впервые признали участником драмы современной европейской истории — до битвы при Пултове Россия не играла никакой роли. Карл V и его великая соперница, наша Елизавета, и ее противник Филипп Испанский, Гизы, Сюлли, Ришелье, Кромвель, Де Витт, Вильгельм Оранский и другие выдающиеся личности шестнадцатого и семнадцатого веков думали о московском царе не больше, чем мы сейчас думаем о короле Тимбукту. Еще в 1735 году лорд Боллингброк в своих замечательных "Письмах по истории" говорит об истории московитов как о том, что она не имеет

никакого отношения к знаниям, которые должен приобрести практический английский государственный деятель. [Сочинения Болингброка, том ii. стр. 374. На той же странице он отмечает, как Швеция часто поворачивала свои руки на юг с поразительным эффектом.] Можно усомниться в том, что сейчас в нашем Министерстве иностранных дел часто проводятся заседания кабинета министров без того, чтобы Россия не занимала главного места в мыслях каждого английского государственного деятеля.

Но хотя Россия так долго оставалась незамеченной среди своих снегов, существовала северная держава, влияние которой было признано в основных европейских распрях, и чьей доброй воли усердно добивались многие из самых смелых вождей и самых способных советников ведущих государств. Это была Швеция; Швеция, на руинах которой поднялась Россия; но чьего господство над своими полуварварскими соседями было полным до роковой битвы, которая сейчас является нашей темой.

Еще в 1542 году Франция стремилась к союзу со Швецией, чтобы та помогла ей в борьбе против Карла V. И имя Густава Адольфа само по себе достаточно, чтобы напомнить нам, что в великой борьбе за свободу вероисповедания, ареной которой Германия была в течение тридцати лет, именно Швеция спасла падающее дело протестантизма; и именно Швеция в основном продиктовала перестройку европейской государственной системы по Вестфальскому миру.

От гордого превосходства, на которое доблесть "Льва Севера", а также Торстенсона, Банье, Врангеля и других генералов Густава, ведомых мудростью Оксеншерна, привела Швецию к поражению Карла XII. атака в Пултове повергла ее сразу и навсегда. Ее попытки во время войн Французской революции взять на себя ведущую роль в европейской политике натолкнулись на мгновенное замешательство и почти вызвали насмешки. Но Швеция, чей скипетр был завещан Кристине и чей союз Кромвель так высоко ценил, была иной державой, чем нынешняя Швеция. Финляндия, Ингрия, Ливония, Эстония, Карелия и другие районы к востоку от Балтийского моря в то время были шведскими провинциями; а владение Померанией, Рюгеном и Бременом сделало ее важным членом Германской империи. Теперь все эти территории отняты у нее, и самые ценные из них составляют основу силы ее победоносной соперницы. Если бы она возобновила их, если бы Швеция 1648 года была восстановлена, у нас было бы первоклассное скандинавское государство на Севере, вполне способное поддерживать баланс сил и сдерживать прогресс России; чья мощь, действительно, никогда не смогла бы стать грозной для Европы, если бы Швеция не стала слабой.

Следовательно, решающая победа России над Швецией при Пултове была чрезвычайно важна для мира как из-за того, что она ниспровергла, так и из-за того, что она установила; и это тем более интересно, что это был не просто кризис в борьбе между двумя государствами, но это была проба сил между двумя великими расами человечества. Мы должны иметь в виду, что в то время как шведы, как и англичане, голландцы и другие, принадлежат к германской расе, русские - славянский народ. Народы славянского происхождения долгое время занимали большую часть Европы к востоку от Вислы, и население Богемии, Хорватии, Сербии, Далмации и других важных регионов к западу от этой реки также является славянским. В длительных и разнообразных конфликтах между ними и соседствующими с ними германскими народами германская раса до Пултовы почти всегда сохраняла превосходство. За единственным, но важным исключением Польши, ни одно славянское государство не являлось сколько-нибудь заметной фигурой в истории до того времени, когда Петр Великий одержал свою великую

победу над шведским королем. [Гуситские войны, возможно, дают Богемии право выделяться.] Что Россия сделала с тех пор, мы знаем и чувствуем. И некоторые из мудрейших и лучших людей нашего времени и нации, которые с глубочайшим вниманием следили за анналами и судьбами человечества, верили, что славянский элемент в населении Европы пока лишь частично развил свои силы: что, в то время как другие расы человечества (включая нашу, германскую) исчерпали свою творческую энергию и завершили положенные им достижения, славянской расе еще предстоит сделать великую карьеру; и что повествование о господстве славян - это оставшаяся страница, которая завершит историю мира. [См. Лекции Арнольда по современной истории, стр. 36-39.]

Пусть не предполагается, что, рассматривая таким образом первичный триумф России над Швецией как победу славянской расы над германской, мы имеем дело с вопросами простого этнологического педантизма или с темами простого спекулятивного любопытства. Тот факт, что Россия является славянской империей, является фактом огромного практического влияния в настоящий момент. Половина жителей Австрийской империи - склавоны. Население большей части Турции в Европе принадлежит к той же расе. Силезия, Познань и другие части прусских владений в основном славянские. И в последние годы в этих странах растет восторженное рвение к объединению всех славян в одну великую объединенную славянскую империю, которая, как бы мы ни высмеивали ее принципы, не менее реальна и активна, и Россия, как глава и защитник славянской расы, хорошо знает, как воспользоваться этим преимуществом.

["Идея панславизма имела чисто литературное происхождение. Это было начато Полларом, протестантским священником славянской конгрегации в Пеште, в Венгрии, который хотел создать национальную литературу, распространяя все произведения, написанные на различных славянских диалектах, по всем странам, где говорят на каком-либо из них. Он предположил, что все славянские литераторы должны ознакомиться с родственными диалектами, чтобы богемское или другое произведение можно было читать на берегах Адриатики, а также на берегах Волги или в любом другом месте, где говорят на славянском языке; таким образом, могла быть создана обширная литература, направленная на развитие знаний во всех славянских странах; и он подкрепил свои аргументы замечанием, что диалекты древней Греции отличались друг от друга, как и диалекты его родного языка, и все же они образовали только одну эллинскую литературу. Идея интеллектуального союза всех этих наций естественным образом привела к идее политического; и славяне, видя, что их численность составляет примерно треть всего населения Европы и они занимают более половины ее территории, начали осознавать, что они могут претендовать на положение, к которому они до сих пор не стремились.

Это мнение утвердилось; и теперь вопрос заключается в том, могут ли славяне образовать нацию, независимую от России, или же они должны быть удовлетворены тем, что являются частью одной великой расы, вождем которой является самый могущественный ее представитель. Последнее, действительно, набирает силу среди них; и некоторые поляки склонны приписывать свои страдания произволу царя, не возлагая вину на самих русских. Они начинают думать, что, если они не могут существовать как поляки, лучшее, что можно сделать, - это довольствоваться положением в славянской империи, и они надеются, что, когда они откажутся от идеи восстановления своей страны, Россия может пойти на некоторые уступки их отдельной национальности.

"Та же идея была выдвинута писателями в интересах России; среди других славянских народов предпринимаются большие усилия, чтобы заставить их смотреть на Россию как на своего будущего главу; и она уже приобрела значительное влияние на славянское население Турции". — ДАЛМАЦИЯ УИЛКИНСОНА.]

Примечательно, что самим своим названием Россия обязана банде шведских захватчиков, завоевавших ее тысячу лет назад. Вскоре они были поглощены славянским населением, и все следы шведского характера исчезли в России за много столетий до ее вторжения Карла XII. Долгое время она была жертвой и рабыней татар, и в течение многих значительных периодов времени поляки держали ее в порабощении. Действительно, если не считать экспедиций некоторых первых русских вождей против Византии и правления Ивана Васильевича, история России до времен Петра Великого - это один длинный рассказ о страданиях и деградации.

Но каким бы ни было количество национальных травм, которые она получила от шведов, татар или поляков за века своей слабости, она, безусловно, десятикратно отомстила за полтора столетия своего могущества. Ее быстрый переход в начале того периода от того, чтобы быть добычей каждого завоевателя, к тому, чтобы быть завоевателем всех, с кем она соприкасается, к тому, чтобы быть угнетателем вместо угнетенных, почти не имеет аналогов в истории наций. Это было делом рук единого правителя; который, сам не имея образования, продвигал науку и литературу среди миллионов варваров; который дал им флот, торговлю, искусства и оружие; который в Пултове научил их противостоять непобедимым шведам и разбивать их; и который с тех пор сделал упорную доблесть и безоговорочное подчинение отличительными чертами русской солдатни, которая до него была просто беспорядочной и нерешительной толпой.

Карьера Филиппа Македонского больше всего напоминает карьеру великого московского царя, но есть одно важное отличие: Филипп, будучи молодым, получил в Южной Греции лучшее образование во всех вопросах мира и войны, которое могли дать самые способные философы и полководцы того времени. Питер вырос среди варваров и в варварском невежестве. Став взрослым человеком, он попытался исправить это, оставив все соблазны праздности и чувственности, которые предлагал его двор, и обратившись за наставлением за границу. Он трудился собственными руками как простой ремесленник в Голландии и Англии, чтобы вернуться и научить своих подданных тому, как можно приобрести корабли, торговлю и цивилизацию. Здесь есть степень героизма, превосходящая все, что мы знаем о македонском царе. Но консолидация Филиппом давно разобщенной Македонской империи, — его воспитание народа, который, по его мнению, вызывал презрение у их цивилизованных южных соседей, вызывал у них ужас, — его организация храброй и хорошо дисциплинированной армии вместо беспорядочного ополчения, - его создание морских сил и его систематическое мастерство в приобретении и улучшении морских портов и арсеналов, — его терпеливое упорство в достижении цели при неудачах, - его личная храбрость, — и даже его склонность к грубым развлечениям — все это выделяет его как прототип императорского основателя Македонии. Русская власть. Однако, отдавая должное древнему герою, следует добавить, что в истории Филиппа мы не находим примеров той дикой жестокости, которая так сильно деформировала характер Петра Великого.

Рассматривая последствия поражения, нанесенного шведским оружием при Пултове, и размышляя о вероятных последствиях, которые последовали бы, если бы захватчики добились успеха, мы должны не только иметь в виду жалкое состояние, в котором Петр застал Россию при

своим восшествием на престол, по сравнению с ее нынешним величием, но мы также должны иметь в виду тот факт, что во время сражений за Пултову его реформы были еще незавершенными, а его новые институты незрелыми. Он разрушил старую Россию, а Новая Россия, которую он в конечном счете создал, все еще находилась в зачаточном состоянии. Если бы он был разгромлен при Пултове, его могущественные планы были бы похоронены вместе с ним; и (используя слова Вольтера) "самая обширная империя в мире снова погрузилась бы в хаос, из которого ее так недавно извлекли". Именно этот факт стал причиной отпора Карлу XII. критический момент в судьбе России. Опасность, которой она подверглась столетие спустя из-за вторжения Наполеона, на самом деле была гораздо меньшей, чем та, которой она подверглась, когда Карл напал на нее; хотя французский император, как военный гений, был бесконечно выше шведского короля и повел против нее войско, по сравнению с которым армии Карла кажутся почти незначительными. Но, как хорошо предупредил своего императорского повелителя Фуше, когда тот тщетно пытался отговорить его от катастрофической экспедиции против царской империи, разница между Россией 1812 года и Россией 1709 года была больше, чем разница между властью Карла и мощью Наполеона. "Если бы у этого героического короля, - сказал Фуше, - не было, подобно вашему императорскому величеству, половины Европы с оружием в руках, чтобы поддержать его, то и у его противника, царя Петра, не было бы 400 000 солдат и 60 000 казаков". Историки, описывающие состояние Московской империи, когда революционная и императорская Франция столкнулась с ней, правдиво и справедливо повествуют, как "в эпоху Французской революции эта огромная империя, охватывающая почти половину Европы и Азии в пределах своих владений, населенная терпеливой и неукротимой расой, всегда готовой променять роскошь и приключения юга на тяготы и монотонность севера, с каждым днем становилась все более угрожающей свободам Европы. Русская пехота в то время уже давно славилась своей непоколебимой стойкостью. Ее огромное население, составлявшее тогда в одной только Европе почти тридцать пять миллионов человек, обеспечивало неисчерпаемый запас людей. Ее солдаты, с младенчества приученные к жаре и холоду и движимые слепой преданностью своему царю, объединили непоколебимую доблесть англичан с безудержной энергией французских войск". [Элисон.] Точно так же мы читаем, что высокомерная агрессия Бонапарта "была направлена на то, чтобы возбудить национальные чувства от берегов Борисфена до Китайской стены и объединить против него диких и нецивилизованных жителей обширной империи, одержимых любовью к своей религии, своему правительству и своей стране и обладающих характером суровой преданности, которую он был неспособен оценить". ["Жизнь Наполеона" Скотта] Но у России 1709 года не было таких сил, которые можно было бы противопоставить нападавшему. Все ее население тогда составляло менее шестнадцати миллионов; и, что гораздо важнее, это население не приобрело ни воинского духа, ни сильной национальности; оно также не было объединено лояльной привязанностью к своему правителю.

Петр мудро упразднил старые регулярные войска империи, стрельцов; но силы, которые он собрал вместо них по новому иностранному плану и укомплектовал офицерами в основном из иностранцев, до шведского вторжения не давали никаких доказательств того, что на них можно положиться. В многочисленных столкновениях со шведами солдаты Петра разбегались, как овцы, перед численным превосходством противника. Большое недовольство, кроме того, было вызвано среди всех классов общества произвольными изменениями, которые ввел их великий император, многие из которых вступали в противоречие с самыми лелеемыми национальными предрассудками его подданных. Карьера, полная побед и процветания, еще не подняла Петра

над уровнем этого недовольства, и суеверное повиновение царю еще не стало характерной чертой московского сознания. Победоносная оккупация Москвы Карлом XII. подавила бы русскую нацию так же эффективно, как это было в случае, когда хан Бату и другие древние захватчики захватили столицу первобытной Московии. Судьба Наполеона продемонстрировала сразу и навсегда, насколько мало такой триумф мог повлиять на подчинение современной России.

Характер Карла XII. была любимой темой историков, моралистов, философов и поэтов. Но только его военное поведение во время кампании в России требует здесь комментариев. Наполеон в мемуарах, продиктованных им на острове Святой Елены, дал нам систематическую критику этой, среди других знаменитых кампаний, включая его собственную русскую кампанию. Он упорно трудится, чтобы доказать, что сам соблюдал все истинные принципы наступательной войны: и, вероятно, его порицания полководческих способностей Карла были довольно ярко окрашены, чтобы его собственное военное мастерство выделялось в более выгодном свете. И все же, приняв все во внимание, мы должны признать силу критики Наполеона в отношении тактики Карла и признать, что его суждение, хотя и суровое, верно, когда он заявляет, что шведский король, в отличие от своего великого предшественника Густава, ничего не смыслил в военном искусстве и был не более чем храбрым и бесстрашным солдатом. Однако это был не тот свет, в котором воспринимали Карла его современники в начале его русской экспедиции. Его многочисленные победы, его смелый и решительный дух в сочетании с древней славой шведского оружия тогда наполнили всю Европу восхищением и тревогой. Как выражается Джонсон, его имя было тогда одним из тех, при упоминании которого мир побледнел. Даже Людовик Великий искренне просил его о помощи; и наш собственный Мальборо, находившийся тогда в расцвете своих побед, был специально послан английским двором в лагерь Карла, чтобы умиловать героя севера в пользу дела союзников и не допустить, чтобы шведский меч был брошен на чашу весов в пользу французского короля. Но Карл в то время был настроен исключительно на свержение государя России, как он уже свергнул государя Польши, и вся Европа была полностью уверена, что он полностью сокрушит царя и продиктует условия мира в Кремле. [Вольтер подтверждает, лично ознакомившись с письмами нескольких государственных деятелей к их соответствующим дворам, что таковы были общие ожидания.] Сам Карл смотрел на успех как на дело несомненное; и романтическая экстравагантность его взглядов постоянно возрастала. "Одного года, - думал он, - будет достаточно для завоевания России. Римский двор был следующим, кто почувствовал его месть, поскольку папа осмелился выступить против предоставления религиозной свободы силезским протестантам. В то время ни одно предприятие не казалось ему невыполнимым. Он даже тайно отправил нескольких офицеров в Азию и Египет, чтобы составить планы городов и изучить силу и ресурсы этих стран". [Скандинавия Крайтона.]

Таким образом, Наполеон олицетворяет более ранние операции вторжения Карла в Россию: —

"Этот принц выступил из своего лагеря в Альдштадте, близ Лейпцига, в сентябре 1707 года во главе 46 000 человек и пересек Польшу; 20 000 человек под командованием графа Левенгаупта высадились в Риге; и 15 000 человек находились в Финляндии. Таким образом, он был в состоянии собрать воедино 80 000 лучших войск в мире. Он оставил 10 000 человек в Варшаве для охраны короля Станислава, а в январе 1708 года прибыл в Гродно, где перезимовал. В июне он пересек Минский лес и предстал перед Борисовым; потеснил русскую армию, занявшую левый берег Березины; разбил 20 000 русских, прочно укрепившихся за болотами; перешел

Борисфен у Могилева и 22 сентября разгромил корпус из 16 000 москвичей под Смоленском. Теперь он приблизился к границам Литвы и собирался вступить в собственно Россию: царь, встревоженный его приближением, сделал ему предложение о мире. До этого времени все его передвижения просто соответствовали правилам, и его коммуникации были хорошо защищены. Он был хозяином Польши и Риги и находился всего в десяти днях пути от Москвы; и вполне вероятно, что он достиг бы этой столицы, если бы не свернул с большой дороги туда и не направил свои стопы в сторону Украины, чтобы соединиться с Мазепой, который привел с собой всего 6000 человек. Этим движением его оперативная линия, начинавшаяся в Швеции, открыла его фланг России на расстояние четырехсот лье, и он был не в состоянии защитить его или получить ни подкрепление, ни помощь".

Наполеон сурово осуждает это пренебрежение одним из великих правил ведения войны. Он указывает, что Карл не организовал свою войну так, как Ганнибал, по принципу отказа от всех коммуникаций с домом, сосредоточения всех своих сил и создания операционной базы в завоеванной стране. Такова была смелая система карфагенского полководца; но Карл действовал не по такому принципу, поскольку он приказал Левенгаупту, одному из своих генералов, командовавшему значительным отрядом и сопровождавшему наиболее важный конвой, следовать за ним на расстоянии двенадцатидневного перехода. Такой дислокацией своих сил он поставил Левенгаупта под удар всех сил противника по отдельности и лишил войска, находящиеся под его собственным командованием, помощи, которую могли бы оказать люди и припасы этого генерала в самый критический момент кампании.

Царь собрал армию численностью около ста тысяч боеспособных людей; и хотя шведы в начале вторжения одерживали победы во всех столкновениях, русские войска постепенно приобретали дисциплину; а Петр и его офицеры учились полководческому мастерству у своих победителей, как фиванцы в древности учились этому у спартанцев. Когда Левенгаупт в октябре 1708 года пытался присоединиться к Карлу на Украине, царь внезапно атаковал его близ Борисфена превосходящими силами в пятьдесят тысяч русских. Левенгаупт храбро сражался в течение трех дней, и ему удалось с примерно четырьмя тысячами своих людей прорваться сквозь ряды противника туда, где Карл ожидал его у реки Десна; но в этих сражениях пало свыше восьми тысяч шведов; пушки Левенгаупта и боеприпасы были брошены; и весь его важный обоз с провизией, на который рассчитывали Карл и его полуголодные войска, попал в руки врага. Карл был вынужден остаться на Украине на зиму; но весной 1709 года он двинулся вперед, к Москве, и захватил укрепленный город Пултову на реке Ворскла, место, где царь хранил большие запасы провизии и военных припасов и которое контролировало дороги, ведущие к Москве. Обладание этим местом дало бы Карлу средства для удовлетворения всех потребностей его многострадальной армии, а также обеспечило бы ему надежную операционную базу для наступления на московскую столицу. Поэтому шведы горячо настаивали на осаде; гарнизон упорно сопротивлялся, и царь, чувствуя важность спасения города, двинулся в июне на помощь ему во главе армии численностью от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек.

Теперь оба монарха готовились к общим действиям, которые каждый считал неизбежными и которые, по мнению каждого, будут решающими для его собственной судьбы и судьбы его страны. Царь, совершив несколько искусных маневров, переправился через Ворсклу и разместил свою армию на том же берегу реки, что и осаждающие, но немного выше. Ворскла впадает в Борисфен примерно в пятнадцати лье ниже Пултовы, и царь расположил свои войска

в две линии, протянувшиеся от одной реки к другой; так что, если шведы нападут на него и будут отброшены, они будут отброшены назад под острым углом, образованным двумя потоками при их слиянии. Он укрепил эти линии несколькими редутами, вдоль которых стояла тяжелая артиллерия; и его войска, как конные, так и пешие, были в наилучшем возможном состоянии и в изобилии снабжены припасами и боеприпасами. Силы Карла насчитывали около двадцати четырех тысяч человек. Но не более половины из них были шведами; так много сражений, голод, усталость и смертельные морозы в России поредели доблестных отрядов, которые шведский король и Левенгаупт повели на Украину. Остальные двенадцать тысяч человек под командованием Карла были казаками и валахами, которые присоединились к нему в этой стране. Услышав, что царь собирается напасть на него, он решил, что его достоинство требует, чтобы он сам был нападающим; и, выведя свою армию из укрепленных позиций перед городом, он двинулся с ними против русских редутов.

Он был тяжело ранен в ногу в стычке за несколько дней до этого, и его несли на носилках вдоль рядов, в самую гущу сражения. Несмотря на ужасающее численное превосходство и невыгодное положение, шведы никогда так благородно не проявляли свою древнюю доблесть, как в тот ужасный день. Их союзники-казаки и валахи, похоже, также не были недостойны сражаться бок о бок с ветеранами Карла. Два русских редута были фактически взяты, и шведская пехота начала издавать победные крики. Но, с другой стороны, ни генерал, ни солдаты не дрогнули при исполнении своего долга. Русская канонада и ружейный огонь не прекращались; свежие массы защитников вливались в укрепления, и, наконец, измотанные остатки шведских колонн отступили от обгаженных кровью редуты. Затем царь вывел пехоту и кавалерию своей первой линии за пределы укреплений, выстроил их неуклонно и умело, и боевые действия возобновились по всему фронту двух армий на открытой местности. Каждый государь свободно рисковал своей жизнью в битве, приносящей победу во всем мире; и с каждой стороны войска сражались упорно и рьяно под присмотром своего правителя. Только через два часа после начала сражения, подавленные численностью, доселе непобедимые шведы уступили. Тогда все было в безнадежном беспорядке и непоправимом разгроме. Оттесненные вниз, к месту слияния рек, беглые шведы сдавались своим победоносным преследователям или погибали в водах Борисфена. Только несколько сотен человек переплыли эту реку со своим королем и казаком Мазепой и бежали на турецкую территорию. Почти десять тысяч человек лежали убитыми и ранеными в редутах и на поле боя.

В радости своего сердца царь воскликнул, когда борьба закончилась, "Что сын зари сошел с небес и что основы Санкт-Петербурга наконец-то устояли". Даже на том поле битвы, недалеко от Украины, первые мысли российского императора были о завоеваниях и расширении Прибалтики. Ништадтский мир, по которому России были переданы прекраснейшие провинции Швеции, утвердил решение о битве, вынесенное при Пултове. Нападения России на Турцию и Персию начались почти сразу после этой победы. И хотя царь потерпел неудачу в своих первых попытках против султана, преемники Петра, все до единого, проводили одинаково агрессивную и одинаково успешную систему политики против Турции и против любого другого государства, как азиатского, так и европейского, которое имело несчастье иметь соседом Россию.

Ораторы и авторы, обсуждавшие прогресс России, часто ссылались на сходство между современным расширением Московской империи и расширением римских владений в древние времена. Но едва ли обращалось внимание на близость параллели между завоеванием Руси и завоеванием Рима не только в масштабах завоеваний, но и в средствах их осуществления.

Историю Рима в течение полутора столетий, последовавших за завершением второй Пунической войны, в ходе которой были осуществлены крупнейшие территориальные приобретения, следует детально сравнить с историей России за последние сто пятьдесят лет. Основные моменты сходства могут быть указаны только на этих страницах, но они заслуживают самого пристального рассмотрения. Прежде всего, каждому, кто следит за карьерой и политикой России, следует внимательно изучить шестую главу великого трактата Монтескье о Риме, главу "О ПОВЕДЕНИИ РИМЛЯН Относительно СУММИРОВАНИЯ НАРОДОВ". Знаток классической литературы наверняка помнит государственную хитрость римского сената, который заботился о том, чтобы в каждой иностранной войне выступать в роли ЗАЩИТНИКА. Таким образом, Рим ЗАЩИЩАЛ этолийцев и греческие города от Македонии; он ЗАЩИЩАЛ Вифинию и другие небольшие азиатские государства от сирийских царей; он защищал Нумидию от Карфагена; и во многих других случаях принимал тот же благовидный характер. Но "Горе людям, чья свобода зависит от постоянной снисходительности всемогущего защитника". [История Греции Малкина.] Каждое государство, которое защищал Рим, в конечном счете было покорено и поглощено им. И Россия была защитницей Польши, защитницей Крыма, защитницей Курляндии, защитницей Грузии, Иммерсии, Мингрелии, черкесских и кавказских племен. Сначала она защищала, а затем присвоила их все. Она защищает Молдавию и Валахию. Несколько лет назад она стала протектором Турции от Мехмета Али, а с лета 1849 года она стала протектором Австрии.

Когда сторонники России говорят о бескорыстии, с которым она отозвала свои войска, защищавшие Константинополь, и из Венгрии, давайте здесь также отметим зловещую точность параллели между ней и Римом. В то время как в древнем мире еще существовало несколько независимых государств, которые могли бы создать грозный союз против Рима, если бы он встревожил их, открыто признавшись в своих амбициозных планах, любимой политикой Рима были кажущаяся бескорыстность и умеренность. После своей первой войны против Филиппа, затем против Антиоха и многих других победоносный Рим быстро вывел свои войска с оккупированных ими территорий. Она делала вид, что использует свое оружие только для блага других; но, когда наступал благоприятный момент, она всегда находила предлог для того, чтобы снова ввести свои легионы в каждый желанный район и превратить его в римскую провинцию. Страх, а не умеренность - единственный эффективный способ сдерживать амбиции таких держав, как Древний Рим и Современная Россия. Степень этого страха зависит от своевременной бдительности и энергии, которые другие государства решат применить против общего врага их свободы и национальной независимости.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ БИТВЫ При ПУЛТОВЕ, 1709 ГОД, И ПОРАЖЕНИЯ БУРГОЙНА При САРАТОГЕ, 1777 ГОД.

1713 г. н.э. Утрехтский мирный договор. По нему Филипп остается на троне Испании. Но Неаполь, Милан, испанские территории на тосканском побережье, Испанские Нидерланды и некоторые части Французских Нидерландов переданы Австрии. Франция уступает Англии Гудзонов залив и проливы, остров Святого Христофора, Новую Шотландию и Ньюфаундленд в Америке, Испания уступает Англии Гибралтар и Менорку, которые англичане захватили во время войны. Король Пруссии и герцог Савойский оба получают значительные дополнительные территории к своим владениям.

1714. Смерть королевы Анны. В Англии начинает править Ганноверский дом. Подавлено восстание в пользу Стюартов. Смерть Людовика XIV.

1718. Карл XII. убит при осаде Фредериксхолла.

1725. Смерть Петра Великого в России.

1740. Фридрих II, король Пруссии, начинает свое правление. Он нападает на австрийские владения и завоевывает Силезию.

1742. Война между Францией и Англией.

1743. Победа англичан при Деттингене.

1745. Победа французов при Фонтенуа. Восстание в Шотландии в пользу Дома Стюартов: окончательно подавлено битвой при Каллодене в следующем году.

1748. Покой Экс-ла-Шапель.

1756-1763. Семилетняя война, во время которой Пруссия оказывает героическое сопротивление союзникам Австрии, России и Франции. Англия под управлением Питта-старшего (впоследствии лорда Чатема) принимает славное участие в войне против Франции и Испании. Вулф выигрывает битву при Квебеке, и англичане завоевывают Канаду, Кейп-Бретон и Сент-Джон. Клайв начинает свою завоевательную карьеру в Индии. Куба отнята англичанами у Испании.

1763. Парижский мирный договор: в результате которого мощь Пруссии возросла, а ее военная репутация значительно возросла.

"Франция по Парижскому мирному договору уступила Англии Канаду и остров Кейп-Бретон с островами и побережьями залива и реки Святого Лаврентия. Границы между двумя нациями в Северной Америке были установлены линией, проведенной по середине Миссисипи, от ее истока до устья. Все на левом, или восточном, берегу этой реки было передано Англии, за исключением города Новый Орлеан, который был оставлен за Францией; также была предоставлена свобода рыболовства на части побережья Ньюфаундленда и залива Святого Лаврентия. Острова Святого Петра и Микелон были предоставлены им в качестве убежища для их рыбаков, но без разрешения возводить укрепления. Острова Мартинико, Гваделупа, Мариегаланте, Дезирада и Сент-Люсия были переданы Франции; в то время как Гренада, Гренадины, Сент-Винсент, Доминика и Тобаго были переданы Англии. Эта последняя держава сохранила свои завоевания в Сенегале и вернула Франции остров Гор на побережье Африки. Франции были переданы принадлежавшие ей форты и фабрики в Ост-Индии, на побережьях Короманделя, Ориссы, Малабара и Бенгалии с условием не содержать в Бенгалии никаких вооруженных сил.

"В Европе Франция восстановила все завоевания, которые она сделала в Германии; также как и остров Менорка, Англия уступила ей Бельиль на побережье Бретани; в то время как Дюнкерк сохранялся в том же состоянии, которое было определено Экс-ла-Шапельским миром. Остров Куба с Гаванной были возвращены королю Испании, который, со своей стороны, уступил Англии Флориду с Порт-Огастинем и заливом Пенсакола. Король Португалии был восстановлен в том

же состоянии, в котором он находился до войны. Ему была возвращена колония Святого Причастия в Америке, завоеванная испанцами.

"Парижский мир, о котором мы только что говорили, был эпохой величайшего процветания Англии. Ее торговля и мореплавание простирались по всем частям земного шара и поддерживались военно-морскими силами, тем более внушительными, что им больше не противостояла морская мощь Франции, которая была почти уничтожена в предыдущей войне. Огромные территории, которые этот мир обеспечил ей как в Африке, так и в Америке, открыли новые каналы для ее промышленности; и что заслуживает особого упоминания, так это то, что она приобрела в то же время обширные и важные владения в Ост-Индии". ["Европейские революции" Коха.]

ГЛАВА XIII. ПОБЕДА АМЕРИКАНЦЕВ НАД БЕРГОЙНОМ При САРАТОГЕ,

1777 год н. э.

"На Запад берет свое начало империя;
Первые четыре акта уже позади,
Пятый завершит драму с наступлением дня:
БЛАГОРОДНЕЙШЕЕ ПОРОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ - ЕГО ПОСЛЕДНЕЕ".
ЕПИСКОП БЕРКЛИ.

"Даже из тех великих конфликтов, в которых участвовали сотни тысяч человек и десятки тысяч пали, ни один не принес более плодотворных результатов, чем эта капитуляция трех с половиной тысяч бойцов при Саратоге. Это не просто изменило отношения Англии и чувства Европы к этим восставшим колониям, но и изменило на все времена связь между каждой колонией и каждым государством—метрополией". - ЛОРД МЭХОН.

Из четырех великих держав, которые в настоящее время в основном определяют политические судьбы мира, Франция и Англия - единственные две, чье влияние можно датировать периодом, выходящим за рамки последних полутора столетий. Третья великая держава, Россия, была жалким скопищем варваров до эпохи Петра Великого; и само существование четвертой великой державы как независимой нации началось на памяти ныне живущих людей. Под четвертой великой державой мира я подразумеваю могущественное содружество западного континента, которое сейчас вызывает восхищение человечества. Это почтение иногда оказывается неохотно и сопровождается подозрением и недоброжелательностью. Но никто не может отказаться от этого. Все физические основы национальной мощи, несомненно, заключаются в географическом положении и обширности территории, которой обладают

Соединенные Штаты: в их почти неисчерпаемых участках плодородной, но до сих пор нетронутой почвы; в их величественных лесах, в их горных цепях и их реках, в их залежах угля и хранилищах металлических богатств; в их обширном морском побережье вдоль вод двух океанов и в их уже многочисленном и быстро растущем населении. И когда мы исследуем характер этого населения, никто не может смотреть на бесстрашную энергию, твердую решимость, склонность к местному самоуправлению, разностороннюю готовность и неугасающий дух предприимчивости, которые характеризуют англо-американцев, без ощущения, что он видит здесь истинные моральные элементы прогрессивной мощи.

Еще не прошло трех четвертей века с тех пор, как Соединенные Штаты перестали быть просто зависимостью от Англии. И даже если мы датируем их происхождение периодом, когда на западном побережье Северной Атлантики были основаны первые постоянные европейские поселения, из которых они выросли, рост их силы не имеет аналогов ни по скорости, ни по размаху.

Древний римлянин не без основания хвастался ростом Рима от скромного начала до величайшего размаха, который когда-либо видел мир. Но гражданин Соединенных Штатов все же имеет более справедливое право претендовать на эту похвалу. За два с половиной столетия его страна приобрела большее господство, чем римляне за десять. И даже если мы поверим легенде о банде пастухов и разбойников, с которыми, как говорят, Ромул колонизировал Семь Холмов, мы не найдем там столь малого зародыша будущего величия, как в группе из ста пяти плохо подобранных и разобщенных эмигрантов, основавших Джеймстаун в 1607 году, или в немногочисленной группе Отцов-пилигримов, которые несколькими годами позже причалили на своем барке к дикому, усеянному скалами побережью дикой местности, которой суждено было стать Новой Англией. Мощь Соединенных Штатов - это, безусловно, "Империя, не имеющая ничего общего с изгнанием всего человечества за вычетом, не увеличивающаяся до конца, сфера усиления человеческой потенции, хранящая память". [Евтропий, lib. i. (exordium).]

Ничто так не рассчитано на то, чтобы внушить уму ощущение быстроты, с которой ресурсы американской республики пополняются, как трудность, с которой исследователь истории сталкивается при установлении их точного количества. Если он обратится к самым последним работам, написанным наиболее способными исследователями предмета, он найдет в них восхищенные комментарии по поводу изменений, произошедших за последние несколько лет, до написания этих книг; но когда он пытается применить оценки, содержащиеся в этих книгах, к настоящему моменту, он находит их совершенно неадекватными. Прежде чем книга на тему Соединенных Штатов утратила свою новизну, эти государства переросли описание, которое в ней содержится. Знаменитый труд французского государственного деятеля Де Токвиля появился около пятнадцати лет назад. В отрывке, который я собираюсь процитировать, будет видно, что он предсказывает постоянное усиление англо-американской мощи, но он рассматривает Скалистые горы как их крайнюю западную границу на многие годы вперед. Очевидно, он не ожидал, что увидит эту державу доминирующей как на Тихоокеанском, так и на атлантическом побережье. Он говорит: —

"Расстояние от озера Верхнее до Мексиканского залива простирается от 47-го до 30-го градуса широты, то есть более 1200 миль, по мере полета птицы. Граница Соединенных Штатов проходит по всей этой огромной линии, иногда попадая в ее пределы, но чаще простираясь далеко за ее пределы в пустыню. Было подсчитано, что белые ежегодно продвигаются в среднем на

семнадцать миль вдоль всей этой обширной границы. Иногда встречаются препятствия, такие как непродуктивный район, озеро или неожиданно возникшая индийская нация. Затем наступающая колонна на некоторое время останавливается; два ее конца отступают сами на себя, и как только они вновь соединяются, они продолжают движение вперед. Это постепенное и непрерывное продвижение европейской расы к Скалистым горам имеет торжественность Провиденциального события: оно подобно людскому потоку, который не ослабевает и ежедневно продвигается вперед рукой Бога.

"В пределах этой первой линии завоевателей-поселенцев строятся города и основываются обширные поместья. В 1790 году по долинам Миссисипи было разбросано всего несколько тысяч первопроходцев, и в наши дни в этих долинах проживает столько жителей, сколько можно было найти во всем Союзе в 1790 году. Их население составляет почти четыре миллиона человек. Город Вашингтон был основан в 1800 году, в самом центре Союза; но произошедшие изменения таковы, что теперь он находится на одной из окраин; и делегаты самых отдаленных западных штатов уже вынуждены совершать такое же долгое путешествие, как из Вены в Париж.

Таким образом, не следует воображать, что импульс британской расы в Новом Свете может быть остановлен. Расчленение Союза и военные действия, которые могут последовать за этим, упразднение республиканских институтов и тираническое правительство, которое может прийти ему на смену, могут задержать этот импульс, но они не могут помешать ему в конечном итоге исполнить судьбу, уготованную этой расе. Никакая держава на земле не может закрыть для эмигрантов эту плодородную пустыню, которая предлагает ресурсы для любой промышленности и убежище от всякой нужды. Будущие события, какой бы природы они ни были, не лишат американцев их климата, или их внутренних морей, или их великих рек, или их плодородной почвы. Плохие законы, революции и анархия также не смогут уничтожить ту любовь к процветанию и тот дух предприимчивости, которые кажутся отличительными чертами их расы, или уничтожить то знание, которое направляет их на их пути.

"Таким образом, посреди неопределенного будущего, по крайней мере, одно событие несомненно. В период, который, можно сказать, близок (поскольку мы говорим о жизни нации), англо-американцы в одиночку покроют огромное пространство, заключенное между Полярными регионами и Тропиками, простирающееся от побережья Атлантического океана до берегов Тихого океана; территория, которая, вероятно, будет занята англо-американцами в некоторое будущее время, может быть подсчитана равной трем четвертям Европы по площади. Климат Союза в целом предпочтительнее Европейского, и его природные преимущества не менее велики; поэтому очевидно, что в будущем его население будет пропорционально нашему собственному. Европа, разделенная между столькими различными нациями и раздираемая непрекращающимися войнами и варварскими нравами Средневековья, тем не менее достигла численности населения в 410 жителей на квадратную лигу. Какая причина может помешать Соединенным Штатам со временем иметь такое же многочисленное население?

Следовательно, придет время, когда сто пятьдесят миллионов людей будут жить в Северной Америке, равные по положению, потомки одной расы, обязанные своим происхождением одной и той же причине и сохраняющие ту же цивилизацию, тот же язык, ту же религию, те же привычки, те же манеры, проникнутые теми же мнениями, распространяющиеся в тех же формах. Остальное неясно, но это несомненно; и это факт, новый для мира, факт, чреватый такими зловещими последствиями, что сводит на нет усилия даже воображения".

[Подлинник этих отрывков на французском языке можно найти в главе "Каковы шансы американского союза — каковы опасности для окружающих" в третьем томе первой части Де Токвиля и в заключении первой части. Они (вместе с другими) собраны и переведены мистером Элисоном в его "Очерках", том iii. стр. 374.]

Давайте перейдем от французского государственного деятеля, писавшего в 1835 году, к английскому государственному деятелю, который по праву считается высшим авторитетом во всех областях статистики и который описал Соединенные Штаты всего семь лет назад. Макгрегор [Коммерческая статистика Макгрегора.] говорит нам—

"Штатов, которые после ратификации независимости образовали Американский республиканский союз, было тринадцать, а именно:—

- Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд, Пенсильвания, Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия. Вышеупомянутые тринадцать штатов (ВСЯ НАСЕЛЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ КОТОРЫХ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ НЕСКОЛЬКИХ НЕБОЛЬШИХ ПОСЕЛЕНИЙ, БЫЛА ОГРАНИЧЕНА РЕГИОНОМ, ПРОСТИРАЮЩИМСЯ Между ГОРАМИ АЛЛЕГАНИ И АТЛАНТИКОЙ) были теми, которые существовали в период, когда они стали признанной отдельной и независимой федеральной суверенной державой. Тринадцать полос на штандарте или флаге Соединенных Штатов продолжают обозначать первоначальное число, звезды умножились до двадцати шести [С тех пор, как это было написано, появились новые звезды.] в зависимости от того, как увеличилось количество штатов.

"Территория тринадцати первоначальных штатов Союза, включая Мэн и Вермонт, занимала площадь 371 124 английских квадратных мили; территория всего Объединенного Королевства Великобритании и Ирландии - 120 354; территория Франции, включая Корсику, - 214 910; территория Австрийской империи, включая Венгрию и все имперские государства, - 257 540 английских квадратных миль.

"Нынешняя территория двадцати шести конституционных штатов Англо-Американского союза, округа Колумбия и территорий Флориды включает 1 029 025 квадратных миль; к этому, если мы добавим северо-западную территорию, или территорию Висконсин, к востоку от Миссисипи, ограниченную озером Верхнее на севере и Мичиганом на востоке и занимающую по меньшей мере 100 000 квадратных миль, а затем добавим великий западный регион, еще не четко определенные территории, но по самым ограниченным подсчетам охватывающие 700 000 квадратных миль, то вся она будет непрерывной в своей огромной протяженности и протяженности. широта иностранных государств охватывает часть земной поверхности, равную 1 729 025 английским, или 1 296 770 географическим квадратным милям".

Мы можем добавить, что население Штатов, когда они провозгласили свою независимость, составляло около двух с половиной миллионов; сейчас оно составляет двадцать три миллиона.

Я процитировал Макгрегора не только из-за ясного и полного представления, которое он дает о прогрессе Америки на тот момент, когда он писал, но и потому, что его описание может контрастировать с тем, какими стали Соединенные Штаты даже с тех пор, как появилась его книга. Всего через три года после того, как Макгрегор написал это, американский президент искренне заявил: —

"Менее чем за четыре года присоединение Техаса к Союзу было завершено; все спорные права собственности на территорию Орегон, расположенную к югу от 49-го градуса северной широты, урегулированы; а Нью-Мексико и Верхняя Калифорния были приобретены по договору. Площадь этих нескольких территорий составляет 1 193 061 квадратную милю, или 763 559 040 акров; в то время как площадь остальных двадцати девяти штатов и территории, еще не разделенной на штаты к востоку от Скалистых гор, составляет 2 059 513 квадратных миль, или 1 318,126,058 акров. Эти оценки показывают, что недавно приобретенные территории, на которые были распространены наша исключительная юрисдикция и господство, составляют страну более чем в два раза меньшую по площади, чем все то, что принадлежало Соединенным Штатам до их приобретения. Если исключить Орегон из оценки, в пределах Техаса, Нью-Мексико и Калифорнии все еще останется 851 598 квадратных миль, или 545 012 720 акров, что составляет более трети всей территории, принадлежавшей Соединенным Штатам до их приобретения; и, включая Орегон, территория почти такая же большая, как вся Европа, за исключением только России. МИССИСИПИ, КОТОРАЯ ЕЩЕ НЕДАВНО БЫЛА ГРАНИЦЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ, ТЕПЕРЬ ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО ЕЕ ЦЕНТРОМ. С учетом недавних приобретений Соединенные Штаты теперь, по оценкам, почти такие же большие, как вся Европа. Протяженность морского побережья Техаса в Мексиканском заливе превышает 400 миль; побережья Верхней Калифорнии в Тихом океане - 970 миль; и Орегона, включая пролив Фука, - 650 миль; ТАКИМ ОБРАЗОМ, ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В ТИХОМ ОКЕАНЕ СОСТАВЛЯЕТ 1620 МИЛЬ; а общая протяженность как Тихого океана, так и Мексиканского залива - 2020 миль. Протяженность побережья Атлантического Океана от северных границ Соединенных Штатов, огибающих мысы Флорида, до реки Сабин на восточной границе Техаса оценивается в 3100 миль, так что увеличение морского побережья, включая Орегон, почти на две трети превышает все, чем мы владели раньше; и, исключая Орегон, прибавляется 1370 миль, что почти равно половине протяженности побережья, которым мы обладали до этих приобретений. В настоящее время у нас есть три крупных морских фронта — в Атлантике, Мексиканском заливе и Тихом океане; в целом протяженность морского побережья превышает 5000 миль. Это протяженность морского побережья Соединенных Штатов, не включая заливы, проливы и небольшие неровности главного берега и морских островов. Если их включить, то протяженность береговой линии, согласно оценке суперинтенданта береговой службы в его отчете, составила бы 33 063 мили".

Важность того, что мощь Соединенных Штатов была тогда прочно укреплена вдоль Тихого океана, применима не только к Новому Свету, но и к Старому. Напротив Сан-Франциско, на побережье этого океана, раскинулись богатые, но дряхлые империи Китая и Японии. Многочисленные группы островков усеивают большую часть промежуточного моря и образуют удобные плацдармы для развития торговли или честолюбивых замыслов. Торговые связи между этими древними азиатскими монархиями и молодой Англо-Американской Республикой должны быть быстрыми и обширными. Любая попытка китайских или японских правителей остановить их только ускорит вооруженное столкновение. Американец либо купит, либо добьется своего силой. Между такими народами, как Китай и Япония, с одной стороны, и населением Соединенных Штатов, с другой — первые надменны, формальны и наглы, вторые дерзки, назойливы и беспринципны, — рано или поздно должны возникнуть причины для ссоры, результаты такой ссоры не подлежат сомнению. Америка вряд ли будет подражать терпению, проявленному Англией в конце нашей недавней войны с Поднебесной Империей; а завоевания Китая и Японии флотами и армиями Соединенных Штатов - это события, свидетелями которых,

вероятно, станут многие ныне живущие. По сравнению с масштабом таких изменений в господстве Старого Света определенное господство англо-американцев над Центральной и Южной Америкой кажется вопросом второстепенной важности. Что ж, давайте повторим слова де Токвиля о том, что растущая мощь этого содружества заключается в том, чтобы "Свершившимся образом увлечь новый мир и не воображать, что кто-то может увидеть порт". [Эти замечания были написаны в мае 1851 года, а теперь, в мае 1852 года, мощная эскадра американских военных пароходов была отправлена в Японию якобы для обеспечения защиты экипажей американских судов, потерпевших кораблекрушение у японских берегов, но также, очевидно, и для важных скрытых целей.]

Англичанин может и должен смотреть на растущее величие американцев с немалой долей великодушного сочувствия и удовлетворения. Они, как и мы, являются членами великой англосаксонской нации, "чья раса и язык сейчас заполнили мир от одного его конца до другого". [Арнольд.] и какие бы различия в форме правления ни существовали между нами и ними; какие бы воспоминания о днях, когда, будучи братьями, мы боролись вместе, ни терзали умы нас, побежденной стороны; мы должны беречь узы общей национальности, которые все еще существуют между нами. Мы должны помнить, как афиняне помнили о спартанцах в период зависти и искушения, что наша раса едина, мы одной крови, говорим на одном языке, имеем существенное сходство в наших учреждениях и обычаях и поклоняемся в храмах одному Богу. [ГЕРОДОТ, viii. 144.] Все это можно и нужно иметь в виду. И все же англичанин вряд ли может наблюдать за прогрессом Америки без сожаления о том, что Америка когда-то была английской и что, если бы не безрассудство наших правителей, она могла бы оставаться английской и по сей день. Верно, что торговля между двумя странами значительно и благотворно возросла; но это не доказывает, что рост не был бы еще большим, если бы Штаты оставались неотъемлемыми частями одной и той же великой империи. Предоставив честное участие в политических правах, эти "самые справедливые владения" британской короны могли бы быть сохранены за ней. "Эта древняя и благороднейшая монархия" [лорд Чатем.] не была бы расчленена; и мы не должны были бы видеть в том, что должно было быть правой рукой нашей силы, ныне угрожающей нам при каждом политическом кризисе, самого грозного соперника нашему торговому и морскому господству.

Война, в результате которой североамериканские колонии Англии были разорваны, является самой болезненной темой в истории для англичанина. Оно было начато и продолжалось британским министерством в беззаконии и безрассудстве, а завершилось катастрофой и позором. Но историк не может уклониться от размышления об этом, как бы сильно оно ни вызывало отвращение. Также нельзя сказать, что какое-либо военное событие оказало более важное влияние на будущие судьбы человечества, чем полное поражение экспедиции Бергойна в 1777 году; поражение, которое спасло восставших колонистов от определенного подчинения; и которое, побудив дворы Франции и Испании напасть на Англию от их имени, обеспечило независимость Соединенных Штатов и формирование той трансатлантической державы, которую сейчас видит и ощущает не только Америка, но и Европа и Азия.

Тем не менее, продолжая описывать эту "решающую битву мира", возможно, будет достаточно очень краткого перечисления более ранних событий войны; я также не буду без необходимости задерживаться на болезненной теме.

Пять северных колоний Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир и Вермонт, обычно классифицируемые вместе как колонии Новой Англии, были оплотами восстания против метрополии. Чувство сопротивления было менее яростным и всеобщим в центральных поселениях Нью-Йорка; и еще менее выраженным в Пенсильвании, Мэриленде и других колониях юга, хотя повсюду оно было чрезвычайно активным. Виргинию, возможно, следовало бы выделить особо за рвение, которое ее ведущие люди проявили во имя американского дела; но именно среди потомков суровых пуритан дух Кромвеля и Вейна проявился во всем своем рвении; именно со стороны жителей Новой Англии было оказано первое вооруженное сопротивление британской короне; и именно ими была продемонстрирована самая упрямая решимость сражаться до последнего, а не отказываться ни от одного права или привилегии. В 1775 году им удалось вынудить британские войска покинуть Бостон; а события 1776 года сделали Нью-Йорк (который роялисты захватили в том году) главной базой операций армий метрополии.

Взгляд на карту покажет, что река Гудзон, впадающая в Атлантику у Нью-Йорка, течет с севера в задней части штатов Новой Англии, образуя угол примерно в сорок пять градусов с линией побережья Атлантики, вдоль которого расположены штаты Новой Англии. К северу от Гудзона мы видим небольшую цепочку озер, соединяющихся с канадской границей. Необходимо внимательно изучить эти географические пункты, чтобы понять план операций, которые англичане предприняли в 1777 году и которые были разгромлены в битве при Саратоге.

Англичане располагали значительными силами в Канаде и в 1776 году полностью отразили нападение американцев на эту провинцию. Британское министерство решило воспользоваться в следующем году преимуществом, которое дала им оккупация Канады, не только для целей обороны, но и для нанесения решительного и сокрушительного удара по восставшим колониям. С этой целью армия в Канаде была в значительной степени усилена. Из Англии были отправлены семь тысяч солдат-ветеранов с обильно укомплектованным артиллерийским корпусом, которым командовали отборные и опытные офицеры. Большое количество военных припасов было также предоставлено для снаряжения канадских добровольцев, которые, как ожидалось, присоединятся к экспедиции. Предполагалось, что собранные таким образом силы двинутся на юг вдоль линии озер, а оттуда вдоль берегов реки Гудзон. Британская армия в Нью-Йорке (или ее большой отряд) должна была одновременно двинуться на север, вверх по течению Гудзона, и две экспедиции должны были соединиться в Олбани, городе на этой реке. В результате этих операций все коммуникации между северными колониями и колониями центра и юга были бы перерезаны. Была бы сосредоточена непреодолимая сила, способная сокрушить всякое дальнейшее сопротивление в Новой Англии; и когда это было сделано, считалось, что другие колонии быстро подчинятся. У американцев на поле боя не было войск, которые, казалось, могли бы помешать этим передвижениям. Их основная армия под командованием Вашингтона была занята наблюдением за Пенсильванией и югом. Во всяком случае, считалось, что для того, чтобы воспротивиться плану, намеченному для новой кампании, повстанцы должны рискнуть на крупномасштабное сражение, в котором численное превосходство роялистов, дисциплина и снаряжение, казалось, сулили последним окончательную победу. Без сомнения, план был умело составлен; и если бы успех исполнения был равен изобретательности замысла, по всей вероятности, последовало бы повторное завоевание или подчинение тринадцати Соединенных Штатов; и независимость, которую они провозгласили в 1776 году, была бы уничтожена, не просуществовав и второго года. Ни одна европейская держава до сих пор не выступила на помощь Америке. Это правда, что к Англии обычно

относились с завистью и недоброжелательностью, и считалось, что по Парижскому мирному договору она приобрела преобладающее господство, что было опасно для баланса сил; но хотя многие были готовы нанести удар, никто еще не отваживался нанести удар; и Америка, в случае поражения в 1777 году, пала бы без посторонней помощи.

[В "Мемуарах маркиза Рокингема" лорда Олбемарля содержится следующий замечательный государственный документ, составленный самим королем Георгом III относительно плана экспедиции Бергойна. Оригинал написан собственноручно королем.

"ЗАМЕЧАНИЯ КАНАДЫ По ВЕДЕНИЮ ВОЙНЫ.

"Похоже, что очертания плана основаны на надлежащем фундаменте. Рядовой состав армии, находящейся сейчас в Канаде (включая 11-й британский полк, корпус Маклина, Брауншвейгский и ганноверский), составляет 10 527 человек; добавьте одиннадцать дополнительных рот и четыреста ганноверских егерей, итого получится 11 443.

"Поскольку следует ожидать болезни и других непредвиденных обстоятельств, я думаю, что над озером Шамплейн можно сэкономить не более 7000 человек, поскольку было бы крайне неосмотрительно подвергаться какому-либо риску в Канаде.

"Определение мест службы тех, кто остался в провинции, может быть не совсем правильным, хотя предложенный план может быть рекомендован. Необходимо задействовать индейцев, и эта мера должна быть открыто принята, и Карлтон должен получить самые решительные указания, чтобы "Аполлон" был готов к этому дню принять Бергойна.

"Журналы должны быть сформированы с величайшей оперативностью в Краун-Пойнте.

"Если возможно, необходимо завладеть озером Джордж, и ничто, кроме абсолютной невозможности добиться успеха в этом, не может быть оправданием для продолжения движения через Саут-Бэй и Скинборо.

"Поскольку сэр У. Хоу не думает действовать из Род-Айленда в Массачусетс, силы из Канады должны присоединиться к нему в Олбани.

"Отвлекающий маневр на реке Мохок должен быть, по крайней мере, усилен добавлением четырехсот ганноверских егерей.

"Боеприпасы должны обеспечивать полный набор средств для укрепления траншей.

"Провизии должно быть на треть больше, чем требуется для боеспособных солдат, и генерал приказал не доставлять ее, когда армия может прокормиться за счет страны. Бергойн, безусловно, сильно недооценивает немецких новобранцев.

"Идея переброски армии морем к сэру У. Хоу, безусловно, потребовала бы оставить гораздо большую ее часть в Канаде, поскольку в этом случае армия повстанцев отделила бы эту провинцию от огромной провинции под командованием сэра У. Хоу. Мне очень не нравится эта последняя идея".]

Бергойн прославился несколькими смелыми и лихими подвигами в Португалии во время последней войны; лично он был самым храбрым офицером, который когда-либо возглавлял британские войска; он обладал значительными навыками тактика; а его общие

интеллектуальные способности и приобретения были высокого порядка. Под его началом было несколько очень способных и опытных офицеров, среди которых были генерал-майор Филлипс и бригадный генерал Фрейзер. Его регулярные войска насчитывали, без учета артиллерийского корпуса, около семи тысяч двухсот человек рядового состава. Почти половину из них составляли немцы. У него также были вспомогательные силы численностью от двух до трех тысяч канадцев. Он призвал воинов нескольких племен краснокожих индейцев близ западных озер присоединиться к его армии. Много красноречия было высказано как в Америке, так и в Англии, осуждая использование этих диких вспомогательных средств. И все же Бергойн, похоже, сделал не больше, чем Монкальм, Вульф и другие французские, американские и английские генералы до него. Но, по правде говоря, беззаконная свирепость индейцев, их неумелость в регулярных действиях и полная невозможность подчинить их какой-либо дисциплине делали их услуги малоценными или вообще не имели никакой ценности в трудные времена, в то время как возмущение, вызванное их бесчинствами, зашло так далеко, что подняло все население захваченных районов на активные боевые действия против войск Бергойна.

Бергойн собрал свои войска и союзников у реки Буке, на западном берегу озера Шамплейн. Затем, 21 июня 1777 года, он устроил своим красным союзникам военный пир и обратился к ним с речью о необходимости воздерживаться от их обычных жестоких действий по отношению к безоружным людям и пленным. В то же время он опубликовал помпезный манифест к американцам, в котором угрожал непокорным всеми ужасами войны, как индийской, так и европейской. Армия проследовала по воде к Краун-Пойнту, укреплению, которое американцы удерживали на северной оконечности залива, по которому вода из озера Джордж поступает в озеро Шамплейн. Он высадился здесь без сопротивления; но взятие Тикондероги, укрепления примерно в двенадцати милях к югу от Краун-Пойнта, было более серьезным делом и должно было стать важнейшей частью экспедиции. Тикондерога контролировала проход вдоль озер и считалась ключом к маршруту, по которому хотел следовать Бергойн. Атака англичан на него была отбита во время войны с французами в 1768 году с большими потерями. Но теперь Бергойн использовал его с большим мастерством, и американский генерал Сент-Клер, имевший всего лишь плохо оснащенную армию численностью около трех тысяч человек, эвакуировал ее 5 июля. Кажется очевидным, что иной курс привел бы к уничтожению или пленению всей его армии; которая, какой бы слабой она ни была, была тогда главной силой на поле боя для защиты штатов Новой Англии. Когда некоторые из его соотечественников осудили его за то, что он покинул Тикондерогу, Сент-Клер искренне ответил, "что он потерял пост, но спас провинцию". Войска Бергойна преследовали отступающих американцев, получили над ними ряд преимуществ и забрали большую часть их артиллерии и военных припасов.

Потери британцев в этих боях были незначительными. Армия продвигалась на юг вдоль озера Джордж к Скинсборо; а оттуда медленно и с большим трудом по пересеченной местности, изобилующей ручьями и болотами и забитой противником поваленными деревьями и другими препятствиями, к форту Эдвард на реке Гудзон, американские войска продолжали отступать перед ними.

Бергойн достиг левого берега реки Гудзон 30 июля. До сих пор он преодолевал все трудности, которые враг и природа страны ставили на его пути. Его армия находилась в отличном порядке и в самом приподнятом настроении; и опасность экспедиции, казалось, миновала, когда они оказались на берегу реки, которая должна была стать каналом сообщения между ними и

британской армией на юге. Но об их чувствах и чувствах английской нации в целом, когда было объявлено об их успехах, лучше всего можно узнать у современного писателя. Берк в "Ежегодном реестре" за 1777 год описывает их так:

"Таков был стремительный поток успеха, который смел все перед северной армией в ее наступлении. Неудивительно, что и офицеры, и рядовые были в восторге от своей удачи и считали ее, а также свою доблесть непреодолимыми; что они относились к своему врагу с величайшим презрением; что их собственные труды были близки к концу; что Олбани уже был в их руках; и что покорение северных провинций было скорее вопросом некоторого времени, чем трудной задачей, полной трудностей и опасностей.

"Дома радость и ликование были чрезвычайными; не только при дворе, но и среди всех тех, кто надеялся или желал безоговорочного подчинения колоний. Потеря репутации была большей для американцев и могла привести к более фатальным последствиям, чем даже потеря территории, постов, артиллерии или людей. Все презрительные и самые унижительные обвинения, которые выдвигались их врагами в том, что им не хватает решимости и способностей людей, даже для защиты того, что им дорого, теперь были повторены и им поверили. Те, кто все еще считал их мужчинами и кто еще не утратил всей привязанности к ним как к братьям, кто также сохранял надежду на то, что счастливое примирение на основе конституционных принципов, без ущерба достоинству или справедливой власти правительства, с одной стороны, или попрания прав свободных людей, с другой, даже сейчас не было невозможным, несмотря на их благоприятное расположение в целом, не могли не почувствовать по этому поводу, что американцы немало упали в их оценке. Было нетрудно распространить мнение, что война, по сути, окончена и что любое дальнейшее сопротивление может привести только к ухудшению условий их подчинения. Таковы были некоторые из непосредственных последствий потери этих великих ключей Северной Америки, Тикондероги и озер".

Удивление и тревога, которые эти события вызвали среди американцев, естественно, были велики; но посреди постигших их бедствий никто из колонистов не выказал ни малейшего желания подчиниться. Местные правительства штатов Новой Англии, а также Конгресс действовали энергично и твердо в своих усилиях дать отпор врагу. Генерал Гейтс был отправлен принять командование армией в Саратоге; а Арнольд, любимый лидер американцев, был отправлен Вашингтоном действовать под его началом с подкреплением в виде войск и орудий изосновной американской армии. То, что Бергойн нанял индейцев, теперь привело к наихудшим последствиям. Хотя он усердно трудился, чтобы пресечь зверства, которые они привыкли совершать, он не смог предотвратить многих варварских бесчинств, противоречащих как чувствам человечности, так и законам цивилизованного ведения войны. Американское командование позаботилось о том, чтобы сообщения об этих эксцессах были распространены повсюду, хорошо зная, что они приведут суровых жителей Новой Англии не в уныние, а в ярость. Таков был их эффект; и хотя, когда каждый мужчина смотрел на свою жену, своих детей, своих сестер или своих престарелых родителей, мысль о безжалостном индейце, "жаждущем крови мужчины, женщины и ребенка", о "дикаре-каннибале, пытающем, убивающем, поджаривающем и поедающем искалеченных жертв своих варварских сражений" (речь лорда Чатема о применении индейцев на войне.), "могла вызвать ужас в самых храбрых сердцах; сам

этот ужас произвел эффект, прямо противоположный тому, чтобы заставить подчиниться королевскую армию. Было очевидно, что немногочисленные друзья королевского дела, так же как и его враги, могли стать жертвами неизбирательной ярости дикарей"; [См. в "Ежегодном реестре" за 1777 год, стр. 117, "Рассказ об убийстве мисс Макри, дочери американского лоялиста".] и, таким образом, "у жителей открытых и пограничных стран не было выбора действовать: у них не оставалось других средств обеспечения безопасности, кроме как покинуть свои жилища и взяться за оружие. Каждый человек видел необходимость стать временным солдатом не только для своей собственной безопасности, но и для защиты тех связей, которые дороже самой жизни. Таким образом, из лесов, гор и болот, которые в этой части были густо засеяны плантациями и деревнями, хлынула армия. Американцы вспомнили о своем мужестве; и когда их регулярная армия, казалось, была полностью растрочена, дух страны породил гораздо большую и грозную силу". [Берк.]

В то время как решительные новобранцы, привыкшие к использованию огнестрельного оружия и все частично обученные службе в провинциальных ополчениях, таким образом, стекались под знамена Гейтса и Арнольда в Саратоге; и пока Бергойн был занят в Порт-Эдварде обеспечением средств для дальнейшего продвижения своей армии по запутанной и враждебной местности, которая все еще лежала перед ним, произошли два события, в каждом из которых британцы понесли потери, а американцы получили преимущество, моральные последствия которого были даже важнее непосредственного результата столкновений. Когда Бургойн покинул Канаду, генерал Сент-Леджер был направлен из этой провинции со смешанным отрядом численностью около тысячи человек и несколькими легкими полевыми частями через озеро Онтарио против форта Стэнвикс, который удерживали американцы. Захватив это место, он должен был пройти вдоль реки Мохок до ее впадения в Гудзон, между Саратогой и Олбани, где его силы и силы Бургойна должны были объединиться. Но после некоторых успехов Сент-Леджер был вынужден отступить и оставить свои палатки и большое количество припасов гарнизону. В то самое время, когда генерал Бергойн услышал об этой катастрофе, он пережил еще более серьезную катастрофу, связанную с поражением полковника Баума с большим отрядом немецких войск при Бенингтоне, куда Бергойн отправил их с целью захватить несколько складов провизии, в которых британская армия очень нуждалась. Американцам, подкрепленным постоянным притоком сил, после многих атак удалось разбить этот корпус, который бежал в леса, оставив своего командира смертельно раненым на поле боя: затем они выступили против отряда в пятьсот гренадер и легкой пехоты, который наступал на помощь полковнику Бауму под командованием подполковника Бреймана; который после доблестного сопротивления был вынужден отступить перед основными силами армии. Потери британцев в этих двух сражениях превысили шестьсот человек, и группа американских лоялистов, направлявшихся на соединение с армией, присоединившись к корпусу полковника Баума, была уничтожена вместе с ним.

Несмотря на эти неудачи, которые значительно укрепили дух и численность американских войск, Бергойн был полон решимости наступать. Было невозможно больше поддерживать связь с Канадой по озерам, чтобы снабжать свою армию во время похода на юг; но, собрав неустанными усилиями провизии на тридцать дней, он пересек Гудзон по мосту из плотов и, пройдя небольшое расстояние вдоль его западного берега, 14 сентября разбил лагерь на высотах Саратогы, примерно в шестнадцати милях от Олбани. Американцы отступили от Саратогы и теперь занимали прочные позиции близ Стиллаутера, примерно на полпути между Саратогой и Олбани, и демонстрировали решимость дальше не отступать.

Тем временем лорд Хоу с основной частью британской армии, стоявшей в Нью-Йорке, отплыл в Делавэр и там начал кампанию против Вашингтона, в ходе которой английский генерал взял Филадельфию и добился других эффектных, но бесполезных успехов, но сэр Генри Клинтон, храбрый и умелый офицер, остался со значительными силами в Нью-Йорке; и он взял на себя задачу продвинуться вверх по Гудзону для сотрудничества с Бергойном. Клинтон был вынужден для этой цели дожидаться обещанных подкреплений из Англии, которые прибыли только в сентябре. Как только Клинтон получил их, он отправил около 3000 своих людей во флотилию, сопровождаемую несколькими военными кораблями под командованием командера Хотэма, и продолжил форсировать реку, но прошло много времени, прежде чем он смог установить какое-либо сообщение с Бергойном.

Местность между позициями Бергойна у Саратоги и американцев у Стиллуотера была пересеченной и изрезанной ручьями и протоками; но после больших трудов по наведению мостов и временных дамб британская армия продвинулась вперед. Примерно в четырех милях от Саратоги во второй половине дня 19 сентября произошло ожесточенное столкновение между частью английского правого крыла под командованием самого Бергойна и сильным отрядом противника под командованием Гейтса и Арнольда. Конфликт продолжался до захода солнца. Британцы оставались хозяевами поля боя; но потери с обеих сторон были почти равны (от пятисот до шестисот человек); и боевой дух американцев был значительно поднят благодаря тому, что они противостояли лучшим регулярным войскам английской армии. Теперь Бергойн снова остановился и укрепил свою позицию полевыми укреплениями и редутами; американцы также улучшили свою оборону. Две армии оставались почти на расстоянии пушечного выстрела друг от друга в течение значительного времени, в течение которого Бергойн с тревогой ожидал сведений об обещанной экспедиции из Нью-Йорка, которая, согласно первоначальному плану, должна была к этому времени подойти к Олбани с юга. Наконец, гонец от Клинтона с большим трудом добрался до лагеря Бергойна и принес информацию о том, что Клинтон направляется вверх по Гудзону, чтобы атаковать американские форты, которые преграждали проход вверх по этой реке в Олбани. Бергойн в ответ 30 сентября призвал Клинтона атаковать форты как можно быстрее, заявив, что результатом такой атаки или даже ее подобия будет смещение американской армии с ее позиций перед его собственными войсками. Через другого гонца, который достиг Клинтона 5 октября, Бергойн сообщил своему брату генералу, что он потерял связь с Канадой, но у него есть провизия, которой ему хватит до 20 октября. Бергойн описал себя как хорошо подготовленного и заявил, что, хотя американцы перед ним также были хорошо подготовлены, он не сомневался в том, что сможет заставить их отступить и пробиться в Олбани; но он сомневался, сможет ли он там прокормиться, поскольку в стране не хватало провизии. Он пожелал Клинтону встретиться с ним там и поддерживать открытую связь с Нью-Йорком. [См. Письма генерала Клинтона генералу Харви, опубликованные лордом Албемарлом в его "Воспоминаниях маркиза Рокингема", том ii. стр. 335, И ПОСЛЕДУЮЩИЕ.]

Бергойн переоценил свои ресурсы и в самом начале октября обнаружил, что трудности и огорчение сильно давят на него.

Индейцы и канадцы начали покидать его, в то время как, с другой стороны, армия Гейтса постоянно пополнялась свежими частями ополчения. Американцы выделили экспедиционный корпус, который предпринял смелую, хотя и безуспешную попытку вернуть Тикондерогу. И, обнаружив, что численность и боевой дух противника растут с каждым днем, а его собственные запасы провизии уменьшаются, Бергойн решил атаковать американцев перед собой и, выбив

их с их позиций, получить возможность продвинуться на Олбани или, по крайней мере, освободить свои войска от стесненного положения, в котором они оказались.

Силы Бергойна теперь сократились менее чем до 6000 человек. Правая часть его лагеря располагалась на возвышенности немного к западу от реки; оттуда его окопы тянулись по низине до берега Гудзона, причем линия их фронта проходила почти под прямым углом к течению реки. Линии были укреплены редутами и полевыми укреплениями, а на высоте на крайнем правом берегу был воздвигнут мощный редут и сооружены окопы в виде подков. Гессенцы под командованием полковника Бреймана были расквартированы здесь, образуя фланговую оборону основной армии Бургойна. Численный состав американцев теперь превосходил британцев даже в регулярных войсках, а численность ополчения и добровольцев, присоединившихся к Гейтсу и Арнольду, была еще больше.

Генерал Линкольн с 2000 новоанглийскими войсками достиг американского лагеря 29 сентября. Гейтс передал ему командование правым крылом и лично принял командование левым крылом, которое состояло из двух бригад под командованием генералов Пура и Леонарда, стрелкового корпуса полковника Моргана и части свежего ополчения Новой Англии. Все американские позиции были умело укреплены под руководством знаменитого польского генерала Костюшко, который теперь служил добровольцем в армии Гейтса. Правый фланг американской позиции, то есть ее ближайшая к реке часть, был слишком силен, чтобы подвергаться атаке с какой-либо надеждой на успех, и поэтому Бергойн решил попытаться форсировать их левый фланг. Для этой цели он сформировал колонну из 1500 регулярных войск с двумя двенадцатифунтовыми пушками, двумя гаубицами и шестью шестифунтовками. Он возглавил это дело лично, имея под своим началом генералов Филлипса, Рейдеселя и Фрейзера. Силы противника непосредственно перед его линиями были настолько велики, что он не осмелился ослабить охранявшие их войска, выделив еще какие-либо подразделения для усиления своей атакующей колонны.

Именно 7 октября Бергойн повел свою колонну вперед; а в предыдущий день, 6-го, Клинтон успешно провел блестящее предприятие против двух американских фортов, которые преграждали ему путь вверх по Гудзону. Он захватил их оба, нанеся серьезные потери противостоящим ему американским силам; он уничтожил флот, который американцы формировали на Гудзоне под защитой своих фортов; и путь вверх по реке был открыт для его эскадры. Он также с замечательным умением и трудолюбием собрал на небольшие суда, которые могли плавать в пределах нескольких миль от Олбани, провизию, достаточную для снабжения армии Бергойна в течение шести месяцев. [См. Письма Клинтона в "Лорде Олбемарле", стр. 337.] Теперь он находился всего в ста пятидесяти шести милях от Бергойна, а отряд из 1700 человек фактически продвинулся на расстояние сорока миль от Олбани. К сожалению, и Бергойн, и Клинтон ничего не знали о передвижениях друг друга; но если бы Бергойн выиграл свое сражение 7-го числа, он, продвигаясь вперед, должен был вскоре узнать весть об успехе Клинтона, а Клинтон услышал бы о его успехе. Вскоре произошло бы соединение двух победоносных армий, и великие цели кампании, возможно, были бы еще достигнуты. Все зависело от удачи колонны, с которой Бургойн богатым событиями 7 октября 1777 года двинулся против американских позиций. В его рядах были храбрые люди, как английские, так и немецкие; и, в частности, в его состав входил один из лучших отрядов гренадеров на британской службе. [Многими подробностями сражения я обязан "Полевой книге революции" мистера Лоссинга.]

Бергойн выдвинул вперед несколько отрядов иррегулярных войск, чтобы отвлечь внимание противника; и вывел свою колонну на расстояние трех четвертей мили слева от лагеря Гейтса, а затем выстроил своих людей в линию. Гренадеры под командованием майора Экланда и артиллерия под командованием майора Уильямса были выстроены слева; корпус немцев под командованием генерала Рейдеселя и часть британских войск под командованием генерала Филлипса были в центре; а английская легкая пехота и 24-й полк под командованием лорда Балкарреса и генерала Фрейзера были справа. Но Гейтс не стал ждать, пока его атакуют; и как только британская линия была сформирована и начала наступление, американский генерал с замечательным мастерством заставил бригаду генерала Пура из Нью-Йорка и Нью-Гэмпшира и часть бригады генерала Леонарда совершить внезапный и яростный бросок слева от нее и в то же время послал полковника Моргана со своим стрелковым корпусом и другими войсками численностью 1500 человек обойти англичан справа. Гренадеры под командованием Акленда благородно выдержали атаку численного превосходства. Но Гейтс послал вперед еще больше американцев, и через несколько минут действие стало общим по центру, чтобы помешать немцам направить какую-либо помощь гренадерам. Морган со своими стрелками теперь изо всех сил теснил лорда Балкэрреса и генерала Фрейзера, и были замечены свежие силы противника, наступающие с их крайнего левого фланга с явным намерением потеснить британцев справа и отрезать им путь к отступлению. Английская легкая пехота и 24-й полк теперь отступили и образовали вторую косую линию, что позволило им сорвать этот маневр, а также прийти на помощь своим товарищам на левом фланге, доблестным гренадерам, которые были подавлены численным превосходством и, если бы не эта помощь, были бы разбиты вдребезги.

Теперь борьба велась ожесточенно с обеих сторон. Английские пушки неоднократно отбирались; но когда находившиеся рядом с ними гренадеры были отброшены назад численным превосходством, одно из орудий было окончательно захвачено американцами и повернуто против англичан. Майор Уильямс и майор Экланд оба попали в плен, и на этом участке поля преимущество американцев было решающим. Британский центр все еще удерживал свои позиции; но теперь на сцене появился американский генерал Арнольд и сделал для своих соотечественников больше, чем могли бы сделать целые батальоны. Арнольд, когда началось решающее сражение 7 октября, был лишен командования Гейтсом вследствие ссоры между ними по поводу действий 19 сентября. В американском лагере он некоторое время прислушивался к грому битвы, в которой он не имел военного права участвовать ни как командир, ни как комбатант. Но его возбужденный дух не мог долго выносить такого бездействия. Он подозвал своего коня, могучего коричневого скакуна, и, вскочив на него, бешено поскакал туда, где, казалось, битва была самой ожесточенной. Гейтс увидел его и послал адъютанта отозвать его; но Арнольд ускакал далеко вперед и встал во главе трех полков, которые раньше были под его началом и которые радостными возгласами приветствовали своего старого командира. Он немедленно повел их в центр битвы; а затем, проскакав галопом вдоль американской линии, он отдал приказ о возобновлении более тесной атаки, которой с готовностью подчинились, причем сам Арнольд подавал пример самой дерзкой личной храбрости и не раз с мечом в руке врывался в английские ряды. На британской стороне офицеры благородно выполняли свой долг, но генерал Фрейзер был самым выдающимся из них, восстанавливая порядок везде, где линия фронта начинала колебаться, и вселяя новую храбрость в своих людей голосом и примером. Верхом на серо-стальном коне и одетый в полную форму генерала, он привлекал внимание как врагов, так и друзей. Американский

полковник Морган подумал, что судьба сражения зависит от жизни этого доблестного человека, и, подозвав к себе нескольких своих лучших стрелков, указал на Фрейзера и сказал: "Этот офицер - генерал Фрейзер; я восхищаюсь им, но он должен умереть. От этого зависит наша победа. Займите свои позиции в зарослях кустарника и выполняйте свой долг ". Через пять минут Фрейзер был смертельно ранен, и два гренадера отнесли его в британский лагерь. Незадолго до того, как в него попала роковая пуля, одна винтовочная пуля рассекла круп его седла, а удушье прошло сквозь гриву его лошади прямо за ушами. Его адъютант заметил это и сказал: "Очевидно, что вы предназначены для определенной цели; не будет ли благоразумнее с вашей стороны удалиться отсюда?" Фрейзер ответил: "Мой долг запрещает мне убегать от опасности"; и в следующий момент он упал. [Проигрыш.]

Теперь все силы Бергойна были вынуждены отступить к своему лагерю; левый фланг и центр были в полном беспорядке, но легкая пехота и 24-й полк сдержали ярость нападавших, и остатки колонны с большим трудом вернулись в свой лагерь, оставив шесть своих пушек во владении противника и большое количество убитых и раненых на поле боя; и особенно большую часть артиллеристов, которые стояли у своих орудий, пока наступающие американцы не застрелили их или не закололи штыками рядом с ними.

Колонна Бергойна была разгромлена, но сражение еще не закончилось. Едва англичане вошли в лагерь, как американцы, развивая свой успех, атаковали его в нескольких местах с поразительной стремительностью, ворвавшись во внутренние укрепления и редуты под сильным огнем картечи и мушкетной пальбы. Особенно Арнольд, который в этот день, казалось, обезумел от жажды боя и резни, настаивал на атаке на части укреплений, которая была занята легкой пехотой под командованием лорда Балкарреса. [Американская война Ботты, книга viii.] Но англичане встретили его с энергией и воодушевлением. Борьба здесь была упорной и кровопролитной. Наконец, когда стало клониться к вечеру, Арнольд, преодолев все препятствия, приступил к работам вместе с некоторыми из самых бесстрашных своих последователей. Но в этот критический момент славы и опасности он получил болезненное ранение в ту же ногу, которая уже была повреждена при штурме Квебека. К его горькому сожалению, его пришлось отнести обратно. Его отряд все еще продолжал атаку, но англичане также продолжали свое упорное сопротивление, и наконец наступила ночь, и нападавшие отступили с этого участка британских укреплений. Но в другой части атака была более успешной. Отряд американцев под командованием полковника Брука прорвался через часть укреплений подковы на крайнем правом фланге, которые оборонял резерв Гессена под командованием полковника Бреймана. Немцы оказывали упорное сопротивление, и Брейман погиб, защищая свой пост; но американцы укрепили завоеванную ими территорию и захватили обоз, палатки, артиллерию и склад боеприпасов, в которых они очень нуждались. Закрепившись на этом пункте, они получили возможность полностью обойти правый фланг британцев и выйти им в тыл. Чтобы предотвратить это бедствие, Бергойн за ночь полностью сменил позицию. С большим мастерством он отвел всю свою армию на несколько высот у реки, немного к северу от бывшего лагеря, и там расположил своих людей, ожидая нападения на следующий день. Но Гейтс был полон решимости не рисковать несомненным триумфом, который уже обеспечил ему этот успех. Он беспокоил англичан стычками, но не предпринимал попыток регулярной атаки. Тем временем он выделил отряды войск по обоим берегам Гудзона, чтобы помешать британцам повторно форсировать эту реку и преградить им путь к отступлению. Когда наступила ночь, Бургойну стало абсолютно необходимо снова отступить, и,

соответственно, войска двинулись сквозь бурную и дождливую ночь к Саратогге, бросив своих больных и раненых, а также большую часть своего багажа врагу.

Прежде чем арьергард покинул лагерь, отважному генералу Фрейзеру были отданы последние печальные почести, который скончался на следующий день после сражения.

Почти при последнем издыхании он выразил желание быть похороненным в редуте, который составлял ту часть британских позиций, где он находился, но который теперь был оставлен англичанами и находился в пределах досягаемости орудий, которые наступающие американцы быстро устанавливали на позиции, чтобы обрушиться на отряд Бургойна. Бергойн решил, тем не менее, исполнить предсмертную волю своего товарища, и погребение состоялось при обстоятельствах, которые никогда не были характерны для солдатских похорон. Еще более интересным является повествование о переходе леди Эклэнд из британского лагеря в американский после битвы, чтобы разделить плен и облегчить страдания своего мужа, который был тяжело ранен и остался во власти врага. Американский историк Лоссинг описал оба этих трогательных эпизода кампании в духе, делающем честь как автору, так и его сюжету. Рассказав о смерти генерала Фрейзера 8 октября, он говорит, что "Как раз на закате, в тот тихий октябрьский вечер, тело генерала Фрейзера было перенесено на холм к месту захоронения в пределах "большого редута". На церемонии присутствовали только военные члены его семьи и мистер Бруденелл, капеллан; тем не менее, сотни глаз обеих армий следили за торжественной процессией, в то время как американцы, не зная о ее истинном характере, продолжали непрерывную канонаду по редуту. Капеллан, не подозревавший об опасности, которой он подвергался, когда пушечные ядра, попавшие в холм, засыпали его рыхлой землей, произнес впечатляющую заупокойную службу Англиканской церкви непоколебимым голосом. Сгущающаяся темнота придавала этой сцене торжественности. Внезапно беспорядочная стрельба прекратилась, и торжественный звук одиночного орудия с отмеренными интервалами прогремел над долиной и пробудил отклик холмов. Это была минутная пушка, выпущенная американцами в честь доблестно погибших. В тот момент, когда была получена информация о том, что собравшаяся у редута похоронная компания исполняет, несмотря на неминуемую опасность, последнюю волю благородного Фрейзера, был отдан приказ прекратить канонаду ядрами и отдать воинские почести павшим храбрецам.

"Случай с майором Эклэндом и его героической женой демонстрирует родственные черты. Он принадлежал к гренадерскому полку и был опытным солдатом. Его жена сопровождала его в Канаду в 1776 году; и в течение всей кампании того года, и до его возвращения в Англию после капитуляции Бургойна осенью 1777 года, переносил все тяготы, опасности и лишения активной кампании во вражеской стране. В Чамбли, на реке Сорел, она ухаживала за ним во время болезни, в жалкой хижине; и когда он был ранен в битве при Хаббардтоне, штат Вермонт, она поспешила к нему в Хенесборо из Монреаля, где ее уговорили остаться, и она решила в дальнейшем следовать за армией. Незадолго до переправы через Гудзон она и ее муж едва не погибли из-за того, что их палатка случайно загорелась.

"Во время ужасного сражения 7 октября она слышала весь шум и ужасный гром битвы, в которой участвовал ее муж; и когда утром 8-го британцы в замешательстве отступили на свои новые позиции, она вместе с другими женщинами была вынуждена искать убежища среди мертвых и умирающих; потому что все палатки были снесены, и едва ли уцелел хоть один навес. Ее муж был ранен и попал в плен в американском лагере. Этому доблестному офицеру

прострелили обе ноги. Когда войска Бедняка и Ученого атаковали гренадеров и артиллерию слева от британцев, днем 7-го Уилкинсон, генерал-адъютант Гейтса, преследуя бегущего врага, когда они бросили свою батарею, услышал слабый голос, восклицающий: "Защитите меня, сэр, от этого мальчишки. Он обернулся и увидел парня с мушкетом, намеренно целившегося в раненого британского офицера, лежащего в углу низкого забора. Уилкинсон приказал мальчику прекратить и обнаружил, что раненый мужчина - майор Эклэнд. Он приказал доставить его в квартал Дженоерал Пэур (ныне резиденция мистера Нильсона) на высотах, где его нуждам уделялось самое пристальное внимание.

"Когда известие о том, что он ранен и находится в плену, дошло до его жены, она была очень огорчена и, по совету своего друга, барона Рейдеселя, решила посетить американский лагерь и умолять о личном посещении своего мужа. 9-го числа она отправила Бергойну послание от лорда Питершема, его адъютанта, с просьбой разрешить ей уехать. "Хотя я был готов поверить, - говорит Бергойн, - что терпение и стойкость в высшей степени проявляются, как и любая другая добродетель, в самых нежных формах, я был поражен этим предложением. После столь долгого душевного смятения, измученная не только отсутствием отдыха, но и абсолютным голодом, промокнувшая под дождем в течение двенадцати часов подряд, женщина оказалась способной на такое предприятие, как сдаться врагу, возможно, ночью, и не уверенная в том, в чьи руки она может попасть, - это казалось превыше человеческой природы. Помощь, которую я смог оказать, была действительно небольшой. У меня не было даже кубка вина, чтобы предложить ей. Все, что я мог ей дать, - это открытую лодку и несколько строк, написанных на грязной мокрой бумаге генералу Гейтсу, с рекомендацией передать ее под его защиту." Ниже приводится копия записки, отправленной Бергойном генералу Гейтсу: "Сэр, леди Харриет Эклэнд, дама выдающейся семьи, ранга и личных добродетелей, испытывает такое беспокойство из-за майора Эклэнда, ее мужа, раненого и находящегося в ваших руках в плену, что я не могу отказать в ее просьбе поручить ее вашей защите. Какими бы неприличными ни были попытки людей моего и вашего положения добиваться расположения, я не могу видеть необычное упорство в каждой женской грации, возвышенный характер этой леди и ее очень тяжелую судьбу, не свидетельствуя, что ваше внимание к ней налагает на меня обязательства. Я, сэр, ваш покорный слуга, Дж. Бергойн." Она отправилась в открытой лодке по Гудзону в сопровождении мистера Браденелла, капеллана, Сары Поллард, своей горничной и камердинера ее мужа, который был тяжело ранен, когда искал своего хозяина на поле битвы. Было уже около захода солнца, когда они тронулись в путь, и сильный шторм с дождем и ветром, усилившийся с утра, сделал путешествие чрезвычайно утомительным и опасным. Было уже далеко за полночь, когда они добрались до американских передовых постов; часовой услышал шум их весел и окликнул их, леди Харриет сама ответила. Чистые, серебристые нотки женского голоса в темноте наполнили дежурного солдата суеверным страхом, и он позвал товарища проводить его на берег реки. О цели вояжеров стало известно, но верный стражник, опасаясь предательства, не позволил им хвалиться, пока они не послали за майором Диаборном. Этот офицер пригласил их в свои покои, где им было оказано всяческое внимание, и леди Харриет была утешена радостной вестью о том, что ее муж в безопасности. Утром она испытала родительскую нежность со стороны генерала Гейтса, который отправил ее к мужу в каюту для бедных под соответствующим эскортом. Там она оставалась до тех пор, пока его не перевезли в Олбани.

Теперь Бергойн занял свою последнюю позицию на высотах близ Саратоги; окруженный врагом, который отказывался от любого столкновения и терпел неудачу во всех его попытках

найти путь к отступлению, он оставался там до тех пор, пока голод не вынудил его капитулировать. Стойкость британской армии в этот печальный период была справедливо восхвалена многими отечественными историками, но я предпочитаю цитировать свидетельство иностранного писателя, как свободное от всякой возможности пристрастия. Ботта говорит: [Ботта, книга viii.]

"Невозможно описать словами то плачевное состояние, до которого теперь была доведена британская армия. Войска были измотаны тяжелым трудом, лишениями, болезнями и отчаянными боями. Они были оставлены индийцами и канадцами; и боеспособная сила всей армии теперь уменьшалась из-за постоянных и тяжелых потерь, которые в основном приходились на лучших солдат и наиболее выдающихся офицеров, с десяти тысяч комбатантов до менее чем половины этого числа. Из этих остатков немногим более трех тысяч были англичанами.

"В этих обстоятельствах и, таким образом, ослабленные, они были окружены армией, вчетверо превосходящей их по численности, чья позиция простиралась на три части круга вокруг них; которые отказались сражаться с ними, так как знали их слабость, и которые, из-за особенностей местности, не могли быть атакованы ни с какой стороны. В этом беспомощном состоянии, вынужденные постоянно находиться при оружии, в то время как неприятельские пушки гремели на каждом углу их лагеря, и даже пули от американских винтовок свистели во многих частях линий, войска Бергойна сохранили свою обычную стойкость, и, хотя они были вынуждены подчиняться суровой необходимости, они показали, что достойны лучшей участи. Их нельзя было упрекнуть в поступке или слове, которые выдавали бы недостаток самообладания или силы духа".

Наконец наступило 13 октября, и, поскольку не было никакой надежды на помощь, а провизия была почти исчерпана, Бергойн, по единогласному совету военного совета, отправил гонца в американский лагерь для переговоров о съезде.

Генерал Гейтс в первую очередь потребовал, чтобы королевская армия сдала военнопленных. Он также предложил британцам сложить оружие. Бургойн ответил: "Эта статья неприемлема ни в коем случае; скорее, чем эта армия согласится сложить оружие в своем лагере, они бросятся на врага, не желая пощады". После различных сообщений была достигнута договоренность о капитуляции армии, которая предусматривала, что "Войска под командованием генерала Бергойна должны были выступить из своего лагеря с боевыми почестями и артиллерией укреплений к берегу реки, где оружие и артиллерия должны были быть оставлены. Оружие должно быть сложено по команде их собственных офицеров. Армии под командованием генерал-лейтенанта Бергойна должен был быть предоставлен бесплатный проезд в Великобританию при условии, что они больше не будут служить в Северной Америке во время нынешнего сражения".

Условия капитуляции были согласованы 15 октября, и в тот же вечер от Клинтона прибыл гонец с отчетом о его успехах и с известием, что часть его войск проникла до Эзопа, в пятидесяти милях от лагеря Бергойна. Но было уже слишком поздно. Общественная вера была подтверждена; и армия действительно была слишком ослаблена усталостью и голодом, чтобы сопротивляться нападению, если бы оно было предпринято; и Гейтс, несомненно, сделал бы это, если бы съезд был разорван. Соответственно, 17-го числа вступила в силу Саратогская конвенция. В соответствии с этой конвенцией 5790 человек сдались в плен. Число больных и раненых,

оставшихся в лагере, когда британцы отступали к Саратоге, вместе с числом британских, немецких и канадских военнослужащих, которые были убиты, ранены или взяты в плен и которые дезертировали в предыдущей части экспедиции, составило 4689 человек.

С британскими больными и ранеными, попавшими в руки американцев после битвы 7-го августа, обращались образцово гуманно; и когда конвенция была выполнена, генерал Гейтс проявил благородную деликатность чувств, заслуживающую высшей степени чести. Избегались все обстоятельства, которые могли бы создать видимость триумфа. Американские войска оставались на своих позициях до тех пор, пока британцы не сложили оружие; и когда это было сделано, побежденные офицеры и солдаты были приняты победителями с дружеской добротой, и их насущные потребности были быстро и щедро удовлетворены. Впоследствии возникли дискуссии и разногласия относительно некоторых условий конвенции; и Американский конгресс долгое время отказывался вводить в действие статью, которая предусматривала возвращение людей Бергойна в Европу; но никакой вины не было возложено на генерала Гейтса или его армию, которые показали себя великодушными, поскольку они доказали свою храбрость.

Гейтс после победы немедленно отправил полковника Уилкинсона сообщить радостную весть Конгрессу. Когда его ввели в зал, он сказал: "Вся британская армия сложила оружие при Саратоге; наша собственная, полная энергии и мужества, ожидает вашего приказа. Ваша мудрость должна решить, где страна все еще может нуждаться в их услугах". Почести и награды были щедро присуждены Конгрессом их генералу-победителю и его людям; "и было бы трудно, - говорит итальянский историк, - описать восторг, который известие об этом событии вызвало среди американцев. Они начали тешить себя надеждами на еще более счастливое будущее. Никто больше не сомневался в том, что они добьются независимости. Все надеялись, и не без оснований, что успех такой важности в конце концов заставит Францию и другие европейские державы, ожидавшие ее примера, заявить о себе в пользу Америки. БОЛЬШЕ НЕ МОГЛО БЫТЬ НИКАКИХ ВОПРОСОВ ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО, ПОСКОЛЬКУ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО РИСКА ПОДДЕРЖИВАТЬ ДЕЛО НАРОДА, СЛИШКОМ СЛАБОГО, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ".

Истинность этого вскоре проявилась в поведении Франции. Когда в Париж пришли известия о взятии Тикондероги и о победоносном походе Бургойна на Олбани - событиях, которые казались решающими в пользу англичан, - в Нанц и другие порты королевства были немедленно отправлены инструкции о том, что ни одному американскому каперу не должно разрешаться заходить в них, за исключением случаев крайней необходимости отремонтировать свои суда, добыть провизию или избежать опасностей на море. Американские уполномоченные в Париже в своем отвращении и отчаянии почти прекратили все переговоры с французским правительством; они даже пытались установить связь с британским министерством. Но британское правительство, воодушевленное первыми успехами Бергойна, отказалось слушать какие-либо предложения о примирении. Но когда новости о Саратоге достигли Парижа, вся сцена изменилась. Франклин и его братья-комиссары обнаружили, что все их трудности с французским правительством исчезли. Казалось, что для Дома Бурбонов настало время полностью отомстить за все свои унижения и потери в предыдущих войнах. В декабре был подготовлен и официально подписан в феврале следующего года договор, по которому Франция признала НЕЗАВИСИМЫЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. Это было, конечно, равносильно объявлению войны Англии. Испания вскоре последовала примеру Франции; и вскоре Голландия последовала тем же курсом. В значительной степени опираясь на

французский флот и войска, американцы энергично вели войну против армий, которые Англия, несмотря на своих европейских врагов, продолжала перебрасывать через Атлантику. Но борьба была слишком неравной, чтобы эта страна могла продолжать ее в течение многих лет: и когда договоры 1783 года восстановили мир во всем мире, независимость Соединенных Штатов была неохотно признана их древней прародительницей и недавним врагом, Англией.

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ Между ПОРАЖЕНИЕМ БУРГОЙНА При САРАТОГЕ В 1777 ГОДУ И БИТВОЙ При ВАЛЬМИ В 1792 ГОДУ.

1781 год н.э.. Капитуляция лорда Корнуоллиса и британской армии Вашингтону.

1782. Победа Родни над испанским флотом. Неудачная осада Гибралтара испанцами и французами.

1783. Конец американской войны.

1788. Генеральные штаты созываются во Франции: —начало революции.

ГЛАВА XIV. БИТВА При ВАЛЬМИ.

"Purpurei metuunt tyranni
Injurioso ne pede proruas
Stantem columnam; neu populus frequens
Ad arma cessantes ad arma
Concitet, imperiumque frangat".
HORAT. Od. i 35.

"Небольшой пожар быстро затушивается,
Который, будучи затушен, реки не могут погасить".
ШЕКСПИР.

В нескольких милях от маленького городка Сен-Менехоулд, на северо-востоке Франции, находятся деревня и холм Вальми; и недалеко от вершины этого холма простой памятник указывает на место захоронения сердца генерала французской республики и маршала французской империи.

Келлерман-старший (отец выдающегося офицера с таким именем, чья кавалерийская атака решила исход битвы при Маренго) занимал высокие посты во французских армиях на протяжении войн Конвента, Директории, Консульства и Империи. Он пережил эти войны и саму империю, умерев в глубокой старости в 1820 году. Последним желанием ветерана на смертном одре было, чтобы его сердце покоилось на поле битвы при Вальми, среди останков его старых

товарищей по оружию, которые пали рядом с ним на этом месте двадцать восемь лет назад, в тот памятный день, когда они одержали главную победу революционной Франции и помешали армиям Брауншвейга и отрядам эмигрантов Конде двинуться маршем на беззащитный Париж и уничтожить незрелую демократию в ее колыбели.

Герцог Вальми (ибо Келлерман, ставший одним из военных пэров Наполеона в 1802 году, получил свой титул на этом же поле боя) за свою долгую и активную карьеру участвовал во многих победах, гораздо более ослепительных, чем та, память о которой он так лелеял. Он присутствовал при многих сценах кровавой бойни, где кровь лилась потоками, по сравнению с которыми кровавые возлияния, пролитые в Вальми, показались бы скудными и незначительными. Но он справедливо оценил первостепенную важность битвы, с которой, таким образом, он хотел, чтобы его имя при жизни и память о нем после его смерти были отождествлены. Успешное сопротивление, оказанное новыми карманьолами, и дезорганизованные остатки армии старой монархии, противостоявшие тогда объединенным войскам и избранным лидерам Пруссии, Австрии и французского дворянства-беженца, сразу и навсегда определили воинственный характер революции. Неотесанные ремесленники и торговцы, неуклюжие бюргеры, низкопробные механики и низшие крестьянские отбросы, как было модно называть средний и низший классы Франции, обнаружили, что могут противостоять пушечным ядрам, нажимать на спусковые крючки и скрещивать штыки, не будучи обученными работе с военными машинами и не будучи офицерами из потомков благородных домов. В них проснулось сознание собственного инстинктивного солдатства. Они сразу же обрели уверенность в себе и друг в друге; и эта уверенность вскоре переросла в дух безграничной дерзости и честолюбия. "С канонады Вальми можно датировать начало того победного пути, который привел их армии к Вене и Кремлю". [Элисон.]

Одним из самых серьезных размышлений, возникающих при созерцании гражданского беспокойства и военного энтузиазма, которые в конце прошлого века были национализированы во Франции, является соображение о том, что эти тревожные влияния стали постоянными. Никакая устоявшаяся система правления, которая передавалась бы из поколения в поколение, которая была бы устойчива к коррупции и народному насилию, не кажется способной укорениться среди французов. И каждое революционное движение в Париже вызывает трепет во всем остальном мире. Даже успехи, которых союзные державы добились против Франции в 1814 и 1815 годах, какими бы важными они ни были, не могли отменить последствий предшествующих двадцати трех лет всеобщего потрясения и войны.

В 1830 году династия, которую иностранные штыки навязали Франции, была свергнута; и люди трепетали перед ожидаемой вспышкой французской анархии и страшным нашествием французских амбиций. Они "с тревожным беспокойством ожидали периода разрушения, подобного тому, который пережил римский мир примерно в середине третьего века нашей эры". [См. Предисловие Нибура ко второму тому "Истории Рима", написанное в октябре 1830 года.] Луи Филипп уговорил революцию, а затем с кажущимся успехом попытался ее задушить. Но, несмотря на законы Фиески, несмотря на блеск алжирских разrazий и браков, стирающих Пиренеи, несмотря на сотни вооруженных фортов и сотни тысяч солдат принуждения, Революция жила и боролась за свободу. Дух старого Титана беспокойно вздымался под "монархией, основанной на республиканских институтах". Наконец, четыре года назад вся структура королевского правления была разорвана и развеяна по ветру восстанием парижской демократии; и восстания, баррикады и свержения с престола, падение корон и венценосцев,

вооруженные столкновения партий, систем и населения стали обычным явлением в новейшей европейской истории.

Франция теперь называет себя республикой. Впервые она приняла этот титул 20 сентября 1792 года, в тот самый день, когда произошла битва при Вальми и была выиграна. Этой битве демократический дух, который в 1848 году, так же как и в 1792 году, провозгласил Республику в Париже, обязан своим сохранением, и именно отсюда можно датировать непреходящее действие его принципов.

Совсем иными казались перспективы демократии в Европе накануне этой битвы; и совсем иными были бы нынешнее положение и влияние французской нации, если бы колонны Брауншвейга атаковали с большей смелостью или линии Дюмурье сопротивлялись с меньшей твердостью. Когда Франция в 1792 году объявила войну великим державам Европы, она была далека от обладания той великолепной военной организацией, которой научил ее опыт нескольких революционных кампаний и от которой она никогда не отказывалась. Армия старой монархии во второй половине правления Людовика XV. пришла в постепенный упадок как по численности, так и по эффективности оснащения и духу. Лавры, завоеванные вспомогательными полками, которые Людовик XVI. отправил на американскую войну, мало что сделали для восстановления общего тонуса армии. Неповиновение и распущенность, которые бунт французской гвардии и участие других войск во многих первых эксцессах революции посеяли среди солдат, вскоре быстро распространились по всем рядам. В Законодательном собрании каждая жалоба солдата на своего офицера, какой бы легкомысленной или необоснованной она ни была, выслушивалась с нетерпением и расследовалась пристрастно, исходя из принципов свободы и равенства. Дисциплина, соответственно, становилась все более и более ослабленной; и роспуск нескольких старых корпусов под предлогом того, что они были запятнаны аристократическими чувствами, усугубил неразбериху и неэффективность военного министерства. Многие из наиболее боеспособных полков в последний период монархии состояли из иностранцев. Они либо были перебиты, защищая трон от мятежей, подобно швейцарцам, либо были распущены и перешли границу, чтобы пополнить силы, которые собирались для вторжения во Францию. Прежде всего, эмиграция знати лишила французскую армию почти всех офицеров высокого ранга и большей части младших офицеров. Более двенадцати тысяч знатной молодежи Франции, которые были приучены считать военное командование своим исключительным достоянием и на которых нация привыкла смотреть как на своих естественных проводников и защитников в буре войны, теперь были выстроены под знаменами Конде и других принцев-эмигрантов для разгрома французских армий и взятия французской столицы. Их преемники во французских полках и бригадах еще не приобрели ни мастерства, ни опыта: они не обладали ни уверенностью в себе, ни уважением подчиненных.

Таково было состояние остатков старой армии; но основная масса сил, с которыми Франция начала войну, состояла из необученных повстанческих рекрутов, от которых еще меньше можно было зависеть. Карманьолы, как называли революционных добровольцев, действительно, с готовностью стекались к границе из всех департаментов, когда была объявлена война, и свирепые лидеры якобинцев кричали, что страна в опасности. Они были полны рвения и мужества, "разгоряченные и возбужденные сценами Революции и воспламененные цветистым красноречием, песнями, танцами и сигнальными словами, которыми она была отмечена". [Скотт, "Жизнь Наполеона", том I в. VIII.] Но они были совершенно недисциплинированными и буйно нетерпеливыми к высшей власти или систематическому контролю. Многие головорезы,

также запятнавшие себя участием в самых кровавых ужасах Парижа, присоединились к лагерям и были прославлены как за недостойное поведение перед врагом, так и за жестокое неповиновение своим собственным офицерам. Однажды, во время кампании при Вальми, восемь батальонов федератов, опьяненных резней и подстрекательством к мятежу, присоединились к войскам под командованием Дюмуре и вскоре пригрозили искоренить всякую дисциплину, открыто заявив, что старые офицеры были предателями и что необходимо очистить армию, как это было сделано в Париже, от аристократов. Дюмуре разместил эти батальоны отдельно от других, разместил позади них сильный отряд кавалерии и два орудия на их фланге. Затем, сделав вид, что рассматривает их, он остановился во главе шеренги, окруженный всем своим штабом и эскортом из сотни гусар. "Ребята, - сказал он, - ибо я не буду называть вас ни гражданами, ни солдатами, вы видите перед собой эту артиллерию, за вами эту кавалерию; вы запятнаны преступлениями, и я не потерплю здесь убийц или палачей. Я знаю, что среди вас есть негодяи, которым поручено подстрекать вас к преступлению. Изгоните их из своей среды или донесите на них мне, ибо я возложу на вас ответственность за их поведение ". [Lamartine.]

Один из наших недавних историков Революции, который рассказывает об этом инциденте, [Карлейль.] так обращается к французскому генералу:

"Терпение, о Дюмуре! Эта неопределенная кучка крикунов, мятежников, если их когда-то муштровали и натренировали, превратится в фаланговую массу бойцов; и они будут кружиться по порядку быстро, как ветер или смерч; загорелые фигуры с усами; часто босые, даже с непокрытой спиной, с железными сухожилиями; которым нужны только хлеб и порох; настоящие сыны огня; самые ловкие, стремительные, горячие, каких когда-либо видели, возможно, со времен Аттилы ".

Таковыми фалангами бойцов в конечном итоге стали карманьолы; но Франция подверглась страшному риску, вынужденная полагаться на них, когда процесс их преобразования едва начался.

Действительно, первые события войны были катастрофическими и позорными для Франции, даже сверх того, чего можно было ожидать от хаотического состояния, в котором оказались ее армии и ее правительство. В надежде воспользоваться неподготовленностью Австрии, в то время владычицы Нидерландов, французы начали кампанию 1792 года вторжением во Фландрию с войсками, численность которых свидетельствовала о подавляющем численном превосходстве противника и, казалось, обещала быстрое завоевание этого старого поля сражений в Европе. Но первого блеска австрийской сабли или первого звука австрийского ружья было достаточно, чтобы привести французов в замешательство. Их первый четырехтысячный корпус, двинувшийся из Лилля через границу, внезапно наткнулся на значительно уступающий по численности отряд австрийского гарнизона Турне. Не было сделано ни единого выстрела, ни одного удара штыком. С единым паническим криком французы сломались и сломя голову бросились обратно в Лилль, где довершили образчик неповиновения, который они проявили на поле боя, убив своего генерала и нескольких своих старших офицеров. В тот же день другая дивизия под командованием Бирона, насчитывавшая десять тысяч сабель и штыков, увидела нескольких австрийских стрелков, разведывавших свои позиции. Передовые посты французов едва успели дать залп, и лишь несколько ядер из полевых орудий противника упали в линию фронта, когда два полка французских драгун с

криком "Нас предали" ускакали галопом, а за ними последовало позорное бегство всей остальной армии. Подобная паника или почти столь же дискредитирующий отпор происходили всякий раз, когда Рошамбо, или Лакнер, или Лафайет, первые французские генералы войны, вводили свои войска в присутствие врага.

Тем временем союзные монархи постепенно собрали на Рейне опытную и прекрасно дисциплинированную армию для вторжения во Францию, которая по численности, снаряжению и боевой славе, как генералов, так и рядовых, была равна любой, которую Германия когда-либо посылала на завоевание. Их план состоял в том, чтобы нанести смелый и решительный удар в сердце Франции и, проникнув в страну через Арденны, двинуться через Шалон на Париж. Препятствия, стоявшие на их пути, казались незначительными. Беспорядок и слабоумие французских армий были даже усилены вынужденным бегством Лафайета и внезапной сменой генералов. Единственными войсками, размещенными на дороге, по которой союзники собирались наступать, были двадцать три тысячи человек под Седаном, которыми командовал Лафайет, и двадцатитысячный корпус под Мецем, командование которым только что было передано от Люкнера Келлерману. Существовало только три крепости, которые союзникам было необходимо захватить или замаскировать — Седан, Лонгвий и Верден. Было известно, что оборонительные сооружения и запасы этих трех стран были ужасно разрушены и недостаточны; и когда однажды эти слабые барьеры были преодолены и Шалон достигнут, плодородная и незащищенная страна, казалось, приглашала захватчиков на тот "военный поход на Париж", о котором они весело говорили.

В конце июля союзная армия, завершив все приготовления к кампании, снялась со своих мест расквартирования и, двинувшись маршем из Люксембурга на Лонгвий, пересекла французскую границу. Восемьдесят тысяч пруссаков, обученных в школе, и многие из них под присмотром Великого Фридриха, наследников славы Семилетней войны и повсеместно почитаемых лучшими войсками Европы, маршировали в одной колонне против центрального направления атаки. Сорок пять тысяч австрийцев, большая часть из которых были отборными войсками и участвовали в недавней турецкой войне, составляли два грозных корпуса, которые поддерживали фланги пруссаков. Был также мощный отряд гессенцев, и вместе с немцами против парижской демократии выступили пятнадцать тысяч самых благородных и храбрых сынов Франции. В этом корпусе эмигрантов многие представители высшей французской знати, отпрыски домов, чьи рыцарские трофеи веками наполняли Европу славой, служили рядовыми. Они смотрели на дорогу в Париж как на путь, который они должны были проложить своими мечами к победе, к почестям, к спасению своего короля, к воссоединению со своими семьями, к возвращению своего наследия и к восстановлению своего порядка. [См. Скотт, "Жизнь Наполеона", том i. с. xi.]

Над этой внушительной армией союзные монархи назначили генералиссимусом герцога Брауншвейгского, одного из второстепенных правящих князей Германии, государственного деятеля немалых способностей, который приобрел в Семилетней войне военную репутацию, уступающую только репутации самого Великого Фридриха. За несколько лет до этого он был назначен для подавления народных движений, которые тогда происходили в Голландии; и он подавил попытку революции в этой стране с быстротой и полнотой, которые, казалось, предвещали равный успех армии, которая теперь под его командованием отправилась с аналогичной миссией во Францию.

Величественно продвигаясь вперед, с неторопливой неторопливостью, которая, казалось, демонстрировала сознание превосходства в силах и твердое намерение тщательно выполнять свою работу, союзники появились перед Лонгви 20 августа, и подавленный и зависимый гарнизон открыл им ворота этой крепости после первого ливня бомб. 2 сентября еще более важный оплот Верден капитулировал после едва заметного сопротивления.

Превосходящие силы Брауншвейга теперь были зажаты между войсками Келлермана слева и другой французской армией под Седаном, которую бегство Лафайета на время лишило командира. В силах немецкого генерала было, нанося удары подавляющей массой справа и слева, сокрушить последовательно каждую из этих слабых армий, и союзники могли бы тогда неудержимым маршем, не встречая сопротивления, двинуться на Париж. Но в этот критический момент Дюмуре, новый главнокомандующий французами, прибыл в лагерь близ Седана и начал серию маневров, с помощью которых он объединил рассеянные и дезорганизованные силы своей страны, остановил прусские колонны в тот самый момент, когда, казалось, были преодолены последние препятствия на пути их триумфа, и, наконец, отбросил волну вторжения далеко за пределы вражеской границы.

Французские крепости пали, но сама природа все еще предлагала храбрым и энергичным защитникам страны средства воспрепятствовать продвижению союзников. Горный хребет неровной местности, называемый Аргонной, тянется от окрестностей Седана на юго-запад примерно на пятнадцать или шестнадцать лиг, местность Л'Аргонна в настоящее время расчищена и осушена; но в 1792 году она была густо поросшей лесом, а нижние части ее неравномерной поверхности были заполнены речушками и болотами. Таким образом, он представлял собой естественный барьер шириной от четырех до пяти лиг, который был абсолютно непроницаем для армии, за исключением нескольких ущелий, которые меньшие силы могли бы легко укрепить и оборонять. Дюмуре удалось вывести свою армию из Седана за Аргонну и занять ее перевалы, в то время как пруссаки все еще задерживались на северо-восточной стороне линии лесов. Приказав Келлерману развернуться от Меца к Сен-Менехоулу и сосредоточить в этом месте подкрепления из внутренних районов и с крайнего севера, Дюмуре рассчитывал собрать мощные силы в тылу юго-западной оконечности Аргонны, в то время как с двадцатью пятью тысячами человек под своим непосредственным командованием он сдерживал врага перед перевалами или вынудил его совершить длительный обход вокруг одной оконечности лесного хребта, во время которого почти наверняка представилась бы благоприятная возможность атаковать его фланг. Дюмуре укрепил главные ущелья и хвастался Фермопилами, которые он нашел для захватчиков; но сравнение было почти фатальным для обороняющихся войск. Перевал, который считался второстепенным, был укреплен лишь незначительно, и австрийский корпус под командованием Клерфейта форсировал его после нескольких ожесточенных боев. Дюмуре с большим трудом спас себя от окружения и уничтожения вражескими колоннами, которые теперь продвигались через лес. Но вместо того, чтобы впасть в отчаяние из-за провала своих планов и отступить в глубь страны, быть полностью отрезанным от армии Келлермана, быть преследуемым победоносными немцами как беглец под стенами Парижа и потерять все шансы когда-либо сплотить свои подавленные войска, он решил держаться за труднопроходимую местность, в которой все еще были сосредоточены армии, форсировать соединение с Келлерманом и таким образом встать во главе сил, которыми захватчики не посмели бы пренебречь, и с помощью которых он мог бы оттянуть их назад от наступления на Париж, а также остановить наступление на Париж, который он не смог запретить. Соответственно, быстрым движением на юг, во время которого, по его собственным

словам, "Франция была на волосок от уничтожения", и после того, как Дюмурье с трудом сдержал несколько приступов паники в своих войсках, когда они тысячами бежали при виде нескольких прусских гусар, Дюмурье удалось расположить свой штаб на сильной позиции в Сен-Менехуле, защищенной болотами и отмелями рек Эна и Об, за которыми к северо-западу возвышалось твердое плато, называемое Лагерем Дампьера. , превосходно расположенный для того, чтобы контролировать дорогу через Шалон на Париж, и где он намеревался разместить армию Келлермана, как только она подойдет. [Некоторые поздние авторы утверждают, что Брансуик не хотел проверять Дюмурье. Нет достаточных оснований для этой инсинуации, которая, по-видимому, была вызвана желанием успокоить уязвленную военную гордость пруссаков.]

Весть об отступлении Дюмурье с Аргоннских перевалов и о паническом бегстве некоторых дивизий его войск быстро распространилась по всей стране; и Келлерман, который считал, что армия его товарища уничтожена, и боялся пасть среди победоносных масс пруссаков, приостановил свой марш из Меца, когда был почти у Сен-Менехульда. Он фактически начал отступление, когда курьеры от его главнокомандующего удержали его от этого рокового курса; и затем, продолжая обходить тыл и левый фланг войск у Сен-Менехуля, Келлерман с двадцатитысячной армией Меца и несколькими тысячами добровольцев, присоединившихся к нему на марше, появился к западу от Дюмурье в тот самый вечер, когда Вестерман и Тувено, два штабных офицера Дюмурье, прискакали с известием, что армия Брауншвейга отступила. прошел через верхние перевалы Аргонны в полном составе и развернулся на высотах Ла-Люн, цепи возвышенностей, которые тянутся наискось с юго-запада на северо-восток напротив возвышенности, которую занимал Дюмурье, а также напротив, но на меньшем расстоянии от позиции, которую должен был занять Келлерман.

Союзники теперь были фактически ближе к Парижу, чем сами французские войска; но, как и предвидел Дюмурье, Брауншвейг счел небезопасным наступать на столицу, когда в его тылу, между наступающими колоннами и базой операций, остались такие большие силы противника. Молодой король Пруссии, находившийся в лагере союзников, и принцы-эмигранты горячо выступали за немедленное нападение на ближайшего французского генерала. Келлерман выставил себя напрасно открытым, продвинувшись за пределы лагеря Дампьера, который Дюмурье предназначил для него, и двинувшись вперед через Об к плато Вальми, посту, уступавшему по силе и площади тому, который он покинул, и который вплотную приблизил его к прусским позициям, оставив его на опасном расстоянии от войск под командованием самого Дюмурье. Казалось, что прусской армии нетрудно сокрушить его, находясь в такой изоляции, и тогда они могли бы окружить и сокрушить Дюмурье на досуге.

Соответственно, правое крыло союзной армии двинулось вперед серым утром 20 сентября, чтобы охватить левый фланг и тыл Келлермана и отрезать ему путь к отступлению на Шалон, в то время как остальная армия, двигаясь с высот Ла-Люн, которые здесь полукругом огибают плато Вальми, должна была атаковать его позицию спереди и встать между ним и Дюмурье. Неожиданное столкновение между передовыми частями кавалерии с каждой стороны в низине предупредило Келлермана о приближении противника. Дюмурье не мог не заметить опасности, грозившей его товарищу, оказавшемуся таким образом в изоляции; и он приказал войскам поддержать Келлермана на обоих флангах в случае его нападения. Эти войска, однако, продвигались вперед медленно, и армия Келлермана, расположившаяся на плато Вальми, "выступала подобно мысу посреди рядов прусских штыков". [См. Ламартин, История. Жиронд.

livre xvii. Большую часть последующего описания я почерпнул у него.] Густой осенний туман волнами плыл над равнинами и ущельями, которые лежали между двумя армиями, оставляя только гребни и пики холмов, сверкающие в раннем свете. Около десяти часов туман начал рассеиваться, и тогда французы со своего мыса увидели появляющуюся из белых пелен тумана и сверкающую на солнце бесчисленную прусскую кавалерию, которая должна была окутать их, как сеть, если бы их прогнали с их позиций, плотные колонны пехоты, которые двигались вперед, словно движимые единой волей, ошестившиеся батареи артиллерии и мелькающие облака австрийских легких войск, только что закончивших свои бои со спаги на востоке.

Лучшие и храбрейшие из французов, должно быть, созерцали это зрелище с тайным опасением и благоговением. Каким бы смелым и решительным ни был человек при исполнении служебных обязанностей, это вызывает тревогу и страх, когда тебе приходится сталкиваться с опасностью среди товарищей, в стойкости которых ты не можешь быть уверен. Каждый солдат армии Келлермана, должно быть, помнил серию панических бегств, которые до сих пор неизменно происходили на французской стороне во время войны; и, должно быть, бросал беспокойные взгляды направо и налево, чтобы увидеть, начали ли проявляться какие-либо признаки колебания, и подсчитать, сколько времени, вероятно, пройдет, прежде чем общий бросок его товарищей в тыл либо погубит его с невольным позором, либо оставит его одного и беспомощного на растерзание атакующим толпам.

В то самое утро и в тот же час, когда союзные войска и эмигранты начали спускаться из Ла-Луна для атаки Вальми, и когда началась канонада между прусской и революционной батареями, в Национальном собрании в Париже начались дебаты по предложению провозгласить Францию Республикой.

У старой монархии было мало шансов на поддержку в зале Конвента; но если ее более действенные сторонники в Вальми одержали победу, то во Франции все еще существовали элементы для постоянного возрождения большей части древних институтов и замены революции реформой. Всего за несколько недель до этого королю были представлены многочисленные обращения представителей среднего класса Парижа, Руана и других крупных городов, в которых они выражали свой ужас перед анархистами и свою готовность отстаивать права короны вместе со свободами подданных. И вооруженное сопротивление власти Конвента в пользу короля в действительности в это время активно организовывалось в Вандее и Бретани, важность которого можно оценить по тому серьезному противодействию, которое роялисты этих провинций оказали республиканской партии в более поздний период и при гораздо более неблагоприятных обстоятельствах. Этот факт, особенно ярко иллюстрирующий важность битвы при Вальми, заключается в том, что "летом 1792 года джентльмены Бретани вступили в обширное объединение с целью спасения страны от гнетущего ига, наложенного парижскими демагогами. Во главе всего этого стоял маркиз де ла Руари, один из тех замечательных людей, которые достигают превосходства в бурные дни революции благодаря сознательной способности направлять ее течение. Пылкий, порывистый и восторженный, он впервые отличился в американской войне, когда бесстрашие его поведения вызвало восхищение республиканских войск, и те же качества сделали его поначалу горячим сторонником революции во Франции; но когда начались зверства народа, он с такой же горячностью поддержал противоположную сторону и приложил все усилия, чтобы поднять дворянство Бретани против плебейского ига, наложенного на них Национальным собранием. Он представил свой план графу д'Артуа и организовал такой масштабный переворот, который

оказался бы чрезвычайно опасным для Конвента, если бы отступление герцога Брауншвейгского в сентябре 1792 года не охладило пыл всего запада Франции, готового тогда вспыхнуть восстанием ". [Элисон, том iii. стр. 323.]

И не только среди ревнителей старой монархии дело короля нашло бы тогда друзей. Неописуемые зверства сентябрьских массовых убийств только что произошли, и реакция, вызванная ими среди тысяч тех, кто ранее был активен на ультрадемократической стороне, была свежей и мощной. Дворянство еще не превратилось в абсолютных чужаков в глазах нации из-за длительной экспатриации и гражданской войны. Еще не было поколения молодежи, воспитанной на революционных принципах и не знающей никакого поклонения, кроме поклонения военной славе, Людовику XVI. был справедлив и гуманен и глубоко осознавал необходимость постепенного расширения политических прав среди всех классов своих подданных. Трон Бурбонов, если бы его спасли в 1792 году, имел бы шансы на стабильность, которых у него не было в 1814 году, и, похоже, никогда больше не появится во Франции.

В тот день под началом Келлермана служил человек, который, возможно, глубже всех пережил изменения к добру и ко злу, произведенные Французской революцией. Тот, кто во время своего второго изгнания носил в этой стране имя графа де Нейи и кто недавно был Луи Филиппом, королем Франции, фигурировал во французских рядах при Вальми как молодой и доблестный офицер, хладнокровный и проникательный не по годам, и Келлерман и Дюмуре соответственно доверили ему важный пост в национальной армии. Герцог Шартрский (титул, который он тогда носил) командовал правым флангом Франции, генерал Валенс находился слева, а сам Келлерман занял свой пост в центре, что было силой и ключом к его позиции.

Помимо этих знаменитых людей, служивших во французской армии, и помимо короля Пруссии, герцога Брауншвейгского и других высокопоставленных и влиятельных людей, находившихся в рядах союзников, в битве при Вальми присутствовал человек, не имевший большого политического значения, но оказавший и продолжает оказывать большее влияние на человеческие умы и чья слава более широко распространена, чем у любого герцога, генерала или короля. Это был немецкий поэт Гете, который из любопытства сопровождал армию союзников в ее походе во Францию в качестве простого зрителя. Он предоставил нам любопытный отчет об ощущениях, которые он испытал во время канонады. Следует помнить, что многие тысячи французов тогда, подобно Гете, впервые ощутили "пушечную лихорадку". Немецкий поэт говорит: [Кампания Гете во Франции в 1792 году. Перевод Фари, стр.77.]—

"Я так много слышал о пушечной лихорадке, что захотел узнать, что это за штука. СКУКА и дух, который всякая опасность побуждает к отваге, нет, даже к опрометчивости, побудили меня совершенно хладнокровно подъехать к укреплениям Ла-Лун. Это место снова было занято нашими людьми, но оно представляло собой самый дикий вид. Крыши были разворочены на куски; вокруг были разбросаны кукурузные колосья, тут и там на них лежали тела смертельно раненых людей; время от времени среди развалин крыш падало и гремело стреляное ядро.

"Совершенно один, предоставленный самому себе, я поехал на высоты слева и мог ясно обозреть выгодную позицию французов; они стояли полукругом в величайшем спокойствии и безопасности; до Келлермана, находившегося тогда на левом фланге, было легче всего добраться.

"По дороге я встретился с хорошей компанией, моими знакомыми офицерами генерального штаба и полка, которые были очень удивлены, обнаружив меня здесь. Они хотели снова взять меня с собой, но я заговорил с ними о конкретных целях, которые имел в виду, и они оставили меня без дальнейших разубеждений, по моему хорошо известному странному капризу.

"Теперь я как раз добрался до того места, где мячи играли напротив меня: их звук достаточно любопытен, как будто он состоит из жужжания волчков, журчания воды и посвиста птиц. Они были менее опасны из-за влажной земли: куда бы человек ни упал, он крепко прилипал. И таким образом, моя глупая экспериментальная поездка была защищена, по крайней мере, от опасности отскока мячей.

"В разгар этих обстоятельств я вскоре смог заметить, что внутри меня происходит нечто необычное. Я обратил на это пристальное внимание, и все же это ощущение можно описать только сходством. Казалось, что вы находитесь в каком-то чрезвычайно жарком месте и в то же время полностью пропитаны его теплом, так что вы чувствуете себя, так сказать, совершенно единым целым со стихией, в которой находитесь. Глаза нисколько не теряют своей силы или четкости, но создается впечатление, что мир приобрел какой-то коричнево-красный оттенок, что делает ситуацию, а также окружающие предметы более впечатляющими. Я не мог уловить никакого волнения крови, но все, казалось, было поглощено сиянием, о котором я говорю. Из этого, таким образом, ясно, в каком смысле это состояние можно назвать лихорадкой. Примечательно, однако, что возникающее при этом ужасное тревожное чувство вызывается в нас исключительно ушами; ибо пушечный гром, вой и грохот ядер в воздухе являются действительной причиной этих ощущений.

После того, как я поехал обратно и оказался в полной безопасности, я с удивлением заметил, что свечение полностью погасло и не осталось ни малейшего лихорадочного возбуждения. В целом, это условие является одним из наименее желательных; как, впрочем, и среди моих дорогих и благородных товарищей, я едва ли нашел хоть одного, кто выразил действительно страстное желание попробовать его".

Вопреки ожиданиям как друзей, так и врагов, французская пехота стойко удерживала свои позиции под огнем прусских орудий, которые гремели по ним со стороны Ла-Луна; и их собственная артиллерия отвечала с таким же воодушевлением и большим эффектом по более плотным массам союзной армии. Думая, что пруссаки ослабили огонь, Келлерман построил колонну в атакующем порядке и бросился вниз, в долину, в надежде захватить несколько ближайших орудий противника. Замаскированная батарея открыла огонь по французской колонне и в беспорядке отбросила ее назад. У Келлермана была подстрелена лошадь, и его люди с трудом увели его. Теперь прусские колонны двинулись в свою очередь. Французские артиллеристы начали колебаться и покидать свои позиции, но были воодушевлены усилиями и примером своих офицеров; и Келлерман, перестроив строй своей пехоты, занял свое место в строю пешим порядком и крикнул своим людям, чтобы они подпустили врага поближе, а затем атаковали его штыком. Войска заразились энтузиазмом своего генерала, и радостный крик "Да ЗДРАВСТВУЕТ НАЦИЯ!", подхваченный одним батальоном у другого, донесся через долину до нападавших. Пруссак дрогнули после атаки на холм против силы, которая казалась такой решительной и грозной; они ненадолго остановились в лощине, а затем медленно отступили вверх по своей стороне долины.

Возмущенный таким отпором от такого врага, король Пруссии лично выстроил цвет своих людей и, проезжая вдоль колонны, горько упрекал их в том, что они позволили так унижить свое знамя. Затем он снова повел их в атаку, маршируя в первой линии и видя, как его штаб выкошен смертоносным огнем, который вновь открыла французская артиллерия. Но войска, посланные Дюмуре, теперь эффективно сотрудничали с Келлерманом, и люди этого генерала, воодушевленные успехом, представляли собой более прочный фронт, чем когда-либо. Пруссаки снова отступили, оставив после себя восемьсот убитых, и с наступлением темноты французы остались победителями на высотах Вальми.

Теперь исчезли все надежды сокрушить революционные армии и совершить поход на Париж, хотя Брауншвейг долго задерживался в Аргонне, пока бедствия и болезни не истощили его некогда великолепные силы, и, наконец, лишь незначительные их остатки не перешли границу. Франция, тем временем, чувствовала, что обладает гигантской силой, и, как великан, использовала ее. К концу того года вся Бельгия подчинилась Национальному собранию в Париже, и короли Европы по прошествии восемнадцати столетий снова трепетали перед военной республикой-завоевателем.

Описание канонады, данное Гете, было процитировано. Его замечание своим товарищам в лагере союзников в конце битвы также заслуживает цитирования. Это показывает, что поэт почувствовал (и, вероятно, только он один из тысяч собравшихся почувствовал) всю важность того дня. Он описывает ужас и перемену в поведении, которые он наблюдал среди своих прусских друзей в тот вечер, он говорит нам, что "большинство из них хранили молчание; и, фактически, всем не хватало способности размышлять и принимать решения. Наконец меня призвали высказать все, что я думаю об этом сражении, ибо у меня вошло в привычку оживлять и забавлять отряд короткими высказываниями. На этот раз я сказал: "С ЭТОГО МЕСТА И С ЭТОГО ДНЯ Начинается НОВАЯ ЭРА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ, И ВЫ ВСЕ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ, ЧТО ПРИСУТСТВОВАЛИ При ЕЕ ЗАРОЖДЕНИИ".

КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ МЕЖДУ БИТВОЙ При ВАЛЬМИ 1792 года И БИТВОЙ При ВАТЕРЛОО 1815 ГОДА.

1793 год н.э.. Суд и казнь Людовика XVI. в Париже. Англия и Испания объявляют войну Франции. Война роялистов в Вандее. Второе вторжение союзников во Францию.

1794. Победа лорда Хоу над французским флотом. Окончательный раздел Польши Россией, Пруссией и Австрией.

1795. Французские армии под командованием Пишегрю завоевывают Голландию. Прекращение войны в Вандее.

1796. Бонапарт командует французской армией в Италии и одерживает неоднократные победы над австрийцами.

1797. Победа Джервиса у мыса Сент-Винсент. Мир в Кампо-Формио между Францией и Австрией. Поражение голландцев у Кампердауна от адмирала Дункана.

1798. Восстание в Ирландии. Экспедиция французов под командованием Бонапарта в Египет. Лорд Нельсон уничтожает французский флот в битве на Ниле.

1799. Возобновление войны между Австрией и Францией. Российский император посылает армию на помощь Австрии под командованием Суворова. Французы неоднократно терпят поражения в Италии. Бонапарт возвращается из Египта и назначает себя первым консулом Франции. Массена выигрывает битву при Цюрихе. Российский император заключает мир с Францией.

1800. Бонапарт переходит Альпы и наносит поражение австрийцам при Маренго. Моро выигрывает битву при Гогенлиндене.

1801. Люневильский мирный договор между Францией и Австрией. Битва при Копенгагене.

1802. Амьенский мир.

1803. Война между Англией и Францией возобновилась.

1804. Наполеон Бонапарт становится императором Франции.

1805. Великие приготовления Наполеона к вторжению в Англию. Австрия при поддержке России возобновляет войну с Францией. Наполеон вторгается в Германию, берет Вену и выигрывает битву при Аустерлице. Лорд Нельсон уничтожает объединенные французский и испанский флоты и погибает в Трафальгарской битве.

1806. Война между Пруссией и Францией, Наполеон завоевывает Пруссию в битве при Йене.

1807. Упорная война между французской и русской армиями в Восточной Пруссии и Польше. Тильзитский мир.

1808. Наполеон пытается сделать своего брата королем Испании. Восстание испанской нации против него. Англия посылает войска на помощь испанцам. Битвы при Вимьере и Корунье.

1809. Возобновление войны между Францией и Австрией. Сражения при Асперне и Ваграме. Австрии предоставлен мир. Победа лорда Веллингтона при Талавере в Испании.

1810. Брак Наполеона и эрцгерцогини Марии Луизы. Голландия присоединена к Франции.

1812. Война между Англией и Соединенными Штатами. Наполеон вторгается в Россию. Бородинская битва. Французы занимают Москву, которая сожжена. Катастрофическое отступление и почти полное уничтожение великой армии Франции.

1813. Пруссия и Австрия снова берутся за оружие против Франции. Сражения при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме и Лейпциге. Французы изгнаны из Германии. Лорд Веллингтон выигрывает великую битву при Виттории, которая завершает спасение Испании от Франции.

1814. Союзники вторгаются во Францию с востока, а лорд Веллингтон вторгается в нее с южной границы. Сражения при Лаоне, Монмирайле, Арси-сюр-Об и других на северо-востоке Франции; и при Тулузе на юге. Париж сдается союзникам, а Наполеон отрекается от престола. Первая реставрация Бурбонов. Наполеон отправляется на остров Эльба, который закреплен за ним союзниками. Гентский мирный договор между Соединенными Штатами и Англией.

1815. Наполеон внезапно сбегает с Эльбы и высаживается во Франции. Французские солдаты присоединяются к нему и Людовику XVIII. вынужден слететь с трона.

ГЛАВА XV. — БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО, 1815 год.

"Ты первое и последнее из полей, победа, создающая короля". - БАЙРОН.

Англия теперь благословлена тридцатью семью годами мира. Ни в один другой период ее истории нельзя найти столь же длительного выхода из состояния войны. Это правда, что в течение этого периода нашим войскам приходилось сражаться за защиту и расширение наших индийских владений и наших колоний; но это были сражения с далекими и незначительными врагами. Опасность никогда не приближалась к нашим собственным берегам, и ни одно дело, имеющее жизненно важное значение для нашей империи, никогда не было поставлено на карту. У нас не было военных действий ни с Францией, ни с Америкой, ни с Россией; и когда мы не находимся в состоянии войны ни с кем из наших сверстников, мы чувствуем себя по существу в мире. Действительно, за весь этот долгий период не было ни одной большой войны, подобной тем, которыми изобилует предыдущая история современной Европы. Имели место серьезные столкновения между отдельными государствами; и были еще более серьезные столкновения между вооруженными защитниками конфликтующих принципов абсолютизма и демократии; но не было всеобщей войны, подобной французской революции, Американской или семилетней войне, или Войне за испанское наследство. Исходя из этого, было бы преувеличением предсказывать, что подобные войны больше не потрясут мир; но ценность периода мира, которого достигла Европа, неисчислима; даже если мы смотрим на это только как на перемирие и ожидаем, что народы земли снова вернутся к тому, что некоторые философы называли естественным состоянием человека - воинственности.

Невозможно найти равного количества лет, в течение которых наука, торговля и цивилизация развивались так быстро и экстенсивно, как это было с 1815 года. Когда мы отслеживаем их прогресс, особенно в этой стране, невозможно не почувствовать, что их чудесное развитие произошло главным образом благодаря тому, что на земле царил мир. [См. Превосходное введение к "Истории тридцатилетнего мира" мистера Чарльза Найта.] Их благотворное воздействие не может быть уничтожено, даже если возобновится серия войн. Когда мы размышляем об этом и сравниваем эти тридцать семь лет с периодом, который им предшествовал, периодом насилия, смятения, безудержной разрушительной энергии, — периодом, на протяжении которого богатства народов рассыпались, как песок, а кровь народов лилась рекой, — невозможно не взглянуть с глубоким интересом на заключительный кризис той темной и ужасной эпохи; кризис, из которого развился наш собственный более счастливый цикл лет. Великая битва, положившая конец двадцатитрехлетней войне первой французской революции и уничтожившая человека, чей гений и честолюбие так долго тревожили и опустошали мир, заслуживает того, чтобы мы рассматривали ее не только с особой гордостью

как одну из наших величайших национальных побед, но и с особой благодарностью за покой, который она обеспечила нам и большей части человечества.

Одним из хороших тестов для определения важности Ватерлоо является выяснение того, что чувствовали мудрые и осмотрительные государственные деятели перед этой битвой в отношении возвращения Наполеона с Эльбы на императорский трон Франции и вероятных последствий его успеха. С этой целью я процитирую слова не кого-либо из наших ярких антигалликанских политиков школы Питта, алидера нашей Либеральной партии, человека, чья репутация юриста, историка и дальновидного и искреннего государственного деятеля была и остается заслуженно высокой не только в этой стране, но и во всей Европе. Сэр Джеймс Макинтош во время дебатов в британской палате общин 20 апреля 1815 года так отозвался о возвращении с Эльбы:

"Было ли во власти языка описать это зло? Войны, которые более двадцати лет бушевали по всей Европе; которые принесли кровь и опустошение от Кадикса до Москвы и от Неаполя до Копенгагена; которые растратили средства человеческого наслаждения и уничтожили инструменты общественного совершенствования; которые угрожали распространить среди европейских народов распутные и свирепые привычки солдафонства—хищника, - наконец, благодаря одной из тех превратностей судьбы, которые бросают вызов человеческой предусмотрительности, были завершены, в целом, счастливо, сверх всяких разумных ожиданий, без сильного потрясения для национальной независимости, с некоторым приемлемым компромисс между мнениями эпохи и почтением к древним институтам; без слишком демонстративного или унижительного торжества над законными интересами или общепризнанными чувствами любой многочисленной группы людей и, прежде всего, без тех репрессий против наций или партий, которые порождают новые потрясения, часто столь же ужасные, как те, которые они завершают, и увековечивают месть, ненависть и кровопролитие из века в век. Европа, казалось, вздохнула после своих страданий. Посреди этой прекрасной перспективы и этих утешительных надежд Наполеон Бонапарт бежал с Эльбы; три небольших судна достигли берегов Прованса; наши надежды мгновенно развеялись; труд нашего труда и мужества разрушен; кровь Европы пролита напрасно...

"Ibi omnis effusus labor!"

Конгресс императоров, королей, принцев, генералов и государственных деятелей, собравшихся в Вене, чтобы переделать мир после свержения могущественного завоевателя, и считавших, что Наполеон навсегда отошел от великой драмы европейской политики, еще не завершил свои триумфальные торжества и свои дипломатические труды, когда Талейран 11 марта 1815 года выступил среди них и объявил, что бывший император сбежал с Эльбы и снова стал императором Франции. Сэр Вальтер Скотт зафиксировал как любопытный физиологический факт, что первым эффектом известия о событии, которое угрожало свести на нет все их труды, был громкий взрыв смеха почти у каждого члена Конгресса. [Жизнь Наполеона, том. viii. глава. 1.] Но шутка была горькой, и вскоре они были глубоко заняты тревожными обсуждениями того, каким образом им следует встретиться со своим заклятым врагом, который таким образом перешел от оцепенения и безвестности к обновленному великолепию и силе:

"Qualis ubi in lucem coluber mala gramina pastus,
Frigida sub terra tumidum quem bruma tegebat,
Nunc positus novus exuviis nitidusque juvena,

Lubrica convolvit sublato pectore terga
Arduus ad solem, at linguis micat ore trisulcis." Virg. AEN.

Наполеон стремился разобщить грозную конфедерацию, которая, как он знал, будет ополчена против него, пытаясь вести переговоры отдельно с каждым из союзных государей. Говорят, что Австрия и Россия поначалу не отказывались сотрудничать с ним. Споры и зависть были распространены среди нескольких союзников по поводу раздела завоеванных стран; и сердечное единодушие, с которым они действовали в течение 1813 года и первых месяцев 1814 года, охладило в течение нескольких недель дискуссий. Но активные усилия Таллейрана, представлявшего Людовика XVIII. на Конгрессе и который одновременно ненавидел и боялся Наполеона со всей силой, на которую был способен его могучий дух, предотвратил отделение кого-либо из членов Конгресса от новой великой лиги против их древнего врага. Тем не менее весьма вероятно, что, если бы Наполеон одержал победу в Бельгии над пруссаками и англичанами, ему удалось бы начать переговоры с австрийцами и русскими; и он мог бы таким образом получить преимущества, аналогичные тем, которые он получил по возвращении из Египта, когда он убедил царя Павла отозвать русские армии от сотрудничества с другими врагами Франции в условиях крайней опасности, до которой она, казалось, была доведена в 1799 году. Но теперь фортуна покинула его как в дипломатии, так и на войне.

13 марта 1815 года министры семи держав - Австрии, Испании, Англии, Португалии, Пруссии, России и Швеции - подписали манифест, которым они объявляли Наполеона вне закона; и за этой денонсацией немедленно последовал договор между Англией, Австрией, Пруссией и Россией (к которому вскоре присоединились другие державы), по которому правители этих стран обязывались приводить в исполнение этот указ и продолжать войну до тех пор, пока Наполеон не будет свергнут с трона Франции и лишен возможности нарушать мир в Европе. Герцог Веллингтон был представителем Англии на Венском конгрессе, и к нему немедленно обратились за советом относительно плана военных операций против Франции. Было очевидно, что Бельгия станет первым полем битвы; и по общему желанию союзников английский герцог отправился туда, чтобы собрать армию из контингентов голландских, бельгийских и ганноверских войск, которые были наиболее быстро доступны, и из английских полков, которые его собственное правительство спешило перебросить из этой страны. Сильный прусский корпус находился близ Экс-ла-Шапель, оставаясь там со времен кампании предыдущего года. Она была в значительной степени усилена другими войсками той же страны; и маршал Блюхер, любимый герой прусской солдатни и злейший враг Франции, принял командование этой армией, которая была названа армией Нижнего Рейна и которая вместе с войсками Веллингтона должна была составить авангард вооружений союзных держав. Тем временем принц Шварценбург должен был собрать 130 000 австрийцев и 124 000 военнослужащих других германских государств в качестве "Армии Верхнего Рейна", а 168 000 русских под командованием Барклая де Толли должны были сформировать "Армию Среднего Рейна" и повторить марш из Московии к берегам этой реки.

Усилия, которые союзные державы, таким образом, предприняли в этот кризис, чтобы быстро справиться с французским императором, поистине были названы гигантскими; и никогда гений и активность Наполеона не проявлялись так ярко, как в быстроте и мастерстве, с которыми он задействовал все военные ресурсы Франции, которые неудачи трех предыдущих лет и миролюбивая политика бурбонов в месяцы их первой реставрации значительно уменьшили и

дезорганизовали. Он вновь вступил в Париж 20 марта, и к концу мая, помимо отправки войск в Вандею для подавления вооруженного восстания роялистов в этой провинции и помимо предоставления войск под командованием Массены и Сюше для защиты южных границ Франции, Наполеон собрал армию на северо-востоке для активных действий под своим собственным командованием, которая насчитывала от ста двадцати до ста тридцати тысяч человек, с превосходным артиллерийским парком и на самом высоком возможном уровне оснащения, дисциплины и эффективности. [Смотрите эти цифры в книге Сиборна "История кампании при Ватерлоо", том i, стр. 41.]

Продвижение многочисленных русских, австрийских, баварских и других врагов французского императора к Рейну было неизбежно медленным; но две наиболее активные из союзных держав оккупировали Бельгию своими войсками, в то время как Наполеон организовывал свои силы. Маршал Блюхер находился там со ста шестнадцатью тысячами пруссаков; а до конца мая герцог Веллингтон также находился там примерно со ста шестью тысячами солдат, либо британских, либо находящихся на британском жаловании. [Там же. том i. глава. 3. У Веллингтона была лишь небольшая часть его старой армии на полуострове в Бельгии. Цвет ее был отправлен в экспедиции против Америки. Его войска в 1815 году представляли собой в основном вторые батальоны или полки, недавно пополненные новобранцами. См. Скотт, том viii. стр. 474.]

Наполеон решил атаковать этих врагов в Бельгии. Разница в численности действительно была велика, но делэй, несомненно, увеличил пропорциональное численное превосходство своих врагов над его собственными рядами. Французский император также считал, что "войска противника теперь расквартированы под командованием двух генералов и состоят из наций, различающихся как по интересам, так и по чувствам". [См. Мемуары Монтолона, стр. 45.] Его собственная армия находилась под его единоличным командованием. Она состояла исключительно из французских солдат, в основном ветеранов, хорошо знакомых со своими офицерами и друг с другом и полных восторженного доверия к своему командиру. Если бы он мог отделить пруссаков от англичан, чтобы атаковать каждого по отдельности, он был бы уверен в успехе не только против этих самых решительных из его многочисленных противников, но и против других масс, которые медленно поднимались против его восточных владений.

Тройная цепь мощных крепостей, которыми французы располагали на бельгийской границе, образовывала завесу, за которой Наполеон мог сосредоточить свою армию и скрывать до самого последнего момента точное направление атаки, которое он намеревался занять. С другой стороны, Блюхер и Веллингтон были вынуждены расположить свои войска вдоль линии открытой местности значительной протяженности, чтобы наблюдать за наступлением Наполеона с любой точки его цепи опорных пунктов, с которой ему заблагорассудится это сделать. Блюхер со своей армией занял берега Самбры и Мааса, от Льежа слева от него до Шарлеруа справа; а герцог Веллингтон прикрывал Брюссель; его военные городки частично находились перед этим городом и между ним и французской границей, а частично на западе, их крайний правый фланг доходил до Куртрэ и Турне, в то время как левый подходил к Шарлеруа и сообщался с правым флангом пруссии. Именно на Шарлеруа Наполеон решил выровнять свою атаку в надежде отделить две союзные армии друг от друга, а затем применить свою излюбленную тактику нападения на каждую из них по отдельности превосходящими силами на поле боя, хотя в совокупности их численность значительно превосходила его собственную.

Первый французский армейский корпус под командованием графа д'Эрлона был дислоцирован в начале июня в городе Лилль и его окрестностях, недалеко от северо-восточной границы

Франции. Второй корпус под командованием графа Рейля находился в Валансьене, справа от первого. Третий корпус под командованием графа Вандама находился в Мезьере. Четвертый корпус под командованием графа Жерара располагался в Меце, а шестой под командованием графа Лобау - в Лаоне. [Пятый корпус находился под командованием графа Раппа в Страсбурге.] Четыре резервных кавалерийских корпуса под командованием маршала Груши также находились недалеко от границы, между реками Эна и Самбр. Императорская гвардия оставалась в Париже до 8 июня, когда она двинулась в сторону Бельгии и 13-го достигла Авена; и в течение того же и следующего дня упомянутые выше пять армейских корпусов с кавалерийскими резервами были, в соответствии с умело составленными приказами, быстро сведены воедино и сосредоточены в том же месте и вокруг него, на правом берегу реки Самбр. 14-го Наполеон прибыл к своим войскам, которые ликовали от проявления мастерства своего командира, от быстроты и точности, с которыми они были собраны вместе, и от сознания своей коллективной силы. Хотя Наполеон слишком часто позволял себе использовать недостойные его собственного характера выражения в отношении своего великого английского противника, о его истинных чувствах при начале этой кампании можно судить по последним словам, которые он произнес, садясь в свою дорожную карету, чтобы покинуть Париж и отправиться к армии. "Я иду, - сказал он, - померяться силами с Веллингтоном".

Энтузиазм французских солдат при виде своего императора среди них был еще более возбужден "Приказом дня", в котором он таким образом обращался к ним:

"Наполеон, Милостью Божьей и Конституцией Империи, император Франции и проч. Великой армии.

"В ГЛАВНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ИМПЕРАТОРА в АВЕННЕ, 14 июня 1815 года.

"Солдаты! сегодня годовщина Маренго и Фридланда, которые дважды решили судьбу Европы. Тогда, как и после Аустерлица, как и после Ваграма, мы были слишком великодушны! Мы верили в протесты и клятвы принцев, которых мы оставили на их тронах. Однако теперь, объединившись, они стремятся к независимости и самым священным правам Франции. Они начали самую несправедливую агрессию. Давайте же выступим им навстречу. Неужели они и мы больше не одни и те же люди?

-Солдаты! при Йене, против тех же пруссаков, которые теперь так самонадеянны, вы были один к трем, а при Монмирайле один к шести!

Пусть те из вас, кто был в плену у англичан, опишут природу своих тюремных кораблей и ужасные страдания, которые они перенесли.

"Саксонцы, бельгийцы, ганноверцы, солдаты Рейнской конфедерации сетуют на то, что они вынуждены использовать свое оружие во имя государей, врагов справедливости и прав всех наций. Они знают, что эта коалиция ненасытна! Поглотив двенадцать миллионов поляков, двенадцать миллионов итальянцев, миллион саксонцев и шесть миллионов бельгийцев, оно теперь желает поглотить государства второго ранга в Германии.

"Безумцы! один момент процветания привел их в замешательство. Угнетение и унижение французского народа выше их сил. Если они въедут во Францию, то найдут там свою могилу.

"Солдаты! нам предстоят форсированные марши, битвы, с которыми мы столкнемся, опасности, с которыми столкнемся; но если мы будем тверды, победа будет за нами. Права, честь и счастье страны будут восстановлены!

"Для каждого француза, у которого есть сердце, настал момент победить или умереть.

"НАПОЛЕОН". "МАРШАЛ герцог ДАЛМАЦИИ". ГЕНЕРАЛ-майор.

Едва рассвело 15 июня, как французская армия пришла в движение для решающей кампании и пересекла границу тремя колоннами, которые были направлены на Шарлеруа и его окрестности. Линия наступления французов на Брюссель, город, который Наполеон решил занять, таким образом, проходила прямо через центр расквартирования союзников.

Много критики было высказано по поводу предполагаемой неожиданности быстрого наступления Наполеона для армии Веллингтона в ее местах расквартирования. Вряд ли эти комментарии были бы сделаны, если бы достаточное внимание уделялось географии кампании при Ватерлоо и если бы помнили, что генералы союзников справедливо считали защиту Брюсселя делом первостепенной важности. Если бы Наполеону удалось маневрированием или сражением занять этот город, большая часть Бельгии, несомненно, высказалась бы в его пользу; и результаты такого успеха, достигнутого императором в начале кампании, могли бы решающим образом повлиять на весь последующий ход событий. Взглянув на карту, вы увидите многочисленные дороги, которые ведут от различных крепостей на северо-восточной границе Франции и сходятся к Брюсселю; любую из них Наполеон мог бы выбрать для наступления крупных сил на этот город. Армия герцога была разумно организована таким образом, чтобы он мог сосредоточить войска на любой из этих дорог достаточно далеко от Брюсселя, чтобы сдерживать наступающего врага. Таким образом, армия оставалась доступной для движения в любом необходимом направлении, пока 15 июня не поступили определенные сведения о том, что французы большими силами перешли границу близ Тюина, что они отбросили передовые прусские войска под командованием генерала Зитена, а также двигались через Самбр на Шарлеруа.

Маршал Блюхер теперь быстро сосредоточил свои силы, направив их с левого фланга на Линьи, который находится к северо-востоку от Шарлеруа. Веллингтон также собрал свои войска вместе, призвав их атаковать справа. Но даже сейчас, хотя было ясно, что французы сосредоточили большие силы в Шарлеруа, английскому генералу было небезопасно размещать свою армию непосредственно между этим местом и Брюсселем, пока не было уверенности, что ни один корпус противника не двинется на Брюссель по западной дороге через Монс и Хал. Поэтому герцог собрал свои войска в Брюсселе и его ближайших окрестностях, готовый двинуться прямо на юг, на Катр-Бра, и сотрудничать с Блюхером, который занимал свою позицию в Линьи, но также готовый встретить и сорвать любой маневр, который враг мог предпринять, чтобы обойти союзников справа и занять Брюссель обходным движением с фланга. Свидетельство прусского генерала барона Маффлинга, который был прикреплен к штабу герцога во время кампании и который ясно излагает причины, по которым действовал английский генерал, должно было навсегда заставить замолчать "слабые измышления врага" о том, что герцог Веллингтон был обманут и застигнут врасплох нападавшим, которые неосторожно повторяли некоторые писатели нашей страны, а также иностранцы. [См. "отрывки из моей жизни и трудах," Барон глушения, стр. 224 перевода на английский язык, ред. кол. Йорк. См. также 178-го числа ежеквартально. Странно, что Ламартин после появления работы

Маффлинга повторил в своей "Истории реставрации" миф о том, что Веллингтон был застигнут врасплох в брюссельском бальном зале и т.д.]

Около трех часов пополудни 15-го числа в Брюссель прибыл прусский офицер, которого генерал Зитен послал в Мюффлинг сообщить ему о наступлении основных сил французской армии на Шарлеруа. Маффлинг немедленно сообщил об этом герцогу Веллингтону; и спросил его, будет ли он теперь сосредоточивать свою армию и какой будет его точка сосредоточения; заметив, что маршал Блюхер вследствие этих сведений, несомненно, сосредоточит пруссаков в Линьи. Герцог ответил— "Если все будет так, как предполагает генерал Зитен, я сосредоточусь на своем левом фланге и, таким образом, буду готов сражаться совместно с прусской армией. Однако, если часть сил противника пройдет мимо Монса, я должен буду больше сконцентрироваться в моем центре. Именно по этой причине я должен дожидаться положительных новостей от Монса, прежде чем назначу встречу. Однако, поскольку очевидно, что войска ДОЛЖНЫ выступить, хотя и неясно, в каком именно месте они должны выступить, я прикажу всем быть в готовности и прикажу бригаде немедленно выступить в направлении Катр-Бра". [Глушение, стр. 231.]

Позже в тот же день Маффлингу было доставлено сообщение от самого Блюхера, в котором прусский фельдмаршал информировал барона, что он сосредотачивает своих людей в Сомбрефе и Линьи, и поручил Маффлингу как можно скорее сообщить ему информацию о сосредоточении сил Веллингтона. Маффлинг немедленно сообщил об этом герцогу, который выразил свое удовлетворение распоряжениями Блюхера, но добавил, что даже тогда он не мог определиться со своей собственной точкой сосредоточения, пока не получит желаемые разведданные от Монса. Эта информация поступила около полуночи. Герцог отправился в штаб генерала Мюффлинга и сказал ему, что теперь он получил донесения из Монса и уверен, что никакие французские войска этим маршрутом не наступают, но что основная масса сил противника решительно направлена на Шарлеруа. Он сообщил прусскому генералу, что отдал приказ британским войскам продвигаться к Катр-Бра; но со свойственным ему хладнокровием и проницательностью решил не подавать вида тревоги, поспешив вместе с ними сам. В тот вечер герцогиня Ричмонд должна была давать бал в Брюсселе, и герцог предложил генералу Маффлингу отправиться на бал на несколько часов, а утром выехать вперед, чтобы догнать войска в Катр-Бра.

Для сотен людей, собравшихся на тот памятный бал, известие о наступлении врага и о том, что пришло время битвы, должно быть, стало пугающе волнующим сюрпризом, а великолепные строфы Байрона столь же правдивы, сколь и прекрасны; но герцог и его главные офицеры хорошо знали суровый финал приближавшейся праздничной сцены. Один за другим, и таким образом, чтобы привлекать как можно меньше внимания, лидеры различных отрядов покинули бальный зал и заняли свои посты во главе своих людей, которые в последние часы короткой летней ночи продвигались вперед к арене ожидаемой резни.

[Ночью слышались звуки разгула,
И тогда собралась столица Бельгии
Ее красота и ее рыцарство, и яркие
лампы сияли над прекрасными женщинами и храбрыми мужчинами;
Тысячи сердец бились счастливо; и когда
зазвучала музыка с ее сладострастным напором,

Нежные глаза с любовью посмотрели в глаза, которые заговорили снова,
И все зазвучало весело, как свадебный колокол;
Но тише! слушай! раздается глубокий звук, похожий на нарастающий похоронный звон,

Разве вы не слышали его? — Нет; это было всего лишь; ветер,
Или автомобиль, грохочущий по каменистой улице;
Продолжайте танцевать! пусть радость будет безграничной;
Никакого сна до утра, когда Молодость и Радость встречаются,
Чтобы догнать сияющие Часы летящими ногами —
Но, послушайте! — этот тяжелый звук врывается еще раз,
Как будто облака повторяют его эхо;
И ближе, яснее, смертоноснее, чем раньше!
Рука! Рука! это—это — первый грохот пушки!

В оконной нише этого высокого зала
сидел обреченный вождь Брауншвейга; он действительно услышал
Этот звук первым среди празднества,
И уловил его тон пророческим ухом Смерти;
И когда они улыбнулись, потому что он счел его близким,
Его сердце более верно знало этот звон слишком хорошо,
Который растянул его отца на окровавленных носилках,
И пробудил месть, которую могла подавить только кровь;
Он бросился в поле и, сражаясь первым, пал.

Ах! тогда-то и начались беготня взад и вперед,
И собирающиеся слезы, и дрожь отчаяния,
И все бледные щеки, которые всего час назад
краснели от похвалы собственной красоте;
И были внезапные расставания, такие, которые вытесняют
жизнь из юных сердец, и прерывистые вздохи,
которые никогда не могли повториться; кто мог догадаться
Если когда-нибудь еще встретятся эти взаимные взгляды,
Ведь в такую сладкую ночь может взойти такое ужасное утро!

И все нарастало в горячей спешке: конь,
собирающийся эскадрон и грохочущая повозка,
устремились вперед с безудержной скоростью,
И быстро выстраиваясь в боевые ряды;
И глубокий раскат грома раздавался вдали;
И вблизи - бой тревожного барабана
Разбудил солдата до появления утренней звезды;
В то время как толпившиеся горожане в ужасе немели,
Или шептали побелевшими губами: "Враг!
Они идут! они идут!"

И Арденны машут над ними своими зелеными листьями,

Влажными от слез природы, когда они пролетают мимо,
Скорбящий, если скорбит что-либо неодушевленное,
О невозвращающихся храбрецах, — увы!
Прежде, чем наступит вечер, когда они будут растоптаны, как трава,
Которая сейчас под ними, но наверху,
снова расцветет зеленью, когда эта огненная масса
живой доблести, катящаяся на врага
И горящая великой надеждой, станет холодной и низкой.

Последний полдень застал их полными похотливой жизни,
Последний вечер в кругу гордо веселой Красавицы,
Полночь принесла сигнал раздора,
Утро - построение с оружием в руках, — день
Битвы великолепно суров!

Грозовые тучи закрывают ее, и когда она разорвана,
Земля густо покрывается другой глиной,
Которую покроеет ее собственная глина, нагроможденная и утрамбованная,
Всадник и лошадь, — друг, враг, — в одном красном погребальном одеянии.]

Операции Наполеона 16-го были проведены с большим мастерством и энергией, и их результаты были очень выгодны для его плана кампании. Со своей армией, построенной в три огромные колонны, [Victoires et Conquetes des Francais, vol. xxv., стр. 177.] он нанес удар в центр линии расквартирования своих союзных врагов; и он до такой степени довел свой удар, что помешал переправе через Самбр, он разбил своим левым крылом прусский корпус генерала Зитена у Тюина, а со своим центром он лично двинулся прямо через Шарлеруа на Флерюс, нанеся значительные потери пруссакам, которые отступили перед ним. . Его правая колонна без особого сопротивления продвинулась вперед до моста Шатле.

Таким образом, Наполеон располагал мощными силами непосредственно перед пунктом, который Блюхер назначил для сосредоточения прусской армии, и это сосредоточение было еще неполным. Французский император намеревался завтра лично атаковать пруссаков войсками своей центральной и правой колонн и использовать свое левое крыло для отражения тех английских войск, которые могли бы выдвинуться на помощь своим союзникам, а также для содействия своему собственному наступлению на Блюхера. Он передал командование этим левым крылом маршалу Нею. Наполеон, похоже, изначально не намеревался использовать этого прославленного генерала в кампании. Только в ночь на 11 июня маршал Ней получил в Париже приказ присоединиться к армии. Спеша к бельгийской границе, он встретился с императором близ Шарлеруа. Наполеон немедленно приказал ему принять командование левым крылом и наступать с ним на Катр-Бра по линии дороги, которая ведет из Шарлеруа в Брюссель, через Госсели, Фрэн, Катр-Бра, Женаппе и Ватерлоо. Ней немедленно отправился на назначенный ему пост; и около десяти часов вечера 15-го числа он занял Госсели и Фрэсне, без особого труда вытеснив оттуда несколько слабых бельгийских отрядов, которые были расквартированы в этих деревнях. Поздний час и измотанное состояние французских войск, которые маршировали и сражались с десяти утра, заставили его приостановить дальнейшее продвижение, чтобы атаковать гораздо более важную позицию у Катр-Бра. По правде говоря, преимущества, которые французы получили благодаря своей почти сверхчеловеческой энергии

и активности в течение долгого дня 15 июня, были неизбежно куплены ценой большей задержки и инертности в течение следующей ночи и на следующий день, чем можно было бы наблюдать, если бы они не были перегружены таким количеством задач. Нея обвиняли в недостаточной оперативности при его атаке на Катр-Бра; а Наполеона критиковали за то, что он не сражался при Линьи до полудня 16-го; но их цензорам следует помнить, что солдаты - всего лишь люди; и что обязательно должен быть некоторый промежуток времени, прежде чем войска, измотанные и ослабленные двадцатью часами непрерывной усталости и борьбы, можно будет накормить, дать отдых, реорганизовать и снова ввести в действие с какой-либо надеждой на успех.

Разместив в ночь на 15-е самые передовые части французов под своим командованием на позиции перед Фрэнсом, Ней поехал обратно в Шарлеруа, куда Наполеон также прибыл около полуночи, вернувшись после руководства действиями центра и правой колонны французов. Император и маршал поужинали вместе и вели серьезный разговор до двух часов ночи. Час или два спустя Ней поехал обратно во Фрэнс, где попытался собрать сведения о численности и передвижениях противника перед ним, а также занялся необходимым изучением количества и состава войск, которыми он сам командовал. Он был так внезапно назначен на свой высокий пост, что не знал ни численности нескольких подчиненных ему полков, ни даже имен их командиров. Теперь он приказал своим адъютантам подготовить необходимые средства и собрал войска, которых он таким образом обучал, прежде чем использовать.

Веллингтон оставался на балу герцогини Ричмонд в Брюсселе примерно до трех часов утра 16-го, "показывая себя очень веселым", как отмечает сопровождавший его барон Маффлинг. [Маффлинг, стр. 233.] В пять часов герцог и барон были верхом и около одиннадцати достигли позиции в Катр-Бра. Поскольку французы, находившиеся перед Фрэнсом, вели себя совершенно спокойно, и герцогу сообщили, что очень большие силы под командованием лично Наполеона угрожают Блюхеру, считалось возможным, что лишь небольшой отряд французов был размещен во Фрэнсе, чтобы замаскировать английскую армию. В этом случае Веллингтон, как он сказал барону Маффлингу, сможет использовать все свои силы для поддержки пруссаков: и он предложил проехать от Катр-Бра к позиции Блюхера, чтобы лично согласовать с ним меры, которые следует принять для того, чтобы вызвать решающее сражение с французами. Веллингтон и Маффлинг соответственно поехали в Линьи и нашли маршала Блюхера и его штаб на ветряной мельнице в Брай, недалеко от этой деревни. Прусская армия численностью в 80 000 человек была растянута главным образом вдоль цепи высот, перед которыми располагались деревни Сомбреф, Сент-Аман и Линьи. Эти деревни были сильно заняты прусскими отрядами и составляли ключевые позиции Блюхера. Вдали были видны головы колонн, которые Наполеон формировал для атаки. Герцог спросил Блюхера и генерала Гнейзенау (который был советником Блюхера по вопросам стратегии), чего они от него хотят, Маффлинг уже в нескольких словах объяснил им искреннее желание герцога поддержать фельдмаршала и что он сделает все, что они пожелают, при условии, что они не попросят его разделить свою армию, что противоречит его принципам. Герцог хотел наступать со своей армией (как только она будет сосредоточена) на Френ и Госсели, а оттуда двинуться во фланг и тыл Наполеону. Прусские лидеры предпочли, чтобы он вывел своих людей из Катр-Бра по намюрской дороге, чтобы сформировать резерв в тылу армии Блюхера. Герцог ответил: "Хорошо, я приеду, если на меня самого не нападут", - и с Шумом поскакал обратно в Катр-Бра, где теперь действительно бушевала французская атака.

Маршал Ней начал сражение около двух часов дня. В это время в его распоряжении было около 16 000 пехотинцев, почти 2000 кавалеристов и 38 орудий. Силы, которые Наполеон номинально предоставил в свое распоряжение, превышали 40 000 человек. Но более половины из них состояло из первого французского армейского корпуса под командованием графа д'Эрлона; и Ней был лишен возможности использовать этот корпус в то время, когда он больше всего в нем нуждался, вследствие получения им приказа выступить на помощь императору в Линьи. Великолепный отряд тяжелой кавалерии под командованием Келлермана, численностью почти в 5000 человек, и еще несколько артиллерийских батальонов были добавлены к армии Ней во время битвы при Катр-Бра; но его эффективные силы пехоты никогда не превышали 16 000 человек.

Когда началось сражение, большая часть армии герцога все еще находилась на марше к Катр-Бра из Брюсселя и других частей его расквартирования. Силы союзников, фактически занимавшие там позиции, состояли только из голландской и бельгийской пехотных дивизий численностью не более 7000 человек, с одним пехотным батальоном и одним батальоном конной артиллерии. Ими командовал принц Оранский. Лес, называемый Буа-де-Боссю, тянулся вдоль правого (или западного) фланга позиции Катр-Бра; фермерский дом и здание, называемое Жмианкур, стояли на некотором возвышении перед ним; а слева (или к востоку) находились окрестности деревни Пьермон. Принц Оранский пытался овладеть этими позициями; но Ней овладел Жмианкуром в центре и Пьермоном на востоке и овладел южной частью леса Боссю. Он разместил основную часть своей артиллерии на возвышенности Жмианкур, откуда она действовала на протяжении всего сражения, оказывая самое разрушительное воздействие на союзников. Он продвигался вперед, добиваясь новых преимуществ, когда на сцене появились пятая пехотная дивизия под командованием сэра Томаса Пиктона и корпус герцога Брауншвейгского. Веллингтон (который вернулся в Катр-Бра после беседы с Блюхером незадолго до прибытия этих сил) возобновил бой с ними; и, когда прибыли свежие войска союзников, их выдвинули вперед, чтобы отразить ожесточенные атаки, которые колонны и эскадрильи Ней продолжали наносить с неослабевающей храбростью и рвением. Единственная кавалерия англо-союзной армии, достигшая Катр-Бра во время боевых действий, состояла из голландцев и бельгийцев, а также небольшого отряда брауншвейгцев под командованием их герцога, который был убит на поле боя. Они оказались совершенно неспособными противостоять кирасирам Келлермана и уланам Пира; голландская и бельгийская пехота также отступили в начале сражения, так что вся тяжесть сражения пришлось на британскую и немецкую пехоту. Они выдержали это благородно. Несмотря на то, что французская кавалерия неоднократно атаковала их, хотя они подвергались убийственному огню французских батарей, которые с высот Жмианкур посылали снаряды по укрепленным каре всякий раз, когда французская кавалерия отступала, они не только отразили своих нападавших, но и бригады Кемпта и Пака, возглавляемые Пиктоном, фактически продвинулись вперед против своих атакующих врагов и прорвались сквозь них, и с суровой решимостью до конца дня отвоевывали территорию, которую они таким образом смело завоевали. Однако некоторые британские полки были во время замешательства атакованы французской кавалерией прежде, чем они смогли построиться в каре, и серьезно пострадали. Один полк, 92-й, был почти полностью уничтожен кирасирами. Французский рядовой по имени Лами из 8-го кирасирского полка захватил один из английских флагов и подарил его Ней. Это был единственный трофей. Прибытие английской гвардии около половины седьмого вечера позволило герцогу вернуть лес Боссю, который французы почти полностью отвоевали и овладение которым позволило бы

Нейю нанести сокрушительный удар по флангу и тылу союзников. Был восстановлен не только лес Боссю справа от британцев, но и ограждения Пьермона слева. Когда наступила ночь, французы были отброшены на всех направлениях к Фрэсну; но они все еще удерживали ферму Жмианкур перед центром герцога. Веллингтон и Маффлинг не были осведомлены о результатах сопутствующего сражения между Блюхером и Наполеоном, канонада которого была отчетливо слышна в Катр-Бра в течение всего дня и вечера. Герцог заметил Маффлингу, что, конечно, две союзные армии перейдут в наступление на врага завтра; и, следовательно, было бы лучше захватить ферму сразу, а не ждать до следующего утра. Маффлинг согласился со взглядами герцога, и Джемианкур был немедленно атакован англичанами и взят в плен с небольшими потерями для нападавших. [Маффлинг, с. 242.]

Тем временем французы и пруссаки сражались в деревнях Линьи, Сомбреф и Сен-Арман и вокруг них с трех часов дня до девяти вечера с яростью, почти не имеющей аналогов в современной войне. Когда Блюхер начал сражение, в его распоряжении было 83 417 человек и 224 орудия. Корпус Бюлова, насчитывавший 25 000 человек, не присоединился к нему; но фельдмаршал надеялся получить подкрепление от него или от английской армии до окончания боевых действий. Но Бюлов из-за какой-то ошибки в передаче приказов оказался далеко в тылу, а герцог Веллингтон был сражен, как мы видели, маршалом Неем. Блюхер получил ранее предупреждение от барона Маффлинга о том, что герцог не сможет прийти к нему на помощь; но, как отмечает Маффлинг, Веллингтон оказал пруссакам большую услугу, заняв более 40 000 позиций противника, которые в противном случае сокрушили бы правый фланг Блюхера. Ибо конфликт при Катр-Бра не только задержал французские войска, которые действительно принимали в нем участие, но и д'Эрлон получил приказ от Нея присоединиться к нему, что помешало д'Эрлону оказать эффективную помощь Наполеону. Действительно, весь корпус д'Эрлона, вследствие противоречивых указаний Нея и императора, в течение 16 августа совершал марши и контрмарши между Катр-Бра и Линьи, не сделав ни одного выстрела ни в одном из сражений.

Фактически Блюхер имел численное превосходство более чем в 12 000 человек над французской армией, атаковавшей его при Линьи. Численная разница была еще больше в начале сражения, поскольку корпус Лобау выступил из Шарлеруа только к восьми часам. После пяти с половиной часов отчаянной борьбы, в течение долгого времени приводившей к сомнениям, Наполеону удалось прорвать центр прусской линии у Линьи и вытеснить своих упрямых противников с поля боя. Исход был приписан его мастерству, а не какому-либо недостатку духа или решимости со стороны прусских войск; и они, несмотря на поражение, ни на йоту не ослабили в дисциплине, сердцах или надежде. Как заметил Блюхер, это было сражение, в котором его армия проиграла день, но не свою честь. Пруссаки отступали в течение ночи 16-го и в начале 17-го с совершенной регулярностью и постоянством, отступление было направлено не к Местрихту, где были расположены их основные склады, а к Вавру, чтобы иметь возможность поддерживать связь с армией Веллингтона и по-прежнему следовать первоначальному плану кампании. Героизм, с которым пруссаки перенесли и исправили свое поражение при Линьи, более славен, чем многие победы.

Гонец, посланный сообщить Веллингтону об отступлении прусской армии, был застрелен по дороге; и только утром 17-го союзники в Катр-Бра узнали результат битвы при Линьи. Герцог был готов на рассвете энергично перейти в наступление на врага, вся его армия к тому времени была полностью собрана. Но, узнав, что Блюхер потерпел поражение, был явно необходим другой

курс действий. Было очевидно, что главная армия Наполеона теперь будет направлена против Веллингтона, и отступление было неизбежно. Убедившись, что прусская армия отступила к Вавру, что французы не преследовали их по горячим следам и что корпус Бюлова не принимал участия в сражении при Линьи, герцог решил двинуть свою армию обратно к Брюсселю, все еще намереваясь охватить этот город и остановиться в пункте на линии с Вавром и там восстановить связь с Блюхером. Офицер из армии Блюхера добрался до герцога около девяти часов, от которого он узнал, какими эффективными силами все еще обладал Блюхер, и насколько мало обескуражил его союзника вчерашний бой. Веллингтон послал сообщение прусскому командующему, что он остановится на позиции Мон-Сен-Жан и примет генеральное сражение с французами, если Блюхер пообещает прийти к нему на помощь с одним корпусом численностью 25 000 человек. Это было с готовностью обещано, и, предоставив своим людям достаточно времени для отдыха и подкрепления, Веллингтон отступил примерно на половину расстояния между Катр-Бра и Брюсселем. Его преследовали, но почти не беспокоили, основные силы французской армии, которые около полудня 17-го двинулись в боковом направлении от Линьи и присоединились к силам Нея, которые продвинулись через Катр-Бра, когда британцы оставили эту позицию. Граф Аксбридж с британской кавалерией с большим мастерством и доблестью прикрывал отступление армии герцога, а сильная гроза с проливным дождем затруднила действия преследующих французских эскадронов. Герцог все еще ожидал, что французы попытаются повернуть направо и двинуться на Брюссель по большой дороге, которая ведет через Монс и Хал. Чтобы противодействовать этому ожидаемому маневру, он разместил силы численностью 18 000 человек под командованием принца Нидерландов Фредерика в Хале, получив приказ держаться там в случае нападения как можно дольше. Герцог остановился с остальной частью своей армии на позиции близ Мон-Сен-Жан, которая по имени расположенной по соседству деревни получила приснопамятное название поля Ватерлоо.

Веллингтон находился теперь примерно в двенадцати милях от Вавра, на линии, протянувшейся с запада на восток, где прусская армия была теперь полностью реорганизована и собрана и где она была усилена соединением войск Бюлова, которые не принимали участия в битве при Линьи. Блюхер отправил герцогу весточку из Вавра, что утром он придет на помощь англичанам у Мон-Сен-Жана не с одним корпусом, а со всей своей армией. Вспыльчивый старик лишь оговорил, что объединенные армии, если не будут атакованы Наполеоном 18-го числа, сами должны атаковать его 19-го. Пока Блюхер и его армия были далеки от того, чтобы оказаться в состоянии полного уничтожения, описанном в хвастливом бюллетене, в котором Наполеон информировал парижан о своей победе при Линьи. Действительно, французский император, по-видимому, сам был дезинформирован относительно масштабов потерь, которые он нанес пруссакам. Если бы он знал, в каком хорошем порядке и с каким неослабевающим духом они отступали, он вряд ли стал бы откладывать отправку крупных сил, чтобы заставить их отступить, до полудня 17-го. Так, однако, было на самом деле. Примерно в то же время он возложил на маршала Груши обязанность преследовать побежденных пруссаков и не допустить их соединения с Веллингтоном. Он разместил для этой цели под своим командованием 32 000 человек и 96 орудий. Впоследствии между императором и маршалом возникли бурные жалобы и взаимные обвинения относительно того, каким образом Груши пытался выполнить свой долг, и причин, по которым он 18-го не смог остановить боковое продвижение пруссаков от Вавра к Ватерлоо. Здесь достаточно отметить, что силы, которые Наполеон придал Груши (хотя и максимум, который позволяли ограниченные средства императора), были недостаточны, чтобы противостоять всей прусской армии, особенно после соединения Бюлова с Блюхером. Вскоре у

нас будет возможность рассмотреть, какие возможности предоставлялись Груши в течение 18-го года и чего он мог бы добиться, будь он человеком подлинного военного гения.

Но неудача Груши, по правде говоря, была вызвана главным образом неукротимым героизмом самого Блюхера; который, хотя и получил серьезные ранения в битве при Линьи, был, как всегда, энергичен и готов снова ввести своих людей в бой, и у которого было решение подвергнуть часть своей армии под командованием Тильмана разгрому Груши при Вавре 18-го, в то время как он настаивал на марше основной массы своих войск на Ватерлоо. "Не при Вавре, а при Ватерлоо, - сказал старый фельдмаршал, - исход кампании будет решен"; и он рискнул отрядом и соответственно выиграл кампанию. Веллингтон и Блюхер доверяли друг другу так же сердечно и сотрудничали так же ревностно, как раньше это было с Мальборо и Юджином. Полностью полагаясь на обещание Блюхера присоединиться к нему, герцог выстоял и сражался при Ватерлоо; и те, кто осмелился поставить под сомнение способности герцога как полководца, должны были обладать достаточным здравым смыслом, чтобы понять, что обвинять герцога в том, что он выиграл битву при Ватерлоо с помощью пруссаков, на самом деле означает утверждать, что он выиграл ее теми самыми средствами, на которые он полагался, и без ожидания которых битва не состоялась бы.

Сам Наполеон упрекал Веллингтона в том, что тот не отступил дальше, чтобы завершить соединение своей армии с армией Блюхера, прежде чем тот рискнет вступить в генеральное сражение. [См. Мемуары Монтолона, т. iv. стр. 44.] Но, как мы видели, герцог справедливо считал важным защитить Брюссель. У него были основания ожидать, что его армия сможет в одиночку противостоять французам при Ватерлоо, пока не подойдут пруссаки; и что при соединении пруссаков под его командованием и Блюхером будет достаточно сил, объединенных для полного разгрома противника. И в то время как Наполеон таким образом порицает своего великого противника, он невольно свидетельствует о военном характере англичан в самом высоком смысле этого слова и решительно доказывает, какое первостепенное значение имело сражение, на которое он бросил вызов своему бесстрашному противнику. Наполеон спрашивает: "ЕСЛИ БЫ АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ ПРИ ВАТЕРЛОО, КАКАЯ БЫЛА БЫ ПОЛЬЗА ОТ ТЕХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СОЕДИНЕНИЙ ПРУССАКОВ, АВСТРИЙЦЕВ, НЕМЦЕВ И ИСПАНЦЕВ, КОТОРЫЕ ФОРСИРОВАННЫМИ МАРШАМИ ПРОДВИГАЛИСЬ К РЕЙНУ, АЛЬПАМ И ПИРЕНЕЯМ?" [Там же.]

Численность армии под командованием герцога Веллингтона при Ватерлоо составляла 49 608 человек пехоты, 12 402 кавалериста и 5645 артиллеристов при 156 орудиях. [Сиборн, том i, стр. 376.] Но из этого общего числа в 67 655 человек едва ли 24 000 были британцами, что является обстоятельством очень серьезной важности, если исходить из собственной оценки Наполеоном относительной ценности войск различных наций. По собственным словам императора, говоря об этой кампании, "Французский солдат не был бы равен более чем одному английскому солдату, но он не побоялся бы встретиться с двумя голландцами, пруссаками или солдатами Конфедерации". [Мемуары Монтолона, том iv. стр. 41.] С герцогом было около 6000 человек из старого Немецкого легиона; это были ветераны, отличного качества. Из остальной армии ганноверцы и брауншвейгцы показали себя заслуживающими доверия и похвалы. Но нассауэрцы, голландцы и бельгийцы были почти бесполезны; и немало из них справедливо подозревалось в сильном желании сражаться, если они вообще сражались, под началом французских орлов, а не против них.

Армия Наполеона при Ватерлоо состояла из 48 950 пехотинцев, 15 765 кавалеристов, 7232 артиллеристов, всего 71 947 человек и 246 орудий. [См. Сиборн, ВЫШЕ.] Они были цветком национальных сил Франции; и из всех многочисленных доблестных армий, которые создала эта воинственная страна, никогда не было ни одной более храброй, ни более дисциплинированной, ни лучше руководимой, чем войско, занявшее свои позиции при Ватерлоо утром 18 июня 1815 года.

Возможно, те, кто не видел поля битвы при Ватерлоо или замечательной модели местности и сражающихся армий, выполненной капитаном Сиборном, могут составить в целом точное представление о местности, представив себе долину длиной от двух до трех миль, различной ширины в разных местах, но обычно не превышающую полумили. По обе стороны долины тянется извилистая цепь невысоких холмов, идущих несколько параллельно друг другу. Уклон от каждой из этих гряд холмов к промежуточной долине пологий, но неравномерный, волнистость почвы частая и значительная. Английская армия была размещена на северном хребте, а французская армия заняла южный хребет. Артиллерия каждой стороны в течение всего дня обстреливала другую со своих соответствующих высот, и конные и пешие атаки велись через описанную долину. Деревня Мон-Сен-Жан расположена немного позади центра северной цепи холмов, а деревня Ла-Бель-Альянс находится недалеко от центра южного хребта. Большая дорога из Шарлеруа в Брюссель (широкая мощеная дамба) проходит через обе эти деревни и, следовательно, разделяет пополам позиции англичан и французов. Линия этой дороги была линией предполагаемого наступления Наполеона на Брюссель.

Существуют некоторые другие местные особенности, связанные с положением каждой армии, которые необходимо иметь в виду. Сила британской позиции заключалась не только в занятии гряды возвышенностей. Деревня и овраг под названием Мерк-Брейн, расположенные на крайнем правом фланге герцога Веллингтона, защищали его фланг от нападения с этой стороны; а на крайнем левом фланге две маленькие деревушки под названием Ла-Хэй и Папелотт обеспечивали аналогичную, хотя и более слабую защиту. За всей британской позицией находится обширный лес Суаньи. Поскольку французы не предпринимали попыток обойти ни один из английских флангов, и битва была днем прямых боев, в первую очередь важно установить, какие посты имелись перед британской линией холмов, преимуществом которых можно было воспользоваться либо для отражения, либо для облегчения атаки; и будет видно, что их было два, и что каждый из них имел очень большое значение в боевых действиях. Напротив британского правого берега, то есть на северном склоне долины, ближе к ее западному концу, стоял старомодный фламандский фермерский дом под названием Гумон, или Угумонт, с хозяйственными постройками и садом, а вокруг него рощица прибрежных деревьев площадью около двух акров. Это был сильный гарнизон союзных войск, и, пока он находился в их распоряжении, противнику было трудно продвигаться вперед и теснить правое крыло британцев. С другой стороны, если бы противнику удалось захватить его, этому крылу было бы трудно удержать свои позиции на высотах, поскольку непосредственно перед ним находился укрепленный пост, который дал бы много укрытия стрелкам противника и большие возможности для внезапной концентрации атакующих колонн. Почти сразу же перед британским центром и не так далеко вниз по склону, как Угумонт, находился другой фермерский дом меньшего размера, под названием Ла-Хей-Сент (не путать с деревушкой Ла-Хей в крайнем левом углу британской линии), который также удерживался британскими войсками, и оккупация которого была признана имевшей очень серьезные последствия.

Что касается позиции французов, то главной особенностью, на которую следует обратить внимание, является деревня Планшенуа, которая находилась немного позади их правого фланга (т. е. с восточной стороны) и которая оказалась очень важной, помогая им сдерживать продвижение пруссаков.

Наполеон в своих мемуарах и другие французские писатели яростно обвиняли герцога в том, что он дал сражение в такой позиции, как при Ватерлоо. Они особенно возражают против того, что герцог сражался, не имея возможности отступить, если бы атаки его врага оказались успешными; и что английская армия, если бы она была однажды разбита, должна была потерять все свои орудия и МАТЕРИАЛЬНУЮ ЧАСТЬ при бегстве через лес Суаньи, который находился у нее в тылу. В ответ на эти упреки, вместо того, чтобы просто ссылаться на событие битвы как на доказательство правильности суждения герцога, следует отметить, что многие военные критики высокого авторитета сочли позицию при Ватерлоо превосходно приспособленной для цели герцога защитить Брюссель с помощью сражения; и что, безусловно, мнение герцога в ее пользу не было сформировано легкомысленно или поспешно. Это замечательный факт (упомянутый в речи лорда Батерста при вынесении благодарственного вотума герцогу в Палате лордов), [Парламентские дебаты, т. xxxi. с. 875.] что, когда герцог Веллингтон проезжал через Бельгию предыдущим летом 1814 года, он особенно обратил внимание на силу позиции при Ватерлоо и в то время уделил этому особое внимание, заявив тем, кто был с ним, что, если когда-нибудь ему суждено будет сражаться в этом квартале за защиту Брюсселя, он должен постараться сделать это на этой позиции. А что касается леса Суаньи, который, по мнению французских (и некоторых английских) критиков, был рассчитан как роковой для отступающих войск, герцог, напротив, считал, что это был пост, который мог бы оказаться бесконечно ценным для его армии в случае, если бы ему пришлось уступить. В лесу Суаньи нет зарослей или массивов близко растущих деревьев. Он состоит из высоких буков и везде удобен для людей и лошадей. Артиллерию можно было бы отвести по широкой дороге, которая пересекает его в направлении Брюсселя; а тем временем несколько полков решительной пехоты могли бы удерживать лес и сдерживать преследователей. Один из лучших писателей о кампании при Ватерлоо, капитан Прингл, [См. Приложение к 8-му тому книги Скотта "Жизнь Наполеона".] уэлл замечает, что "каждый человек, даже наименее опытный в войне, знает, как чрезвычайно трудно вытеснить пехоту из леса, который невозможно обойти". Оборона леса Боссю близ Катр-Бра 16 июня стала хорошим доказательством этого; и герцог Веллингтон, говоря спустя годы о возможных событиях, которые могли бы последовать, если бы он был отброшен с открытого поля Ватерлоо, указал на лес Суаньи как на свое безопасное место сбора, сказав: "Они никогда не смогли бы разбить нас так, чтобы мы не смогли удержать лес против них". Он всегда был уверен, что смог бы удержать этот пост, пока к нему не присоединились пруссаки, от сотрудничества которых он во всем зависел. . [См. "Жизнь и характер герцога Веллингтона" лорда Элсмира, стр. 40.]

Как уже упоминалось, пруссаки утром 18-го были в Вавре, что примерно в двенадцати милях к востоку от поля битвы при Ватерлоо. Соединение дивизии Бюлова с лихвой восполнило потери, понесенные при Линьи; и, оставив Тильмана с примерно семнадцатью тысячами человек удерживать свои позиции, насколько это было возможно, против атаки, которую Груши собирался предпринять на Вавр, Бюлов и Блюхер двинулись с остальными пруссаками через Сен-Ламбер на Ватерлоо. Было рассчитано, что они будут там к трем часам; но чрезвычайно труднопроходимая местность, по которой им предстояло пройти, усугубленная только что проливным дождем, надолго задержала их на двенадцатимильном марше.

Действительно, армия, менее воодушевленная ожесточенной ненавистью к врагу, чем пруссаки, и находящаяся под командованием менее энергичного командира, чем Блюхер, потерпела бы полную неудачу в осуществлении перехода через болота, в которые непрерывающийся дождь превратил большую часть местности, по которой необходимо было двигаться не только пешими колоннами, но и кавалерией и артиллерией. В какой-то момент марша, при вступлении в ущелье Сен-Ламбер, боевой дух пруссаков почти пал. Измученные попытками вытащить и перетащить вперед тяжелые орудия, солдаты начали роптать. Блюхер подошел к месту и услышал крики из рядов— "Мы не можем продвигаться". "Но вы должны продолжать", - был ответ старого фельдмаршала. "Я дал слово Веллингтону, и вы, конечно, не заставите меня нарушить его. Только напрягитесь еще на несколько часов, и мы уверены в победе". Этот призыв старого "маршала Вперед", как прусские солдаты любили называть Блюхера, произвел свой обычный эффект. Пруссакиснова двинулись вперед, правда, медленно, с болью и трудом; но все же они продвигались вперед. [См. Сиборн, т. ii. стр. 137.]

Французская и британская армии лежали на открытом поле в сырую и ненастную ночь 17-го числа; и когда забрезжил рассвет памятного 18 июня, над Ватерлоо все еще лил сильный дождь. Соперничающие нации поднялись со своих унылых бивуаков и начали формироваться, каждая на той возвышенности, которую она занимала. К девяти часам погода прояснилась, и каждая армия смогла наблюдать за позицией и порядком расположения другой на противоположной стороне долины.

Герцог Веллингтон выстроил свою армию в две линии; основная из них располагалась у гребня уже описанной гряды холмов, а другая располагалась вдоль склона в тылу его позиции. Начиная с востока, в крайнем левом углу первой, или главной линии, находились бригады легкой кавалерии Вивиана и Венделера, а также пятая ганноверская пехотная бригада под командованием фон Винке. Затем прибыла четвертая ганноверская бригада Беста. Подразделения этих войск заняли маленькие деревушки Папелотт и Ла Хэй, расположенные в ложине перед позицией герцога слева. Справа от ганноверцев Беста бригада Байландта из голландской и бельгийской пехоты была выстроена на внешнем склоне высот. За ними располагалась девятая бригада британской пехоты под командованием Пака; а справа от этих последних, но более заблаговременно, стояла восьмая бригада английской пехоты под командованием Кемпта. Они находились недалеко от дороги на Шарлеруа и в центре всей позиции. Эти две английские бригады вместе с пятой ганноверской составляли пятую дивизию под командованием сэра Томаса Пиктона. Непосредственно справа от них, к западу от дороги на Шарлеруа, стояла третья дивизия под командованием генерала Альтена, состоявшая из бригады Омптеды Королевского германского легиона и ганноверской бригады Кильмансегге. Важный пост Ла-Эй-Сент, который, как мы помним, находился напротив центра герцога, недалеко от дороги на Шарлеруа, был расквартирован войсками этой дивизии. Западнее и справа от ганноверцев Кильмансегге стояла пятая британская бригада под командованием Хэлкетта; а позади была размещена бригада Крузе из Нассау. Справа от людей Хэлкетта стояли английские гвардейцы. Они состояли из двух бригад, одной из которых командовал Мейтленд, а другой - Бинг. Вся дивизия находилась под командованием генерала Кука. Здания и сады Угумона, которые находились непосредственно под высотой, на которой стояли британские гвардейцы, были в основном укомплектованы подразделениями бригады Бинга, которым помогали несколько храбрых ганноверских стрелков и сопровождал батальон полка Нассау. На плато в тылу гвардейской дивизии Кука, с уклоном на запад, к деревне Мерк-Брейн, располагалась вторая пехотная дивизия Клинтона, состоящая из третьей бригады легкой пехоты

Адамса, первой бригады Королевского германского легиона Дю Плата и третьей ганноверской бригады под командованием полковника Хэлкетта.

Герцог сформировал свою вторую линию кавалерии. Она простиралась только позади правой и центральной части его первой линии. Самая большая масса была сосредоточена за пехотными бригадами в центре, по обе стороны дороги на Шарлеруа. Бригада домашней кавалерии под командованием лорда Сомерсета находилась непосредственно справа от дороги, а слева от нее находилась бригада Понсонби. За ними стояли голландские и бельгийские кавалерийские бригады Трипа и Гинги. Третий гусарский королевский германский легион находился справа от бригады Сомерсета. Справа от них, позади пехоты Мейтленда, стояла третья бригада под командованием Дорнберга, состоявшая из 23-го английского легкого драгунского полка и полков легких драгун Королевского германского легиона. Последней кавалерией справа была бригада Гранта, дислоцировавшаяся в тылу пехоты. Корпус Брауншвейгеров, как конный, так и пеший, и 10-я британская пехотная бригада находились в резерве позади центра и справа от всей позиции. Артиллерия была распределена с удобными интервалами по всему фронту. Помимо упомянутых генералов, присутствовали лорд Хилл, лорд Аксбридж (который имел общее командование кавалерией), принц Оранский и генерал Шассе, которые действовали под началом герцога.

[Войска принца Фредерика остались в Хэле и не принимали участия в битве 18-го числа. Причину такого расположения (к которому много придирались) лучше всего можно выразить словами барона Маффлинга: "Герцог отступил из Катр-Бра тремя колоннами по трем шоссам; и вечером 17-го принц Фредерик Оранский был в Хэле, лорд Хилл - в Брейн-ла-Леуд, а принц Оранский с резервом - в Мон-Сен-Жан. Такое распределение было необходимо, поскольку Наполеон мог распоряжаться этими тремя дорогами для своего наступления на Брюссель. 17-го Наполеон продвинулся через Женаппе до Россомы. На двух других дорогах враг еще не показывался. 18-го Наполеон предпринял наступление с наибольшим размахом, но его левое крыло все еще не перешло дорогу Нивель. Эти обстоятельства позволили привлечь принца Фридриха в армию, что, несомненно, было бы сделано, если бы не возникли совершенно новые обстоятельства. Герцог за двадцать четыре часа до этого поклялся принять сражение при Мон-Сен-Жан, если Блюхер поможет ему там одним корпусом численностью в 25 000 человек. Получив это обещание, герцог принимал меры к обороне, когда узнал, что в дополнение к обещанному одному корпусу Блюхер фактически уже выступил в поход со всеми своими силами, чтобы прорваться через Планшенуа во фланг и тыл Наполеону. Если бы три корпуса прусской армии прорвались через не охраняемое плато Россомм, что было вполне вероятно, Наполеон был бы отброшен со своего пути отступления у Женаппе и, возможно, потерял бы даже его у Нивеля. В этом случае принц Фредерик со своими 18 000 человек (которых можно было бы считать лишними при Мон-Сен-Жан) мог бы оказать самую существенную услугу".—См. "Глушение", стр. 246 и "ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ОБЗОР", № 178. Также заслуживает внимания, что Наполеон фактически выделил 2000 кавалеристов, чтобы угрожать Халу, хотя они вернулись к основной французской армии ночью 17-го. See "Victoires at Conquetes des Francais," vol. xxiv. c. 186.]

На противоположных высотах французская армия была выстроена в две генеральные линии, причем все силы императорской гвардии, кавалерия и пехота, находились позади центра в качестве резерва.

Первая линия французской армии была сформирована из двух корпусов под командованием графов д'Эрлона и Рейля. Корпус д'Эрлона находился справа, то есть к востоку от дороги на Шарлеруа, и состоял из четырех пехотных дивизий под командованием генералов Дюретта, Марконье, Аликса и Донзело, и одной дивизии легкой кавалерии под командованием генерала Жакино. Корпус графа Рейля образовывал левое, или западное, крыло и был сформирован из пехотных дивизий Башелю, Фоя и Жерома Бонапарта, а также из кавалерийской дивизии Пира. Правое крыло второй общезападной линии было сформировано из корпуса Мийо, состоявшего из двух дивизий тяжелой кавалерии. Левое крыло этой линии было сформировано кавалерийским корпусом Келлермана, также состоящим из двух дивизий. Таким образом, каждый пехотный корпус, составлявший первую линию, имел за собой кавалерийский корпус; но вторая линия состояла также из пехотного корпуса Лобау и дивизий легкой кавалерии Домона и Суберви; эти три отряда войск были выстроены по обе стороны от La Belle Alliance и образовывали центр второй линии. Третья, или резервная линия, имела центр, состоящий из пехоты Императорской гвардии. Два полка гренадеров и два полка егерей составляли основу Старой гвардии под командованием генерала Фриана. Средняя гвардия под командованием графа Морана была составлена аналогичным образом; в то время как два полка вольтижеров и два полка тирailleurs под командованием Дюэса составляли Молодую гвардию. Гвардейские егеря и уланы находились справа от пехоты под командованием Лефевра Денуэтта, а гвардейские гренадеры и драгуны под командованием Гийо - слева. Все французские корпуса состояли, помимо кавалерийских и пехотных полков, из сильных батарей конной артиллерии; и численное превосходство Наполеона в орудиях имело огромное значение на протяжении всего сражения.

Помимо ведущих генералов, которые были упомянуты как командующие отдельным корпусом, присутствовали Ней и Султ, которые действовали в битве в качестве лейтенантов императора.

Английские военные критики высоко оценили замечательную организацию, которую Наполеон осуществил со своими силами каждого рода войск, чтобы предоставить ему наиболее широкие средства для немедленного и достаточного подкрепления любой атаки, с какой бы точки он ни направил ее; и для быстрого объединения значительных сил для отражения любой атаки, которая могла быть предпринята против него в любой части поля боя. [Сиборн, том i, стр. 376.] Когда все его войска были выстроены, он проехал вдоль строя, повсюду получая самые восторженные приветствия от своих людей, в полной преданности которых ему он теперь был уверен вдвойне. На северной стороне долины также была выстроена армия герцога, готовая отразить угрозу нападения.

Веллингтон приказал предыдущей ночью каждой бригаде и корпусу занять свои позиции на той части местности или поблизости от нее, которую они должны были удерживать в предстоящем сражении. Он поспал несколько часов в своей штаб-квартире в деревне Ватерлоо; и, поднявшись 18-го числа, когда была еще глубокая ночь, он написал несколько писем губернатору Антверпена, английскому посланнику в Брюсселе и другим официальным лицам, в которых выражал свою уверенность, что все пройдет хорошо, но "поскольку необходимо было предусмотреть серьезные потери; если произойдет какой-либо несчастный случай", он отдал ряд разумных приказов о том, что следует делать в тылу армии на случай, если сражение развернется против союзников. Он также, прежде чем покинуть деревню Ватерлоо, проследил

за распределением запасов боеприпасов, которые были припаркованы там, чтобы припасы могли быть легко доставлены на каждый участок линии фронта, где они могли потребоваться, герцог также лично проинспектировал меры, которые были приняты для приема раненых и обеспечения временных госпиталей в домах в тылу армии. Затем, вскочив на любимого скакуна, маленькую чистокровную гнедую лошадку по кличке "Копенгаген", Веллингтон поехал вперед, к гряде холмов, где были размещены его люди. В сопровождении своего штаба и прусского генерала Мюффлинга он проехал вдоль своих позиций, тщательно изучая все детали своей позиции. Объектом его особого внимания был Угумон. Он поехал к юго-восточной оконечности его укреплений и, осмотрев ближайшие французские войска, внес некоторые изменения в расположение своих людей, которые должны были защищать этот важный пост.

Отдав последние распоряжения относительно Угумона, герцог поскакал обратно на возвышенность в правом центре своей позиции и, остановившись там, наблюдал за врагом на противоположных высотах и беседовал со своим штабом с той жизнерадостной безмятежностью, которая всегда была его отличительной чертой в час битвы.

Не все храбрецы обладают таким даром; и многие взгляды, полные тревожного возбуждения, должно быть, были брошены на долину, разделявшую два войска, во время затянувшейся паузы, которая наступила между завершением приготовлений Наполеона к атаке и фактическим началом сражения. Это было, действительно, ужасное затишье перед надвигающейся бурей, когда вооруженные мириады стояли, глядя на своих вооруженных врагов, оценивая их численность, их расположение, их вероятную способность к сопротивлению и разрушению, и с бьющимися сердцами прислушиваясь к ожидаемой на мгновение ноте смерти; в то время как видения победы и славы теснились в напряженном мозгу каждого солдата, не перемежаясь с воспоминаниями о доме, который его падение могло вскоре опустошить, и без того, чтобы сжимающаяся природа иногда не внушала холодной мысли, что через несколько мгновений он может корчиться в агонии или лежать на полу. растоптанная и искореженная масса глины на траве теперь так свежо и чисто колыхалась перед ним.

Такие мысли зарождаются в человеческой груди, хотя храбрый человек вскоре заставляет замолчать "ребенка внутри нас, который трепещет перед смертью" [См. Платон, "Федон", с. 60; и "Историю Греции" Грота, т. viii. с. 656.] и подготавливает себя к предстоящей борьбе посредством умственной подготовки, которую Ксенофонт прекрасно назвал "подготовкой солдата к битве". [Эллиника, lib. vii. с. v. s. 22.] Что ж, также можем мы надеяться и верить, что многие духи искали помощи из более высокого и святого источника; и что многие горячие, хотя и безмолвные молитвы возносились в то субботнее утро (битва при Ватерлоо происходила в воскресенье) Господу Саваофу, Богу Сражений, из рядов, откуда так много тысяч людей собирались предстать в тот день перед его судилищем.

Не только для тех, кто, таким образом, присутствовал в качестве зрителей и действующих лиц в этой ужасной драме, но и для всей Европы надвигавшееся тогда решающее противостояние между соперничающими французской и английской нациями, каждая под руководством своего избранного вождя, было объектом возбуждающего интереса и глубочайшей озабоченности. "Действительно, никогда два таких генерала, как герцог Веллингтон и император Наполеон, не встречались с того дня, когда Сципион и Ганнибал встретились при Заме". [См. ВЫШЕ, стр. 82.]

Два великих чемпиона, которые сейчас противостояли друг другу, были равны по годам, и каждый пришел в военную профессию в одинаковом раннем возрасте. Более заметная сцена,

на которой проявился юношеский гений французского генерала, его наследие всей военной мощи Французской Республики, положение, на котором в течение многих лет он возвышался как суверенный глава империи, превосходящей империю Карла Великого, и ослепительные результаты его побед, которые создавали и низвергали королей, обеспечили ему огромное превосходство в глазах человечества. Военные с справедливым восторгом отзывались о блеске его первых итальянских кампаний, когда он преодолел педантизм традиционной тактики и с небольшими, но оперативно задействованными силами разбивал армию за армией австрийцев, завоевывал провинции и столицы, диктовал договоры и уничтожал или создавал государства. Беззакония его египетской экспедиции слишком часто забывались при созерцании мастерства и смелости, с которыми он уничтожил мамелюкскую кавалерию у Пирамид и турецкую пехоту у Абукира. Никто не мог забыть чудесный переход через Альпы в 1800 году или победу при Маренго, которая отвоевала Италию у Австрии и уничтожила плоды двадцати побед, одержанных врагами Франции в отсутствие ее любимого вождя. Еще выше казалась слава его немецких кампаний, триумфы при Ульме, Аустерлице, Йене, Ваграме. Неудачи Наполеона в России в 1812 году его почитатели приписывали стихии; его неудачи в Германии в 1813 году они приписывали предательству; и даже эти два катастрофических года ознаменовались его победами при Бородино, при Лютцене, при Бауцене, при Дрездене и при Ханау. Его последняя кампания, проведенная в первые месяцы 1814 года, была справедливо названа самым блестящим проявлением его военного гения, когда с гораздо меньшей армией он долгосдерживал и часто побеждал огромные войска, обрушившиеся на Францию. Его последователи наивно надеялись, что кампания 1815 года откроется еще одной "неделей чудес", подобной той, которая ознаменовалась его победами при Монмирайле и Монтеро. Лавр Линьи еще свеж был на его челе. Блюхер не стоял перед ним; и кто был тот Противник, который теперь должен преградить путь императору?

Этот Противник уже сверг лучших генералов императора и лучшие армии императора; и, подобно самому Наполеону, приобрел репутацию не только в европейских войнах. Веллингтон был прославлен как разрушитель державы махраттов, как освободитель Португалии и Испании и успешный захватчик Южной Франции. В ранней юности он занимал высокое командование в Индии и проявил выдающееся мастерство в планировании и комбинировании движений, а также непревзойденную быстроту и смелость в исполнении. По возвращении в Европу прошло несколько лет, прежде чем была предоставлена какая-либо подходящая возможность для проявления его гения. В этом важном отношении Веллингтон как подданный и Наполеон как суверен находились в совершенно разном положении. В конце концов, его назначение командующим войсками на Испанском полуострове дало ему возможность показать Европе, что в Англии есть генерал, который может возродить славу Креси, Пуатье, Азенкура, Бленхейма и Рамилиса. Во главе сил, всегда численно намного уступавших армиям, с которыми Наполеон наводнял полуостров; — которым мешали ревнивые и некомпетентные союзники; — при плохой поддержке друзей и под натиском мятежных врагов дома; Веллингтон вел войну в течение нескольких лет, не запятнанных каким-либо серьезным поражением и отмеченных победой в тринадцати ожесточенных сражениях: при Вимиере, Дору, Талавере, Бусако, Фуэнтес д'Оноре, Саламанке, Виттории, Пиренеях, Бидассоа, Ниве, Нивелле, Ортес и Тулуза. Жюно, Виктор, Массена, Ней, Мармон и Журден — маршалы, имена которых наводили ужас на континентальную Европу, — были сбиты с толку его мастерством и сражены его энергией, в то время как он освобождал королевства полуострова от них и их императорского повелителя. Напрасно Наполеон в конце концов отправил Сульта, самого способного из своих лейтенантов,

переломить ход успеха Веллингтона и защитить Францию от английского захватчика. Веллингтон встретил маневры Сульта с превосходством, а его смелость - с превосходящей энергией. Когда первое отречение Наполеона в 1814 году приостановило военные действия, Веллингтон был хозяином самых прекрасных округов Южной Франции; и под его началом была армия ветеранов, с которой (по его собственному выразительному выражению) "он чувствовал, что мог пойти куда угодно и сделать что угодно". Военная удача до сих пор разделяла орбиты, по которым двигались Наполеон и он сам. Теперь, в приснопамятное 18 июня 1815 года, они наконец встретились.

Действительно, примечательно, что Наполеон во время своих многочисленных кампаний в Испании, а также в других странах не только никогда не сталкивался с герцогом Веллингтоном до дня Ватерлоо, но и что до этого он никогда лично не сталкивался с британскими войсками, за исключением осады Тулона в 1793 году, которая была самым первым инцидентом в его военной карьере. Многие, однако, из французских генералов, которые были с ним в 1815 году, хорошо знали по собственному опыту, что такое английские солдаты и каков лидер, который теперь возглавлял их. Ней, Фой и другие офицеры, служившие на полуострове, предупреждали Наполеона, что английская пехота покажется ему "сущими дьяволами в бою". Император, однако, упорствовал в применении старой системы наступления, с помощью которой французские генералы часто добивались успеха против континентальных войск, но которая всегда терпела неудачу против англичан на полуострове. Он придерживался своей обычной тактики использования порядка построения колонны; способ атаки, вероятно, предпочитаемый им (как отмечает сэр Вальтер Скотт) из-за его веры в чрезвычайную доблесть французских офицеров, возглавлявших колонну. Это угрожающий строй, хорошо рассчитанный на то, чтобы поколебать стойкость обычных противников; но который, будучи неуклонно встречен, как это сделали англичане, тяжелыми залпами из ружей с растянутой линии, за которыми следует решительная штыковая атака, всегда приводил к катастрофе для нападающих. [См., в частности, великолепные фотографии сражений при Бусако и Албуэре сэра У. Нейпира. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ преимущества атаки в колонне и ее особая пригодность для французской армии изложены в "Пути колонны" шевалье Фолара, предваряющем первый том его "Полибия", см. Также предисловие к его шестому тому.]

Начало действия приближалось к полудню. Наполеон в своих Мемуарах называет причиной этой задержки болотистый грунт из-за сильного дождя предыдущей ночью и днем, который лишил кавалерию или артиллерию возможности маневрировать на нем до тех пор, пока несколько часов сухой погоды не придадут ему естественную консистенцию. Предполагалось также, что он полагался на эффект, который вид внушительного строя его собственных войск, вероятно, произведет на армию союзников. Бельгийские полки подверглись нападению, и у Наполеона были вполне обоснованные надежды увидеть, как они всем скопом покинут герцога Веллингтона и встанут под знамена его собственных орлов. Герцог, однако, который знал их и не доверял им, предотвратил подобный риск, разделив бельгийский корпус на отдельные полки и распределив их среди войск, на которые он мог положиться. [Сиборн, том i, стр. 373.]

Наконец, около половины двенадцатого Наполеон начал сражение, направив мощные силы со своего левого фланга под командованием своего брата, принца Жерома, на атаку Гугумона. Колонна за колонной французы спускались теперь с запада южных высот и атаковали этот пост с пламенной отвагой, которая была встречена с самой решительной храбростью. Французы отвоевали рощицу вокруг дома, но отряд британских гвардейцев удерживал сам дом в течение

дня. Потребовалась вся бригада Бинга, чтобы занять этот горячо оспариваемый пост. Среди снарядов и дрови, среди пылающих обломков некоторых зданий это упорное состязание продолжалось. Но англичане все еще оставались стойкими в Угумоне; хотя французы время от времени продвигались вперед в таком количестве, что это позволяло им окружать и маскировать его частью своих войск со своего левого фланга, в то время как другие продвигались вверх по склону и атаковали правый фланг британцев.

Канонада, начавшаяся сначала между британским правым и французским левым флангами вследствие атаки на Угумон, вскоре стала общей на обеих линиях; и около часа дня Наполеон направил грандиозную атаку под командованием маршала Нея на центр и левое крыло союзной армии. Для этой цели были собраны четыре колонны пехоты численностью около восемнадцати тысяч человек при поддержке сильного кавалерийского подразделения под командованием знаменитого Келлермана; и семьдесят четыре орудия были выдвинуты вперед в готовности к размещению на гребне небольшой возвышенности в промежутке между двумя главными цепями высот, чтобы направить их огонь на линию герцога с расстояния около семисот ярдов. Совместным наступлением этих грозных сил, возглавляемых Неем, "храбрейшим из храбрых", Наполеон надеялся форсировать левый центр британских позиций, захватить Ла-Э-Сент, а затем, продвигаясь вперед, занять также ферму Мон-Сен-Жан. Затем он мог отрезать массу войск Веллингтона от их линии отступления на Брюссель и от их собственного левого фланга, а также полностью отрезать их от любых прусских войск, которые могли приближаться.

Колонны, предназначенные для этой великой и решающей операции, величественно спустились с французской линии холмов и достигли гребня промежуточного возвышения, на котором теперь располагались поддерживавшие их батареи. Когда колонны снова спустились с этого возвышения, семьдесят четыре орудия открыли огонь над их головами со страшным эффектом по войскам союзников, расположенным на высотах слева от дороги на Шарлеруа. Одна из французских колонн держалась востока и атаковала крайний левый фланг союзников; три другие продолжали быстро продвигаться вперед по левому центру позиции союзников. Передовая линия союзников здесь состояла из голландской и бельгийской бригады Байланда. Когда французские колонны двинулись вверх по южному склону высоты, на которой стояли голландцы и бельгийцы, и стрелки впереди начали открывать огонь, вся бригада Байланда развернулась и бежала в позорной и беспорядочной панике; но позади были люди, более достойные этого названия.

В этой части второй линии союзников были размещены бригады английской пехоты Пака и Кемпта, которые серьезно пострадали при Катр-Бра. Но Пиктон был здесь в качестве дивизионного генерала, и даже сам Ней не превзошел в решительной храбрости этого сурового и пламенного духа. Пиктон повел две свои бригады вперед, бок о бок, тонкой линией в два ряда. Соединенные таким образом, они не насчитывали и трех тысяч человек. С ними Пиктону пришлось выступить против трех победоносных французских колонн, вчетверо превосходивших его по численности, которые, ободренные легким разгромом голландцев и бельгийцев, теперь уверенно переваливали через гребень холма. Британская пехота стояла твердо; и когда французы остановились и начали выстраиваться в линию, Пиктон воспользовался критическим моментом. Своим зычным голосом он крикнул бригаде Кемпта: "Залп, а затем в атаку!" С расстояния менее тридцати ярдов этот залп обрушился на преданные первые части ближайшей колонны; а затем, с яростным "ура", британцы бросились в атаку штыками. Пиктон был застрелен, когда бросился вперед, но его люди продолжали наступление с холодной сталью.

Французы в замешательстве отшатнулись. Пехота Пака остановила две другие колонны, и на всю эту массу обрушился вихрь британской кавалерии, сбросивший их с гребня холма и вырезавший целые батальоны. Бригада тяжелой кавалерии Понсонби (бригада Союза, как ее называли, поскольку в ее состав входили члены британской королевской семьи, шотландские серые и ирландские иннискиллинги) сослужила эту хорошую службу. Всадники мчались вперед среди остатков французских колонн, захватив двух орлов и две тысячи пленных; они продолжали скакать галопом и зарубили саблех артиллеристов семидесяти четырех передовых орудий Нея; затем, перерезав упряжки и перерезав глотки артиллерийским лошадям, они сделали эти орудия совершенно бесполезными для французов в течение оставшейся части дня. Продвинувшись так далеко за пределы британских позиций и придя в замешательство от успеха, они были атакованы большим отрядом французских улан и отброшены назад с большими потерями, пока легкая кавалерия Венделера не пришла им на помощь и, в свою очередь, не отбила французских улан.

Столь же безуспешными, как и продвижение французской пехоты в этой грандиозной атаке, были усилия французской кавалерии, которая двинулась ей на поддержку вдоль дороги к востоку от Шарлеруа. Кавалерия Сомерсета из Английской домашней бригады была брошена справа от дивизии Пиктона против французской кавалерии в то самое время, когда тяжелая кавалерийская бригада Английского союза атаковала колонны французской пехоты слева.

Бригада Сомерсета была сформирована из лейб-гвардии, синих и гвардейских драгун. Вражеская кавалерия, которую Келлерман повел вперед, состояла в основном из кирасиров. Эта закованная в сталь масса французских всадников разгромила несколько рот немецкой пехоты близ Ла-Э-Сент и, окрыленная успехом, устремилась вперед, к гребню британской позиции. Английская домашняя бригада, возглавляемая графом Аксбриджем собственной персоной, пришпорила коней и ринулась вперед, навстречу схватке, и в одно мгновение две противоположные линии сильных фехтовальщиков на своих сильных конях яростно столкнулись. Последовала отчаянная и кровопролитная рукопашная схватка, в которой физическое превосходство англосаксов, управляемых равным мастерством и воодушевленных равной доблестью, было решительно проявлено. Назад двинулась отборная кавалерия Франции, а за ними, по горячим следам, устремились английские гвардейцы. Они продвинулись вперед так же далеко и яростно, как и их товарищи из бригады Союза; и, как и они, кавалерия Британской армии серьезно пострадала, прежде чем они восстановили британские позиции после своей великолепной атаки и авантюрного преследования.

Грандиозная попытка Наполеона разбить английский левый центр, таким образом, полностью провалилась; и его правое крыло было серьезно ослаблено тяжелыми потерями, которые оно понесло. Угумон все еще подвергался нападению и все еще успешно сопротивлялся. Теперь на краю горизонта справа от Наполеона начали появляться войска, которые, как он слишком хорошо знал, были прусскими, хотя он и пытался убедить своих сторонников, что это люди Груши, идущие им на помощь.

На самом деле сейчас Груши всеми своими силами сражался при Вавре против единственного прусского корпуса Тильмама, в то время как остальные три корпуса прусской армии продвигались без сопротивления, если не считать трудностей местности, к Ватерлоо. 17-го Граучи полагал и заставил Наполеона поверить, что прусская армия отступает маршевыми порядками, удаленными от Ватерлоо, на Намюр и Маэстрихт. Наполеон узнал только 18-го, что в

Вавре находятся пруссаки, и почувствовал зависть к безопасности своих собственных прав. Соответственно, прежде чем напасть на англичан, он отдал ворчливый приказ без промедления вступить в бой с пруссаками у Вавра И ПОДОЙТИ К ГЛАВНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ, ЧТОБЫ СОЕДИНИТЬ СВОИ КОММУНИКАЦИИ С КОММУНИКАЦИЯМИ ИМПЕРАТОРА. Груши полностью пренебрег этой последней частью своих инструкций; и, атакуя пруссаков, которых он нашел в Вавре, он все больше и больше отводил свои силы вправо, то есть в направлении, наиболее удаленном от Наполеона. Таким образом, он ничего не знал о фланговом марше Блюхера и Бюлов на Ватерлоо до шести часов вечера 18-го, когда он получил записку, которую Сульт по приказу Наполеона отправил с поля битвы при Ватерлоо в час дня, чтобы сообщить Груши, что Бюлов переходит высоты Сен-Ламбер на правом фланге императора, и предписывает Груши немедленно приблизиться и соединиться с основной армией, и сокрушить Бюлова ЕН ВОПИЮЩИМ ОБРАЗОМ. Тогда для Груши было слишком поздно подчиняться; но примечательно, что уже в полдень 18-го, когда Груши еще не дошел до Вавра, он и его свита слышали звуки тяжелой канонады в направлении Планшенуа и Мон-Сен-Жан. Генерал Жерар, который был с Груши, умолял его выступить навстречу канонаде и объединить свои действия с действиями Наполеона, который, очевидно, был занят англичанами. Груши отказался сделать это или даже направить часть своих сил в этом направлении. Он сказал, что ему было приказано сражаться с пруссаками при Вавре. Он двинулся на Вавр и сражался остаток дня соответственно с Тильманом, в то время как Блюхер и Бюлов атаковали императора.

[Я слышал замечание, что Груши дважды имел в своих руках власть изменять судьбы Европы, и дважды ему требовались нервы для действий: во-первых, когда он отказался от высадки французской армии в заливе Бантри в 1796 году (он был заместителем Гоша, чей корабль унесло штормом), и, во-вторых, когда ему не удалось вывести все свои силы из Вавра к месту решающего сражения при Ватерлоо. Но таковы были планы прусского генерала, что даже если бы Граучи двинулся маршем на Ватерлоо, он был бы сдержан ближайшим прусским корпусом или, конечно, двумя ближайшими корпусами, в то время как остальные двинулись на соединение с Веллингтоном. Это, однако, уменьшило бы количество пруссаков, которые появились при Ватерлоо, и (что еще более важно) отложило бы их наступление на более поздний час.—См. Сиборн, том i, стр. 323, и Глейг, стр. 142.]

В 70-м номере QUARTERLY есть несколько очень ценных замечаний по этому поводу в статье о "Жизни Блюхера", которую обычно приписывают сэру Фрэнсису Хэду. Там цитируется прусский писатель генерал Клаузевиц, который "выразил положительное мнение, с которым должен согласиться каждый военный критик, кроме француза, что, даже если бы все силы Груши были в распоряжении Наполеона, герцогу нечего было опасаться до прибытия Блюхера.

Часто говорят, что герцог исчерпал свои резервы в бою. Это еще одна грубая ошибка, от которой Клаузевиц тщательно избавился. Он перечисляет десятую британскую бригаду, дивизию Шассе и кавалерию Коллерта как мало участвовавшие или не участвовавшие вообще; и он мог бы также добавить две бригады легкой кавалерии ". Тот факт, что Веллингтон ни разу в течение дня не отдавал приказа о выводе корпуса принца Фредерика из Хэла, является убедительным доказательством того, что герцог не был так огорчен, как это изображают некоторые авторы. Хэл находится менее чем в десяти милях от поля Ватерлоо.]

Наполеон с горьким разочарованием наблюдал разгром своих войск — пеших, конных и артиллерийских,— атаковавших левый центр англичан, и упорное сопротивление, которое

оказывал гарнизон Угумона всем усилиям его левого крыла. Теперь он приказал усилить батареи вдоль линии удерживаемых им возвышенностей, и в течение некоторого времени по долине бушевала непрекращающаяся и самая разрушительная канонада, что привело к частичному прекращению другого конфликта. Но превосходящий огонь французской артиллерии, хотя и ослаб, не смог прорвать британскую линию, и потребовались более решительные меры.

Было уже около половины четвертого; и хотя армия Веллингтона серьезно пострадала от непрекращающейся канонады и в последнем отчаянном столкновении, ни одна часть британских позиций не была форсирована. Поэтому Наполеон решил испытать, какой эффект он мог бы произвести на британский центр и правый фланг атаками своей великолепной кавалерии, нанесенными с такой силой, что кавалерия герцога не смогла бы их сдержать. В то же время были посланы свежие войска для нападения на Ла-Эй-Сент и Угумон, поскольку овладение этими постами было постоянной целью императора. Эскадрон за эскадроном французские кирасиры соответственно поднимались по склонам справа от герцога и с бесстрашным мужеством продвигались вперед против батарей британской артиллерии в этой части поля боя. Артиллеристов отогнали от их орудий, и кирасиры громко приветствовали свой предполагаемый триумф. Но герцог построил свою пехоту в каре, и кирасиры напрасно атаковали непроницаемую стену штыков, в то время как огонь из внутренних рядов каре производил ужасный эффект на их эскадроны. Раз за разом они выезжали вперед с неизменно одним и тем же результатом: и по мере того, как они отступали после каждой атаки, британские артиллеристы бросались вперед из центров каре, где они укрылись, и обрушивали свои орудия на отступающих всадников. Почти весь великолепный корпус тяжелой кавалерии Наполеона был уничтожен в этих бесплодных попытках атаковать правый фланг британцев. Но на другом участке поля боя фортуна какое-то время была к нему благосклонна. Две французские колонны пехоты из дивизии Донзело заняли Ла-Эй-Сент между шестью и семью часами, и теперь были предоставлены средства для организации еще одной мощной атаки в центре союзников.

["Налетел вихрь — как последний,
но самый яростный удар ураганного ветра —
Налетел вихрь—стальные отблески разбились

Как молния сквозь клубящийся дым;

Война разгорелась заново,

Триста пушечных жерл громко взревели,

И из их глоток, со вспышкой и облаком,

Хлынул ливень железа.

Под их огнем на полном ходу,

Бросившись на тяжеловесного кирасира,
улан занес свое безжалостное копье,

И, торопясь, чтобы опустошение было рядом,
орлы когорт взлетели.

Единым темным потоком, широким и могучим,
Катилось наступающее наступление,
Вперед несло неистовое приветствие,
Которое из пелены дыма и пламени
дико выкрикивало имя императора.

"Но в сердце британцев затерялись
ужасы атакующего воинства;
Ни на миг буря, открывшая этот вид, не
Изменила его гордого взгляда стойкости,
Ни один шаг вперед не был остановлен,
Как поступали умирающие и мертвые.

Как бы быстро ни разрывали их ряды раскаты грома,
Быстро они обновляли каждое сомкнутое каре;
И на раненых и убитых
снова сомкнули свои уменьшающиеся ряды,
Пока от их линии не осталось едва ли трех копий длиной,

Вынырнув из дыма, они видят
Шлем, и плюмаж, и доспехи, —
Тогда их огонь сразу же разгорелся!

Барабанный бой каждого мушкетера звучал
Так же быстро и размеренно,
как при тренировке, чтобы продемонстрировать
Свою дисциплину в праздничный день.

Затем опустили шлем и копье,
опустили знамена с орлами,
Упали пошатнувшиеся кони и всадники,
Корсеты были пробиты, а вымпелы разорваны;
И, чтобы усилить драку,
развернувшись полным ходом против их шатающихся флангов,
покрытые пеной ряды английских всадников
без сопротивления прокладывали себе путь.

Затем за мушкетным звоном следует
лязг мечей - ржание коней —
Пока кузнец занимается своим звенящим ремеслом,
О кирасу зазвенел клинок;
И пока среди их сомкнутого строя
хорошо поданные пушки прокладывают себе путь,
И пока среди их разбежавшегося отряда
Сверкнуло кровавое клеймо свирепого всадника,
Отшатнулись в общем бегстве и страхе,
уланы, гвардейцы и кирасиры,
Всадник и пеший, смешанное войско,
Их вожди пали, их знамена потеряны". — СКОТТ.]

Нельзя было терять времени — Блюхер и Бюлов начали сильно давить на правый фланг французов. Уже в пять часов Наполеону пришлось выделить пехоту Лобау и конницу Домонта, чтобы сдержать этих новых врагов. На какое-то время им это удавалось; но когда на поле боя вышло большее количество пруссаков, они обошли правый фланг Лобау и послали сильный отряд для захвата деревни Планшенуа, которая, как следует помнить, находилась в тылу правого фланга французов.

Замысел союзников состоял не просто в том, чтобы помешать Наполеону наступать на Брюссель, но и в том, чтобы отрезать ему пути отступления и полностью уничтожить его армию. Таким образом, оборона Планшенуа стала абсолютно необходимой для безопасности французов, и Наполеон был вынужден послать свою Молодую гвардию занять эту деревню, которая, соответственно, была с большой доблестью удержана ими против повторных атак прусского левого фланга под командованием Бюлова. Трижды пруссаки пробивались в Планшенуа с боями, и так же часто французы выбивали их оттуда: борьба велась с величайшим отчаянием с обеих сторон, такова была вражда между двумя нациями, что пощаду редко давали или даже просили. Другие прусские войска теперь появлялись на поле боя ближе к английскому левому флангу, который также Наполеон держал в узде с помощью войск, выделенных для этой цели. Таким образом, большая часть французской армии была теперь отброшена назад на линию под прямым углом к линии той части, которая все еще противостояла английским позициям и атаковала их. Но теперь эта часть численно уступала силам герцога Веллингтона, которые Наполеон атаковал в течение всего дня, не добившись никакого другого преимущества, кроме захвата Ла-Э-Сент. Это правда, что из-за грубых проступков большей части голландских и бельгийских войск герцог был вынужден полагаться исключительно на своих английских и немецких солдат, и ряды их были страшно поределели; но оставшиеся в живых героически стояли на своих местах и решительным фронтом противостояли каждому наступлению своих врагов.

Ни на одном участке британской линии не было такого сильного давления, как на бригаду Хэлкетта в правом центре, которая состояла из батальонов 30-го, 33-го, 69-го и 73-го британских полков. К счастью, мы можем процитировать дневник храброго офицера 30-го полка, повествующий о том, что происходило в этой части поля боя. [Этот превосходный дневник был опубликован в "United Service Magazine" в 1852 году.] Покойный майор Макреди служил при Ватерлоо в легкой роте 30-го полка. О масштабах опасности и резни, с которыми пришлось столкнуться бригаде Хэлкетта, можно судить по тому факту, что эта легкая рота вывела на поле боя трех офицеров и пятьдесят одного рядового, и что в конце сражения у них остался один офицер и десять рядовых. Прямой солдатский отчет майора Макреди о том, что он на самом деле видел и чувствовал, дает гораздо лучшее представление об ужасающей сцене, чем можно получить из отточенных обобщений, которых требует традиционный стиль изложения истории, или даже из пылких строф поэта. В начале дня Макреди и его легкая рота были брошены вперед в качестве стрелков перед бригадой; но когда французская кавалерия начала свои атаки на правый центр британцев, ему и его товарищам было приказано отступить. Бравый солдат так сам описывает то, что произошло:

"Перед началом этой атаки наша рота и гренадеры 73-го полка вели оживленную перестрелку в низине, прикрывая наши орудия и досаждая вражеским. Линия противостоявших нам тирайлеров была не сильнее нашей собственной, но внезапно они были усилены многочисленными телами, и несколько орудий начали стрелять по нам картечью. Наши бедняги пали очень быстро, и полковника Вигуре, Рамли и Пратта, тяжело раненных, унесли примерно через две минуты. Теперь я был командиром нашей роты. Мы стояли под этим ураганом мелкой дробы, пока Хэлкетт не приказал нам выдвигаться, и я вывел из строя примерно треть легкомотормых; остальные были убиты или ранены, и я действительно удивляюсь, как одному из них удалось спастись. Когда наш горнист был убит, я закричал и подал сигнал двигаться влево, чтобы избежать огня наших орудий и придать делу как можно более приличный вид.

"Когда я добрался до брошенных орудий Ллойда, я постоял возле них около минуты, созерцая сцену: она была грандиозной, не поддающейся описанию. Угмон и его лес подняли широкое пламя сквозь темные массы дыма, нависшие над полем; под этим облаком французы были смутно видны. Здесь виднелась колышущаяся масса длинных красных перьев; там отблески, как от стального листа, показывали, что кирасиры пришли в движение; 400 пушек изрыгали огонь и смерть со всех сторон; рев и крики были неразличимы — вместе они дали мне представление о работающем вулкане. На нас обрушивались тела пехоты и кавалерии, и пришло время оставить созерцание, поэтому я двинулся к нашим колоннам, которые стояли в каре. Наш полк и 73-й составляли один, а 33-й и 69-й - другой; справа от нас стояли гвардейцы, а слева - ганноверцы и немецкий легион нашей дивизии. Когда я вошел в тыл нашего каре, мне пришлось перешагнуть через тело, и, посмотрев вниз, я узнал Гарри Бирса, офицера наших гренадеров, который примерно час назад со смехом пожал мне руку, когда я покидал колонны. Я был в обычных условиях военной близости с бедным Гарри — то есть, если бы кто-то из нас умер естественной смертью, другой пожалел бы его как хорошего парня и улыбнулся своему соседу, поздравляя его с переходом; но, увидев его геркулесову фигуру и оживленное лицо, так внезапно застывшее и неподвижное передо мной (я не знаю, откуда могло взяться это чувство, потому что я только что видел, как мой самый близкий друг упал, почти равнодушно), слезы навернулись мне на глаза, когда я вздохнул: "Бедный Гарри!" Слеза еще не высохла на моей щеке, когда я перестал думать о бедном Гарри. Через несколько минут вражеская кавалерия прискакала галопом и увенчала гребень нашей позиции. Наши орудия были брошены, и они выстроились между двумя бригадами, примерно в сотне шагов впереди нас. Их первая атака была великолепной. Как только кирасиры перешли с рыси в галоп, они склонили головы так, что козырьки их шлемов стали похожи на забрала, и казалось, что они закованы в броню от плюмажа до седла. Не было сделано ни единого выстрела, пока они не оказались в радиусе тридцати ярдов, когда был отдан приказ, и наши люди открыли по ним огонь. Эффект был волшебным. Сквозь дым мы могли видеть, как падают шлемы, кавалеры конвульсивно вскакивают со своих мест, получая наши пули, лошади ныряют и встают на дыбы в агонии страха и боли, толпы солдат спешиваются, часть эскадрона отступает, но более смелые остатки попятиты своих лошадей, чтобы напороться на наши штыки. Наш огонь вскоре расправился с этими джентльменами. Основные силы перестроились перед нами и быстро храбро повторили свои атаки, фактически, с этого времени (около четырех часов) почти до шести у нас постоянно повторялись эти смелые, но безрезультатные атаки. Отразить их было нетрудно, но наши боеприпасы угрожающе уменьшились. Наконец подъехала артиллерийская повозка, высыпала на площадь две или три бочки с патронами, и мы все успокоились.

"Лучшая кавалерия ничтожна по сравнению с устойчивым и хорошо снабженным пехотным полком; даже наши люди видели это и начинали жалеть бесполезное упорство своих противников, и, когда они приближались, рычали: "Вот опять идут эти дураки!" Один из их старших офицеров попытался прибегнуть к ВОЕННОЙ УЛОВКЕ, подойдя и опустив саблю, как будто сдаваясь; некоторые из нас были обмануты им, но Хэлкетт приказал людям стрелять, а сам хладнокровно удалился, отдав нам честь. Их преданность была непобедимой. Одного офицера, которого мы взяли в плен, спросили, какие силы могут быть у Наполеона на поле боя, и он ответил со смешанной насмешливой и угрожающей улыбкой: "Вы верите в силу, господа". Рядовой кирасир был ранен и его выволокли на площадь; его единственным криком было: "Туез донк, туез, туез мой, солдаты!" и когда один из наших солдат упал замертво рядом с ним, он

схватил штык и вонзил его себе в шею; но это не убило его, он поднял свою кирасу, и, вонзив штык ему в живот, продолжал размахивать им, пока он не перестал дышать.

"Хотя мы постоянно били наших закованных в сталь противников, мы нашли более проблемных клиентов в раундовом броске и картечи, которые все это время действовали на нас со страшным эффектом, и полностью отомстили кирасирам. Часто, когда залпы создавали брешь в нашем каре, кавалерия бросалась вперед, но они неизменно оказывались безуспешными. Полк справа от нас казался прискорбно сбитым с толку, и в какой-то момент был в значительном замешательстве. Хэлкетт выехал к ним верхом и, схватив их знамя, помахал им над головой и восстановил нечто вроде порядка, хотя и не раньше, чем под ним была подстрелена его лошадь. В разгар их шаткости мы получили приказ "направо лицом" двигаться к ним на помощь; некоторые из солдат ошибочно приняли это за "прямо лицом к лицу" и повернулись соответственно, когда старый майор М'Лейн, 73-й дивизион, крикнул: "Нет, ребята, это "направо лицом"; вы никогда не услышите "направо лицом", пока французский штык перед вами!" Через несколько мгновений он был смертельно ранен. Полк легких драгун, судя по их расположению, 16-й или 23-й, подошел слева от нас и атаковал кирасир. Мы подбадривали друг друга, когда они проходили мимо нас; они сделали все, что могли, но были вынуждены удалиться через несколько минут в "сейбре". Отряд бельгийской кавалерии двинулся вперед с той же целью, но, миновав наше каре, они резко остановились. Наш благородный Хэлкетт выехал к ним и предложил атаковать во главе их; это было бесполезно; принц Оранский подошел и увещевал их исполнить свой долг, но тщетно. Они колебались, пока сквозь них не просвистело несколько выстрелов, тогда они развернулись и поскакали галопом, как ярость, или, скорее, как страх. Когда они проходили мимо правой стороны нашего каре, мужчины, раздраженные их негодяйским поведением, единодушно взяли свои ружья и дали по ним залп, и "много хороших парней было так трусливо уничтожено".

"Кавалерия противника к этому времени была почти уничтожена, и поскольку они обнаружили бесполезность своих атак, они начали досаждать нам энергичным и хорошо направленным огнем из карабинов. Пока мы действовали таким образом, было невозможно видеть дальше, чем колонны справа и слева от нас, но я полагаю, что большая часть армии находилась в таком же положении: все британцы и немцы выполняли свой долг. Около шести часов я заметил несколько артиллеристов, поднимавшихся рысью на наш холм, которые, как я понял по их фуражкам, принадлежали к императорской гвардии. Едва я упомянул об этом собрату-офицеру, как в семидесяти шагах от нас загрохотали два орудия и первым жезалпом картечи отбросили семерых человек в центр площади. Они немедленно перезаряжали оружие и вели постоянный разрушительный огонь. Было благородно видеть, как наши товарищи восполняют пробелы после каждого выстрела. В этот момент я был очень огорчен; заказав трех моих легких бобби, они едва успели занять свое место, как двое из них упали, ужасно израненные. Один из них посмотрел мне в лицо и издал что-то вроде укоризненного стога, и я невольно воскликнул: "Я ничего не мог с этим поделать". Мы бы охотно зарядили эти пушки, но, если бы мы развернулись, кавалерия, которая прикрывала их с флангов, показала бы нам пример.

"Яркое изображение животного" — свечение, которое зажигает человека при вступлении в действие, — погасло; теперь было видно, у какой стороны больше всего дна и она продержится дольше всего. Герцог часто навещал нас в этот важный период; он был воплощением хладнокровия. Когда он пересекал тыл нашего каре, среди наших гренадеров упал снаряд, и он остановил свою лошадь, чтобы посмотреть, какой эффект произведет. Несколько человек были

разорваны взрывом на куски, а он просто дернул поводья своего коня, очевидно, так же мало заботясь об их судьбе, как и о своей собственной опасности. Ни один командир никогда не обладал такой полной уверенностью в своих солдатах: где бы он ни появлялся, по колонне разносился ропот "Молчать — встаньте впереди — вот герцог", а затем все становилось ровно, как на параде. Его адъютанты, полковники Каннинг и Гордон, пали недалеко от нашего каре, и первый погиб в нем. Когда он приблизился к нам поздно вечером, Хэлкетт выехал к нему верхом и представил наше слабое положение, умоляя его светлость оказать нам небольшую поддержку. "Это невозможно, Хэлкетт", - сказал он. И наш генерал ответил: "Если так, сэр, вы можете положиться на бригаду до единого человека!"

Все отчеты о битве показывают, что герцог всегда присутствовал в каждом месте, где опасность казалась наиболее острой; вдохновляя своих людей несколькими простыми и добродушными словами; и сдерживая их нетерпение повести их в свою очередь в атаку. — "Тяжелый удар, джентльмены: мы попробуем, кто сможет колотить дольше всех", - таково было его замечание батальону, на который с особой яростью обрушивался огонь французских орудий. Подъехав к одному из каре, которое было ужасно ослаблено и против которого готовилась новая атака французской кавалерии, он крикнул им: "Стойте твердо, мои ребята; что скажут об этом в Англии?" Когда он проезжал вдоль другой части линии фронта, где люди в течение некоторого времени быстро падали под вражеской канонадой, не вступая в ближний бой, до его ушей донесся шепот о естественном желании продвинуться вперед и сделать что-то большее, чем просто стоять на месте, ожидая выстрелов. Герцог крикнул им: "Подождите еще немного, ребята, и ваше желание исполнится". Мужчины мгновенно успокоились. Герцогу действительно было необходимо выждать время. Преждевременное продвижение одного корпуса вниз с британской линии высот поставило бы под угрозу всю позицию и, вероятно, превратило бы Ватерлоо во второй Гастингс.

Но герцог вдохновлял всех подчиненных своим собственным духом терпеливой твердости. Когда другие генералы, кроме Хэлкетта, обращались к нему с просьбами о подкреплении или о разрешении вывести войска, превратившиеся в скелеты, ответ был тот же: "Это невозможно; вы должны удерживать свои позиции до последнего человека, и все будет хорошо". Он дал аналогичный ответ некоторым своим сотрудникам, которые запросили у него инструкций, чтобы в случае его падения его преемник мог следовать его плану. Он ответил: "Мой план состоит в том, чтобы просто стоять здесь на своем до последнего человека". Его личная опасность действительно была неминуемой в течение всего дня; и хотя он избежал травм, не причинив ни себе, ни лошади, только одному из его многочисленных сотрудников повезло не меньше.

["Насколько позволяют нам заключить французские отчеты, потери в штабе наполеона были сравнительно незначительными. По этому вопросу, возможно, заметный контраст, создаваемый нижеследующими анекдотами, которые были рассказаны мной на основе превосходного авторитета, может пролить некоторый свет. В один из периодов сражения, когда герцог был окружен несколькими членами своего штаба, было совершенно очевидно, что группа стала объектом огня французской батареи. Пуля быстро падала вокруг них, обычно поражая и переворачивая землю, на которой они стояли. Их лошади забеспокоились, а сам "Копенгаген" стал таким беспокойным, что герцог, потеряв терпение и имея причины оставаться на месте, сказал окружающим его: "Джентльмены, мы находимся слишком близко друг к другу — лучше немного разделиться". Впоследствии, на другом участке линии, офицер артиллерии подошел к герцогу и заявил, что ему хорошо виден Наполеон в сопровождении своего штаба;

что орудия его батареи хорошо направлены в том направлении и готовы стрелять. Его светлость немедленно и решительно воскликнул: "Нет! нет! Я этого не допущу. Не дело командиров стрелять друг в друга". — Сиборн, том ii. стр. 263. Насколько это отличается от поведения Наполеона в битве при Дрездене, когда он лично руководил огнем батареи, которая, как он думал, убила императора Александра, а на самом деле убила Моро.]

Наполеон расположился во время битвы на небольшом холме недалеко от Ла-Бель-Альянс, в центре французских позиций. Здесь он сидел, перед ним был большой стол из соседнего фермерского дома, на котором были разложены карты и планы; и оттуда в свою подзорную трубу он обозревал различные точки поля. Сульт следил за выполнением приказов слева от себя, а его штаб разместился верхом на лошадях в нескольких шагах позади. ["Souvenirs Militaires," par Col. Лемонье-Делафосс, стр. 407. "Уврал, который присутствовал при Наполеоне в качестве главного комиссара французской армии по этому случаю, сказал мне, что Наполеон страдал от жалобы, из—за которой ему было очень больно ездить верхом". - Лорд Элсмир, стр. 47.] Здесь он оставался почти до конца дня, сохраняя по крайней мере видимость спокойствия, за исключением некоторых проявлений раздражения, которые ускользнули от него, когда атака Нея на британский левый центр потерпела поражение. Но теперь, когда перелом в битве явно приближался, он сел на белого персидского коня, на котором и участвовал в бою, потому что войска легко узнавали его по масти лошади. У него все еще были средства для отступления. Его старая гвардия еще не принимала участия в сражении. Под прикрытием этого он мог бы отвести свои разбитые силы и отступить к французской границе. Но это дало бы англичанам и пруссакам возможность завершить соединение; и он знал, что другие армии быстро подойдут, чтобы помочь им в походе на Париж, если ему удастся избежать столкновения с ними и отступить к столице. Победа при Ватерлоо была его единственной альтернативой полному краху, и он решил использовать свою Гвардию еще одним смелым ударом, чтобы одержать эту победу самостоятельно.

Между семью и восемью часами пехота Старой гвардии была выстроена в две колонны на склоне холма близ Ла-Бель-Альянс. Во главе их был поставлен Ней. Сам Наполеон выехал вперед, к месту, мимо которого должны были проехать его ветераны; и, когда они приблизились, он поднял руку и указал на позицию союзников, как бы говоря им, что их путь лежит туда. Они ответили громкими криками "Да здравствует Император!" и спустились со своей стороны холма в эту "долину смертной тени", в то время как батареи над их головами с удвоенной силой били по британской линии. Линия марша гвардейских колонн была направлена между Угумоном и Ла-Эе-Сент против правого центра британцев; и в то же время французы под командованием Донзело, овладевшие Ла-Эе-Сент, начали ожесточенную атаку на британский центр, немного левее его. Эта часть сражения привлекла меньше внимания, чем знаменитая атака Старой гвардии; но она стала самым опасным кризисом для армии союзников; и если бы Молодая гвардия была там, чтобы поддержать Донзело, вместо того, чтобы вступить в бой с пруссаками при Планшенуа, последствия для союзников на этом участке поля боя должны были быть самыми серьезными. Французские тирайлеры, которые были размещены в облаках в Ла-Эй-Сент и в защищенных местах поблизости от него, сняли артиллеристов с английских батарей поблизости от них; и, воспользовавшись неисправным состоянием английских орудий, французы подтянули несколько полевых орудий к Ла-Эй-Сент и начали стрелять из них картечью по пехоте союзников на расстоянии не более ста шагов. Пехота союзников здесь состояла из нескольких немецких бригад, которые были выстроены в каре, поскольку считалось, что у Донзело была кавалерия наготове за Ла-Э-Сент, чтобы

атаковать их, если они оставят этот порядок построения. В таком состоянии немцы сохраняли героическую стойкость в течение некоторого времени, хотя картечь пробивала бреши в их рядах, а сторона одного квадрата была буквально снесена одним мощным залпом, который обрушили на нее французские артиллеристы. Принц Оранский тщетно пытался повести часть войск Нассау на помощь храбрым немцам. Нассауэрцы не хотели или не могли противостоять французам; и несколько батальонов брауншвейгцев, которым герцог Веллингтон приказал выступить в качестве подкрепления, сначала отступали, пока герцог лично не собрал их и не повел дальше. Преградив таким образом дальнейшее продвижение Донзелота, герцог поскакал вправо, чтобы возглавить своих людей, которые подверглись атаке императорской гвардии. Он спас одну часть своего центра от разгрома; но французы продвинулись вперед и удержали ее; и давление на линию союзников перед Ла-Э-Сент было устрашающе сильным, пока оно не было ослаблено решающим успехом, которого британцы в правом центре добились над колоннами гвардии.

Британскими войсками на гребне той части позиции, которую атаковала первая колонна гвардейцев Наполеона, была бригада британской гвардии Мейтленда, справа от которой находилась бригада Адамса (которая была выдвинута вперед во время боя). Люди Мейтленда залегли, чтобы, насколько это было возможно, избежать разрушительного действия французской артиллерии, которая вела неослабевающий огонь с противоположных высот, пока первая колонна имперской гвардии не продвинулась так далеко вверх по склону к британским позициям, что любая дальнейшая стрельба французских артиллеристов подвергла бы опасности их собственных товарищей. Тем временем британские орудия не бездействовали; но пули и снаряды быстро прорезали ряды величественного строя ветеранов, который все еще вальяжно продвигался вперед. Во главе его стояли несколько высших французских офицеров. Лошадь Нея была подстрелена, но он по-прежнему шел впереди пешком, с мечом в руке. Передняя часть массивной колонны теперь находилась на гребне холма. К своему удивлению, они не увидели перед собой войск. Все, что они могли различить сквозь дым, был небольшой отряд конных офицеров. Одним из них был сам герцог. Французы продвинулись примерно на пятьдесят ярдов от того места, где залегли британские гвардейцы, когда послышался голос одного из группы британских офицеров, кричавшего, словно обращаясь к земле перед ним: "Вставайте, гвардейцы, и на них!" Именно герцог отдал приказ; и при этих словах, словно по волшебству, перед ними выстроилась шеренга британских гвардейцев в четыре шеренги в самом плотном и идеальном порядке. Они произвели мгновенный залп по голове французской колонны, в результате которого, как говорят, пало не менее трехсот этих отборных ветеранов. Французские офицеры бросились вперед и, оказавшись на виду у своих людей, попытались развернуть их в более растянутую линию, чтобы дать им возможность эффективно ответить на огонь британцев. Но бригада Мейтленда продолжала наносить залп за залпом со смертоносной быстротой. Поредевшая колонна пришла в беспорядок в своих тщетных попытках развернуться в более эффективное построение. В нужный момент британцам было дано нужное слово для штыковой атаки, и бригада с громкими приветствиями бросилась вперед против своих встревоженных противников. В одно мгновение плотная масса французов превратилась в сброд, и они побежали обратно вниз по холму, преследуемые людьми Мейтленда, которые, однако, вовремя вернулись на свои позиции, чтобы принять участие в отражении атаки второй колонны императорской гвардии.

Эта колонна также продвигалась вперед с большим духом и стойкостью под открывшейся по ней канонадой; и, пройдя мимо восточной стены Угумона, слегка отклонилась вправо,

поднимаясь по склону к британским позициям, чтобы приблизиться почти к тому же месту, где первая колонна преодолела высоту и потерпела поражение. Это позволило британским полкам бригады Адамса образовать линию, параллельную левому флангу французской колонны; так что, в то время как фронту этой колонны французской гвардии пришлось столкнуться с канонадой британских батарей и ружейным огнем гвардейцев Мейтленда, ее левый фланг подвергся разрушительному огню со стороны корпуса британской пехоты в четыре ряда, растянувшегося вдоль всего него. В таком положении вся храбрость и мастерство французских ветеранов были напрасны. Вторая колонна, как и ее предшественница, сломалась и обратилась в бегство, сначала выбрав боковое направление вдоль фронта британской линии в тыл Ла-Э-Сент, и таким образом смешавшись с дивизиями французской пехоты, которые под командованием Донзелло так яростно атаковали союзников в этом квартале. Вид Старой гвардии, разбитой и обращенной в бегство, охладил пыл, который до сих пор проявляли войска Донзелота. Они тоже начали колебаться. Победоносная бригада Адамса преследовала летучую гвардию и теперь отбросила нападавших из центра союзников. Но битва еще не была выиграна. У Наполеона все еще оставалось несколько батальонов в резерве возле Ла Бель Альянс. Он быстро собирал остатки первой колонны своей гвардии и объединил в одно целое остатки различных кавалерийских корпусов, которые так сильно пострадали в начале дня. Герцог мгновенно принял смелое решение самому стать нападающим и повести свою успешную, хотя и ослабленную армию вперед, в то время как обескураживающий эффект отражения Императорской гвардии на остальную французскую армию был все еще силен, и прежде чем Наполеон и Ней смогли собрать самих разбитых ветеранов для новой, более ожесточенной атаки. Поскольку близкое приближение пруссаков теперь полностью защищало левый фланг герцога, он стянул оттуда некоторые конные резервы, и у него была свежая и готовая к бою бригада гусар под командованием Вивиана. Не колеблясь ни секунды, он применил их против кавалерии близ Ла-Бели-Альянс. Атака была столь же успешной, сколь и дерзкой: и поскольку теперь не было вражеской кавалерии, способной сдержать продвижение британской пехоты, герцог отдал долгожданный приказ об общем наступлении армии по всей линии фронта на врага. Было уже больше восьми часов, и почти девять смертоносных часов британские и немецкие полки стояли не дрогнув под огнем артиллерии, атакой кавалерии и всеми видами атак, которые могли нанести плотные колонны или разрозненные вылазки вражеской пехоты. Когда они радостно бросились вперед против разбитых масс французов, заходящее солнце пробилось сквозь облака, которые закрывали небо большую часть дня, и сверкнуло на штыках союзников, в то время как они спускались в долину и направлялись к высотам, удерживаемым врагом. Сам герцог был одним из первых в наступлении и лично руководил движениями против каждой части французов, которые пытались оказать сопротивление. Он ехал впереди бригады Адамса, подбадривая ее продвижением вперед, и даже скакал галопом среди самых передовых британских стрелков, радостно разговаривая с солдатами и получая от них сердечные поздравительные возгласы. Пули как друзей, так и врагов быстро свистели вокруг него; и один из немногих выживших из его штаба упрекнул его за то, что он подвергает опасности столь ценную жизнь. "Не берите в голову, — был ответ герцога. - Не берите в голову, пусть они отстреливаются; битва выиграна, и моя жизнь теперь не имеет значения". И действительно, почти все французское воинство находилось теперь в непоправимом замешательстве. Прусская армия все быстрее и быстрее продвигалась вперед справа от них, и Молодая гвардия, которая так храбро удерживала Планшенуа, в конце концов была вынуждена уступить. Некоторые полки Старой гвардии тщетно пытались построиться в каре и остановить течение. Они были сметены и разбиты волнами летунов. Наполеон расположился на одной из этих площадей: маршал Сульт,

генералы Бертран, Друо, Корбино, Де Флао и Гурго были с ним. Император говорил о смерти на поле боя, но Сульт схватил его за уздечку и развернул своего коня, воскликнув: "Сир, разве врагу уже не повезло?" [Полковник Лемонье-Делафосс, "Мемуары", стр. 388. Полковник утверждает, что он слышал эти подробности от самого генерала Гурго. Английскому читателю это напомнит отступление Карла I. из Нэйсби.] С величайшим трудом и только благодаря величайшему напряжению окружавших его преданных офицеров Наполеон рассеял толпу беглецов и скрылся с места сражения и войны, которую он и Франция проиграли безвозвратно. Тем временем герцог Веллингтон все еще ехал вперед с авангардом своих победоносных войск, пока не остановился на возвышенности близ Россома. Дневной свет к этому времени полностью угас, но взошла молодая луна, и свет, который она отбрасывала, дополненный бликами от горящих домов и других построек в рядах бегущих французов и преследующих их пруссаков, позволил герцогу убедиться, что его победа была полной. Затем он поехал обратно по дороге Шарлеруа в сторону Ватерлоо: и возле Ла Бель Альянс он встретил маршала Блюхера. Теплыми были поздравления, которыми обменялись главнокомандующие союзников. Было условлено, что пруссаки продолжат преследование и не дадут французам ни единого шанса сплотиться. Соответственно, британская армия, измученная своим трудом и страданиями в течение того ужасного дня, не продвинулась дальше высот, занятых противником. Но пруссаки гнали беглецов перед собой в безжалостном преследовании всю ночь. Пушки, обоз и все военное имущество армии были брошены французами, и многие тысячи пехотинцев побросали свое оружие, чтобы облегчить себе бегство. Земля на многие мили была усеяна обломками их воинства. Арьергарда не было; не было предпринято даже подобия порядка, попытка сопротивления была предпринята у моста и деревни Женаппе, первого узкого прохода, через который отступила основная масса французов. Ситуация была благоприятной; и несколько решительных батальонов, если бы ими умело командовали, могли бы сдерживать своих преследователей там в течение значительного времени. Но отчаяние и паника были теперь всеобщими в разбитой армии. При первых звуках прусских барабанов и горнов Женаппе был оставлен, и ни о чем другом, кроме стремительного бегства, не могло быть и речи. Пруссаки под командованием генерала Гнейзенау все еще преследовали их и все еще убивали; и даже когда прусская пехота остановилась в полном изнеможении, преследование не было прекращено. Гнейзенау все еще продвигался вперед с кавалерией и с помощью хитроумной стратегии заставил французов поверить, что его пехота все еще близко от них, и отпугивал их отовсюду, где они пытались остановиться и передохнуть. Он посадил одного из своих барабанщиков на лошадь, взятую из захваченной кареты Наполеона, и заставил его скакать вместе с преследующей кавалерией и бить в барабан всякий раз, когда они натыкались на большое количество французов. Французы, таким образом, обратились в бегство, а пруссаки преследовали их через Катр-Бра и даже через высоты Фрэсна; и когда, наконец, Гнейзенау натянул поводья и остановился немного за Фрэсном с немногочисленными остатками опытных охотников, которые до последнего поддерживали с ним охоту, французы были рассеяны по Госсели, Маршьену и Шарлеруа; и пытались вернуть себе левый берег реки Самбр, который они с такой помпой и гордостью форсировали менее ста часов назад.

Часть французского левого фланга попыталась сбежать с поля боя, не смешиваясь с основной массой беглецов, запрудивших дорогу в Женаппе. Французский офицер, который был среди тех, кто таким образом отступал через страну к западу от большой дороги, живо описал то, чему он был свидетелем и что он перенес. Полковник Лемонье-Делафосс служил в кампании 1815 года в штабе генерала Фуа и, следовательно, находился в той части французской армии при Ватерлоо,

которая действовала против Угумона и правого крыла британцев. Когда колонна императорской гвардии в конце дня предприняла решительную атаку, войска дивизии Фуа двинулись им на поддержку, и полковник Лемонье-Делафосс описывает уверенные надежды на победу и продвижение по службе, с которыми он двинулся в эту атаку, и ужасную резню и замешательство нападавших, среди которых он был беспомощен, когда его летучие товарищи поспешили назад. Затем он рассказывает заключительную сцену [полковник Лемонье-Делафосс, "Мемуары", стр. 385-405. В приведенном мною переводе есть пропуски и сокращения.]:

"Возле одной из изгородей фермы Угумон, не имея даже барабанщика, чтобы отбивать ритм, нам удалось собрать под огнем противника 300 человек: это было почти все, что осталось от нашей великолепной дивизии, Туда собрался отряд генералов. Здесь был Рейль, под которым была подстрелена лошадь; там были Д'Эрлон, Башелю, Фой, Жамин и другие. Все были мрачны и печальны, как побежденные. Их слова были такими: "Здесь все, что осталось от моего корпуса, от моей дивизии, от моей бригады. Я сам." Мы были свидетелями падения Дюэсма, Пеле-де-Морвана, Мишеля — генералов, которые нашли славную смерть. Моему генералу Фою мушкетной пулей пронзило плечо, и из всего его штаба у него остались только два офицера, Каур Дюхей и я. Судьба пощадила меня посреди стольких опасностей, хотя первый всадник, на котором я ехал, был застрелен и упал на меня.

"Конница противника надвигалась на нас, и наша маленькая группа была вынуждена отступить. "То, что случилось с нашей дивизией на левом фланге, происходило по всей линии фронта. Продвижение вражеской кавалерии, наводнившей всю равнину, деморализовало наших солдат, которые, видя, что все пути регулярного отступления армии отрезаны, стремились каждый добиться своего. С каждым мгновением дорога становилась все более загроможденной. Пехота, кавалерия и артиллерия напирала друг на друга как одна сплошная масса. Представьте себе 40 000 человек, сражающихся и проталкивающих вдоль единственной дамбы. Мы не могли пройти этот путь без разрушений; поэтому генералы, собравшиеся вместе у изгороди Угумон, рассеялись по полям. Генерал Фой остался один с 300 солдатами, которых он подобрал на поле боя, и двинулся во главе их. Нашей заботой было уйти с места боевых действий, не смешиваясь с беглецами. Наш генерал хотел отступить, как настоящий солдат. Увидев на южном горизонте три огонька, похожих на маяки, генерал Фой спросил меня, что я думаю о положении каждого из них. Я ответил: "Первый слева — Женаппе, второй - в Буа-де-Боссю, близ фермы Катр-Бра; третий - у Госсели". "Тогда двинемся на второй, - ответил Фуа, - и пусть никакие препятствия нас не остановят - возглавьте колонну и не теряйте из виду путеводный свет". Таков был его приказ, и я постарался повиноваться.

"После всех волнений и непрекращающегося шума долгого дня битвы, какой внушительной была тишина той ночи! Мы продолжили наш печальный и одинокий марш. Мы были жертвой самых жестоких размышлений, мы были унижены, мы были безнадежны; но не было услышано ни слова жалобы. Мы шли молча, как толпа скорбящих, и можно было бы сказать, что мы присутствовали на похоронах славы нашей страны. Внезапно тишину нарушил вызов: "ЗДРАВСТВУЙ!" - "Франция!" - "Келлерман!" - "Фой!" - "Это ты, генерал?" подойдите ближе к нам." В этот момент мы проезжали над небольшим холмом, у подножия которого стояла хижина, в которой остановились Келлерман и несколько его офицеров. Они вышли, чтобы присоединиться, когда Фой сказал мне: "Келлерман знает эту местность: он уже бывал здесь раньше со своей кавалерией; нам лучше следовать за ним". Но мы обнаружили, что

направление, которое выбрал Келлерман, было к первому лучу солнца, к Генаппе. Она вела к дамбе, которой наш генерал справедливо хотел избежать, я пошел налево, чтобы произвести разведку, и вскоре убедился, что так оно и было. Именно тогда я смог составить полное представление о беспорядке в разбитой армии. Какое отвратительное зрелище! Горный поток, который вырывает с корнем и уносит с собой каждое мимолетное препятствие, является слабым подобием той кучи людей, лошадей, экипажей, несущихся друг на друга; собирающихся перед малейшим препятствием, которое на несколько секунд преграждает им путь, только для того, чтобы образовать массу, которая сокрушает все на пути, который она сама прокладывает. Горе тому, чья опора подвела его во время этого потопа! Он был раздавлен, затоптан до смерти! Я вернулся и рассказал своему генералу о том, что видел, и он немедленно оставил Келлермана и возобновил свой первоначальный марш.

"Держась прямо через страну, через поля и непроходимые заросли, мы наконец добрались до леса Боссю, где сделали привал. Мой генерал сказал мне: "Отправляйся на ферму Катр-Бра и объяви, что мы здесь. Император или Сульт должны быть там. Просите приказаний и помните, что я жду вас здесь. Жизни этих людей зависят от вашей точности. "Чтобы добраться до фермы, мне пришлось пересечь большую дорогу: я был верхом на лошади, но, тем не менее, меня унесла толпа, бежавшая по дороге, и прошло много времени, прежде чем я смог выбраться и добраться до фермы. Генерал Лобау был там со своим штабом, отдыхая в воображаемой безопасности. Они думали, что их войска остановились там; но, хотя была предпринята попытка остановиться, люди вскоре побежали вперед, как и их товарищи из остальной армии. Теперь были слышны выстрелы приближающихся пруссаков; и я полагаю, что генерал Лобау был взят в плен в этом фермерском доме. Я оставил его, чтобы присоединиться к моему генералу, что мне удалось с трудом. Я застал его одного. Его люди, приблизившись к месту массового бегства, заразились общей паникой и тоже обратились в бегство.

- Что оставалось делать? Преследовать эту толпу беглецов? Генерал Фой и слышать об этом не хотел. С ним оставалось пятеро из нас, все офицеры. Он был ранен около пяти часов пополудни, и рана не была перевязана. Он тяжело страдал, но его моральное мужество не было сломлено. "Давайте держаться линии, параллельной большой дороге, - сказал он, - и будем пробиваться отсюда, насколько сможем". Перед нами была тропинка, и мы пошли по ней.

Ярко светила луна и высвечивала всю убогость КАРТИНЫ, представшей нашим глазам. Бригадир и четверо кавалеристов, с которыми мы встретились, составили наш эскорт. Мы двинулись дальше; и по мере того, как шум становился все более отдаленным, я подумал, что мы теряем параллель шоссе. Обнаружив, что луна все больше и больше оказывается слева, я почувствовал уверенность в этом и сообщил об этом генералу. Погруженный в свои мысли, он ничего мне не ответил. Мы подошли к ветряной мельнице и попытались раздобыть какую-нибудь информацию; но нам не удалось ни войти, ни получить какой-либо однозначный ответ, и мы продолжили наше ночное шествие. Наконец мы вошли в деревню, но обнаружили, что все двери перед нами закрыты, и были вынуждены прибегнуть к угрозам, чтобы получить доступ в один-единственный дом. Бедная женщина, которой это принадлежало, скорее мертвая, чем живая, приняла нас так, словно мы были врагами. Прежде чем спросить, где мы, "Еды, дайте хоть немного еды!" - таков был наш крик. Принесли хлеб, масло и пиво, которые вскоре исчезли на глазах у людей, постившихся двадцать четыре часа. Немного придя в себя, мы спрашиваем: "Где мы? как называется эта деревня?" — "Вьевиль".

"Взглянув на карту, я увидел, что, подъезжая к этой деревне, мы слишком сильно наклонились вправо и что мы находились в направлении Монса. Чтобы достичь Самбры у моста Маршьен, нам предстояло пройти четыре лиги, и у нас едва хватило времени преодолеть это расстояние до рассвета. Я заставил деревенского жителя выступить в роли нашего проводника и привязал его руку к моему стремени. Он повел нас через Ру в Маршьен. Бедняга всю дорогу бежал рядом с моей лошадью. Принуждать его было жестоко, но необходимо, ибо у нас не было ни минуты свободной. В шесть утра мы въехали в Маршьен.

- Там был маршал Ней. Наш генерал отправился к нему, чтобы спросить, какие приказы он должен отдать. Ней спал; и вместо того, чтобы лишить его первого за четыре дня отдыха, наш генерал вернулся к нам, так и не повидавшись с ним. И в самом деле, какие приказы мог отдать маршал Ней? Вся армия переправлялась через Самбру, каждый где и сейчас выбирал; кто в Шарлеруа, кто в Маршьене. Мы собирались сделать то же самое. Оказавшись за Самброй, мы могли безопасно остановиться; и люди, и лошади крайне нуждались в отдыхе. Мы прошли через Туин и, найдя небольшую рощицу у дороги, с радостью укрылись в ней. Пока наши лошади паслись, мы легли и уснули. Каким сладким был этот сон после утомительного долгого дня битвы и еще более мучительной ночи отступления! Мы отдыхали в небольшой рощице до полудня и сидели там, наблюдая, как остатки нашей армии дефилируют по дороге перед нами. Это было душераздирающее зрелище! Тем не менее, различные рода войск восстановили определенный порядок среди царившего в них беспорядка, и наш генерал, чувствуя, что силы его восстанавливаются, решил последовать за сильной кавалерийской колонной, которая двигалась в направлении Бомона, примерно в четырех лье от нас. Мы приближались к Бомону, когда внезапно увидели кавалерийский полк, выступающий из леса слева от нас. Колонна, за которой мы следовали, закричала: "Пруссаки! пруссаки!" и ускакали в полном беспорядке. Войска, которые их так встревожили, не составляли и десятой части их численности, а на самом деле были нашим собственным 8-м гусарским полком, который носил зеленую форму. Но паника была поднята даже так далеко от поля боя, и дезорганизованная колонна галопом ворвалась в Бомон, который уже был переполнен нашей пехотой. Мы были вынуждены следить за этим РАЗГРОМОМ. Въехав в Бомон, мы выбрали дом превосходного вида и потребовали у его хозяйки чего-нибудь выпить для генерала. "Увы! - сказала дама. - Это десятый генерал, который был в этом доме с сегодняшнего утра. У меня ничего не осталось. Поищите, если вам угодно, и увидите. "Хотя я не смог найти еды для генерала, я убедил его снять пальто и позволить мне осмотреть его рану. Пуля прошла сквозь изгибы левого эполета и, пробив кожу, прошла вокруг плеча, не повредив кость. Хозяйка дома приготовила для меня немного корпии, и без особого хирургического мастерства мне удалось перевязать рану.

"Все еще стремясь раздобыть немного еды для генерала и для нас самих, хотя бы буханку хлеба для боеприпасов, я вышел из дома и поехал верхом в город. Я видел, что грабеж продолжался во всех направлениях: открытые кессоны, разобранные и наполовину сломанные, загромождали улицы. Тротуар был завален награбленным и порванным багажом. Мародеры и беглецы - таковы были все товарищи, с которыми я встречался. Испытывая к ним отвращение, я попытался с мечом в руке остановить одного изграбителей; но он был более проворен, чем я, и нанес мне штыковой удар в левую руку, которым я, к счастью, отразил его выпад, направленный прямо в мое тело. Он исчез в толпе, сквозь которую я не мог пробиться на своей лошади. Мой дух дисциплины заставил меня забыть, что в таких обстоятельствах солдат - всего лишь дикий зверь. Но быть раненым соотечественником после того, как невредимым прошел через все опасности Катр-Бра и Ватерлоо! — Это действительно казалось тяжелым. Я пытался вернуться к

генералу Фою, когда другая орда летунов ворвалась в Бомон, увлекла меня в поток своего полета и поспешила увести из города вместе с собой. Пока я не получил ранения, я сохранял свое моральное мужество в полной силе; но теперь, измученный усталостью, покрытый кровью и испытывающий сильную боль от раны, я признаю, что поддался общей деморализации и позволил себе вяло плестись вместе с несущейся массой. Наконец я добрался до Ландреси, хотя и не знаю, как и когда. Но я нашел там нашего полковника Харди, который остался там из-за случайной травмы, полученной при падении в экипаже. Он взял меня с собой в Париж, где я уединился со своей семьей и залечил свою рану, ничего не зная об остальных политических и военных событиях, которые происходили".

Никогда не подсчитывались потери Франции в битве при Ватерлоо; но они, должно быть, были огромны, и о них можно частично судить по количеству убитых и раненых в армиях победителей. Официальные свидетельства как Пруссии, так и Великобритании по этому вопросу, несомненно, полны и достоверны. Цифры ужасно красноречивы.

Из армии, сражавшейся под командованием герцога Веллингтона, почти 15 000 человек были убиты и ранены в этот единственный день сражения. Семь тысяч пруссаков также пали при Ватерлоо. Такой страшной ценой было куплено освобождение Европы.

Никто так остро не ощущал тяжесть этой потери, как сам наш великий освободитель. Как можно видеть из рассказа майора Макреди, герцог, пока бушевала битва, не выказывал никаких признаков волнения при виде самых ужасных потерь; но, когда все было кончено, вид кровавой бойни, которой было покрыто поле боя, и еще более отвратительное зрелище агонии раненых, которые лежали, стоная от своих страданий, тысячами и десятками тысяч, тяжело повлияли на дух победителя, когда он возвращался на место сражения. Добравшись до своей штаб-квартиры в деревне Ватерлоо, герцог с тревогой осведомился о многочисленных друзьях, которые были рядом с ним утром и к которым он был тепло привязан. Многие, как ему сказали, были мертвы; другие лежали живые, но искалеченные и страдающие, в домах вокруг него. Только по собственным словам нашего героя можно адекватно передать его чувства. В письме, написанном им почти сразу после возвращения с поля боя, он так выразился: "Мое сердце разбито ужасной потерей, которую я понес в моих старых друзьях и товарищах, а также в моих бедных солдатах. Поверьте мне, ничто, кроме проигранного сражения, не может быть и в половину таким печальным, как выигранное сражение; храбрость моих войск до сих пор спасала меня от большего зла; но выиграть такое сражение, как при Ватерлоо, ценой стольких доблестных друзей, можно было бы назвать тяжелым несчастьем, если бы не результат для общества".

Не часто бывает, чтобы успешный генерал в современной войне был призван, подобно победоносному командующему древнегреческими армиями, вручить награду за выдающуюся доблесть одному из своих солдат. Так было в какой-то степени и в отношении битвы при Ватерлоо. В августе 1818 года английский священник предложил выплатить небольшую ренту какому-нибудь солдату при Ватерлоо, который будет назван герцогом. [Сиборн, том I, стр. 391.] Герцог попросил сэра Джона Бинга выбрать человека из 2-й гвардейской бригады, которая так высоко отличилась при обороне Угумона. Было много доблестных кандидатов, но выборы пали на сержанта Джеймса Грэхема из легкой роты Колдстримов. Этот храбрый человек проявил себя в течение всего дня при защите этого важного поста, и особенно в критической борьбе,

которая развернулась в тот период, когда французам, овладевшим лесом, фруктовым садом и отдельно стоящим садом, удалось взломать ворота внутреннего двора самого замка и ворваться внутрь большими массами, уверенными, что они все разнесут перед собой. Несколько минут между ними и гвардейцами продолжался рукопашный бой самого отчаянного характера, но в конце концов британские штыки одержали верх. Почти все французы, ворвавшиеся внутрь, были убиты на месте; и, когда немногие уцелевшие побежали назад, пятеро гвардейцев, полковник Макдоннелл, капитан Уиндхэм, энсин Гуч, энсин Херви и сержант Грэхем, используя только силу, снова закрыли ворота, несмотря на усилия французов снаружи, и эффективно забаррикадировали их от дальнейших нападений. Из-за стены с бойницами во внутреннем дворе английский гарнизон теперь вел смертоносный ружейный огонь, на который французы яростно отвечали, столпившись вокруг ограда, как хищные волки. Снаряды с их батарей тоже быстро падали на осажденную территорию, один из которых поджег часть особняка и несколько пристроек. Грэхем, который в это время стоял у стены рядом с полковником Макдоннеллом и который проявил величайшую стойкость и мужество, теперь попросил разрешения своего командира удалиться на минутку. Макдоннелл ответил: "Конечно, Грэхем, но я думаю, тебе следует попросить разрешения прямо сейчас". Грэхем ответил: "Я бы не стал, сэр, только мой брат ранен, и он находится вон в той пристройке, которая только что загорелась". Отложив мушкет, Грэхем подбежал к пылающему месту, поднял своего брата и положил его в канаву. Затем он вернулся на свой пост и снова применил мушкет против французов, прежде чем его отсутствие заметили, за исключением его полковника.

Сохранилось много историй о личной доблести, но из всех храбрецов, которые были в британской армии в тот знаменательный день, никто не заслуживает большей чести за мужество и несгибаемую решимость, чем сэр Томас Пиктон, который, как уже упоминалось, пал при отражении мощной атаки французов на британский левый центр. Только после того, как мертвое тело было осмотрено после битвы, был обнаружен полный героизм Пиктона. 16-го числа при Катр-Бра он был ранен мушкетной пулей, которая сломала ему два ребра и вызвала также серьезные повреждения внутренних органов; но он скрыл это обстоятельство, очевидно, ожидая, что вскоре произойдет другое, более масштабное сражение, и желая избежать того, чтобы его попросили удалиться с поля боя. Его тело почернело и распухло от раны, которая, должно быть, причиняла сильную и непрекращающуюся боль; и было удивительно, как его дух поддерживал его и позволял принимать участие в тяжелых полевых работах. Пуля, которая 18-го числа убила знаменитого заряжающего "боевой дивизии" полуострова, вошла в голову около левого виска и прошла через мозг; так что смерть Пиктона, должно быть, была мгновенной.

Одним из самых интересных рассказов о личном приключении при Ватерлоо является рассказ полковника Фредерика Понсонби из 12-го легкого драгунского полка, который был тяжело ранен, когда бригада Венделера, к которой он принадлежал, атаковала французских улан, чтобы отбросить бригаду Союза, которая отступала после своей памятной атаки. [См. стр. 361 ВЫШЕ.] 12-й полк, как и те, кого они спасли, продвинулся гораздо дальше по французским позициям, чем того требовало благоразумие. Понсонби, как и многие другие, был пронзен копьями резервом польских улани оставлен умирать на поле боя. Уместно обратиться к описанию того, что он перенес (как он изложил это впоследствии, когда почти чудесным образом оправился от своих многочисленных ран), потому что его судьба, или, что еще хуже, была судьбой еще тысяч людей; и потому что рассказ о муках отдельного человека, с которым мы можем отождествлять себя, всегда ближе к нам, чем общее описание страданий целых масс. Его рассказ может заставить нас вспомнить, каковы ужасы войны, а также ее величие. Следует

помнить, что операции, на которые он ссылается, происходили около трех часов дня и что бои продолжались по меньшей мере еще пять часов. После описания того, как он и его люди атаковали французов, с которыми они впервые столкнулись, и пошли против других врагов, он заявляет: —

"Не успели мы миновать их, как сами были атакованы, прежде чем смогли построиться, примерно 300 польских улан, поспешивших к ним на помощь; французская артиллерия открыла по нам шквальный огонь, хотя за одного нашего человека они убили троих своих.

"В РУКОПАШНОЙ СХВАТКЕ я почти мгновенно был искалечен в обеих руках, потеряв сначала свой меч, а затем поводья, и за мной последовало несколько человек, которые вскоре были изрублены, пощады не было ни у кого, ни спрошено, ни дано, меня несла моя лошадь, пока, получив удар саблей, я без чувств не упал лицом на землю.

Придя в себя, я немного приподнялся, чтобы оглядеться, будучи в то время, по-моему, в состоянии вскочить и убежать; как вдруг проходивший мимо улан крикнул: "Ты не погиб, кокен!" - и пронзил своим копьем мою спину. Моя голова опустилась, кровь хлынула мне в рот, стало трудно дышать, и я подумал, что все кончено.

"Вскоре после этого (время было невозможно измерить, но я, должно быть, упал менее чем через десять минут после начала) какой-то грабитель остановился, чтобы ограбить меня, угрожая моей жизни. Я указал ему на маленький боковой карман, в котором он нашел три доллара, все, что у меня было; но он продолжал угрожать, и я сказал, что он может меня обыскать; что он и сделал немедленно, развязав мой запас и разорвав жилет, оставив меня в очень неловкой позе.

Но не успел он уйти, как офицер, подтянувший какие-то войска, к которым, вероятно, принадлежал тиральщик, и случайно остановившийся там, где я лежал, наклонился и обратился ко мне, сказав, что, по его опасению, я тяжело ранен; я ответил, что да, и выразил желание отойти в тыл. Он сказал, что это противоречило их приказу выводить даже своих людей; но что, если они одержат победу (а он знал, что герцог Веллингтон был убит и что некоторые из наших батальонов сдались), мне будет оказано все возможное внимание, какое в его силах. Я пожаловался на жажду, и он поднес к моим губам бутылку бренди, приказав одному из солдат уложить меня прямо на бок и подложить мне под голову рюкзак. Затем он перешел к активным действиям — возможно, вскоре, чтобы захотеть такой же помощи, хотя и не получить ее; и я никогда не узнаю, чьей щедрости я был обязан, как я полагаю, своей жизнью. Какого он был звания, я не могу сказать: на нем был большой сюртук. Мало-помалу подошел еще один тиральер, красивый молодой человек, полный энтузиазма. Он опустился на колени и стрелял поверх меня, много раз заряжая и стреляя, и все это время разговаривал со мной". Француз со странным хладнокровием сообщил Понсонби о том, как он стрелял и что он думает о ходе сражения. Наконец он убежал, воскликнув: "Вы, вероятно, не огорчитесь, узнав, что мы собираемся отступить. Добрый день, мой друг. "Уже смеркалось, - добавляет Понсонби, - когда два эскадрона прусской кавалерии, каждый в два отряда, пересекли долину и на полной рыси пронеслись надо мной, оторвав меня от земли и жестоко швырнув на землю. Грохот их приближения и опасения, которые они вызвали, можно себе представить; выстрел, направленный в том направлении, должно быть, уничтожил меня.

"Теперь битва подошла к концу или отошла на некоторое расстояние. Крики, проклятия, возгласы "Да здравствует Император!", стрельба из мушкетов и пушек прекратились, и стоны раненых вокруг меня с каждым мгновением становились все слышнее. Я думал, эта ночь никогда не кончится.

Примерно в это же время я обнаружил Королевского солдата, лежащего у меня в ногах: вероятно, он в агонии дополз туда; и его вес, конвульсивные движения и воздух, выходящий через рану у него в боку, сильно огорчили меня; последнее обстоятельство больше всего, поскольку у меня самого была рана такого же характера. Ночь была неглубокая, и пруссаки бродили по окрестностям, занимаясь грабежом; мне вспомнилась сцена из "Фердинанда, графа Фатхома", хотя женщин там не было. Несколько отставших посмотрели на меня, проходя мимо, один за другим, и наконец один из них остановился, чтобы рассмотреть меня. Я сказал ему, насколько мог, поскольку очень плохо говорил по-немецки, что я британский офицер и меня уже ограбили; однако он не остановился и грубо оттащил меня в сторону.

"За час до полуночи я увидел человека в английской форме, идущего ко мне. Я подозреваю, что у него было то же поручение, и он подошел и посмотрел мне в лицо. Я немедленно заговорил, сказав ему, кто я такой, и заверив его в награде, если он останется со мной. Он сказал, что принадлежал к 40-му и пропустил свой полк; он освободил меня от умирающего солдата и, будучи безоружным, поднял с земли меч и встал надо мной, расхаживая взад и вперед.

"Наступил день, и в шесть часов утра вдалеке показались какие-то англичане, и он побежал к ним. Когда посыльного отправили в Херви, за мной приехала повозка, меня посадили в нее и отвезли в деревню Ватерлоо, в полтора милях отсюда, и уложили в постель, из которой, как я понял впоследствии, только что вынесли Гордона. Я получил семь ранений; хирург спал в моей комнате, и меня спасло сильное кровотечение".

Майор Макреди в уже цитированном дневнике [см. ВЫШЕ, стр. 368.] справедливо восхваляет глубокую преданность своему императору, которая отличала французов при Ватерлоо. Действительно, никогда еще национальная храбрость французского народа не проявлялась так благородно. Видели, как один солдат во французских рядах, когда ему раздробило руку пушечным ядром, оторвал ее другой рукой и, подбросив ее в воздух, воскликнул своим товарищам: "Да здравствует Император, оправдавший свою смерть!" Полковник Лемонье-Делафосс упоминает в своих Мемуарах [стр. 388.], что в начале боя французского солдата, которому пушечным ядром оторвало обе ноги, пронесли мимо фронта дивизии Фуа, и он крикнул им: "Ca n'est rien, товарищи; Да здравствует Император! Gloire a la France!" Тот же офицер в конце сражения, когда всякая надежда была потеряна, рассказывает нам, что он видел французского гренадера, почерневшего от пороха, в разорванной и испачканной одежде, опирающегося на свой мушкет и неподвижного, как статуя. Полковник крикнул ему, чтобы он присоединился к своим товарищам и отступал; но гренадер показал ему свой мушкет и свои руки и сказал: "В этих руках к этому мушкету, использованному сегодня, более двадцати пачек патронов: это было больше, чем на мою долю: я запасаюсь боеприпасами с убитых. Оставьте меня умирать здесь, на поле битвы. Меня покидает не храбрость, а сила". Затем, когда полковник Делафосс покинул его, солдат растянулся на земле навстречу своей судьбе, восклицая: "Tout est perdu! pauvre France!" Галантность французских офицеров, по крайней мере, не уступала галантности их солдат. Нет, в частности, подавал пример самой отважной отваги. Здесь, как и в любой французской армии, в которой он когда-либо служил или

командовал, он был "храбрецом из храбрецов". В течение всего дня он находился в авангарде сражения и был одним из самых последних французов, покинувших поле боя. Его лошадь была убита под ним во время последней атаки на позиции англичан; но его видели пешим, в разорванной пулями одежде, с лицом, перепачканным порохом, с мечом в руке, пытающимся сначала подтолкнуть своих людей вперед, а затем остановить их бегство.

Был еще один храбрый генерал французской армии, чья доблесть и хорошее поведение в тот катастрофический для его страны день никогда не должны остаться незамеченными, когда рассказывается история Ватерлоо. Это был генерал Поле, который около семи часов вечера повел первый батальон 2-го гвардейского егерского полка на защиту Планшенуа; и которому Наполеон лично втолковывал глубокую важность удержания этой деревни. Пеле и его люди заняли свой пост в центральной части деревни и большими силами заняли церковь и погост. Там они отражали каждую атаку пруссаков, которые в быстро увеличивающемся количестве устремлялись вперед с яростным упорством. Они удерживали свой пост до тех пор, пока не стало очевидным полное поражение основной армии их товарищей, и победоносные союзники не столпились вокруг Планшенуа. Когда Пеле и его храбрые егеря покинули церковный двор и отступили ровным маршем, хотя они ужасно страдали с того момента, как покинули свое убежище, прусская кавалерия, а также пехота яростно бросились за ними в погоню. Пеле собрал небольшую группу из 250 ветеранов, прикрыл орла и нес его посреди них. В какой-то момент неравномерность местности заставила его ряды немного расступиться, и в одно мгновение прусский всадник оказался на них, стремясь поймать орла. Капитан Сиборн рассказывает о поведении Пеле с восхищением, достойным одного храброго солдата по отношению к другому:

Пеле, воспользовавшись участком местности, который давал им некоторое прикрытие от картечного огня, которым они постоянно подвергались, остановил знаменосца и крикнул: "Мои егеря! *sauvons l'aigle ou mourons autour d'elle!*" Егеря немедленно окружили его, образовав то, что обычно называют сплоченным каре, и, опустив штыки, преуспели в отражении атаки кавалерии. Затем по ним было пущено в ход несколько орудий, а затем начался оживленный ружейный огонь; но, несмотря на ужасную жертву, которая была принесена таким образом для защиты их драгоценной атаки, им удалось достичь главного пути отступления, чему способствовали всеобщее замешательство, а также общая темнота, которая теперь царила; и таким образом они спасли как орла, так и честь полка".

Французские писатели несправедливы к своей собственной армии и генералу, когда они возобновляют злобную клевету на Веллингтона и говорят о том, что он наугад добился победы. Ни один грубый человек не смог бы успешно противостоять таким войскам, как у Наполеона, и под командованием такого лидера. Излишне приводить против этих придилок свидетельства других континентальных критиков о высоком военном гении нашего прославленного вождя. Я ссылаюсь только на один, представляющий особую ценность из-за того, откуда он исходит. Это книга великого немецкого писателя Нибура, чье точное знакомство с каждой важной сценой современной, а также древней истории не имело себе равных; и который был не просто педантом, но человеком, практически сведущим в активной жизни, и был лично знаком с большинством ведущих людей, участвовавших в великих событиях начала нынешнего столетия. Нибур в отрывке, на который я ссылаюсь, [Римская история, т. v., стр. 17.] после упоминания о военных "промахах" Митридата, Фридриха Великого, Наполеона, Пирра и Ганнибала, использует эти замечательные слова: "Герцог Веллингтон, я полагаю, единственный

полководец, в ведении войны которым мы не можем обнаружить какой-либо важной ошибки". Нельзя сказать, что заслуги герцога были просто отрицательного порядка или что он был просто осторожным, флегматичным генералом, пригодным только для оборонительной войны, как описывают его некоторые недавние французские историки. Напротив, он был смел даже до дерзости, когда смелость требовалась. "Бесстрашное наступление и битва при Ассайе, переправа через Дору и наступление на Талаверу в 1809 году, наступление на Мадрид и Бургос в 1812 году, действия под Байонной в 1813 году и отчаянная оборона при Ватерлоо, когда более послушные и благоразумные генералы отступили бы за пределы Брюсселя, не оставляют сомнений в этом". [См. Замечательную параллель между Веллингтоном и Мальборо в конце книги сэра Арчибальда Элисона "Жизнь герцога Мальборо". Сэр Арчибальд справедливо считает Веллингтона более отважным генералом из двух.]

Свержение французской военной мощи при Ватерлоо было настолько полным, что последующие события этой короткой кампании представляют мало интереса. Ламартин справедливо говорит: "Это поражение не оставило ничего нерешенного в будущих событиях, ибо победа определила ход событий. Война началась и закончилась в одном сражении". Сам Наполеон мгновенно и полностью осознал смертельный характер удара, который был нанесен его империи. Убегая с поля битвы, он сначала остановился в Шарлеруа, но приближение преследующих его пруссаков прогнало его оттуда прежде, чем он успел отдохнуть там час. С трудом оторвавшись от остатков своей собственной армии, он добрался до Филиппвиля, где пробыл несколько часов, и разослал приказ французским генералам в различных концах Франции сойтись со своими войсками на Париж. Он приказал Сульту собрать беглецов из своего отряда и повести их в Лан. Затем он поспешил в Париж и прибыл в свою столицу до того, как стало известно о его собственном поражении. Но вскоре выяснилась суровая правда. По требованию Палат пэров и представителей он оставил трон вторым и окончательным отречением 22 июня. 29 июня он покинул окрестности Парижа и направился в Рошфор в надежде бежать в Америку; но за побережьем велось строгое наблюдение, и 15 июля бывший император сдался на борту английского военного корабля "Беллерофонт".

Тем временем союзные армии неуклонно продвигались к Парижу, оттесняя перед собой корпус Груши и те скудные силы, которые Сульту удалось собрать в Лане. Камбре, Перонна и другие крепости были быстро захвачены, и к 29 июня захватчики заняли свои позиции перед Парижем. Временное правительство, действовавшее во французской столице после отречения императора, начало переговоры с главнокомандующими союзников. Блюхер, в своей неутолимой ненависти к французам, был готов отвергнуть все предложения о приостановке военных действий и штурмовать город. Но сдержанный и спокойный дух Веллингтона возобладал над его коллегой; перемирие, о котором он просил, было заключено, и 3 июля капитуляция Парижа положила конец войне в битве при Ватерлоо.

Завершая наши наблюдения над этой последней из решающих битв Мира, приятно сравнить год, который она ознаменовала, с годом, который сейчас [Написан в июне 1851 г.] проходит над нашими головами. У нас нет (и, возможно, долго не будет) сурового возбуждения военной борьбы, и мы не видим, чтобы захваченные штандарты наших европейских соседей с триумфом приносили к нашим святыням. Но мы созерцаем зрелище бесконечно более гордое. Мы видим знамена каждой цивилизованной нации, развевающиеся над ареной нашего соревнования друг с другом в искусстве, которое служит поддержке и счастью нашей расы, а не ее страданиям и разрушению.

"Мир одерживает победы
Не менее известные, чем война"

и ни одно поле битвы никогда не было свидетелем более благородной победы, чем та, которой Англия под руководством своей Суверенной особы и своего Августейшего принца учит народы земли побеждать эгоистичные предрассудки и международную вражду во имя великого дела общего развития промышленности и благосостояния человечества.